Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Матвеева Елена Юрьевна

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДОГОВОРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

5.1.3. Частно–правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Научный консультант — Ручкина Гульнара Флюровна,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

Москва – 2024

Оглавление

Введение 4

Глава 1 Система специальных договорных конструкций: строение и состав 30

1.1 Методологические подходы к построению системы специальных договорных конструкций 30

1.2 Специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор 45

1.3 Специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору 87

1.4 Специальные договорные конструкции: система и систематизация .. 104

Глава 2 Специальные договорные конструкции в системе категориально–понятийного аппарата науки гражданского права 118

2.1 Термин «специальная договорная конструкция» 118

2.2 Специальная договорная конструкция – определение понятия 132

2.3 Специальные договорные конструкции как категория гражданского права 145

Глава 3 Становление системы специальных договорных конструкций в отечественном гражданском праве 161

3.1 Специальные договорные конструкции в гражданском праве Российской Империи и в дореволюционной цивилистике 162

3.2 Специальные договорные конструкции в советском гражданском праве и советской цивилистике 175

3.3 Специальные договорные конструкции в современном российском гражданском праве и цивилистике 212

Глава 4 Специальные договорные конструкции как правовые средства 232

4.1 Специальные договорные конструкции как правовые средства, обеспечивающие рационализацию гражданско–правового оборота 233
4.2 Специальные договорные конструкции, как правовые средства, регулирующие стадии основного договора 250
4.3 Специальные договорные конструкции и существенные условия основного договора 265
4.4 Деление специальных договорных конструкций по критерию обязательности применения 271
4.5 Специальные договорные конструкции как основание дихотомического деления гражданско-правовых договоров..... 279
Глава 5 Взаимодействие специальных договорных конструкций 303
5.1 Режимы взаимодействия специальных договорных конструкций..... 303
5.2 Специальные договорные конструкции, совместимые в основном договоре 311
5.3 Специальные договорные конструкции, не совместимые в одном основном договоре..... 348
Заключение 356
Список литературы 362

Введение

Актуальность темы исследования. Сегодня перед наукой гражданского права стоит множество важнейших задач, среди которых – доктринальное осмысление результатов кардинальных изменений, которые привнесла в правовую действительность реформа гражданского законодательства, проведенная в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» и Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации. При проведении реформы гражданского законодательства радикальным образом была изменена система специальных договорных конструкций (далее – СДК) посредством кодификации новых правовых институтов и внесения изменений в нормы о ранее кодифицированных специальных договорных конструкциях.

Изменение законодателем правовых режимов предварительного договора, публичного договора, договора присоединения требует от науки и правоприменителя постижения сути внесенных корректив, переосмысления и актуализации ранее выработанных подходов к применению на практике данных правовых институтов. Кодификация таких новых специальных договорных конструкций как опцион на заключение договора, опционный договор, договор с исполнением по требованию (абонентский договор) и договор с открытыми условиями (рамочный договор) обусловила появление в пореформенный период новых направлений для научного поиска, создала потребность в толковании законодательных новаций, в разрешении судебной практикой множества вопросов, которые возникли в связи с применением в договорных отношениях новых конструкций.

Значимость исследования обусловлена необходимостью доктринального осмысления специальных договорных конструкций, как совокупности

правовых средств, направленных на повышение эффективности правового регулирования гражданского оборота.

Актуальность темы диссертации проявляется в следующих аспектах.

Социально–экономический аспект. Гражданский оборот является фундаментом рыночной экономики. Значение и востребованность специальных договорных конструкций для участников гражданского оборота состоит в том, что СДК создают правовую основу для использования юридических приемов, приспосабливающих право к изменениям общественных отношений, позволяют сторонам договорного обязательства сконструировать договорное отношение в наиболее оптимальном варианте, отвечающем их законным интересам.

Политико–правовой аспект. Политико–правовая ценность специальных договорных конструкций заключается в том, что они являются правовыми средствами, направленными на обеспечение правовым регулированием значимых для государства целей, принципов и начал, таких как защита публичных интересов, защита слабой стороны, недопущение злоупотребления правом, защита законных интересов третьих лиц, свобода договора, равенство участников гражданско-правовых отношений, обеспечение конкуренции в контрактной системе.

Правоприменительный аспект. Единственным обзорным документом, разъясняющим вопросы применения норм ГК РФ о специальных договорных конструкциях, является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». На сегодняшний момент его содержание не охватывает всех вопросов применения положений о специальных договорных конструкциях. В то же время перед судами регулярно встают задачи разрешения вопросов, исследованных в диссертации: приоритета действия

норм о специальных договорных конструкциях; квалификации договоров как рамочных, абонентских, опционных, заключенных присоединением; вопросы конкуренции норм при применении в одном гражданско–правовом договоре двух разных специальных договорных конструкций, о пределах применения специальных договорных конструкций.

Правотворческий аспект. После принятия Федерального закона от 08.03.2015 № 42–ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в нормы ГК РФ, посвященные специальным договорным конструкциям изменения и дополнения, не вносились. Единственным исключением является внесение в 2017 году изменений в статью 426 ГК РФ, уточняющее применение положений о публичном договоре к договору перевозки пассажира. Вместе с тем, учитывая, что доктрина последних лет все чаще квалифицирует государственный (муниципальный) контракт как специальную договорную конструкцию, напрашивается вывод о целесообразности внесения соответствующих положений в общую часть ГК РФ. Существует необходимость в корректировке положений ст. 429.4 ГК РФ, ст. 426 ГК РФ. Данные обстоятельства свидетельствуют о важности обращения внимания законодателя на актуальные проблемы совершенствования правового регулирования специальных договорных конструкций, что подразумевает значимость доктринального обоснования направлений такого совершенствования.

Доктринальный аспект. Правовая природа отдельных специальных договорных конструкций является предметом научных дискуссий в современной доктрине. Разнополярные мнения сложились относительно правовой природы многих правовых институтов: предварительного договора, абонентского договора, рамочного договора, опционного договора, опциона на заключение договора, государственного контракта. Как следствие, авторские подходы ученых, предпринявших попытку составить перечень

специальных договорных конструкций не совпадают, данный вопрос остается дискуссионным и открытым.

Несмотря на несомненный интерес научного сообщества к специальным договорным конструкциям, ученые как правило рассматривают СДК дифференцированно, посвящая свои исследования какому–то конкретному правовому институту. Попытки категориального осмысления совокупности специальных договорных конструкций, дающих о них знание в системной форме до настоящего времени в доктринальных исследованиях не предпринято.

Специальные договорные конструкции являются правовыми средствами, нормативно наделяющими основной гражданско–правовой договор особыми условиями заключения или исполнения. С этой позиции несомненную значимость приобретает необходимость научной систематизации критериев влияния той или иной специальной договорной конструкции на гражданско-правовые договоры.

Наукой гражданского права недостаточно изучен характер специальных договорных конструкций как видообразующего правового феномена, в то время как специальные договорные конструкции несут за собой явно определяемые основания дихотомического деления гражданско-правовых договоров, аналогично делению договоров на возмездные и безвозмездные, реальные и консенсуальные и т.д. Системное осмысление специальных договорных конструкций как правового явления, определяющего критерии дихотомического деления гражданско-правовых договоров видится автору как важная научная задача.

В науке гражданского права недостаточно внимания уделено возможностям совместного применения специальных договорных конструкций. Важность исследования сочетаемости, совместимости специальных договорных конструкций в одном договорном обязательстве

определяется потребностями правоприменительной практики. Как показано в исследовании, суды при рассмотрении конкретных дел решают вопрос о том, применяются ли положения о той или иной договорной конструкции к рассматриваемым договорам, попадает ли договор под режим той или иной специальной договорной конструкции. Таким образом, при совмещении в одном обязательстве нескольких специальных договорных конструкций всегда возникает вопрос применения правовых норм и их возможного конфликта.

Особое значение имеет изучение специальных договорных конструкций в аспекте их исторического генезиса, поскольку все специальные договорные конструкции были объективизированы позитивным правом как результат развития общественных отношений, внедрения в хозяйственный оборот новых правовых моделей и связей, что отражает эволюцию регулятивного потенциала гражданского права.

Степень разработанности темы исследования. Основы понимания современных СДК были заложены в отечественной дореволюционной цивилистике следующими учеными: А.Х. Гольмстен, Д.Д. Гримм, А.Г. Гойхбарг, Н.Л. Дювернуа, В.Л. Исаченко, Д.И. Мейер, А.М. Нолькен, К.П. Победоносцев, И.А. Покровский, А.А. Симолин, В.И. Синайский, Л.С. Таль, И.Н. Трепицын, И.М.Тютрюмов, П.П. Цитович, Г.Ф. Шершеневич и др.

Советская цивилистика не внесла весомого вклада в разработку положений о СДК. Вместе с тем, к изучению правовых институтов, которые современной доктриной относятся к специальным договорным конструкциям обращались: М.М. Агарков, С.И. Аскназий, К.М. Варшавский, Ф.И. Вольфсон, В.М. Гордон, Ф.В. Дьяков, С.Н. Ландкоф, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий, Б.М. Рубинштейн, П.И. Стучка, В.И. Серебровский, Б.Б. Черепахин и др.

На современном этапе развития цивилистики к специальным договорным конструкциям как к комплексу правовых институтов обращались в своих трудах следующие ученые: В.В. Витрянский, М.К. Сулейменов, Т.С. Гудовских, Р.Ф. Мустафин, М.Н. Малеина, О.С. Юренкова, Ю.В. Татаренко.

СДК не могут быть рассмотрены без анализа общих положений о гражданско-правовых договорах, которые исследовались в том числе в трудах Л.В. Андреевой, Т.Ю. Астаповой, А.А. Ананьевой, Г.З. Ахметовой, Е.А. Батлера, А.А. Батуриной, В.А. Белова, О.А. Беляевой, Т.В. Богачевой, Е.В. Богданова, М.И. Брагинского, Е.В. Вавилина, Л.Ю. Василевской, Е.В. Васьковского, В.В. Витрянского, А.М Гатина, Б.М. Гонгало, В.П. Грибанова, С.П. Гришаева, А.А. Громова, В.В. Груздева, Т.В. Дерюгиной, А.В. Демкиной, В.С. Ема, Л.Г. Ефимовой, С.С. Занковского, И.А. Зенина, А.И. Иванчака, М.Н. Илюшиной, А.Ю. Кабалкина, Л.С. Капицы, А.Г. Карапетова, М.Ф. Казанцева, А.Е. Кирпичева, Н.В. Козловой, Е.В. Комковой, П.В. Крашенинникова, О.А. Кузнецовой, М.И. Кулагина, В. В. Кулакова, Р.Б. Куличева, К. К. Лебедева, А.Л. Маковского, С.В. Матиящук, А.А. Мелькина, С.Ю. Морозова, В.Г. Нестолия, Н.Н. Остроумова, В.А. Писчикова, А. С. Райникова, А.С. Ротаря, О.С. Рузаковой, Г.Ф. Ручкиной, Ю.В. Романца, А.В. Рыжика, А.И. Савельева, О.Н. Садикова, В.А. Сапуна, С.В. Сарбаша, О.Б. Сиземовой, О.А. Серовой, Е.Е. Степановой, Ю.А. Тарасенко, С.Ю. Филипповой, Ю.Б. Фогельсона, В.А. Хохлова, Н.Ю. Челышевой, А.Ю. Чурилова, И.С. Шиткиной, В. Ф. Яковлева и др.

Многие диссертационные исследования посвящены отдельным специальным договорным конструкциям.

Договору в пользу третьих лиц посвящены исследования Н.С. Ковалевской, М.К. Кроз, И.В. Киселя, Ю.Ю. Захарова, М.А. Милькова, А.Ю. Чурилова и др.

Изучению договора присоединения посвятили свои труды такие ученые как: А.В. Цыпленкова, Д.В. Мечетин, Л.С. Капица и др.

Публичный договор определили предметом исследований: Г.А.Калашникова, Е.А. Мищенко, С.Н. Костикова, О.С. Левченко, С.К. Идрышева, Е.А. Величкина, Б.В. Бальжиров и др.

Государственному (муниципальному) контракту посвятили исследования следующие авторы: Я.Б. Гребенщикова, В.В. Ерин, С.Е. Жук, Н.Н. Заботина, А.Е. Кирпичев, О.Н. Колесник, Н.А. Курц, Е.А. Малыхина, М.С. Соловьев, И.В. Балтутите, Ф.А. Тасалов; К.И. Фамиева, М.В. Шмелева, Д.А. Чваненко, И.Г. Яковлева и др.

Предварительный договора стал темой исследований таких ученых, как: М.Н. Илюшина, А.С. Ротарь, М.Р. Каримов, М.Ф. Ермошина, Ю.В. Шанаурина, Ю.Г. Серова, А.В. Васильев, П.А. Меньшенин, Д.В. Майдаровский, А.В. Максименко, Б.И. Салимзянов, В.Э. Полякова, О.В. Шполтаков и др.

Рамочный договор (договор с открытыми условиями) как специальная договорная конструкция изучался в исследованиях следующими авторами: Г.Н. Орлов, В.И. Татаренко, А.В. Максименко, Б.И. Салимзянов, Е.О. Ганева, М.Д. Майдаровский, Т.С. Гудовских, Р.Ф. Мустафин, Ю.С. Романец, С.А. Тюрина, О.С. Юренкова, Е.Б. Подузова, С.Ю. Морозов и др.

Опционные соглашения как специальные договорные конструкции рассмотрены в исследованиях Г.Н. Орлова, В.И. Татаренко, Р.Ф. Мустафина, М.Д. Майдаровского, Т.С. Гудовских, Е.О. Ганевой, С.Ю. Морозова, Ю.С. Романца, О.С. Юренковой, Е.Б. Подузовой и др.

Абонентский договор как специальная договорная конструкция исследовался следующими учеными: В.В. Кванина, Г.Н. Орлов, В.И. Татаренко, Р.Ф. Мустафин, М.Д. Майдаровский, Т.С. Гудовских, Е.О. Ганева, С.Ю. Морозов, Ю.С. Романец, О.С. Юренкова, Е.Б. Подузова и др.

Вопросы категоризации и комплексного изучения СДК как системы правовых институтов в доктрине не получили должного внимания. Для науки гражданского права является назревшим решение проблемы осуществления всестороннего анализа новой совокупности СДК, выработки концептуальных основ понимания указанной совокупности как сложившейся системы и правовой категории.

Цель исследования. Формирование научно–обоснованной концепции, обеспечивающей понимание совокупности специальных договорных конструкций как категории гражданского права и как системы правовых средств путем научного обоснования закономерностей развития, структуры и элементного состава.

Для достижения цели исследования поставлены следующие **задачи:**

– выделить признаки специальных договорных конструкций, обосновывающие объединение специальных договорных конструкций в правовую категорию;

– обосновать становление системы специальных договорных конструкций путем деления на дихотомические группы по критерию специфики правового воздействия СДК на основной договор;

– сформулировать доктринальное определение понятия «основной договор»;

– обосновать и сформулировать доктринальное определение для группы «специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор», определить элементный состав группы;

– обосновать и сформулировать доктринальное определение для группы «специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору», определить элементный состав группы;

– обосновать приоритет действия норм о специальных договорных конструкциях по отношению к положениям части второй ГК РФ, регулирующих основной договор;

– проанализировать возможность или не возможность для обеих или как минимум для одной стороны основного договора заключить гражданско–правовой договор без использования конкретной СДК и провести видовое дихотомическое деление СДК на обязательные и свободные к применению;

– классифицировать обстоятельства, предопределяющие применение СДК;

– охарактеризовать факторы влияния на становление и развитие системы специальных договорных конструкций;

– провести анализ регулятивного воздействия специальных договорных конструкций на основной договор и классифицировать СДК по критерию воздействия на стадии основного договора;

– провести анализ регулятивного воздействия специальных договорных конструкций на основной договор и классифицировать СДК по комплексности воздействия на стадии основного договора;

– исследовать воздействие специальных договорный конструкций на основной договор как на договор–правоотношение и как на договор–сделку;

– выявить формы и специфику влияния специальных договорных конструкций на существенные условия основных договоров;

– обосновать, что специальные договорные конструкции модифицирующие основной договор образуют специфические основания для доктринального дихотомического деления гражданско-правовых договоров;

– конституировать режимы взаимодействия СДК при их совместном применении в основных договорах.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при использовании специальных договорных конструкций в гражданско-правовых договорах различной целевой направленности.

Предметом исследования выступают нормы гражданского законодательства о специальных договорных конструкциях, судебная практика по вопросам применения специальных договорных конструкций, а также доктринальные позиции по вопросам, связанным с заявленными задачами исследования.

Область исследования диссертации соответствует пунктам: 1. «Частноправовые (цивилистические) науки: объект, предмет и методология исследования; история институтов»; 4. «Источники регулирования частноправовых отношений»; 7. «Основания возникновения и динамика частноправовых отношений. Сделки в сфере частного права»; 8. «Гражданско-правовое обязательство. Понятие и значение договора. Различные виды договорных и внедоговорных обязательств. Обязательства из семейных правоотношений. Обязательства и договоры, осложненные иностранным элементом. Процессуальные соглашения. Обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности»; 10. «Защита прав в частноправовых отношениях. Выбор форм и способов (средств) защиты» Паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе сформировано комплексное научное представление о совокупности специальных договорных конструкций как о категории гражданского права и как о системе правовых средств. Научная новизна исследования отражается и

развивается в положениях, выносимых на защиту, а также в ряде выводов, представленных в диссертационном исследовании.

Теоретическая значимость работы состоит в совокупности разработанных теоретических положений, обосновывающих концептуальное понимание СДК как системы и категории гражданского права, что позволило создать новое научное понимание множества имеющихся СДК как многоэлементной системы, показать связи и взаимодействие между элементами системы во всех вариациях, включить новые элементы и тем самым создать подходы к повышению регулятивных возможностей СДК.

Осмысление СДК как категории гражданского права имеет теоретическую ценность, поскольку выявление любой новой правовой категории означает, что наука гражданского права на базе появившейся практики применения правовых институтов накопила новые знания, систематизация которых позволила сформулировать соответствующие положения, тезисы, концепции.

Результатом диссертационной работы является определение векторов перспективных исследований института СДК, что позволит определить дальнейшие пути развития данного научного направления и системы научных взглядов на специальные договорные конструкции.

Практическая значимость работы заключается в том, что системно сформулированные категориальные квалификационные признаки специальных договорных конструкций могут быть использованы в правоприменительной практике при разрешении судебных споров.

Любая система характеризуется характером взаимодействия ее элементов и концептуальное осмысление системы СДК невозможно без исследования сочетаемости, совместимости СДК в одном договорном обязательстве. Вопросы совмещения в одном обязательстве нескольких СДК – это всегда вопросы взаимодействия правовых режимов СДК правовых норм

и их возможного конфликта, что имеет значение для практики реализации гражданско-правовых отношений.

В работе представлены предложения по совершенствованию правового регулирования в части корректировки положений ст. 429.4. «Договор с исполнением по требованию (абонентский договор)» (С. 70–71) и ст. 426 «Публичный договор» (С. 321–322).

Выводы и научные результаты, полученные по итогам проведенного исследования, могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин таких как: «Гражданское право», «Предпринимательское право», «Договорное право», а также в ходе реализации научно–исследовательских семинаров.

Методология и методы исследования. *Всеобщим философским методом* является диалектический материализм, что обусловлено теоретико–мировоззренческими позициями автора.

Общенаучные методы исследования.

В работе применены общенаучные теоретические методы: абстрагирования, обобщения, анализа, синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, индукции, дедукции, экстраполяции, аналогии.

Общенаучные теоретические метод абстрагирования и обобщения использовались при формулировании дефиниций и построении классификаций.

Общенаучный теоретический метод анализа использовался при выявлении признаков, свойств и функций СДК.

Общенаучный теоретический метод синтеза применялся при квалификации правовых институтов как СДК и при формулировании исторической ценности СДК.

Общенаучный теоретический метод восхождение от абстрактного к конкретному применялся при раскрытии сущности СДК как правовых явлений.

Индукция как общенаучный теоретический метод применялась при определении элементного состава системы СДК.

Дедукция как общенаучный теоретический метод применялась при определении возможности либо не возможности отнесения правового института к системе СДК.

Общенаучный теоретический метод экстраполяции применялся при доказывании – отвечает ли конкретный правовой институт репрезентативным признакам СДК.

Аналогия как общенаучный теоретический метод при оценке правоприменительной практики.

При применении общенаучных теоретических методов аналогии, индукции и дедукции применялись основные законы, используемые в юридической логике: тождества, не противоречия, исключенного третьего и достаточного основания.

Использование общенаучных теоретических методов сопровождалось применением таких общенаучных эмпирических методов, как сравнение, описание, метод интерпретации (в части толкования доктринальных позиций). В работе применялся междисциплинарный эмпирический метод статистической группировки фактов (при анализе по данным электронных библиотек количества доктринальных исследований, обращающихся к тематике той или иной специальной договорной конструкции).

Частнонаучные юридические методы.

Формально–правовой (юридико–догматический) метод применялся при толковании правовых норм и теоретической обработки материалов исследования, полученных на эмпирическом уровне (при формулировании дефиниций, построении классификаций).

Историко–правовой метод применялся в ретроспективных анализах при изучении исторического генезиса СДК, а также этапов их объективизации позитивным правом.

Положения, выносимые на защиту:

1) Специальная договорная конструкция – это институт гражданского права, посредством которого участники договорных отношений в силу закона или своим волеизъявлением устанавливают особый порядок заключения, исполнения, прекращения основных договоров.

Основной договор – это гражданско-правовой договор, который либо конструируется СДК в его существенных будущих условиях, либо модифицируется при включении в его состав условий СДК. Специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор взаимодействуют с основным договором как с дискретным договором. Специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору взаимодействуют с основным договором как с реляционным договором (С. 36–39; 98–100; 113–114; 128–130; 138–142; 143–144).

2) В доктринальном аспекте правовая категория «специальные договорные конструкции» – это теоретически обособленная общность правовых средств регулирования, объединяющая специальные договорные конструкции по следующим признакам:

– все специальные договорные конструкции универсально применимы к различным по целевой направленности гражданско-правовым договорам;

– в результате применения СДК основной договор не меняет свою правовую природу, целевую направленность обязательства;

– все специальные договорные конструкции объективизированы позитивным правом;

– все СДК являются правовыми регуляторами, обеспечивающими особый порядок заключения, исполнения и прекращения основных договоров и наделение основных договоров специальными условиями, направленными на обеспечение как публичных интересов, так и частноправовых интересов сторон основного договора (С. 33–36; 39; 47–49; 144; 148–149; 151–155).

3) Система СДК эволюционно развивалась под разнонаправленным воздействием трех системообразующих факторов: практических потребностей гражданско–правового оборота, государственного воздействия на правовую систему и доктрины.

На всех этапах становления системы СДК практические потребности гражданско–правового оборота обеспечивали естественное прогрессивное эволюционное развитие системы СДК.

Государственное воздействие и развитие доктрины как факторы воздействия на становление системы СДК на первом (дореволюционном) этапе и на третьем (современном) этапе содействовали становлению и развитию системы СДК, то есть носило прогрессивный характер.

Государственное воздействие и развитие доктрины как факторы воздействия на становление системы СДК на втором (советском) этапе имело консервативно–регрессивный характер. Консервативный характер проявлялся в отношении СДК предварительного договора, абонентского договора, договора в пользу третьих лиц, опционов. Регрессивный характер государственное воздействие и развитие доктрины имело по отношению к специальным договорным конструкциям государственного контракта, договора присоединения и публичного договора (С. 160–162; 214–215; 215–217; 218–219; 219–220; 221–222; 222–223; 225–226; 227–230).

4) Применение специальных договорных конструкций предопределяется:

– сферой применения и действия основного договора (государственный контракт, публичный договор);

– субъектным составом сторон основного договора (государственный контракт, договор в пользу третьего лица);

– способом заключения основного договора (договор присоединения, государственный контракт, предварительный договор, опцион на заключение договора);

– специальными условиями основного договора (рамочный договор, абонентский договор, опционный договор) (С. 46–48; 295–296).

5) Обоснован структурный состав системы специальных договорных конструкций. Под системой специальных договорных конструкций понимается совокупность двух групп: первая – СДК, модифицирующие основной договор; вторая – СДК, автономные по отношению к основному договору. В основе внутрисистемного деления системы СДК на две группы лежит характер юридической связи специальной договорной конструкции с основным договором. Предложенное дихотомическое деление системы специальных договорных конструкций на группы поясняет способ правового воздействия СДК на основной договор, которое проявляется для СДК первой группы только в совокупности с основным договором, а для СДК второй группы только как предпосылки к заключению основного договора (С. 38– 40; 40–42; 97; 100–102; 109; 110–115; 156–159).

6) Специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор – это группа, включающая следующие правовые институты: публичный договор, договор присоединения, рамочный договор, абонентский договор, договор в пользу третьего лица, государственный (муниципальный) контракт, опционный договор. Видовой признак обособления указанных специальных договорных конструкций в отдельную группу состоит в том, что они «не существуют» вне основного договора, воздействуют на основной

договор включением специальных условий при его заключении (С. 44; 48–49; 55; 57; 59–60; 65–67; 69–71; 75–76; 78–81; 86–86).

7) Специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору – это группа, включающая следующие правовые институты: предварительный договор, опцион на заключение договора.

Видовой признак обособления указанных специальных договорных конструкций в отдельную группу состоит в том, они воздействуют на основной договор как самостоятельные гражданско-правовый договоры, определяя будущий основной договор в его существенных условиях (С. 39– 40; 86–91; 94–95; 97–98).

8) Если основной договор реализуется с использованием той или иной специальной договорной конструкции, то правила соответствующей специальной договорной конструкции обладают приоритетом по отношению к положениям части второй ГК РФ, регулирующим этот основной договор.

Такое главенство определяется тем, что применение специальной договорной конструкции видообразует основной договор, наделяет его особыми, нормативно установленными правилами заключения, исполнения и/или прекращения, универсально применяемыми к гражданско-правовым договорам различной целевой направленности. Принцип lex specialis действует применительно к специальным договорным конструкциям только в случае, если особенной частью ГК РФ или иным законом установлены специальные нормы именно в отношении СДК (С. 49–53; 231).

9) Проведено видовое деление специальных договорных конструкций по критерию обязательности применения СДК участниками основного договора. При делении СДК по данному критерию видовым признаком является возможность или не возможность для обеих или как минимум для одной стороны основного договора заключить гражданско–правовой договор без использования конкретной СДК.

К специальным договорным конструкциям, обязательное применение которых предусмотрено законом, относятся: государственный (муниципальный) контракт, публичный договор и частный случай договора в пользу третьего лица при обязательном страховании. Все остальные специальные договорные конструкции применяются или не применяются исключительно по свободному усмотрению сторон. Эквиваленцией для обязательных к применению СДК государственного контракта и публичного договора является сфера гражданско-правовых отношений в которой реализуется основной договор, а для договора обязательного страхования в пользу третьего лица – статус застрахованного лица или сфера деятельности страхователя (С. 114–115; 271–273; 277–278).

10) Классификация СДК по регулятивному воздействию на разных стадиях основного договора:

– Специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок заключения договора (публичный договор, государственный (муниципальный) контракт, договор присоединения, предварительный договор, опцион на заключение договора);

– Специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок исполнения договора (публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, государственный (муниципальный) контракт, абонентский договор, рамочный договор, опционный договор);

– Специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок прекращения договора (договор присоединения, опционный договор, договор в пользу третьего лица, государственный (муниципальный) контракт, публичный договор) (С. 114–115; 249–251; 254; 258; 260–261).

11) Предложена классификация специальных договорных конструкций по комплексности регулятивного воздействия на стадии гражданско–правового договора.

Комбинированное регулятивное воздействие на все стадии основного договора (заключение, исполнение, прекращение) оказывают специальные договорные конструкции государственного (муниципального) контракта, публичного договора и договора присоединения.

Комбинированное регулятивное воздействие основной договор в стадиях исполнения и прекращения оказывают специальные договорные конструкции опционного договора и договора в пользу третьих лиц.

Стадию заключения гражданско–правового договора регулируют специальные договорные конструкции предварительного договора и опциона на заключение договора.

Стадию исполнения гражданско–правового договора регулируют специальные договорные конструкции: абонентский договор, рамочный договор.

Только в отношении трех СДК – публичного договора, договора присоединения и государственного (муниципального) контракта законодатель предусмотрел набор императивных норм, которыми регулируются все стадии гражданско–правового договора, что объясняется следующим: именно эти три специальные договорные конструкции как правовые средства имеют явно выраженный охранительный характер (С. 114–115; 261–262).

12) Обосновано, что специальные договорные конструкции воздействуют на основной договор в его различных аспектах: как на договор–сделку и как на договор–правоотношение.

Правовыми средствами, воздействующими на основной договор как на договор–сделку, определяющими специфику заключения договора, являются следующие специальные договорные конструкции:

– публичный договор (в силу обязанности заключения основного договора с каждым обратившимся);

– договор присоединения (как способ заключения основного договора присоединением и принятия договора в целом);

– предварительный договор (в силу волеизъявления сторон о заключении основного договора в будущем и двусторонней обязанности к заключению такого основного договора);

– опцион на заключение договора (в силу заключения договора посредством реализации держателем опциона секундарного права на акцепт безотзывной оферты);

– государственный (муниципальный) контракт (в силу установленного законом порядка заключения договора способом, установленным нормами Закона «О контрактной системе»).

Специальными договорными конструкциями, оказывающими регулятивное воздействие на основной договор как на договор–правоотношение в силу наделения участников основного договора дополнительными правами и обязанностями, являются все специальные договорные конструкции (С. 114; 262–264).

13) Специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор выполняют особую функцию – их применение императивно увеличивает набор существенных условий для основных договоров. Если нормативно–правовые акты, регулирующие применение той или иной специальной договорной конструкции, содержат императивные нормы относительно условий договора, то такие условия становятся существенными и необходимым для того, чтобы основной договор считался заключенным. При совмещении СДК в одном обязательстве, нормативными правилами одной специальной договорной конструкции могут устанавливаться существенные условия для второй специальной договорной конструкции (С. 264–265; 270).

14) Специальные договорные конструкции, относимые к группе «специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор», образуют специфические основание для доктринального дихотомического деления гражданско- правовых договоров.

Дихотомическое деление гражданско-правовых договоров, обусловленное применением СДК:

– гражданско-правовые договоры делятся на взаимосогласованные и заключаемые присоединением по основанию специальной договорной конструкции договора присоединения;

– гражданско-правовые договоры делятся на свободные и обязательные по основаниям СДК публичного договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры, заключаемые между участниками и договоры в пользу третьего лица по основанию специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры окончательные и с открытыми условиями по основанию специальной договорной конструкции рамочного договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры с условием, дающим уполномоченное стороне право востребовать исполнение или отказаться от исполнения и договоры без указанного условия по основанию специальной договорной конструкции опционного договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры с абсолютной и относительной синаллагмой по основанию специальной договорной конструкции абоненского договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры в составе сторон которых присутствует публичный участник и договоры, участники которого не имеют публичного статуса по основанию специальной

договорной конструкции государственного (муниципального) контракта (С. 284–285; 286–288; 294–295; 298; 299–301).

15) Специальные договорные конструкции рассмотрены в контексте их совместимости или не совместимости в одном договорном обязательстве. Выявлены следующие режимы взаимодействия СДК:

– неразрешимый конфликт (предопределяет невозможность совокупного применения к основному гражданско-правовому договору);

– режим комбинированного применения (действует в случаях, когда конфликт правовых норм не возникает);

– режим поглощения правовым режимом доминирующей конструкции (действует, когда в результате применения двух СДК в одном договорном обязательстве возникает разрешимый конфликт правовых норм).

Режим поглощения проявляется в двух формах:

– при совмещении двух СДК, правовым режимом доминирующей специальной договорной конструкции устанавливаются императивные нормы в то время, как правовым режимом второй специальной договорной указанные нормы являются диспозитивными;

– правовой режим доминирующей специальной договорной конструкции определяет для какой-либо стороны договорного обязательства возможность требовать применения второй специальной договорной конструкции, в то время, как для применения этой второй специальной договорной конструкции в монорежиме необходимо обоюдное согласие сторон (С. 301; 303–304; 306–308; 309; 323; 346; 352–353).

Достоверность результатов исследования подтверждается заявленной и примененной методологией исследования, изучением и всесторонним освещением всех дискуссионных вопросов, выявленных по тематике исследования, корректным использованием источников и анализом научной литературы, обоснованием положений и выводов, сделанных в ходе

исследования нормами действующего права и материалами правоприменительной практики.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы, изложенные автором в рамках исследования, представлены докладами на следующих научных мероприятиях: на V Всероссийской научно–практической конференции «Экономика отраслевых рынков: формирование, практика и развитие» (Москва , Финансовый университет, 22 января 2021 г.); на Международной научно–практической конференции «Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (г. Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 15–16 сентября 2022 г.); на Международной научной конференции «Трансформация права в условиях цифровизации банковской деятельности» (Москва , Финансовый университет, 20 июня 2022 г.); на Международной научно–практической конференции «Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций» (Москва, НИУ Высшая школа экономики, 24–25 мая 2023 г.); на Международной научно–практической конференции «Актуальные вопросы гражданского права и процесса» (Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 1 декабря 2023 г.); на Международной научно–практической конференции «Правовые ценности: формирование, эволюция, функции, посвященная памяти профессора В.М. Курицына» (Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 21-22 декабря 2023 г.); на Международной научно–практической конференции «Трансформация банковской деятельности в условиях многополярного мира» (Москва, Финансовый университет, 5 апреля 2024 г.); на XII Международном научном конгрессе «Развитие предпринимательства: межотраслевые приоритеты,

современные механизмы, консолидация интересов» (Москва, Финансовый университет, 17–18 мая 2024 г.).

Материалы диссертации использовались при выполнении научно-исследовательской работы Финансового университета по теме: «Разработка предложений по совершенствованию правового регулирования организации государственных закупок на основе изучения опыта зарубежных стран» (Государственное задание, приказ Финуниверситета от 27.09.2021 № 1987/о) в части: выработки теоретических подходов по квалификации государственных и муниципальных контрактов, рамочных договоров, которые были учтены при разработке предложений по совершенствованию российского законодательства, регулирующего организацию государственных закупок.

Положения диссертации используются при разработке корпоративных стандартов Международной светотехнической корпорации «МСК БЛ-Групп». По рекомендованным моделям разработаны корпоративные стандарты: «Использование в деятельности корпорации договоров call option»; «Использование в деятельности корпорации договоров put option». Регулируемые данными стандартами процессы позволили оптимизировать договорные отношения, усовершенствовать набор обеспечительных инструментов и превентивно снизить риски коммерческой деятельности корпорации.

Материалы диссертации используются в практической деятельности завода «Опора Инжиниринг». В частности, при сопровождении закупочной деятельности завода заключаются гражданско-правовые договоры по рекомендованным диссертантом моделям: договор поставки в пользу третьего лица с открытыми условиями; опционный договор поставки с открытыми условиями. Применяемые по рекомендации диссертанта модели позволяют оптимизировать бизнес - процесс закупок, снизить риски при заключении

долгосрочных договоров, повысить эффективность операционной деятельности и, соответственно, коммерческие результаты предприятия.

Материалы диссертации используются в практической деятельности Всесоюзного научно-исследовательского светотехнического института (ВНИСИ) им. С.И. Вавилова, в частности в деятельности Испытательного центра светотехнической продукции (ИЦ ВНИСИ) заключаются гражданско-правовые договоры по рекомендованным диссертантом моделям: абонентского договора, заключаемого посредством присоединения; абонентского договора в пользу третьего лица; абонентского договора с опционным условием. Использование рекомендованных договорных моделей позволяет расширить клиентскую базу, привлечь к сотрудничеству новых заказчиков, увеличить оборот оказываемых услуг.

Материалы диссертации используются Кафедрой правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Гражданское право», «Предпринимательское право», «Конкурентное право», «Защита прав потребителей».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены документами.

Публикации. Основные выводы и положения исследования отражены в 24-х научных публикациях общим объемом 25,49 п.л. (авторский объем 25,49 п.л.), в том числе 23 работы общим объемом 15,61 п.л. (авторский объем 15,61 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России, из которых 2 статьи авторским объемом 1,56 п.л. опубликованы в изданиях, отнесенных к категории К1, 19 статей авторским объемом 12,54 п.л. опубликованы в изданиях, отнесенных к категории К2, 2 статьи авторским объемом 1,51 п.л. опубликованы в изданиях, отнесенных к категории К3.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы из 730 наименований. Текст диссертации изложен на 477 страницах.

Глава 1
Система специальных договорных конструкций: строение и состав

1.1 Методологические подходы к построению системы специальных договорных конструкций

В современном ГК РФ законодательное закрепление специальных договорных конструкций (СДК) имеет следующую хронологию. В 1994 г. при принятии ГК РФ в главе 27 кодекса было закреплено четыре института, традиционно относимых доктриной к специальным договорным конструкциям: публичный договор, договор присоединения, предварительный договор и договор в пользу третьего лица. Результатом реализации концепции развития гражданского законодательства [76] стало внесение в текст ГК РФ множества новелл, в том числе и в части законодательного закрепления в 2015 году новых договорных моделей. Так, глава 27 ГК РФ была дополнена положениями о рамочном договоре (ст. 429.1), опционе на заключение договора (ст. 429.2), опционном договоре (ст. 429.3) и абонентском договоре (ст. 429.4) [16].

Таким образом, обращаясь к вопросу перечня закрепленных ГК РФ СДК, следует различать научные позиции, сформированные до вступления в силу Закона № 42–ФЗ, а также после вступления данного закона в силу, то есть относящиеся к периоду после 01.06.2015. При освещении дискуссионных вопросов относительно правовой природы СДК мы исходили из того, что любые научные подходы следует соотносить с тем временем, в котором они были сформированы, учитывая, как социальные реалии каждого конкретного периода (в частности, сложившуюся практику использования того или иного правового института), так и состояние гражданского законодательства,

которым, безусловно, руководствуются исследователи при формировании доктрины. Как следствие, применительно к СДК, кодифицированным федеральным законом № 42–ФЗ, для критического анализа в рамках настоящего исследования анализировались позиции ученых, представленные в научных работах, относящихся к периоду после 2015 г., сформированные уже после того, как ГК РФ был дополнен статьями 429.1; 426.2; 429.3 и 429.4.

Задачу сформировать списочный реестр специальных договорных конструкций ставили перед собой немногие исследователи – в основной своей массе научные работы посвящаются какому–то конкретному институту. Но и среди тех немногих ученых, поставивших для себя такую задачу, следует отметить отсутствие единой позиции. На сегодняшний момент вопрос о перечне СДК является дискуссионным и открытым.

В.В. Витрянский к специальным договорным конструкциям относит семь правовых институтов: публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, договор в пользу третьего лица, рамочный договор (договор с открытыми условиями), соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) и абонентский договор (договор с исполнением по требованию) [210].

В диссертации Т.С. Гудовских к специальным договорным конструкциям отнесены семь конструкций: публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, рамочный договор, опционный договор, абонентский договор и договор в пользу третьего лица [442, с. 73].

В.И. Татаренко считает, что «понятие типовой договорной конструкции по существу должно применяться к шести правовым институтам: абонентскому договору, договору в пользу третьего лица, договору присоединения, публичному договору, опционному договору, государственному и муниципальному контракту» [509, с. 167].

М.К. Сулейменов называет специальными договорными конструкциями 8 правовых институтов: публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, договор в пользу третьего лица, рамочный договор (договор с открытыми условиями), соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора), опционный договор и абонентский договор (договор с исполнением по требованию).

Признавая статус СДК за восемью институтами, М.К. Сулейменов делит их на две группы: «1) организационно–предварительные договоры, в которую входят предварительный договор, опцион на заключение договора и рамочный договор и 2) договоры с дополнительным обременением, в которую входят публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, опционный договор и абонентский договор» [374]. Диссертант, как будет показано ниже, также полагает, что СДК подлежат делению на группы, однако с иным наполнением.

Таким образом, все вышеназванные авторы однозначно относят к специальным договорным конструкциям публичный договор и договор присоединения, договор в пользу третьего лица и абонентский договор. В.В. Витрянский исключает из состава СДК опционный договор, а Т.С. Гудовских – соглашение об опционе. В.И. Татаренко полагает, что к специальным договорным конструкциям не относятся предварительный и рамочный договор, а также соглашение об опционе, при этом он включает в состав СДК государственный (муниципальный) контракт. Не останавливаясь на данном этапе диссертационного исследования на аргументации, которой руководствовались вышеназванные авторы при формировании списочного состава СДК, констатируем, что на сегодняшний момент единое мнение относительно такого перечня в науке гражданского права не сформировано.

Отдельно следует остановиться на вопросе отнесения к специальным договорным конструкциям смарт–контракта, который целым рядом ученых

рассматривается в качестве СДК (так считают, Л.Г. Ефимова [588], О.Б. Сиземова [588], Т.Ю. Кулик [613], А.Н. Климова [607], В.В. Кванина [604], А.В. Захаркина [591], О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев [579, с. 58], А.В. Серкина, О.В. Борисова [691, с. 100], Е.В. Демьяненко [583], А.Ю. Чурилов [718] и др.).

Полагаем, что смарт–контракт не является специальной договорной конструкцией. Смарт–контракт «законодатель не рассматривает как правовой институт и не вводит никаких особенностей, регулирующих права и обязанности сторон договора, облеченного в форму смарт–контракта» [640]. Как справедливо замечено Е.Э. Пушилиной, «смарт–контрактом регулируется фактическое исполнение. Сам смарт–контракт не содержит в себе сути правоотношения» [674, с. 55]. Следует согласиться и с позицией В.Н. Гаврилова, который пришел к выводу о том, что смарт–контракты нельзя рассматривать ни в качестве каких-либо договоров, ни в качестве условных сделок, ни в качестве специальных договорных конструкций. В качестве основания В.Н. Гаврилов совершенно правильно указывает такой признак, как «отсутствие волевого элемента в форме программного кода» [568, с. 53].

Федеральным законом от 18.03.2019 № 34–ФЗ в ГК РФ были внесены следующие изменения и дополнения, имеющие отношения к смарту–контракту [15]. В главе 9 «Сделки» пункт 1 статьи 160 «Письменная форма сделки» дополнен положениями о том, что письменная форма считается соблюденной при совершении сделки с помощью электронных либо иных технических средств. В главе 22 «Исполнение обязательств» статья 309 «Общие положения» дополнена частью второй о том, что «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения

информационных технологий, определенных условиями сделки». В Главе 28 «Заключение договора» в статью 434 «Форма договора» внесены изменения, согласно которым «договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160».

Таким образом, смарт–контракт в понимании законодателя является электронной, приравненной к простой письменной, формой договора (сделки). Аналогичное мнение высказывается и в доктрине. Так, Е.М. Фоминова предлагает понимать под смарт–контрактом «электронную форму выражения гражданской–правового договора, составленного в соответствии с требованиями законодательства и размещенного в распределенном реестре в виде кода на языке программирования» [709, с. 44]. Е.В. Олейник и Л.А. Новоселова констатируют, что смарт–контракт «представляет собой особенную форму оформления и реализации сделок» [659, с. 32; 663, с. 311]. Как электронную форму договора рассматривают смарт–контракт Р.В. Новиков [658, с. 439], А.А. Волос [565, с. 23].

На основании изложенного следует констатировать, что смарт–контракт не является специальной договорной конструкцией. Для получения статуса специальной договорной конструкции недостаточно функционала формы договора. СДК выделяет из общего массива юридических явлений и инструментов именно нормативный статус, определяющий специфику правового регулирования.

Обращаясь к вопросу определения подходов, применяемых при формировании перечня СДК следует исходить из того, что данные подходы должны обеспечить истинность и однозначность сделанных выводов. В диссертационном исследовании СДК будут рассмотрены как совокупность

правовых институтов, образующую правовую категорию. Из этого следует задача осмысления категории «специальные договорные конструкции» в нескольких аспектах:

во–первых, необходимо выявить признак, объединяющий правовые институты, относимые к данной правовой категории;

во–вторых, необходимо выявить критерии, «отмежевывающие» данные правовые институты от всех прочих правовых явлений;

в–третьих, выявить критерии внутрисистемной группировки СДК.

Выделение признаков, позволяющих верно и однозначно идентифицировать объекты, подлежащие или не подлежащие включению в систему СДК, является основной задачей системного анализа, решение которой позволит определить состав категории и, как следствие, списочный состав СДК.

В диссертационном исследовании будет обосновано, что система СДК включает в себя 9 элементов: предварительный договор, опцион на заключение договора, договор в пользу третьего лица, договор присоединения, публичный договор, рамочный договор, опционный договор, абонентский договор, государственный контракт. Первые восемь регламентированы главой 27 Гражданского кодекса Российской Федерации, определение государственному (муниципальному) контракту дает федеральный закон № 44–ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [21].

Обозначая списочный состав категории, необходимо определить «генеральный» признак, свойственный всем без исключения специальным договорным конструкциям.

Обратимся к семантике слова «конструкция». Большой энциклопедический словарь 2000 года определяет, что конструкция (от лат.

constructio – составление, построение) – это устройство, строение, механизм какого–либо объекта [726]. Аналогично этому находим в толковом словаре русского языка (С.И. Ожегов, 1940 г.), что «конструкция – это состав и взаимное расположение частей какого–нибудь построения, сооружения, механизма» [730]. Согласно словарю В.И. Даля (1866 г.), «конструкция – построенье, постройка, строй, сложенье, образованье, устройство, расположенье» [729].

Таким образом, понятие «конструкция» всегда привязано к какому–то объекту, это всегда построение или механизм чего–либо.

Представив термин «специальная договорная конструкция» в несколько ином виде – «специальная конструкция договора», мы приблизимся к ответу на вопрос о ключевом признаке СДК.

В современной доктрине договоры второй части ГК по отношению к специальным договорным конструкциям называют «основными договорами». Такое обозначение используют М.К. Сулейменов [374], М.Н. Малеина [625], Е.О. Ганева [569], А.Г. Карапетов [600], А.Н. Левушкин [620], Е.Б. Подузова [262] и др. Мы согласны с таким терминологическим решением. Следует указать и на то, что в настоящее время термин «основной договор» применительно к специальным договорным конструкциям воспринят судами и применяется при разрешении дел.

П р и м е ч а н и е – Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.11.2023 № С01–1902/2023 по делу № А56–116403/2022; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.07.2023 № Ф10–1880/2023 по делу № А14–4929/2022; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2023 № 08АП– 15167/2022 по делу № А75–4839/2022; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2023 № 88–35256/2023; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 04.06.2024 по делу № 33–7153/2024; Решение Москаленского районного суда Омской области от 31.01.2024 по делу № 2–36/2024; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2023 № 07АП– 7270/2023 по делу № А45–9490/2023 и др.

В качестве примера приведем Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2023 № 88–35256/2023, в котором подробно

анализируется связь с основным договором таких СДК как соглашение об опционе и опционный договор.

Российские цивилисты придерживаются единой позиции: СДК не тождественны традиционным, основным гражданско-правовым договорам, регламентированным второй частью ГК РФ.

В качестве псевдо–договоров, не входящих в систему основных гражданско-правовых договоров, рассматривает СДК профессор К.К. Лебедев. Он считает, что «эти правовые формы названы в ГК РФ договорами, но они ими не являются. Эти правовые формы могут быть признаны специальными договорными конструкциями, которые только проявляют себя в каких-либо основных или вспомогательных договорах» [619, с. 284]. Ценность данного подхода заключается в том, что ученым подмечена связь СДК с основным договором, без которого сама специальная договорная конструкция не имеет правового значения.

П.А. Меньшенин отмечает, что законодательство именует в качестве договоров договоры присоединения, публичный договор и договор в пользу третьих лиц, в то время как данные правовые конструкции «не образуют самостоятельный договорный вид (род), но представляют собой специальный правовой режим, гражданско-правовых договоров практически любого вида (рода)» [484, с. 28]. Цитируемая диссертация П.А. Меныленина защищена в 2011 г., за несколько лет до того, как первая часть Гражданского кодекса была дополнена нормами о рамочном и абонентском договоре. Однако относительно «традиционных» СДК ученым сделан достаточно емкий вывод – это специальный режим гражданско-правовых договоров второй части ГК.

Одним из первых системных доктринальных исследований СДК является диссертация О.С. Юренковой, где автор также пришла к выводу о том, что «СДК не являются гражданско-правовыми договорами в собственном смысле», так как не обладают необходимым набором договорных элементов

[525]. В обосновании своей позиции О.С. Юренкова делает основной акцент на том, что СДК не являются соглашением и контрагенты не имеют возможности проявить свою волю в таких конструкциях. Такой подход является далеко не бесспорным, поскольку непосредственно нормы ГК РФ оставляют на усмотрение сторон достаточно широкий перечень условий при использовании СДК. Более убедительным представляется другой довод О.С. Юренковой, приведенный в статье «Понятие и признаки специальных договорных конструкций». Здесь она выделяет для СДК такой признак, как «наличие обобщенных признаков конкретных договоров» [723, с. 78].

В научной статье В.И. Татаренко отмечено, что СДК «не представляют собой типы или виды договора, а выступают своего рода юридическим приемом, позволяющим обобщать регулирование сходных ситуаций в отношении различных правоотношений» [701]. С таким подходом сложно не согласиться, и он, по сути, несколько иными словами повторяет мнение О.С. Юренковой относительно обобщающего назначения СДК.

Г.Н. Орлов также отмечает особый статус СДК и выделяет их свойство выступать предпосылками к возникновению договора или основного обязательства [491]. Конечно же, не все СДК нацелены на «будущие договорные отношения», но выявленный Г.Н. Орловым признак, отмежевывающий СДК от договоров специальной части ГК РФ, следует признать состоятельным.

М.К. Сулейменов предлагает называть СДК «общими договорами», указывая на то, что они реализуются во всех или в большинстве договоров особенной части обязательственного права, то есть в основных договорах [439]. Профессор М.К. Сулейменов посвятил специальным договорным конструкциям интереснейшую работу «СДК (общие договоры) и их место в системе права», которая еще будет предметом изучения в данной диссертации. Пока лишь отметим, что СДК в указанной статье, безусловно, обособляются

от договоров второй части ГК РФ или (в терминологии М.К. Сулейменова) от «основных договоров».

Особое значение имеет то, что связь СДК с основными договорами проявляется в двух принципиально различных формах. Это обусловлено правовым статусом специальной договорной конструкции, а именно тем, является ли специальная договорная конструкция самостоятельным обязательством, автономным от основного договора. Для СДК, относимых к группе «специальные договорные конструкции модифицирующие основной договор», связь с основным договором состоит в непосредственном наделении непосредственно основного договора специальными условиями его заключения, исполнения или прекращения. Для СДК, относимых к группе «специальные договорные конструкции автономные по отношению к основному договору», связь с основным договором состоит в «конструировании» условий основного договора, который стороны заключат или могут заключить в будущем, а также в регламентации порядка вступления сторон в будущий договор.

Сформулированные признаки позволяют дать следующее определение понятию «основной договор». Основной договор – это гражданско–правовой договор, который либо модифицируется специальной договорной конструкцией при включении в его состав характеристик и (или) условий применения той иной специальной договорной конструкции, либо конструируется СДК в его существенных будущих условиях.

В результате применения СДК основной договор не меняет целевую направленность обязательства. Иными словами, применение специальной договорной конструкции не меняет правовую природу основного договора. Так, например, договор возмездного оказания услуг при подчинении его правилам ст. 426 ГК РФ – форму «публичного договора возмездного оказания услуг», договор купли продажи при подчинении его правилам ст. 430 ГК РФ,

приобретает форму «договор купли–продажи в пользу третьего лица», договор строительного подряда при подчинении его нормам Закона № 44–ФЗ – форму «государственного контракта строительного подряда» и т.д.

Параграфы 1.2 и 1.3 главы 1 исследования посвящены обоснованию состава системы СДК в разрезе выделенных нами групп:

– СДК, модифицирующих основной договор;

– СДК, автономных от основного договора.

В научном обороте понятие автономности в отношении различных правовых явлений применяется многими учеными. Так, С.Н. Болдырев говорит об автономности понятий «юридическая техника» и «законодательная техника» [430, с. 46], А.И. Переплетчикова – об автономности «конкретизационной нормы от генерального предписания» [493, с. 71], А.Е. Кирпичев – об автономности юридических фактов, образующих юридический состав [465, с. 245], Е.Г. Комиссарова – об автономности субъектов права [471, с. 161], В.В. Васильев – об автономности функционирования гражданско-правовых институтов [431, с. 282] и т.д.

При группировке СДК диссертант руководствовался аксиомой силлогизма, устанавливающей, что «все, что утверждается или отрицается о роде (классе), необходимо утверждается или отрицается о виде (или члене данного класса), принадлежащем к данному роду» [256].

При формировании списочного состава не автономных, модифицирующих основной договор СДК, будем исходить из того, что если мы можем выявить у правового института самостоятельный предмет, соответствующий тому или иному виду (типу) договора, то, следовательно, мы имеем дело с самостоятельным, автономным обязательством и к перечню СДК, модифицирующих основной договор, данный правовой институт отнесению не подлежит.

Таким образом, при построении перечня СДК, модифицирующих основной договор, мы будем доказывать принадлежность правового института к не автономным СДК, модифицирующим основной договор, исходя из системного признака отсутствия собственного предмета и невозможности классификации в системе целевой направленности без применения основного договора. Указанный подход к доказательству соответствует законам юридической логики: закону двойного отрицания и закону непротиворечия.

Следуя указанной логике, в рамках параграфа 2 настоящей главы персонифицированно рассмотрим блок правовых институтов, которые подлежат отнесению к специальным договорным конструкциям, модифицирующим основной договор: публичный договор, рамочный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, опционный договор, абонентский договор, государственный (муниципальный) контракт.

При определении списочного состава автономных от основного договора СДК, будем исходить из того, что к указанной группе относятся СДК, которые являются самостоятельным договорным обязательством, в рамках которого стороны определили конструкцию будущего основного договора в его существенных условиях.

Таким образом, будет проведено дихотомическое деление СДК на две группы:

– СДК, модифицирующие основной договор
– СДК, автономные по отношению к основному договору.

Видовым признаком дихотомического деления будет являться характер правовой связи СДК и основного договора.

Вопрос деления СДК методом дихотомии нуждается в обосновании.

Деления бывают таксономические и мереологические.

Мереологическое деление основано на выявлении структуры анализируемого явления и действует по принципу «часть – целое». Примером

мереологического деления может быть деление диссертации в первой итерации на введение, главы, и заключение и во второй итерации деление глав на параграфы.

В юридической науке явления как правило анализируются и познаются через таксономические деления, которое подразумевает использование в качестве основания деления существенного признака, выражающего ту или иную правовую характеристику явления. Иными словами, деление посредством выделения таксонов – всегда видовое.

Таксономические деления гражданско-правовых договоров производятся по двум направлениям: по видообразующему признаку (например, по целевой направленности, по предмету договора) и методом дихотомии, который в зарубежном праве именуется методом бинарной оппозиции.

Таксономические деления могут быть многоступенчатыми. Например, при делении договоров на виды мы можем принять за основу структуру второй части ГК РФ. В свою очередь из договора купли–продажи мы можем выделить следующие подвиды: договор розничной купли–продажи, договор поставки, контрактация и т.д. Или при дихотомическом делении мы можем разделить недействительные сделки на оспоримые и ничтожные, а оспоримые в свою очередь разделить на подвиды по основаниям, предусмотренным ст. 173 ГК РФ, ст. 174 ГК РФ, ст. 175 ГК РФ, ст. 176 ГК РФ, ст. 177 ГК РФ, ст. 178 ГК РФ.

При классификационном делении важнейшее значение имеет объективность основания деления. Признак основания деления не должен быть противоречивым и не должны содержать подмены, скачков в делении. Так, мы не можем поделить гражданско-правовые договоры на возмездные и купли–продажи или на многосторонние и реальные, на имущественные и консенсуальные. Многообразие доктринальных подходов к основаниям

деления правовых явлений отражает относительно–устойчивый характер любой научной классификации. Это связано с тем, что, во–первых, доктринальные классификации отражают авторские позиции и научные взгляды конкретных составителей классификаций и во–вторых с тем, что доктрина изучает право в его развитии. Научные знания в результате развития права дополняются, углубляются, пересматриваются, что приводит и к изменению классификаций. Таким образом, ни к одной научной классификации нельзя подходить как к аксиоме, истине в последней инстанции.

В рамках диссертационного исследования будет проведено несколько классификаций СДК, при которых будут использованы деления как методом дихотомии, так и по видообразующим признакам.

Исследование научной литературы показывает, что вопрос дихотомического деления СДК поднимался только двумя авторами – Р.Ф. Мустафиным и О.С. Юренковой и оба ученых в своих выводах полагают, что к специальным договорным конструкциям дихотомичное деление не применимо.

Р.Ф. Мустафин считает, что типовые договоры не укладываются в дихотомическую классификацию, поскольку они не обладают признаками, противостоящими друг другу, а сосуществуют в рамках одного раздела ГК РФ [319, с. 16]. По нашему мнению, такой вывод не логичен в силу следующего: гражданско-правовые договоры, сосуществующие в рамках второй части ГК РФ также не противопоставляются друг–другу, однако одни из них являются возмездными, а другие безвозмездными; какие–то из них являются консенсуальными, какие–то – реальными. Дихотомическое деление всего лишь выявляет знаковый признак, основание деления, которым какие–то правовые институты обладают, а какие–то нет.

Более интересной представляется позиция О.С. Юренковой, которая пришла к выводу о невозможности классификации СДК способом «деления надвое» в результате следующих умозаключений. О.С. Юренкова пишет: «к специальным договорным конструкциям неприменима дихотомия и их нельзя противопоставлять друг другу, поскольку одна законодательная модель может, подобно кальке, накладываться на другую» [525, с. 30]. Вопрос возможностей совокупного применения в договорном обязательстве нескольких СДК будет подробно проанализирован в главе 5 диссертационного исследования, пока лишь обратимся к доводам О.С. Юренковой в аспекте невозможности дихотомического деления СДК.

Логика О.С. Юренковой строится на следующем: «один и тот же конкретный договор может быть одновременно и предварительным, и публичным, и в пользу третьего лица, и т.д.… При этом невозможно, чтобы один и тот же договор был одновременно и реальным, и консенсуальным, и возмездным, и безвозмездным.» [525, с. 31]. Иными словами, О.С. Юренкова полагает, что если по какому–то признаку дихотомически поделить СДК, то конструкции, находящиеся в разных группах дихотомического деления, не могли бы совмещаться в одном договорном обязательстве. С позицией О.С. Юренковой нельзя согласиться. Возможность соединения в одном договорном обязательстве гражданско-правовых договоров, содержащих в себе элементы договоров, относимых к контрадикторным группам дихотомического деления предопределена принципом свободы договора. Так, например, в силу части 3 статьи 421 ГК РФ, возможно в одном договорном обязательстве соединить возмездный договор купли продажи и безвозмездный договор дарения [153].

Таким образом, вывод о том, что гражданско-правовые договоры, входящие в противоположные группы того или иного дихотомического деления, не могут быть соединены в одном сложном или смешанном

обязательстве является не состоятельным. Как следствие, не состоятельным является и тезис о невозможности дихотомического деления СДК. В главе 5 диссертационного исследования будет продемонстрирована возможность совмещения в одном договорном обязательстве обязательных и свободных к применению СДК, а также исследован вопрос корреспонденции правовых норм при таком совмещении.

1.2 Специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор

В рамках данного параграфа мы рассмотрим персонифицировано блок правовых институтов, которые подлежат отнесению к группе СДК, модифицирующих основной договор: публичный договор, рамочный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, опционный договор, абонентский договор, государственный (муниципальный) контракт.

Основным индивидуализирующим признаком, позволяющим отнести правовой институт к в группу «СДК, модифицирующие основной договор» является неотделимость, ингерентность специальной договорной конструкции по отношению к основному договору.

Одной из первых научных работ, в которой в 2000 г. по сути были заложены концептуальные основы понимания СДК как правового феномена, является статья И.В. Елисеева и М.В. Кротова «Предварительный договор в российском гражданском праве». В данной статье авторами рассмотрены СДК, кодифицированные по состоянию на 2000 г.: публичный договор, договор присоединения и договор в пользу третьего лица и предварительный договор. Авторы пишут: «сами по себе» ни публичные договоры, ни договоры в пользу третьего лица, ни договоры присоединения в отрыве от какого–либо из договоров особенной части ГК РФ обязательствами не становятся. Это не

самостоятельные виды договоров, а, скорее, «вынесенные за скобки» характеристики договорных обязательств, регламентирующие ту или иную сторону процедуры заключения или исполнения договорного обязательства» [593, с. 64]. Елисеев и Коротков не обособляли предварительный договор от иных СДК на том основании, что «предварительный договор (равно как и публичный договор, договоры присоединения, в пользу третьего лица, и т. п.) не является разновидностью какого–либо типа гражданско-правовых договоров» [593, с. 64].

В 2006 году Ю.В. Шанаурина в своем диссертационном исследовании относительно договора в пользу третьего лица, договора присоединения и публичного договора дословно воспроизвела выводы И.В. Елисеева и М.В. Кротова, дополнив их положением о том, что СДК сами по себе «в отрыве от какого–либо из договоров, указанных в разделе IV ГК РФ, обязательствами не становятся» [522, с. 17] и не порождают обязательственных отношений. Позиция Ю.В. Шанауриной примечательна тем, что она имеет своей отправной точкой общепризнанную характеристику договора как основания возникновения обязательства.

В русле концепта, изложенного И.В. Елисеевым и М.В. Кротовым, и позднее профессором В.В. Витрянским, которого принято считать основателем доктринального выделения в системе гражданского права института СДК, были сформулированы основные видообразующие признаки для СДК.

В 2008–2012 гг. профессор В.В. Витрянский опубликовал работы, в которых изложил ряд базовых положений о специальных договорных конструкциях. В частности, в работах В.В. Витрянского указано, что:

– признаком специальных (типовых) договорных конструкций является свойство применения «практически к любым типам (видам) договорных

обязательств, которые обладают необходимым набором признаков, характерных для каждой типовой договорной конструкции» [563, с. 29];

– если к основному договору применяются правила специальной договорной конструкции, то эти правила подлежат применению «в приоритетном порядке по сравнению с правилами о соответствующем договоре» [343];

– СДК «не относятся к числу рядовых видов (разновидностей) гражданско-правовых договоров, и по этой причине не вписываются в традиционные классификации гражданско-правовых договоров» [564, с. 16].

Подходы, предложенные В.В. Витрянским, были поддержаны научным сообществом и получили развитие в трудах многих отечественных ученых.

Отдельно остановимся на тезисе В.В. Витрянского о том, что СДК «объединяет то обстоятельство, что они подлежат применению … практически к любым видам договорных обязательств, которые обладают необходимым набором признаков, характерных для каждой специальной договорной конструкции» [564]. Сам В.В. Витрянский использует данный тезис, начиная с 2008 года, во всех своих работах, упоминающих СДК.

Тот факт, что специальные договорные конструкции применяются с различными видами гражданско-правовых договоров, по нашему мнению, следует рассматривать не просто как «объединяющее обстоятельство», а как ключевой признак – специфику правового воздействия СДК, выражающуюся в универсальности, в единообразии правового регулирования основных договоров различной целевой направленности. Из определения В.В. Витрянского также следует, что для применения специальной договорной конструкции необходимо, чтобы договорное обязательство обладало некими особыми, «характерными для специальной договорной конструкции» признаками. Вероятнее всего, тезис профессора Витрянского следует понимать не буквально, а в том контексте, что основное договорное

обязательство или правовые цели сторон основного договора должны соответствовать определенным условиям, которые предопределяют возможность или необходимость его модификации посредством применения специальной договорной конструкции.

Проанализируем эти условия относительно каждой из СДК, модифицирующих основной договор.

В ряде случаев, применение специальной договорной конструкции предопределяется сферой применения и действия договора. Так, публичный договор заключается при реализации договорного обязательства в отношении неограниченного круга контрагентов. Государственный (муниципальный) контракт возникает при размещении заказа, имеющего целью удовлетворение публичных нужд.

Следующей характеристикой основного договора, обуславливающей применение той или иной специальной договорной конструкции, назовем субъектный состав сторон договора. Данный критерий обуславливает применение СДК государственного (муниципального) контракта, в котором одной из сторон является публичный субъект, публичного договора, и договора в пользу третьего лица, в котором стороны имеют намерение расширить субъектный состав.

Отдельно следует выделить такую характеристику как специфический порядок заключения основного договора. В рамках данного критерия применяются нормы договора присоединения, которые действуют в случае, если при заключении договора присоединившаяся сторона не имела возможности влиять на условия договорного обязательства и была вынуждена при заключении договора принять его в целом. Сюда же отнесем государственный (муниципальный) контракт предусматривающий специальный порядок размещения заказов в контрактной системе.

Воля сторон к заключению в будущем основного договора определяет выбор применения специальной договорной конструкции предварительного договора или опциона на заключение договора.

Следующим критерием для применения той или иной специальной договорной конструкции назовем специальные условия основного договора, которые предопределяют применение к основному договору правил специальной договорной конструкции. Так, СДК абонентского договора подлежит применению в случае, если стороны основного договора определили, что платежи абонента по договору вносятся независимо от того, было ли затребовано соответствующее исполнение от исполнителя. Специальная договорная конструкция рамочного договора применяется в случаях, если участники основного договора определив общие условия обязательства установили возможность их последующей конкретизации, дополнения и уточнения. Специальная договорная конструкция опционного договора применяется в том случае, если стороны усложнили основной гражданско–правовой договор опционным условием.

На основании изложенного следует вывод, что применение той или иной специальной договорной конструкции предопределяется следующими характеристиками основного договора:

– сфера применения и действия основного договора (публичный договор и государственный (муниципальный) контракт);

– субъектный состав сторон основного договора (государственный (муниципальный) контракт, публичный договор и договор в пользу третьего лица);

– способ заключения основного договора (государственный (муниципальный) контракт, договор присоединения, опцион на заключение договора и предварительный договор);

– условия исполнения основного договора (опционный договор, рамочный договор и абонентский договор).

Обращаясь непосредственно к специальным договорным конструкциям, подчеркнем, что ключевым признаком СДК является возможность реализации в периметре той или иной конструкции различных договоров части второй ГК РФ. При этом в результате использования специальной договорной конструкции правовая природа соответствующего обязательства и его целевая направленность не меняются.

Например, договор страхования в пользу третьего лица остается договором страхования, договор банковского вклада в пользу третьего лица остается договором банковского вклада, договор купли–продажи в пользу третьего лица остается договором купли–продажи и т.д.

Итак, не вызывает сомнения, что СДК, модифицирующие основной договор, стоят вне классификации договоров второй части ГК РФ. Они не имеют собственного предмета и не существуют без основного договора, а их функционал с заключается в наделении основного договора теми или иными специальными характеристиками и условиями. Именно наличие или отсутствие самостоятельного предмета является ключевым маркером, определяющим, принадлежит или не принадлежит правовой институт к специальным договорным конструкциям, модифицирующим основной договор. Таким образом, как уже обозначалось в рамках параграфа 1.1 исследования, при построении перечня СДК, модифицирующих основной договор, мы будем доказывать принадлежность правового института к данной группе СДК, исходя из системного признака отсутствия собственного предмета и невозможности классификации в системе целевой направленности без применения основного договора.

В рамках задачи выявления правовых характеристик СДК, модифицирующих основной договор, необходимо рассмотреть вопрос

иерархии норм, определяющих правила применения той или иной специальной договорной конструкции, и норм, регулирующих тот или иной вид гражданско–правового договора части 2 ГК РФ. Следует не согласиться с мнениями А.Г. Карапетова и Е.В. Суховольской о том, что нормы в специальных договорных конструкциях, в частности ст. 430 ГК РФ о договоре в пользу третьего лица, применяются субсидиарно и в части, не противоречащей специальным положениям об основных договорах [261]. Очевидно, логика А.Г. Карапетова и Е.В. Суховольской строится на положениях о приоритете специальных норм перед общими нормами, изложенными в части первой ГК РФ (п. 1 статьи 307.1 и п. 3 статьи 420 ГК РФ). Профессор В.Г. Голубцов отмечает, что согласно п. 1 ст. 307.1 ГК РФ, «в регулировании конкретного обязательства первичным является ресурс специальных норм, содержащихся в соответствующей главе ГК РФ о данном обязательстве и (если таковые имеются) в нормах специальных законов. Лишь после исчерпания этого ресурса и обнаружившейся нехватки специальных норм применяются общие нормы об обязательствах, расположенные в гл. 21–26 ГК РФ» [573].

Однако правильным является подход, сформулированный профессором В.В. Витрянским, согласно которому если договор реализуется в формате той или иной специальной договорной конструкции, «то законоположения о соответствующей специальной договорной конструкции имеют приоритет перед правилами, регулирующими конкретный вид договорного обязательства» [210]. Такая гегемония обоснована тем, что применение специальной договорной конструкции видообразует основной договор, наделяет его особыми, нормативно установленными правилами заключения и/или исполнения. Профессор М.Н. Малеина совершенно справедливо указывает на то, что отказ в приоритете правилам специальной договорной

конструкции по сути равнозначен потере правового смысла введения специальной договорной конструкции [624].

Правилом, сформулированным В.В. Витрянским о приоритете СДК, руководствуются в своих исследованиях ученые [625]; [717]. Судебная практика при рассмотрении споров также отмечает приоритет применения правил, установленных для СДК. Только в 2022–2024 гг. более семидесяти судебных актов при разрешении споров указали на принцип приоритета правил СДК перед правилами, регулирующими конкретный вид договорного обязательства.

Примечание – Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2021 по делу № 88–28328/2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.04.2023 № 88–9386/2023 по делу № 2–950/2022; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2023 № 88–9016/2023 по делу № 2– 1153/2022; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 по делу № 88–16863/2023; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.09.2023 № 88–16473/2023 по делу № 2–15–2401/2023; Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 06.09.2023 по делу № 33–3–7168/2023, 2– 404/2023; Решение Кармаскалинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 15.09.2023 № 2–831/2023~М–615/2023; Решение Талицкого районного суда Свердловской области от 22.06.2023 по делу № 2–303/2023 и др.

Вместе с тем, вопрос приоритетного применения правил СДК находится в конфликте с положениями ГК РФ. В ГК РФ очередность применения норма общей и особенной части регулируется положениями двух статей, а именно п. 3 ст. 420 «Понятие договора» (действует с 01.05.1995 г.) и п. 1 ст. 307.1 «Применение общих положений об обязательствах» (действует с 01.07.2015г.).

П. 3 статьи 420 гласит: «К обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (статьи 307–419), если иное не предусмотрено правилами настоящей главы и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в настоящем Кодексе» [8]. Таким образом, диспозиция нормы п. 3. ст. 420 всегда предусматривала примат над положениями Главы 21 ГК РФ положений Главы 27 ГК РФ и положений

особенной части, причем Глава 27 и особенная часть обозначены в равной диспозиции. С 01.07.2015 г. вступила в действие статья 307 ГК РФ. Пункт 1 указанной статьи гласит: «К обязательствам, возникшим из договора (договорным обязательствам), общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в настоящем Кодексе и иных законах, а при отсутствии таких специальных правил – общими положениями о договоре (подраздел 2 раздела III)» [8]. Буквальное толкование этого положения показывает, что ст.307 ГК РФ устанавливает совсем иную архитектуру применения нормы: четко обозначит приоритет правил специальной части и иных «профильных законов», затем (при их отсутствии) наступает очередность Главы 27 ГК РФ и затем уже очередность правил Главы 21 ГК РФ. Таким образом, просматривается горизонтальная коллизия норм: положения ст. 420 ГК РФ не устанавливают приоритетности между положениями Главы 27 ГК РФ и положениями специальной части ГК РФ, а положения ст.307.1 устанавливают приоритетность последних.

Положения Главы 27 ГК РФ о специальных договорных конструкциях (ст. 426, ст. 428–с. 430) по сути сами являются специальными нормами для всех гражданско-правовых договоров, определяя специфику заключения, исполнения и прекращения договора. Чисто умозрительно законодатель мог бы разместить положение о любой специальной договорной конструкции и во второй части ГК РФ, дополнив каждую из глав соответствующими статьями. Например, публичный договор розничной купли–продажи, публичный договора проката, публичный договор подряда, публичный договор перевозки, публичный договор возмездного оказания услуг, публичный договор хранения и т.д.

На основании изложенного следует сделать вывод, что принцип lex specialis действует применительно к специальным договорным конструкциям

только в одном случае: если специальной частью ГК РФ или иным профильным законом установлены специальные нормы именно в отношении СДК. В качестве примера приведем статью 842 ГК РФ «Вклады в пользу третьих лиц». Пункт 1 ст. 430 ГК РФ «Договор в пользу третьего лица» предусматривает, что третье лицо может быть, как указано, так и не указано в договоре. Согласно пункта 1 ст. 842 ГК РФ – указание лица в пользу которого вносится вклад является обязательным условием договора банковского вклада в пользу третьего лица. В данном случае в отношении специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица существует как общая, так и специальная норма, и приоритет будет отдаваться специальной норме.

Публичный договор. Нормы о публичном договоре представлены в ст. 426 ГК РФ. Публичный договор характеризуется следующим. Обязанная сторона – лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность. «При наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы» обязанная сторона не имеет права отказать контрагенту от заключения публичного договора. При этом обязанная сторона вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора только в случаях, прямо установленных нормативными актами. При необоснованном уклонении обязанной стороны от заключения публичного договора, другая сторона в соответствии с п. 4 ст. 445 ГК РФ вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. В этом случае договор считается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда. Обязанная сторона, необоснованно уклоняющаяся от заключения публичного договора, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки. Предоставление

специальных условий и льгот отдельным категориям потребителей допускается только в случаях, прямо установленных нормативными актами. Обязанная сторона не имеет права устанавливать разные цены и иные условия договора внутри одной категории потребителей. Несоблюдение данного требования влечет ничтожность публичного договора.

Соответствующие властные органы (в предусмотренных нормативными актами случаях) могут издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (например, типовые договоры, положения). Не соблюдение таких правил влечет ничтожность публичного договора.

Перечень гражданско-правовых договоров, которые наделяются статусом публичного, законодатель оставил открытым, обозначив в статье 426 ГК РФ для примера лишь некоторую часть из них: договор оказания медицинских услуг, договор розничной купли–продажи, договор в сфере гостиничных услуг, договор перевозки транспортом общего пользования, договор энергоснабжения, договор на оказание услуг связи.

Докажем, что публичный договор не имеет собственного предмета и, соответственно, является специальной договорной конструкцией, модифицирующей основной договор. В качестве антитезисов приведем противоположные позиции ученых, полагающих, что у публичного договора есть самостоятельный предмет.

С.Н. Костикова считает, что ст. 426 ГК РФ содержит норму о предмете публичного договора – продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг [473, с. 160]. Аналогичное мнение высказывает в своем диссертационном исследовании Е.А. Мищенко [488, с. 53]. С.К. Идрышева полагает, что «предмет публичного договора должен определяться посредством указания на публичный характер деятельности стороны, на которой лежит бремя исполнения основной обязанности по договору, что влечет обязанность

заключить договор с каждым, кто обратится, и право каждого его потенциального контрагента требовать заключения такого договора, что указывает па наличие публичного интереса в конкретном договорном правоотношении в сфере частного права» [456, с. 166].

Если говорить о позициях С.Н. Костиковой и Е.А. Мищенко, то необходимо указать, что ст. 426 не содержит положений о продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг как о предмете публичного договора. Законодатель лишь определяет, что при определенных условиях (для определенных видов деятельности) гражданско–правовой договор купли–продажи, выполнения работ или оказания услуг должен подчиняться режиму публичного договора и, как следствие, заключаться и исполняться с учетом особенностей, предусмотренных ст. 426 ГК РФ. Таким образом, в утверждении о том, что статья 426 ГК РФ определяет предмет публичного договора, лежит ложное основание.

Подход С.К. Ирдышевой также не может претендовать на выявление предмета публичного договора. По сути С.К. Ирдышева перечислила через запятую основные положения ст. 426 ГК РФ и указала, что все эти положения определяют предмет публичного договора.

Итак, публичный договор – это всегда гражданско–правовой договор купли–продажи, возмездного оказания услуг, выполнения работ, обремененный в силу нормативного предписания дополнительными условиями, предусмотренными ст. 426 ГК РФ. Без основного договора публичный договор не порождает обязательств и нереализуем.

На основании изложенного мы относим публичный договор к перечню СДК, модифицирующих основной договор.

Договор присоединения. Договор присоединения регулируется статьей 428 ГК РФ. Договор присоединения характеризуется следующим:

1) Условия договора присоединения определены обязанной сторон в формулярах или иных стандартных формах;

2) Определенные обязанной стороной условия договора присоединения принимаются другой стороной в целом и не иначе как путем присоединения к предложенному договору;

3) Присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор:

– лишает присоединившуюся сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида;

– исключает или ограничивает ответственность обязанной стороны за нарушение обязательств;

– содержит иные явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

4) в случае изменения или расторжения договора судом по требованию присоединившейся к договору стороны договор считается действовавшим в измененной редакции либо соответственно не действовавшим с момента его заключения.

Договор присоединения в огромном количестве научных трудов определяется как способ заключения основного договора (В.В. Витрянский [561], Б.Н. Сейнароев [687], Ю.В. Абрамов [170], Е.А. Цатурян [399], С.К. Соломин [694], Е.Б. Козлова [609], Ю.В. Романец [345] и др.). Научных позиций, наделяющих договор присоединения статусом самостоятельного гражданско–правового договора, не обнаружено.

В доктрине договор присоединения определяют, как правовой институт многие видные представители цивилистики (профессор Б.М. Сейнароев [687],

профессор Р.А. Ромашов [680], профессор А.Я. Рыженков [682], профессор В.В. Груздев [251] и др.).

Однако обнаружена и иная позиция. С.К. Идрышева в диссертационной работе на основании того, что договор присоединения является способом заключения договора, высказывает точку зрения о том, что договор присоединения не является правовым институтом и не является специальной договорной конструкцией. С.К. Идрышева пишет: «для выделения договора присоединения в самостоятельный тип нет ни критерия существа возникших из него обязательств; ни критерия характера деятельности одной из сторон (как в публичном договоре), а берется лишь способ заключения договора» [456, с. 220]. Полагаем, что такой подход является неверным. В вопросе признания договора присоединения специальной договорной конструкцией важен не сам аспект способа заключения договора, а то, что с данным способом заключения договора «законодатель связывает существенные правовые последствия, затрагивающие процессуальные и материальные интересы сторон» [687].

Отметим, что именно как правовой институт договор присоединения рассматривают суды всех уровней.

Примечание – Решение Верховного Суда РФ от 18.02.2009 № ГКПИ09–5; Определение Верховного Суда РФ от 10.05.2011 № 5–В11–46 ; Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 257–О; Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4–П; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28–П; Решение Татарстанского УФАС России от 11.08.2016 по делу № 05–67/2016; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.07.2020 № Ф03– 2359/2020 по делу № А04–6643/2019; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2018 № 01АП–4145/2018 по делу № А38–692/2018; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2019 № 04АП– 5404/2019 по делу № А19–15131/2019; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2021 № 08АП–9569/2021 по делу № А75–6244/2021; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2022 № 09АП– 58710/2022 по делу № А40–98571/2022; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.05.2022 № 13АП–6390/2022 по делу № А21– 3652/2021; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.03.2022 № 15АП–2982/2022 по делу № А53–24178/2021; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 по делу № 88–3066/2023.

Таким образом, договор присоединения является специальной договорной конструкцией, регламентирующей специфику заключения основного договора, необходимость стандартизации его условий, а также порядок исполнения основного договора в части его изменения и расторжения.

Рамочный договор. Положения о рамочном договоре, или о договоре с открытыми условиями (ст. 429.1) были инкорпорированы в ГК РФ в 2015 году и с тех пор изменения и дополнения в статью 429.1 ГК РФ не вносились.

Законодатель определил, что рамочным признается договор, определяющий для сторон общие условия договорных обязательств, которые могут в дальнейшем конкретизироваться сторонами. При этом ГК РФ предусматривает открытый перечень способов, которыми может осуществляться указанная конкретизация, приводя в качестве примеров заключение отдельных договоров, оформление заявок.

Далее по принятому алгоритму покажем отсутствие самостоятельного предмета у специальной договорной конструкции рамочного договора.

Рамочный договор является предметом научных дискуссий по целому ряду вопросов, связанных с тенденцией относить его к самостоятельному виду организационного договора.

Р.Ф. Мустафин в монографии, опубликованной в 2015 году, выдвигает тезис о том, что «рамочные договоры в качестве предмета имеют соглашение о действиях, совершаемых в будущем» [319, с. 28].

Профессор А.Н. Левушкин считает предметом рамочного договора «установление общих условий» [621, с. 24]. Примечательно, что одновременно в этим он сомневается в правомерности использования термина «договор», так как «к рамочному договору вряд ли применимы все положения ГК РФ о договорах, сделках и обязательствах» [621, с. 24].

Т.С. Гудовских в диссертационной работе, написанной в 2018 году, полагает, что «предметом рамочного договора следует считать действия его сторон, направленных на восполнение несущественных открытых условий основных договоров» [442, с. 129].

В.И. Татаренко в диссертации, относящейся также к 2018 году, указывает, что «предметом рамочного договора является заключение уточняющих договоров, направленных на возникновение определенного вида гражданско–правового обязательства» [511, с. 88, с. 93].

Самым недавним диссертационным исследованием, посвященном рамочным договорам, является работа 2021 года за авторством Е.О. Ганевой, в которой делается вывод о том, что предметом рамочного договора «являются действия, которые должны быть совершены во исполнение возникающих обязательств, связанных с заключением других договоров в будущем» [436, с. 87].

В позициях Т.С. Гудовских, В.И. Татаренко, Е.О. Ганевой, Р.Ф. Мустафина, А.Н. Левушкина неверным представляется то, что действия по заключению будущих или уточняющих договоров авторы относят к предмету рамочного договора. Такого рода действия составляют не более чем персональные особенности рамочного договора как специальной договорной конструкции. Предметом же рамочного договора, а правильнее сказать, предметом гражданско–правового договора, заключенного по модели рамочного, в зависимости от целевой направленности самого основного договора, будет являться либо купля–продажа, либо поставка, либо перевозка, либо подряд, либо хранение и т.д. И без согласования сторонами предмета именно в этом качестве рамочный договор не будет являться заключенным.

То, что в рамочном договоре должен быть согласован именно предмет основного договора, следует непосредственно из положений п. 1. ст. 429.1 ГК РФ. Дословно норма звучит следующим образом:

«Рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора» [8].

Следовательно, «договор, заключенный по модели рамочного должен как минимум содержать такой набор существенных условий, который позволял бы сторонам и без конкретизации и уточнения каких-либо дополнительных условий оставаться в договорных отношениях по исполнению договора» [645, с. 59]. Данный тезис подтверждается и п. 2 ст. 429.1, согласно которому «к отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, в том числе в случае не заключения сторонами отдельных договоров, подлежат применению общие условия, содержащиеся в рамочном договоре, если иное не указано в отдельных договорах или не вытекает из существа обязательства» [8]. Это также означает, что и без дополнительных согласований и документов договор должен быть исполним, что априори было бы невозможно, если бы стороны не определили в рамочном договоре предмет основного имущественного обязательства.

Данной логике следуют и судебные акты. Арбитражные суды неоднократно отмечали, что «положения статьи 429.1 ГК РФ устанавливают необходимость урегулирования рамочным договором только общих условий обязательственных взаимоотношений сторон, при этом не требуя ни их конкретизации, ни последующего обязательного заключения отдельных договоров». Указанная позиция сформирована судами при рассмотрении споров по договорам различной целевой направленности:

– по договорам на оказание юридических услуг;

П р и м е ч а н и е – Постановление Арбитражного суда Восточно–Сибирского округа от 18.06.2019 № Ф02–2982/2019 по делу № А33–32441/2018; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 22.04.2019 по делу № А33–32441/2018; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.03.2020

№ 13АП– 693/2020 по делу № А56–43508/2018; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2019 № 13АП–23615/2019 по делу № А56– 58958/2017; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2016 № 15АП–8375/2016 по делу № А32–3161/2016 и др.

– по договорам поставки;

П р и м е ч а н и е – Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2021 № 13АП–32286/2020 по делу № А21–8490/2019; Постановление Арбитражного суда Северо–Западного округа от 13.04.2016 № Ф07–1829/2016 по делу № А56–81831/2014; Постановление Арбитражного суда Северо–Западного округа от 28.03.2016 № Ф07–1636/2016 по делу № А56–81831/2014; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2017 № 12АП–6743/2017 по делу № А12– 4859/2017; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2020 № 14АП–6809/2020 по делу № А66–19717/2019; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2017 № 15АП–10433/2017 по делу № А53– 3386/2017; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2019 № 14АП–10254/2019 по делу № А05–8709/2019 и др.

– по дистрибьютерским договорам;

П р и м е ч а н и е – Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13.02.2019 № Ф10–6407/2018 по делу № А14–4146/2018; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.10.2016 № 09АП–46717/2016 по делу № А40– 82271/16 и др.

– по договорам на оказание услуг по информационному и технико–технологическому сопровождению;

П р и м е ч а н и е – Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2017 № 09АП–49612/2017 по делу № А40–18442/17.

– по кредитным договорам;

П р и м е ч а н и е – Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2018 № 01АП–2786/2018 по делу № А39–7011/2017.

– по вопросам применения мер ответственности, вытекающих из рамочных договоров.

П р и м е ч а н и е – Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2016 № 15АП–11428/2016 по делу № А32–3737/2016; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.11.2021 № 19АП–5057/2020 по делу № А36–3413/2020 и др.

На основании изложенного, следует признать несостоятельной позицию авторов, полагающих, что первоначальный рамочный договор «не может

непосредственно порождать имущественные права и обязанности, из него только следует возможность или необходимость дальнейшего согласования условий конкретных обязательств» [509, с. 27].

Отметим, что доктринальные позиции должны выдерживать испытание практикой, они должны быть реализуемы и не могут противоречить реалиям гражданско–правового оборота. И в этом смысле понимание рамочного договора как самостоятельного гражданско–правового договора, с собственным предметом, оторванным от предмета имущественного договора, отторгается практикой. Данный вывод подтверждается следующим.

В 2019 году Федеральный закон о контрактной системе был дополнен частью 24 статьи 22 [4]. Согласно указанным дополнениям: «В случае, если количество поставляемых товаров, объем подлежащих выполнению работ, оказанию услуг невозможно определить, заказчик … определяет начальную цену единицы товара, работы, услуги, начальную сумму цен указанных единиц, максимальное значение цены контракта, а также обосновывает в соответствии с настоящей статьей цену единицы товара, работы, услуги» [21]. Приведенная норма позволила с 1 июля 2019 г. использовать рамочный договор в сфере государственных и муниципальных закупок. Именно так судебная практика оценивает заключаемые в соответствии с частью 24 ст.22 Закона «О контрактной системе» государственные и муниципальные контракты на поставку товаров [123], выполнение работ [164], оказание услуг [169]. Ранее рамочные договоры легитимно начали использоваться в закупках, проводимых отдельными видами юридических лиц по Федеральному закону № 223–ФЗ [19].

Суды рассматривают рамочные договоры именно как те или иные имущественные договоры, в которых стороны оставили «за рамками» условий закупки определенные несущественные условия, но при этом определили предмет в мере, достаточной для признания договора заключенным. В случаях

же, когда заказчик, размещают закупку по рамочному договору в соответствии с законом № 223–ФЗ или № 44–ФЗ вне согласования предмета обязательства и существенных условий договора, суды указывают на нарушение конкурентных процедур [159; 165].

Таким образом, рамочный договор не имеет самостоятельного предмета вне основного гражданско–правового договора. По своей правовой природе это всегда договор с целевой направленностью именно того гражданско–правового договора, который стороны заключили с использованием положений ст. 429.1 ГК РФ.

Сам по себе рамочный договор гражданско-правовым не является и подлежит отнесению к правовой категории СДК, модифицирующих основной договор.

В рамках настоящего подраздела в порядке дополнительного доказательства следует обосновать ошибочность отнесения рамочного договора к организационным, то есть к неимущественным договорам, имеющим самостоятельный предмет.

Сторонники организационной природы рамочного договора полагают, что при кодификации законодатель при конструировании положений статьи 429.1 «Рамочный договор» допустил смешение двух различных институтов – договора с открытыми условиями и рамочного договора [260]. Такая позиция заявлена рядом ученых: Е.О. Ганевой [436, с. 56], А.С. Райниковым [344], Т.С. Гудовских [523, с. 56] и др.

Логика принципиального отличия рамочного договора и договора с открытыми условиями строится на следующем. Е.О. Ганева считает, что «направленный на организацию долгосрочных отношений сторон рамочный договор является договором организационным, в свою очередь договор с открытыми условиями относится к имущественным договорам» [436, с. 11]. Аналогично этому А.С. Райников отмечает, что «классический рамочный

договор не предполагает имущественные предоставления, его задача – установить общие параметры будущих договорных отношений», а договор с открытыми условиями «представляет собой обычный имущественный договор, с той лишь особенностью, что на этапе заключения контракта некоторые его условия стороны намеренно оставляют открытыми для согласования на более поздней стадии» [676, с. 38]. Т.С. Гудовских также указывает на то, что «из рамочных договоров возникают организационные гражданско-правовые отношения, в то время как договоры с открытыми условиями порождают в подавляющем своем большинстве отношения имущественного характера» [582]. Е.Б. Подузова характеризует договор с открытыми условиями как имущественный, а рамочный договор – как неимущественный организационный [670, с. 117]. Ученые, усматривающие принципиальную разницу между рамочным договором и договором с открытыми условиями, полагают целесообразным установить в ГК РФ самостоятельное правовое регулирование для каждого из указанных правовых институтов. Такая рекомендация содержится в работах Е.Б. Подузовой [672], Е.О. Ганевой [436, с. 56], Л.Ю. Василевской [262, с. 36].

По нашему мнению, законодатель при конструировании положений ст. 429.1 ГК РФ не ставил знака равенства между рамочным договором и договором с открытыми условиями как между разными правовыми институтами. Он определил данные словосочетания как два синонимичных понятия одного правового явления.

«Ключом к пониманию природы рамочного договора является непосредственно легальное определение, представленное в ГК РФ, смысл которого в том, что рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается именно договор» [637, с. 22]. Статья 429.1 регулирует именно договорные отношения, в которых стороны определили только предмет и общие условия возникших обязательств, оставив ряд условий на согласование

в будущем. Более того, изначально именно такой подход к рамочному договору и закладывался в 2009 году Концепцией по совершенствованию гражданского законодательства. Пункт 7.8. Концепции определял, что рамочный договор – это договор, который «заключен, но условия которого подлежат применению и детализации в будущем (договор с «открытыми», то есть подлежащими согласованию в будущем условиями)»[76].

Для того, чтобы подход сторонников теории разграничения рамочного договора и договора с открытыми условиями был состоятельным, необходимо, чтобы выделяемый ими из состава статьи 429.1 ГК РФ организационный договор являлся именно гражданско-правовым договором.

Как известно, одним из оснований дихотомического деления гражданско-правовых договоров является разложение их на имущественные и неимущественные (организационные). Если для имущественного договора предмет договора должен определять и объект вещных прав, по поводу которого заключен договор, и обязательства относительно указанного объекта [638, с. 36], то для организационных (неимущественных) договоров содержание предмета ограничивается обязательственным аспектом. Но при этом, гражданско–правовой договор должен не просто содержать сведения о воле сторон, он должен связать участников определенными правами и обязанностями, причем нарушение первых в результате неисполнения последних обеспечивается судебной защитой. Если стороны организационного договора обязались заключить в будущем имущественный договор, то мы имеем дело с предварительным договором, который имеет свое отдельное правовое регулирование, установленное статьей 429 ГК РФ. Если же стороны в совместном документе зафиксировали намерение о заключении в будущем гражданско–правового договора, пусть даже описав его характер и рамочные условия, но при этом ни у одной из сторон не возникло никаких обязательств, то речь идет не более чем о соглашении о намерениях, которое

никак нельзя расценивать ни как имущественный, ни как организационный договор. В этом смысле нельзя не сослаться на позицию профессора М.М. Брагинского, который совершенно определенно отмечал, что возникновение взаимных прав и обязанностей сторон является квалифицирующим признаком договора и указал, что «если этот признак отсутствует, то и нет основания для отождествления соглашения с договором» [198, с. 118].

Профессор Л.Ю. Василевская делает закономерный вывод о том, что «любой договор есть соглашение, но не любое соглашение является договором» [556]. На то, что в силу разных юридических последствий нельзя отождествлять договоры и соглашения указывает В.Б. Гольцов: «соглашение может фиксировать лишь волю (желание лица) вступить в будущем в договорные отношения, но оно не порождает каких-либо прав и обязанностей у сторон» [574].

Следует согласиться с В.Г. Нестолием, который, рассматривая концепцию взаимосвязи рамочного как организационного и основного договора, указывает, что в таком виде «рамочный договор вообще не есть договор, он не порождает обязательства или другого относительного правоотношения, не порождает и абсолютных прав» [321, с. 73].

По мнению А.С. Коблова, разграничение рамочного договора и договора с открытыми условиями «юридически избыточно, а на практике не удается обнаружить различие в правовых подходах, которые были бы приемлемы для рамочных договоров, но не могли бы быть приемлемы для договоров с умышленно открытыми условиями, справедливо и обратное» [608].

Необходимо согласиться и с позицией В.С. Комарицкого, указавшего, что предложения о разделении в гражданском кодексе положений о рамочном договоре и договоре с открытыми условиями «за исключением увеличения

количества норм ГК РФ, не привнесет никаких дивидендов законодательству и гражданскому обороту» [470, с. 134].

Таким образом, рамочный договор – это специальная договорная конструкция основного договора со специфическими свойствами, а именно возможностью оставить открытыми ряд условий, которые стороны не могут либо не хотят согласовать на стадии заключения. При этом, в силу положений ст. 429.1, рамочный договор должен быть исполним и том случае, если в будущем стороны не согласуют открытые условия. Как следствие, в рамочном договоре должен быть согласован предмет основного обязательства. В случае же, если стороны не согласовали предмет обязательства, рамочный договор теряет статус договора и представляет собой не более чем соглашение о намерениях.

Полагаем, что проведенное исследование позволяет сделать обоснованный вывод о том, что рамочный договор не является организационным договором. В модели, когда стороны не согласовали предмет основного обязательства, отношения сторон следует рассматривать как внедоговорное соглашение о намерениях. В случае, когда сторонами согласован предмет договора, возникло и обязательство, подлежащее уточнению и дополнению будущими условиями, стороны заключили гражданско–правовой договор с применением специальной договорной конструкции рамочного договора. Таким образом, нами доказано отсутствие необходимости и обоснованности разделения таких понятий как рамочный договор и договор с открытыми условиями.

Договор с исполнением по требованию (абонентский договор). Абонентский договор регулируется статьей 429.4 ГК РФ, положения которой были закреплены гражданским кодексом в 2015 году. Юридическая характеристика договора с исполнением по требованию достаточно проста. Абонент обязан вносить платежи по договору за право требовать от другой

стороны предоставления предусмотренного договором исполнения. Уплата абонентских платежей не ставится в зависимость от того, было ли затребовано абонентом соответствующее исполнение по договору. Абонентский договор – «это договорная конструкция, в которую можно облечь, по сути, почти любой возмездный поименованный или непоименованный договор» [260].

Е.Б. Подузова указывает на то, что «абонентский договор порождает имущественные отношения» [262, с. 45]. Это несомненно так, в смысле того, что имущественные отношения порождает именно основной договор, заключенный по модели абонентского. Как и иные СДК, абонентский договор не имеет самостоятельного предмета и наследует предметную направленность основного обязательства. Вместе с тем, по данному вопросу наблюдаются иные точки зрения.

Профессор М.Н. Малеина полагает, что «предмет абонентского договора можно представить, как возможность абонента заявить требование об исполнении договора и совершение исполнителем действий по исполнению в ответ на заявленное требование» [624]. Рассуждая в данном русле, М.Н. Малеина указывает на то, что «если в период действия договора абонент не воспользовался возможностью получить исполнение, то цена абонентского договора является платежом за поддержание договора» [624]. Похожее мнение высказывает А.Г. Карапетов, полагающий, что абонентская плата «является одновременно и встречным предоставлением за тот объем исполнения, который был реально востребован, и платой за получение секундарного права» [600, с. 67]. Н.Ю. Челышева подчеркивает, что по абонентскому договору плата вносится «не за факт оказания услуг, а именно за право требовать от другой стороны (исполнителя) предусмотренного договором исполнения» [403, с. 213]. А.Н. Левушкин так же указывает на то, что абонентская плата вносится за «постоянную готовность предоставить услугу, выполнить работу или поставить товар» [621, с. 24], то есть не за материальное благо, а за право

его получения. С.П. Гришаев, комментируя положения ст. 429.4 ГК РФ, также определяет предметом абонентского договора приобретение права требования: «договорная конструкция абонентского договора предусматривает внесение платы не за услугу, товар или работы как таковые, а за право их затребовать в необходимом объеме по усмотрению управомоченной стороны» [249].

Докажем ошибочность наделения абонентского договора собственным предметом и с позиции нереализуемости этой концепции на практике. Если исходить из того, что плата по абонентскому договору является платой за право требовать соответствующего представления, то следствием такого подхода является то, что само представление в виде оказанной услуги и выполненной работы носит безвозмездный характер. В этом случае у исполнителя возникала бы безвозмездная реализация работ или услуг, а у заказчика – безвозмездное их получение. Для обеих сторон абонентского договора это имело бы негативные последствия, в частности налоговые. У исполнителя возникала бы обязанность по уплате НДС, поскольку реализация работ и услуг на безвозмездной основе является, согласно ст. 154 НК РФ, объектом обложения НДС, при этом для целей налогообложения принимается рыночная стоимость указанных товаров. У принимающей стороны (абонента) полученные безвозмездно работы и услуги также являлись бы объектом налогообложения, но уже в части налога на прибыль в соответствии с п.8 ст.250 НК РФ с определение налоговой базы по рыночной цене. Таким образом, доктринальные позиции, квалифицирующие абонентскую плату как плату «за право», а не за работу или услугу, составляющие предмет основного договора, не учитывают всех последствий такой трактовки абонентского договора. Представляется маловероятным, чтобы участники абонентских договоров – операторы связи, интернет–провайдеры, компании по ремонту бытовой техники, консалтинговые бюро – имели действительную волю к

безвозмездному характеру осуществляемой профессиональной деятельности, имели намерения к такому порядку реализации гражданско-правовых отношений. Предмет договора прежде всего определяется договорной каузой. Главным критерием является то, с какой целью стороны вступила в договорные отношения. Заключая абонентский договор услуг связи, абонент не преследует цели приобрести секундарное право, ему важно приобрести определенную услугу. Аналогично этому целью исполнителя является в рамках осуществления своей профессиональной коммерческой деятельности реализовать услуги связи, а не некое секундарное право.

Профессор М.Н. Илюшина, комментируя ст. 429.4 ГК РФ, сделала совершенно правильный вывод о том, что «специфика абонентского договора заключается в способе фиксации цены» [232]. Таким образом, плата по абонентскому договору – это не плата за секундарное право, а специальный способ оплаты товаров, работ, услуг, относительно которых заключен гражданско–правовой договор. Абонентский договор наследует целевую направленность базового обязательства, не имеет собственного, отличного от базового обязательства, предмета и подлежит отнесению к категории СДК, модифицирующих основной договор.

Полагаем, что ошибочное определение «права требования» предметом абонентского договора связано с формулировкой законодателя, связавшим в статье 429.4 ГК РФ абонентскую плату с правом «требовать от другой стороны (исполнителя) предоставления предусмотренного договором исполнения». Вместе с тем совершенно очевидно, что такое буквальное прочтение никак не может претендовать на определение юридической природы абонентского договора. Как верно отмечено Е.Ф. Цокур, «любой двухсторонний возмездный договор предполагает возникновение у каждой стороны права требовать предоставления исполнения» [713, с. 151]. Безусловно, формулировку, которую законодатель дал в статье 429.4 ГК РФ следует признать неудачной,

поскольку применение данной конструкции позволяет утверждать, что по любому договору плата вносится за секундарное право: например, по договору купли–продажи – за право требовать передачи вещи или за право требовать выполнения работ при заключении договора подряда и т.д.

По нашему мнению, положения пункта 1 статьи 429.4 ГК РФ нуждаются в корректировке. Предлагаемая редакция: «1. Договором с исполнением по требованию (абонентским договором) признается договор, предусматривающий внесение одной из сторон (абонентом) определенных, в том числе периодических, платежей или иного предоставления за предусмотренное договором встречное представление от другой стороны (исполнителя) в затребованных количестве или объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом».

На основании изложенного – абонентский договор является специальной договорной конструкцией, подлежащей отнесению в группу «СДК, модифицирующие основной договор».

Опционный договор. Действующий ГК РФ содержит положения о двух опционных институтах – опционе на заключение договора и опционном договоре. Опцион на заключение договора регулируется статьей 429.2 ГК РФ, а опционный договор – статьей 429.3 ГК РФ. Обе статьи были внесены в ГК РФ Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 42–ФЗ и вступили в действие с 1 июня того же года.

Для анализа позиций по вопросу правовой природы опционного договора, а также в последующем опциона на заключение договора, будут исследоваться научные труды, относящиеся к периоду после 2016 года. Дело в том, что поправки к Гражданскому кодексу, внесенные законом № 42–ФЗ принимались в течении очень длительного срока. Законопроект был внесен в Государственную Думу 04.03.2012 г., а принят ею в окончательном чтении только 25.02.2015 [327], после чего 04.03.2015 был одобрен Советом

Федерации и подписан Президентом РФ 08.03.2015 года В первой редакции законопроект содержал статью «Опционный договор». В третьем чтении, законопроект содержал уже положения о двух опционных соглашениях «Опцион на заключение договора» и «Опционный договор». Причем положения, изложенные в статье «Опционный договор» законопроекта в первом чтении, были в третьем чтении перемещены законодателем в статью 492.2 «Опцион на заключение договора», а статья 493.3 «Опционный договор» была наполнена совершенно иным содержанием. В итоге в доктринальных суждениях об опционном договоре, относящихся к 2012–2015 гг. зачастую в действительности речь идет не об опционном договоре, а об опционе. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение в силу существенных отличий между опционом на заключение договора и опционным договором.

Опционный договор – это заключенный гражданско–правовой договор (купли–продажи, оказания услуг, аренды и так далее), содержащий условие, по которому управомоченная сторона вправе потребовать исполнения договора. За указанное право управомоченная сторона уплачивает предусмотренную в договоре денежные сумму. Возмездность опционного договора имеет диспозитивный характер – согласно п. 2 ст. 429.3 ГК РФ стороны могут предусмотреть, что право заявить требование по опционному договору может быть безвозмездным. Таким образом, опционный договор является исключением из положений ст.575 ГК РФ о запрете дарения имущественных прав и требований между коммерческими организациями.

Во многих научных трудах опционный договор рассматривается как специальная договорная конструкция (С.Ю. Морозов, Р.Ф. Мустафин, Д.В. Лубягина, В.И. Татаренко, М.К. Сулейменов, А.Г. Карапетов и др.).

С.Ю. Морозов констатирует, что «опционный договор представляет собой специальную договорную конструкцию, которая на самом деле договором в собственном смысле не является, а представляет собой

законодательную оболочку, которую может «примерить» на себя практически любой договор» [651].

Р.Ф. Мустафин приходит к выводу, что поскольку опционный договор проявляется через специальное условие, то «опционный договор является специальной договорной конструкцией, которая нацелена на обеспечение прав и интересов участников торговых отношений» [654, с. 98].

А.Г. Карапетов совершенно справедливо отмечает, что «опционный договор не является самостоятельным договорным типом. Это любой договор (купли–продажи, мены, аренды и т.п.), в котором исполнение основных обязательств обеих сторон поставлено в состояние «до востребования» [600, с. 67]. Однако, нельзя согласиться с трактовкой А.Г. Карапетова того, что опционный договор – это объединение двух договоров. Опционное условие не существует «вне» основного договора, следовательно, опционное условие не имеет самостоятельной судьбы без заключения основного договора и не может быть выделено в отдельное автономное обязательство.

Д.В. Лубягина относит опционный договор к договорным конструкциям, поскольку оценивает его как «характеристику любого гражданско– правового договора» [622, с. 67].

В.И. Татаренко считает, что опционный договор является классической специальной договорной конструкцией, идентичной по своей правовой природе институту публичного договора, договора присоединения, договора в пользу третьего лица [509, с. 28, с. 33].

М.К. Сулейменов относит опционный договор к специальным договорным конструкциям и характеризует опционные договоры как «основные договоры с дополнительным обременением [374].

Следует отметить, что статус специальной договорной конструкции признается за опционным договором не всеми учеными. Например,

В.В. Витрянский, А.Н. Левушкин, А.И. Фролов, Г.Н. Орлов полагают, что опционный договор является самостоятельным обязательством.

В первую очередь, следует отметить мнение В.В. Витрянского, который считает, что опционный договор «ничем не отличается от обычного договора и не может претендовать на квалификацию в качестве специальной договорной конструкции» [210]. По нашему мнению, В.В. Витрянский несправедливо отказывает опционному договору в статусе специальной договорной конструкции. Поэтому мы присоединяемся к мнению К.К. Лебедева, который не согласен с такой позицией профессора В.В. Витрянского. К.К. Лебедев пишет о том, что «включение условия об опционе в договор поставки не меняет тип/вид договора, он как был, так и останется договором поставки, но его содержание и роль договора усилятся, как и усилится воздействие договора как регулятивного правового инструмента на экономические отношения» [302, с. 135].

А.Н. Левушкин считает, что «законодательное определение опционного договора не позволяет говорить об опционном договоре как о специальной договорной конструкции» [621, с. 23]. Позиция А.Н. Левушкина, на наш взгляд, выглядит необоснованной, особенно с учетом того, что А.Н. Левушкин пишет при этом, что «опционный договор не является специальным договором, а лишь указывает на ту форму, к которой может относиться договор, и дает ей законодательное закрепление» [621, с. 26].

А.И. Фролов полагает, что «договоры опционного типа — отдельный тип договоров, поскольку у них есть собственная кауза (предоставление одной стороне договора имущественного права выбора)» [710, с. 86]. Схожую позицию занимает Г.Н. Орлов, который полагает, что опционный договор носит «организационный характер, такой же, как характер абонентского договора, предварительного, рамочного, публичного» [491, с. 12], и «так же как абонентский договор, предварительный, рамочный, публичный,

выступают предпосылками к возникновению договора или основного обязательства» [491, с. 12]. Г.Н. Орлов считает, что «предметом опционного договора является не поставка товаров, выполнение работ или оказание услуг, а право потребовать в удобное для себя время совершения перечисленных действий» [491, с. 34].

Позиции Г.Н. Орлова и А.И. Фролова представляются неверными по целому ряду оснований. Во–первых, как было доказано выше в настоящем параграфе, ни абонентский, ни рамочный, ни публичный договоры организационными договорами не являются. Во–вторых, абонентский, рамочный и публичный договоры не выступают предпосылками к возникновению договора или основного обязательства. В–третьих, определение предмета опционного договора как права требовать совершение определенных действий имеет тот же порок, что и определение предметом абонентского договора право требования исполнения. Следствием подобного подхода является необходимость признания безвозмездности имущественного представления товаров, работ, услуг по основному договору, в условия которого включено опционное условие.

Опционный договор по существу представляет собой симбиоз различных по правовой природе правоотношений. Первое из них связано с опционной суммой и представляет двустороннюю возмездную сделку, по которой управомоченная сторона за опционную плату приобретает право потребовать исполнения основного договора или может не воспользоваться своим секундарным правом и таким образом отказаться от исполнения договора. Опционный договор, по нашему мнению, следует рассматривать как смешанный договор с последовательным возникновением и исполнением обязательств – на первой стадии обязательство возникает и реализуется в части опциона, на второй стадии – непосредственно в части основного обязательства, в отношении которого заявляется опцион.

Опционный договор можно квалифицировать как сложное обязательство. Профессор М.М. Агарков в книге «Обязательство по советскому гражданскому праву», ставшей классикой отечественной цивилистики, указывал на то, что «обязательство нередко осложняется особым отношением, в силу которого одна сторона имеет право односторонним волеизъявлением другой стороне изменить или прекратить обязательственное правоотношение» [174, с. 67]. В опционном договоре ситуация несколько иная – управомоченная сторона отсутствием волеизъявления на право заявить требование по опционному договору фактически прекращает тот основной договор, в который стороны включили опционное условие.

Опционный договор является специальной договорной конструкцией, поскольку он не реализуем вне основного договора. Опционный договор – это тот или иной основной договор (купли–продажи, выполнения работ, оказания услуг), который содержит опционное условие, определяющее специфику исполнения основного договора. Основной гражданско–правовой договор (например, купли–продажи, поставки, перевозки, страхования) лишь при включении в его состав опционного условия становится опционным договором, однако при этом не меняет базовую целевую направленность – целью сторон, с которой они вступили в договорные отношения, остается купля–продажа, поставка, перевозка, страхование и т.д.

Государственный (муниципальный) контракт. Положения о государственном (муниципальном) контракте регулируются Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [21].

Легальное определение государственного (муниципального) контракта содержится в пункте 8 части 1 статьи 3 ГК РФ и до 2020 года было сформулировано следующим образом: «государственный контракт, муниципальный контракт – договор, заключенный от имени Российской

Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд».

В конце 2019 года в Закон о контрактной системе были внесены изменения, изменившие определение государственного (муниципального) контракта. И с 08.01.2020 нормативное определение формулируется следующим образом: «государственный контракт, муниципальный контракт – гражданско–правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд» [14].

Таким образом, вопрос правовой природы государственного (муниципального) контракта, считавшийся на протяжении многих лет «одним из самых сложных и дискуссионных» [534, с. 224], потерял свою остроту, поскольку законодатель нормативно закрепил за контрактами в сфере закупок их гражданско–правовой статус. Учитывая данное обстоятельство, автор не считает необходимым останавливаться на ранее сформированных доктринальных позициях, предполагающих за государственным (муниципальным) контрактом статус административного договора [192; 462; 511; 571].

Квалификация государственных и муниципальных контрактов в качестве СДК в достаточной степени обоснована многими учеными, и мы присоединяемся к этому научному подходу.

Д.А. Чваненко справедливо считает, что признавать государственный контракт «видом гражданско-правовых договоров недопустимо, поскольку у государственного контракта нет самостоятельного предмета. Конструкция этого контракта является более широкой и лишь опосредует поименованные и непоименованные в ГК РФ договоры» [520, с. 43].

В данном направлении профессор Л.В. Андреева рассуждала еще в 1997 году, отмечая, что «государственный контракт следует рассматривать как особый тип договора, стоящий в одном ряду с предварительным и публичным договорами, так как государственный контракт не имеет товарного характера» [534, с. 224]. Таким образом, можно констатировать, что Л.В. Андреева является одним из первых ученых в отечественном праве, определившим государственный контракт как специальную договорную конструкцию. Особого внимания данный факт заслуживает в связи с тем, что данный подход был заявлен задолго до того, как концепция о специальных договорных конструкциях была озвучена В.В. Витрянским.

По верному замечанию Е.А. Цатурян, «за госконтрактом всегда скрывается определенный гражданско–правовой договор» [712, с. 13]. Е.А. Цантурян совершенно справедливо констатирует, что в настоящий момент в теории гражданского права сформировался «новый подход к пониманию юридической сущности госконтракта» [399] как специальной договорной конструкции. При этом Е.А.Цатурян пишет: «если такие известные СДК, как договор присоединения (ст. 428); предварительный договор (ст. 429); договор в пользу третьего лица (ст. 430), выделены в ГК РФ, то государственный контракт, как специальная договорная конструкция, выделен Законом № 44–ФЗ» [399].

К специальным договорным конструкциям государственный (муниципальный) контракт также относят А.В. Демкина [257], А.А. Абрамова [530], А.А. Михайлова [487], П.С. Тарабаев [508],

М.В. Шмелева [523], Л.Е. Пермяков [494], А.Е. Кирпичев [464], С.В. Карасева [459], Я.Б. Гребенщикова [439] и др.

Исторический генезис государственного контракта будет представлен в главе 3 диссертационного исследования, пока лишь отметим, что понимание государственного контракта не как самостоятельного договора, а как специфической формы подряда и поставки было заложено еще дореволюционной цивилистикой.

Имея, безусловно, свою специфику, обусловленную составом сторон, порядком обеспечения, заключения, изменения и расторжения данного договора, государственный (муниципальный) контракт в зависимости от целевой направленности и от предмета основного договора опосредует самые различные виды договорных отношений. Так, согласно п.5 ст. 454 ГК РФ, поставка товаров для государственных нужд относится Гражданским кодексом к отдельным видам договора купли–продажи, а подрядные работы для государственных нужд, следуя п. 2 ст.702 ГК РФ, являются отдельным видом договора подряда. В соответствии с п. 2 ст. 778 ГК РФ, государственные или муниципальные контракты на выполнение НИОКР регулируются положениями главы 38 Гражданского кодекса, посвященной договорам на выполнение научно–исследовательских, опытно–конструкторских и технологических работ.

На основании вышеизложенного, государственный (муниципальный) контракт подлежит отнесению к перечню СДК, модифицирующих основной договор.

Исходя из того, что государственный (муниципальный) контракт является специальной договорной конструкцией, опосредующей различные договорные отношения, ряд ученых (Э.Х Рахимов [498], С.В. Карасева [459, с. 35–36], Д.А. Чваненко [520, с. 45], Я.Б. Гребенщикова [577, с. 107–108]) обосновывают универсальность

данного правового института по отношению к видовой классификации гражданско-правовых договоров, расположенных во второй части ГК РФ, и считают необходимым дополнить подраздел «Общие положения о договоре» Части первой ГК РФ статьей «Государственный или муниципальный контракт», закрепляющей легальную дефиницию государственного контракта и его конститутивные признаки. Такое предложение представляется вполне обоснованным, оно реализовано в некоторых правопорядках. Так, например, ГК республики Азербайджан в общей части обязательственного права, наряду с положениями о публичном договоре, предварительном договоре и договоре в пользу третьего лица, содержит статью 404–1 «Договор о государственной закупке».

Полагаем, что специальная договорная конструкция государственного (муниципального) контракта подлежит закреплению в отдельной, самостоятельной статье в главе 27 Части первой ГК РФ. При этом специальная договорная конструкция государственного контракта будет регулировать договоры части второй ГК РФ аналогично тому, как общая такие договоры регулируются статьей 426 «Публичный договор». Устанавливая универсальные правила для публичных договоров в ст. 426 первой части ГК РФ, законодатель конкретизирует во второй части ГК РФ особенности публичных договоров применительно к отдельным видам обязательств. Так, ст. 492 ГК РФ устанавливает особенности публичных договоров розничной купли продажи, ст. 626 ГК РФ – особенности публичных договоров проката, ст. 730 ГК РФ – специфику публичных договоров бытового подряда, ст. 789 ГК РФ – публичные договоры перевозки транспортом общего пользования, ст.834 ГК РФ – специальные нормы для договоров банковского вклада, заключаемых с гражданами, ст. 908 ГК РФ – содержит положения о специальном регулировании применительно к договору хранения товарным складом общего пользования, ст. 919 ГК РФ устанавливает специфику

договора хранения в ломбарде вещей, принадлежащих гражданину, ст. 923 ГК РФ регулирует публичный договор хранения вещей в камерах хранения транспортных организаций, ст. 927 ГК РФ устанавливает нормативные правила для публичных договоров личного страхования.

Предлагается дополнить положения первой части ГК РФ статьей:

Статья 429.5. Государственный (муниципальный контракт)

1. Государственным (муниципальным) контрактом признается гражданско–правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд.

2. Отношения по государственным (муниципальным) контрактам регулируются в соответствии с законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

3. В случаях, предусмотренных законом, Правительство Российской Федерации, а также уполномоченные Правительством Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти могут издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении государственных (муниципальных) контрактов.

Договор в пользу третьего лица.

Договор в пользу третьего лица регулируется статьей 430 ГК РФ. В рамках договора в пользу третьего лица может быть реализовано большинство гражданско-правовых договоров. Договор в пользу третьего лица в доктрине традиционно рассматривается как СДК, опосредующая такие

виды договоров, как договор страхования (Ю.Б. Фогельсон [389], Л.Г. Ефимова [267], А.Г. Архипова [538], А.Ю. Чурилов [406] и др.), договор перевозки (М.О. Денисова [584], Н.Н. Остроумов [331], М. Васильева, Е.В. Богданов [196] и др.), договор доверительного управления(И.С. Шиткина [414], З.Э. Беневоленская [195], С.П. Гришаев [248], Г.С. Шапкина [407], А.В. Барков [544] и др.), договора банковского вклада (А.Ю. Чурилов [406], М. Ильясов [597], Р.С. Зардов [590], и др.).

Более того, существуют договоры, которые априори могут быть реализованы исключительно в случае использования данной договорной конструкции. В качестве примера назовем договор страхования ответственности за причинение вреда [643, с. 9]. Вместе с тем существуют договоры, которые не могут быть заключены в пользу третьего лица. Например, как указывает А.Ю. Чурилов, договор страхования предпринимательского риска невозможно сконструировать как договор в пользу третьего лица, «поскольку такой договор может быть заключен только в пользу самого страхователя» [406, с. 141].

Следует отличать специальную договорную конструкция договора в пользу третьего лица от исполнения договора третьему лицу. А.А. Павлов обозначил «дифференциальную классификацию конкретного договора либо в качестве договора, предусматривающего переадресацию исполнения, либо в качестве договора в пользу третьего лица» [281] как сложный вопрос. А.Г. Карапетов и С.В. Сарбаш указали на то, что такую дифференциальную классификацию следует проводить на основании толкования договора [281].

Практически во всех научных работах при анализе конструкции договора в пользу третьего лица отмечается, что при переадресации исполнения субъектный состав обязательства не меняется. Как следствие, в качестве основного критерия разграничения договора в пользу третьего лица

и переадресации в порядке действия статьи 312 ГК РФ ученые обозначают, что в последнем случае лицо, уполномоченное кредитором на принятие исполнения по договору, не вступает в договор и не может заявлять требования к должнику – это право остается за кредитором. Такую позицию демонстрируют в своих трудах В.А. Белов [191, с. 181], Е.В. Богданов [196], М.И. Брагинский [198], А.Г. Карапетов [260], В.В. Кулаков [297], М.А. Мильков [486, с. 94 с. 98; 650, с. 137], А.В. Никитин [657], А.А. Павлов [237], С.В. Сарбаш [351; 506, с. 191], О.Ю. Скворцов [237], Ю.А. Тарасенко [377], Е.А. Суханов [241], Е.В. Суховольская [261], В.А. Хохлов [397], А.Ю. Чурилов [406] и др.

По нашему мнению, основанием разграничения переадресации в порядке действия ст.312 ГК РФ и собственно договора в пользу третьего лица является сущность обязательства, которое подлежит исполнению в пользу третьего лица. А именно: договор в пользу третьего лица может являться таковым именно в случае, если исполнение в пользу третьего лица является обязательством по предоставлению блага, определяющего предмет и целевую направленность гражданско–правового договора. Анализ научных работ показывает, что доктриной сформированы мнения, согласующиеся подходом диссертанта. Так, Е.В. Суховольская указывает, что в «подлинном договоре в пользу третьего лица» распространение «эффекта договора на третьих лиц» является одной из целей заключаемого договора [261, с. 526]. В.Н. Огнев полагает, что «что называть кого–либо третьими лицами следует только тогда, когда эти лица имеют самостоятельный интерес к объекту обязательства и, соответственно, волю на возникновение, развитие и прекращение правовых отношений» [660, с. 148]. В.В. Кулаков также отмечает, что в договоре в пользу третьего лица, интерес этого лица должен быть связан «с объектом исходного анализируемого обязательства. Если такого интереса нет, то предполагаемое «третье лицо» таковым не будет, оно вообще не имеет

никакого отношения к исследуемому обязательству» [612, с. 20]. Профессор В.В. Кулаков делает совершенно правильный вывод о том, что, если лицо, в пользу которого исполняется обязательство по договору, не имеет интереса в обязательстве, а имеет лишь интерес, совпадающий «с интересом какой-либо из сторон, оно будет непосредственным участником первого правоотношения на одной из сторон, а вовсе не третьим лицом» [297, с. 96].

Третье лицо, вступая стороной в гражданско–правовой договор, должно иметь мотив, совпадающий с мотивом, побудившим должника и кредитора изначально заключить соответствующий договор, то есть исполняемое в пользу третьего лица обязательство должно быть связано с основанием, с каузой договора. Статья 423 ГК РФ относит плату за полученное благо по возмездному договору к встречному представлению. Иными словами, именно получение объекта вещных прав, определяющих целевую направленность договора, обусловливает возникновение у должника обязательства по его эквивалентной оплате.

Профессор В.П. Грибанов писал: «взаимосвязь причины и следствия характеризуется тем, что причина, во–первых, предшествует следствию по времени и, во–вторых, следствие всегда есть результат действия причины» [246]. Со вторым положением ученого нельзя не согласиться, поскольку «связь основания и следствия является отражением причинно–следственных связей, которые выражаются в том, что явление–причина порождает явление–следствие» [307, с. 121]. Вместе с тем в динамике гражданско-правовых отношений причина не всегда предшествует следствию. Д.А. Гусев указывает на то, что «когда мы говорим, что одно событие обязательно является причиной другого, потому что одно из них произошло раньше другого, то допускаем логическую ошибку» [253, с. 86]. В возмездном договоре, предусматривающем в качестве цели договора перемещение объекта вещных прав в виде товара, работы, услуги, предоплата, когда она осуществляется в

виде аванса, всегда будет следствием причины в виде существующего обязательства по поставке товара, работы, услуги. Отдельно следует отметить, что перемещение денежных средств может являться не следствием, а причиной, но только в тех случаях, когда такое представление является проявлением основного обязательства, то есть базовое обязательство состоит в уплате денежных средств – например, при выплате страхового возмещения, при выплате процентов по банковскому вкладу и т.д.

Из положений п. 2 ст. 430 ГК РФ следует, что стороны гражданско–правового договора теряют возможность изменять или прекращать договор с момента выражения третьим лицом намерения воспользоваться своим правом по договору. При переадресации исполнения подобное ограничение на стороны договора не налагается, что объясняется также тем обстоятельством, что исполнение обязательства лицу, указанному кредитором, не затрагивает предмета гражданско–правового отношения в части его целевой направленности. А.Ю. Чурилов делает верный акцент на том, что при переадресации интерес третьего лица «лежит в данном случае за пределами заключенного между кредитором и должником договора» [406, с. 86].

Следовательно, в случае, если в гражданско–правовом договоре должник исполняет обязательство по оплате договора третьему лицу, на которое указал кредитор, то такая переадресация исполнения по сути означает лишь модифицированный порядок исполнения обязательства по оплате.

Таким образом, при вопросе разграничения договора в пользу третьего лица и переадресации следует учитывать какое именно обязательство исполняется третьему лицу. Обязательство, определяющее целевую направленность гражданско–правового договора может быть исполнено третьему лицу, то есть третье лицо может вступить в гражданско–правовой договор на стороне кредитора и договор может квалифицироваться как договор в пользу третьего лица. В случаях, когда должник исполняет третьему

лицу обязательство по оплате приобретаемых в рамках гражданско–правового договора товаров, работ, услуг, договор не приобретает правового статуса договора в пользу третьего лица.

Следует констатировать отсутствие научной дискуссии по вопросу, является ли договор в пользу третьего лица самостоятельным гражданско-правовыми договором. Доктринальные исследования однозначно относят договор в пользу третьего лица к специальным договорным конструкциям основного договора.

1.3 Специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору

К группе СДК, автономных по отношению к основному договору, относятся две СДК, а именно: предварительный договор и опцион на заключение договора.

Предварительный договор

В отличии от договора присоединения, публичного договора и других СДК, указанных нами в качестве таковых в параграфе 1.2., предварительный договор − это полноценный гражданско–правовой договор, имеющий свой предмет и целевую направленность.

В качестве специальной договорной конструкции предварительный договор рассматривают профессор В.В. Витрянский, профессор М.К. Сулейменов [374], профессор С.К. Соломин [696], профессор Ю.В. Романец [345], Т.С. Гудовских [523], А. Мухамеджанова [656, с. 12], О.С. Юренкова [722] и другие ученые.

Одновременно с этим предварительный договор в комментариях к ГК РФ однозначно квалифицируют как организационный договор профессор

Б.М. Гонгало [259; 338], профессор М.Н. Илюшина [232], А.Г. Карапетов [260].

Доктринальное деление гражданско-правовых договоров на имущественные и организационные имеет свою историю. Основоположником выделения в предмете гражданского права организационных правоотношений в литературе, как правило, называют профессора О.А. Красавчикова со ссылкой на положения, представленные в научной работе 1966 года «Гражданские организационно–правовые отношения». Действительно, изучение данного источника показывает, что О.А. Красавчиков определил основные подходы к юридическому трактованию организационных отношений, и именно эти подходы впоследствии развивались и углублялись отечественными учеными. О.А. Красавчиковым впервые было выдвинуто положение о том, что организационные отношения, «построенные на отношениях равенства и координации», относятся к предмету гражданско–правового регулирования [611, с. 50]. Через два десятилетия, в книге «Советское гражданское право», сам автор показал на ретроспективу восприятия данной идеи представителями советской науки. Ученый пишет о том, что концепция отнесения организационных отношений к предмету гражданского права первоначально «не привлекла к себе особого внимания со стороны гражданско–правовой науки. Лишь в последующие годы она обрела как своих сторонников, так и, в известной мере, последовательных противников» [362, с. 14]. Среди своих пропонентов О.А. Красавчиков называет таких видных ученых, как профессор А.Г. Быков, профессор Н.И. Клейн и др. Среди оппонентов – не менее известных цивилистов: академика Ю.К. Толстого, профессора В.Ф. Яковлева и других представителей ленинградской школы цивилистов. Оппоненты, критики концепции О.А. Красавчикова отмечали, что «всякое общественное отношение в известном смысле носит организационный характер, поскольку поведение его

участников должно быть упорядочено и взаимно координировано, без чего наступил бы распад общественных связей. Однако в качестве особого вида общественных отношений выступают лишь организационно–управленческие, организационно–властные отношения. В остальных случаях организационные отношения — лишь неотъемлемый элемент иных общественных отношений (имущественных, процессуальных и так далее) либо необходимый этап в их формировании и в качестве самостоятельного предмета правового регулирования выступать не могут» [364, с. 11, с. 321]. Предложенный О.А. Красавчиковым концепт характеризовался ленинградской школой цивилистики как «неоправданное расширение предмета гражданского права» [364, с. 321]. Такая позиция, по нашему мнению, предопределялась тем, что советским правом в условиях командно–административной системы и ограниченного гражданско–правового оборота организационные отношения рассматривались в основном как составляющая административных отношений в сфере управления социалистическим хозяйством, в финансовой сфере, в сфере трудового и земельного права [175, с. 61; 179, с. 72; 202, с. 22, с. 45; 392, с. 197].

Однако со временем вопрос спорности отнесения организационных отношений к гражданско-правовым утратил свою остроту и в известном учебнике 2000 года «Российское гражданское право» под редакцией профессора Е.А. Суханова читателю предлагается устоявшееся деление гражданско-правовых договоров на имущественные и организационные, с классификацией последних на предварительные, генеральные и многосторонние. Организационные договоры при этом определяются как договоры, направленные «не на товарообмен, а на его организацию, то есть на установление взаимосвязей участников будущего товарообмена» [240, с. 100]. Такое определение организационного договора полностью корреспондирует с дефиницией, данной О.А. Красавчиковым в 1985 году, в которой указывалось

следующее: «Организационным является такой договор, который направлен на формирование организационно–правовых связей между его участниками» [362, с. 446].

Из последних доктринальных исследований определение организационного договора содержится в диссертации Т.С. Гудовских: «Организационный договор, как самостоятельный вид гражданско–правового договора, представляет собой соглашение двух или нескольких лиц, направленное на организацию договорных связей (отношений), заключающуюся в установлении предпосылок и условий (предмет, сроки, права и обязанности сторон) участия сторон в конкретных обязательствах и/или упорядочение организационных действий в целях эффективного и оптимального взаимодействия сторон организуемого правоотношения в будущем» [523, с. 59]. Таким образом, можно констатировать, что понимание организационного договора в науке гражданского права не является дискуссионным и берет свое начало из советской цивилистики.

После кодификации предварительного договора в ГК РФ в конце XX века в отечественной доктрине наступает период, в котором превалирует представление предварительного договора как договора организационного.

Одним из первых ученых, однозначно определившим организационную природу предварительного договора является профессор Б.М. Гонгало, указавший на то, что: «Предварительный договор представляет собой организационный договор. Цель его состоит в организации заключения какого–либо договора в будущем» [225, с. 129]. В учебнике Е.А. Суханова, во втором издании, относящемся к 2000 году, также содержится квалификация предварительного договора как договора организационного.

Идея отнесения предварительного договора к организационным договорам постепенно стала господствующей, это можно проследить по материалам диссертационных исследований первых десятилетий нынешнего

столетия. Ряд из них затрагивают категорию предварительного договора в контексте изучения института именно организационных договоров (например, работы К.А. Кирсанова (2008 г.) [466], С.Ю. Морозова (2011 г.) [489], С.А. Тюриной (2012 г.) [446], Е.Б. Подузовой (2014 г.) [335], О.С. Груздева (2019 г.) [441]). Кроме того, на предмет квалификации предварительного договора как организационного были обследованы диссертационные работы, авторы которых рассматривали предварительный договор в аспекте заключения гражданско-правовых договоров: Е.В. Комкова (2001 г.) [472], Л.А. Руднева (2006 г.) [502], Е.Б. Овдиенко (2006 г.) [490], В.В. Груздев (2008 г.) [440] и др. Среди перечисленных диссертационных работ первая связка «предварительный договор – организационный договор» обнаружена в исследовании М.Р. Каримова, относящемся к 2002 году. В первом же положении, вынесенном на защиту, автор указывает: «Предварительный договор является гражданско-правовым договором и относится к числу так называемых организационных договоров в гражданском праве» [460, с. 8]. Начиная с 2006 года, практически все диссертационные работы рассматривают предварительный договор в свете организационных отношений.

Предварительный договор регламентирован статьей 429 ГК РФ. Как уже отмечалось, СДК, которые относятся к группе СДК, модифицирующих основной договор, не имеют самостоятельной целевой направленности по предмету договора. Такие СДК не порождают обязательств «сами по себе», без включения в основной договор. Специальная договорная конструкция предварительного договора такие обязательства порождает – стороны обязуются заключить в будущем основной договор.

Согласно п. 3 ст. 429 ГК РФ, «предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон

должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора» [8]. Таким образом, в рамках предварительного договора «конструируются» все существенные условия основного договора.

Специальная договорная конструкция предварительного договора устанавливает временные границы заключения основного договора – это либо срок, который указали стороны в предварительном договоре, либо годичный срок по умолчанию.

Применение специальной договорной конструкции предварительного договора наделяет стороны правом на преобразовательный иск, который может быть заявлен в случае уклонения одной из сторон от заключения основного договора в установленные сроки. В системной связи с положениями ст. 445 ГК РФ специальная договорная конструкция предварительного договора служит правовым средством, не только обеспечивающим заключение основного договора судебной защитой, но и позволяющим взыскать убытки, причиненные отказом от заключения основного договора.

Таким образом, назначение специальной договорной конструкции предварительного договора – связать участников договорных отношений обязательством заключить основной договор, создать между сторонами основного договора правовую связь, и наделить стороны правовыми гарантиями исполнения обязанности по заключению основного договора.

Опцион на заключение договора

Опцион на заключение договора регламентируется положениями статьи 429.2 ГК РФ. Наука демонстрирует различные мнения относительно правовой природы опциона. Еще раз обратим внимание на то, что к анализу принимались доктринальные позиции ученых, сформированные после 2015 года, то есть те, которые анализируют актуальное правовое

регулирование опционных соглашений, установленное статьями 429.2 и 429.3 ГК РФ.

К ученым, полагающим, что опцион является специальной договорной конструкцией, мы можем отнести В.В. Витрянского, А.Н. Левушкина, М.К Сулейменова, Н.А. Аблятипову.

В.В. Витрянский, называет соглашение о предоставлении опциона специальной договорной конструкцией «весьма типичной для развитого имущественного оборота». В качестве характерного признака опциона как специальной договорной конструкции В.В. Витрянский отметил «то обстоятельство, что его предметом являются не действия обязанной стороны по передаче товаров, выполнению работ, оказанию услуг, уплате денежных средств и т.п., как это имеет место в обычном договорном обязательстве, а наделение управомоченной стороны (держателя опциона) безусловным правом на заключение соответствующего договора, из которого возникнет требование к контрагенту совершить отмеченные действия» [210]. А.Н. Левушкин, не обосновывая свое мнение, считает, что соглашение о предоставлении опциона на заключение договора является специальной договорной конструкцией [621, с. 23]. М.К. Сулейменов относит соглашения об опционе к специальным договорным конструкциям в форме самостоятельных «организационно–предварительных» договоров [374]. Н.А. Аблятипова называет опцион специальной договорной конструкцией: «Положения, регулирующие опцион на заключение договора, закреплены в главе 27 ГК РФ, где находятся также нормы о других специальных договорных конструкциях: договоре присоединения, предварительном договоре, рамочном договоре и опционном договоре. Значение такого расположения заключается в том, что опцион не менее распространен в гражданском обороте и может быть применен во многих имущественных правоотношениях» [528].

При этом Н.А. Аблятипова относит соглашение об опционе «к имущественным договорам ввиду своей возмездной формы» [529].

Ученые, полагающие, что опцион является самостоятельным имущественным обязательством и не квалифицирующие соглашение об опционе как специальную договорную конструкцию – это Г.Н. Орлов, Р.Ф. Мустафин, А.В. Василевский, Я.А. Чернобель, В.А. Белов, М.Н. Семякин, А.И. Фролов.

Г.Н. Орлов указывает на то, что «опцион на заключение договора является двусторонней консенсуальной сделкой» [491, с. 31], предметом которой «является приобретение одной из сторон права заключить в определенный период времени договор на заранее согласованных условиях» [491, с. 32]. Р.Ф. Мустафин делает вывод о том, что «соглашение о предоставлении опциона не относятся к организационно–договорной конструкции как таковой, так как сторонами данного соглашения совершается взаимный имущественный обмен опциона на опционную премию» [655, с. 68]. А.В. Василевский справедливо полагает, что «институт опциона на заключение договора следует признать самостоятельным видом сделки» [557, с. 40]. Я.А. Чернобель относит опцион, имея ввиду его возмездной формы, к имущественным договорам [716]. В.А. Белов также обращает внимание на имущественную природу опциона: «соглашение о предоставлении опциона по ст. 429.2 ГК РФ – это соглашение о покупке безотзывной оферты» [547, с. 17]. М.Н. Семякин считает, что «опцион на заключение договора представляет собой одностороннюю сделку (а не гражданско–правовой договор), в силу которой одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных в оферте» [689].

А.И. Фролов считает опцион самостоятельным договорным видом со специфической каузой – «предоставление одной стороне договора

имущественного права выбора)» [710, с. 86]. Ученый также полагает неудачным расположение норм об опционе и опционном договоре в первой части ГК РФ (подраздел 2, раздел III), поскольку, по его мнению, указанная систематика «приводит к формированию неверного представления об этих договорах как о специальных договорных конструкциях, не относящихся к типам договоров и применяемых к любым гражданско-правовым договорам» [710, с. 85]. С предложением А.И. Фролова о переносе норм об опционных соглашениях согласиться трудно. Логика первой части ГК состоит в том, что там сосредоточены нормы, которые единообразно применяются к различным видам гражданско-правовых договоров. И в этом смысле опционные конструкции размещены в первой части гражданского кодекса совершенно обоснованно, так же как положения о залоге, задатке, уступке, новации, отлагательном и отменительном условиях и т.д.

Ряд учены квалифицируют опцион как организационный договор (В.В. Груздев, А.А. Велекжанина, К.В. Севеева).

В.В. Груздев относит опцион к двусторонне–обязывающему организационному договору, предметом которого «являются действия, которые должны быть совершены сторонами в целях заключения одного или нескольких других организуемых договоров» [581, с. 204]. А.А. Велекжанина считает, что соглашение об опционе на заключение договора является организационным договором. При этом, если опцион безвозмездный (что допускается согласно ст. 429.2 ГК), то опцион носит исключительно организационный характер. В случае же возмездности опциона, по мнению А.А. Велекжаниной, опционное соглашение «является сложным (неоднородным) организационным договором, одновременно порождающим обязательства как имущественного, так и организационного характера» [558, с. 145]. К.В. Севеева относит соглашение о предоставлении опциона «к обязательствам организационного типа» [686, с. 30] и пишет, что это

«организационный договор, устанавливающий порядок заключения основного договора в результате реализации управомоченной стороной своего секундарного права» [686, с. 32].

Подведем итоги.

Ученые, полагающие, что опцион на заключение договора является специальной договорной конструкцией: В.В. Витрянский, А.Н. Левушкин, М.К Сулейменов, Н.А. Аблятипова.

Ученые, полагающие, что опцион является самостоятельным имущественным обязательством и при этом не является специальной договорной конструкцией: Г.Н. Орлов, Р.Ф. Мустафин, А.В. Василевский, Я.А. Чернобель, В.А. Белов, М.Н. Семякин, А.И. Фролов.

Ученые, квалифицирующие опцион на заключение договора как организационный договор: В.В. Груздев, А.А. Велекжанина, К.В. Севеева.

Прежде всего, не согласимся с позициями, квалифицирующими соглашение об опционе как организационный договор. Организационные договоры не предусматривают имущественного представления. Предметом опциона является приобретение секундарного права на заключение в будущем основного договора. При этом имущественная природа соглашения об опционе не зависит от того возмездным или безвозмездным является соглашение об опционе.

Относительно позиций о том, что опцион на заключение договора является СДК и о том, что опцион на заключение договора – это самостоятельный имущественный договор укажем, что обе эти позиции верны и совместимы. Опцион на заключение договора действительно автономен по отношению к основному договору – они разорваны и по форме, и по сути, и во временном аспекте. Вместе с тем, опцион на заключении договора создает между сторонами правовую обязательственную связь по поводу будущего договора. Опцион является специальной договорной конструкцией, поскольку

предопределяет содержание основного договора, формирует его конструкцию. Это следует из п. 4 ст. 429.2, согласно которому «опцион на заключение договора должен содержать условия, позволяющие определить предмет и другие существенные условия договора, подлежащего заключению» [8]. Данный аспект подчеркивают и суды, указывая на то, что «опцион должен содержать все существенные условия основного договора. Это в полной мере согласуется с положением п. 1 ст. 435 ГК РФ, который требует указания в оферте всех существенных условий заключаемого договора. Соответственно, возможность дополнительного согласования каких–то условий уже не подразумевается. Стороны должны договориться обо всех параметрах основного договора уже при заключении опциона» [146].

В заключении параграфа представляется целесообразным осветить вопрос различий между правовыми институтами предварительного договора и опциона. Данный вопрос неоднократно поднимался как в доктрине, так и в правоприменительной практике. В качестве примера приведем недавнее Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.10.2023 № 09АП–58578/2023 по делу № А40–20263/2023 [129], в котором суд детально проводит разграничение между предварительным договором и опционом.

Суд обращает внимание на то, что отличия опциона и предварительного договора столь существенны, что опцион не может рассматриваться как вид предварительного договора. Во–первых, суд указывает на то, что при опционе только одна сторона обязана заключить сторона в будущем основной договор, а сторона–держатель опциона получает право заключить указанный договор, а в то время как в конструкции предварительного договора заключение основного договора является обязанностью для обеих сторон. То есть в опционе для заключения основного договора достаточно воли только одной стороны, а в предварительном договоре необходима воля обеих сторон.

Во–вторых, суд усматривает различие между предварительным договором и опционом в порядке реализации права на основной договор. «При предварительном договоре если одна из сторон уклоняется от заключения основного договора, то другая сторона может требовать в суде понуждения к заключению договора. В то время как при опционе на заключение договора сама по себе реализация права опциона путем акцепта безотзывной оферты является фактом заключения основного договора. Здесь никакого понуждения быть не может, основной договор заключается автоматически» [129].

В другом судебном акте 2019 года указывается, что в опцион от предварительного договора отличает «отсутствие в момент заключения предварительного договора материальной выгоды для сторон, в то время как для опционного договора предусмотрена презумпция возмездности. Предварительный договор не относится к числу возмездных» [146] (следует подчеркнуть, что в данном судебном акте речь идет именно об опционе, а не об опционном договоре, поскольку суд анализирует положения ст. 429.2 ГК РФ).

Отличие в порождаемых правовых связях (обязательственного правоотношения для предварительного и секундарного (преобразовательного) права для опциона) определяют, как принципиальное разграничение между предварительным договором от опциона многие авторы: А.Г. Карапетов [261], В.В. Ралько [677], А.И. Фролов [710], Д.В. [622], Г.Н. Орлов [664], С.П. Гришаев [249], М.Н. Семякин [689] и др.

Кроме вышеназванных отличий опциона от предварительного договора следует обозначить предусмотренную п.7 ст. 429.2 ГК РФ возможность для держателя опциона уступки права на опцион третьему лицу, в то время как по предварительному договору односторонняя уступка прав невозможна.

Предварительный договор и соглашение об опционе различаются и по тому, в какой степени должен быть «сконструирован» основной договор в

рамках специальной договорной конструкции. Согласно п. 3 ст. 429 ГК РФ «предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора» [8]. Следует отметить, что до 01.06.2015 года стороны обязаны были согласовать в предварительном договоре все без исключения условия основного договора. При внесении в 2015 году в ГК РФ положений об опционе, такой подход (о необходимости согласования всех существенных условий основного договора) был перенесен на соглашение об опционе, и закреплен пунктом 4 ст. 429 ГК РФ, а нормы п. 3 ст. 429 ГК РФ о предварительном договоре теперь предоставляют сторонам возможность согласовывать существенные условия основного договора на стадии его заключения [16]. Это делает специальную договорную конструкцию предварительного договора более гибкой и удобной для применения в гражданско–правовом обороте, предоставляет сторонам предварительного и основного договора большую вариативность действий. Соглашение об опционе объективно представляет собою менее маневренную специальную договорную конструкцию, и это логично, так как безотзывная оферта, предоставляемая в рамках соглашения об опционе, не могла бы быть акцептована без негативных последствий, если бы не содержала всех существенных условий, позволяющих считать основной договор заключенным.

Опцион на заключение договора аналогично предварительному договору определяет порядок заключения будущего основного договора в части регламентации сроков его заключения. Основной договор должен быть заключен посредством акцепта безотзывной оферты в течение одного года, если опционом стороны не установили иной срок.

В рамках СДК, автономных по отношению к основному договору, создается модель основного договора, то есть будущий основной договор конструируется в его существенных условиях. Предварительный договор и опцион на заключение договора выполняют специальную функцию формирования юридической связанности сторон в целях заключения основного договора в будущем.

В параграфах 1.1–1.3 исследования определено строение системы СДК. Выделение двух групп СДК основано на различиях юридической связи СДК с основным договором. В одном случае СДК «конструируют» основной договор изнутри, то есть включением специальных условий заключения и исполнения в основной договор непосредственно при заключении основного договора. Во втором случае СДК «конструируют» основной договор извне, до момента заключения основного договора, когда в рамках СДК предварительного договора или СДК опциона стороны определяют предмет и иные существенные условия будущего основного договора.

В науке гражданского права некоторые отечественные ученые обращают внимание на возможность понимания гражданско-правовых договоров с позиции дискретности и реляционности. Указанная теория затронута в трудах А.Г. Дудко [447], А.Е. Кирпичева [292], И.З. Аюшеевой [541], Н.В. Зайцевой [589], С.Н. Винокурова [435].

Дискретные договоры – это договоры в которых «между сторонами не существует обязательств до заключения контракта и обязанности сторон этой сделки определяются на стадии ее заключения» [435, с. 173]. Реляционные договоры – это договоры, которые образуют единую сеть и не должны рассматриваться изолированно друг от друга. Как указывает А.Г. Дудко, «теория реляционных договоров, была разработана для объяснения современных долгосрочных отношений и создания теоретической базы для рассмотрения их в качестве особого феномена, отличающегося от дискретного

договора» [447, с. 74–75]. А.Е. Кирпичев полагает, что концепция реляционного договора объясняет взаимосвязи «между соглашением о предоставлении опционного договора и подлежащим заключению на его основании договором (ст. 429.2 ГК РФ), между предварительным договором и основным договором (ст. 429 ГК РФ)» [292; 605]. С.Н. Винокуров считает, что нормы статей 429 и 429.2 ГК РФ о предварительном договоре и опционе, предполагающие наличие длительных отношений между сторонами договора, «указывают на особенности, относящиеся именно к реляционным контрактам» [435, с. 172]. Высшие суды также рассматривают, предварительный и основной договор как взаимосвязанные сделки с последовательным совершением.

П р и м е ч а н и е – «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022)» (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2022 № 307–ЭС22–6562 по делу № А26–7222/2020 и др.).

Таким образом, можно констатировать, что СДК, модифицирующие основной договор (публичный договор, рамочный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, опционный договор, абонентский договора государственный (муниципальный) контракт), взаимодействуют с основным договором как с дискретным договором. СДК, автономные по отношению к основному договору, (предварительный договор, соглашение об опционе) взаимодействуют с основным договором как с реляционным.

В параграфах 1.2–1.3 обоснован списочный состав специальных договорных конструкций с их делением на две группы: специальные договорные конструкции модифицирующие основной договор и специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору.

Задача определения списочного перечня СДК и обоснования внутрисистемной группировки СДК обусловила постановку следующих

вопросов: 1) что общего между институтами, объединенными в рамках системы; 2) почему именно эти, а не иные институты входят в исследуемую правовую совокупность; 3) в чем состоит внутрисистемное различие между выделенными группами специальных договорных конструкций.

Модифицирующие основной договор СДК воздействуют на основной договор изнутри, то есть включением специальных условий, регламентирующих порядок заключения и исполнения основного договора непосредственно в текст договора при его заключении. Критериальный признак обособления указанных специальных договорных конструкций в самостоятельную, отдельную группу состоит в том, что они «не существуют» вне основного договора, а являются правовыми средствами, выполняющими специальные функции наделения основного договора особыми условиями его заключения и/или исполнения.

Всем специальным договорным конструкциям, модифицирующим основной договор, свойственны перечисленные ниже репрезентативные признаки, которые выделены посредством полной индукции:

– СДК не имеют собственного предмета и не могут быть реализованы вне основного договора;

– СДК и основные договоры находятся в отношениях контрадикторности применительно к предмету договора – первые самостоятельного предмета не имеют, вторые – имеют всегда;

– СДК не влияют на правовую природу основного договора.

– использование СДК всегда модифицирует основной договор, подчиняя его структуру и порядок заключения и/или исполнения правилам той или иной договорной конструкции;

– основные договоры подчиняются правилам, налагаемым специальными договорными конструкциями.

Вторую группу в системе СДК образуют СДК, автономные по отношению к основному договору. В данную группу входят предварительный договор и опцион на заключение основного договора. Критериальный признак выделения указанных СДК в отдельную группу состоит в том, что, являясь самостоятельными гражданско-правовыми договорами, предварительный договор и опцион на заключение договора являются правовыми средствами, выполняющими специальные функции формирования юридической связанности сторон по заключению основного договора в будущем, устранения правовой неопределенности на стадии, когда контрагенты не готовы к заключению основного договора, обеспечения юридической ответственности за нарушение достигнутых соглашений по заключению в будущем основного договора.

Концептуальное разграничение СДК на группы обусловлено характером связи СДК по отношению к основному договору, их автономности либо не автономности в отношении основного договора. Группировка СДК позволяет определить различный генетический характер СДК, так как поясняет способ правового действия СДК, которые проявляется для СДК первой группы только в совокупности с основным договором, а для СДК второй группы только как предпосылки к заключению основного договора.

Все СДК, в не зависимости от того к какой из групп они относятся, имеют общий системный признак – они опосредуют различные по целевой направленности гражданско-правовые договоры. Иными словами, СДК обеих групп объединяет то, что все СДК применимы к договорам различной целевой направленности и в соответствии с требованиями закона либо в соответствии с волей сторон определяют условия основных договоров.

В главе 4 исследования СДК будут рассмотрены как правовые средства. Как указывает В.А. Сапун, правовые средства не могут существовать вне нормативной сферы, «именно правовые нормы придают рассматриваемым

средствам регулирования правовой характер» [505, с. 54]. Правила применения той или иной договорной конструкции устанавливаются в нормативном порядке, поскольку правовым средствам придают регулятивный потенциал только соответствующие правовые нормы.

1.4 Специальные договорные конструкции: система и систематизация

В настоящем диссертационном исследовании специальные договорные конструкции рассматриваются как система правовых институтов.

Вопрос о том, что следует понимать под системой, объединяющей те, или иные правовые институты нуждается в анализе. Непосредственно Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации оперирует понятиями: «система общих норм вещного права», «система стабильных вещных прав на землю и другие природные ресурсы», «система норм о бездокументарных ценных бумагах», «система правового регулирования организационно–правовых форм некоммерческих организаций», «система ограниченных вещных прав», «система институтов вещного права», а сам ГК РФ рассматривается как «система принципиальных и наиболее важных правовых норм».

Целый ряд диссертационных исследований посвящен темам, в которых совокупность гражданско-правовых институтов рассматривается как система. Не останавливаясь на многочисленных диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук, обратимся к анализу докторских диссертаций и изданных на их базе монографий.

В.А. Лапач дает определение понятию «система объектов гражданский прав» как упорядоченного объединения «по содержательным основаниям частей (правового целого), представляющих собой обобщения

юридически значимых признаков, свойств и качеств предметов и явлений объективной и правовой действительности, выступающих в качестве объектов субъективных прав и материальных объектов правовых отношений» [476, с. 15]. Саму систему объектов гражданских прав В.А. Лапач представляет в виде «образования, включающего в себя только имущественные блага и нематериальные блага, связанные с имущественными» [476, с. 200].

С.А. Степанов посвятил диссертационное исследование системе объектов недвижимого имущества в гражданском праве и выстраивает систему в двух видах – как набор элементов (участок недр, земельный участок, здание и сооружение, жилое и нежилое помещение, вещи, отнесенные к недвижимости в силу закона), а также и как совокупность подсистем: «участок недр–земельный участок; земельный участок — строение (сооружение); строение (сооружение) – отдельные помещения (жилые и нежилые)» [509, с. 11].

И.А. Емелькина понимает под системой ограниченных вещных прав на земельные участки совокупность правовых институтов (узуфрукт, личные и вещные сервитуты, эмфитевзис, право застройки, пожизненное наследуемое владение и постоянное бессрочное пользование, преимущественное право покупки и право приобретения чужой вещи, ипотека и вещные обременения), классифицированных по трем группам: ограниченные вещные права пользования чужим земельным участком; ограниченные вещные права преимущественного приобретения чужого земельного участка; ограниченные вещные права реализации чужого земельного участка (обеспечительные права) [448].

О.А. Рузакова определяет систему договоров в сфере интеллектуальной собственности как систему договоров, состоящую из трех групп: «договоры об отчуждении исключительных прав, лицензионные договоры (договоры о распоряжении исключительными правами); договоры о создании результатов

интеллектуальной деятельности (договоры заказа), классификация которых осуществляется по различным признакам, предопределяющим их элементы правового регулирования; иные договоры, предметом которых также выступают исключительные права, но не имеющие в качестве квалифицирующего признака направленность на использование исключительных прав» [503].

С.Ю. Морозов считает, что транспортные договоры образуют самостоятельную систему. При этом указывает на то, что эту систему можно строить по–разному, применяя те или иные критерии классификации. Свое видение указанной системы он представляет следующим образом. Сначала он делит систему транспортных договоров на две подсистемы: «договоры, направленные на перевозку (договор перевозки грузов, договор фрахтования, договор перевозки грузов в прямом смешанном сообщении, договор перевозки пассажиров), и договоры, направленные на обеспечение процесса перевозки (договоры на подачу транспортных средств под погрузку; на предъявление груза к перевозке; об организации перевозок; об оказании услуг по использованию объектов транспортной инфраструктуры; между транспортными организациями; между владельцами транспортных инфраструктур; о транспортной экспедиции)» [318]. Далее С.Ю. Морозов из подсистемы транспортных договоров, направленных на обеспечение процесса перевозки, выделяет по критерию направленности обязательства организационные договоры и называет эту группу «системой более низкого уровня».

С.В. Матиящук в своем исследовании включает в систему договорных отношений по электро – и теплоснабжению в условиях развития когенерации четыре группы договоров: «1) основные договоры, регламентирующие отношения по снабжению энергией через присоединенную сеть; 2) вспомогательные договоры — производные и зависимые от основных

договоров; 3) организационные договоры, обеспечивающие процесс заключения и исполнения основных; 4) договоры, обеспечивающие экономию энергоресурсов» [482, с. 11]. Кроме того, С.В. Матиящук использует понятия «система договорных отношений на оптовом рынке электроэнергии» и «система договоров в сфере теплоснабжения» [482, с. 140, с. 179].

Ю.В. Романец в своей монографии, посвященной системе договоров в гражданском праве России пишет: «Система договоров есть правовая система» [345], «при выявлении системных факторов, формирующих систему договоров, необходимо исходить из того, что таковыми могут быть любые признаки (как экономические, так и юридические), обусловливающие правовое регулирование» [345]. И далее Ю.В. Романец переходит к мысли о том, что «построение системы договоров предполагает их классификацию. Классификация – это формальное отражение системы» [345]. По сути автор дает в своей работе целый ряд классификаций: «построение системы по признаку направленности договора», «система безвозмездных и возмездных договоров», пишет о «системе договоров купли–продажи», о «системе договоров подряда», «системе договоров, направленных на предоставление в пользование объектов гражданских прав». Фактически Ю.В. Романец в своей работе говорит о единой системе гражданско-правовых договоров как о множестве систем, каждая из которых есть «система определенной группы обязательственных отношений», для каждой из которых «в качестве системных признаков должны рассматриваться особенности самих общественных отношений». Следует отметить, что во вступительной статье к работе Ю.В.Романца такой подход поддерживает профессор В.Ф. Яковлев, который пишет: «система договоров состоит из множества элементов (типов, видов, разновидностей договоров), каждый из которых, имея общие признаки гражданского договора, характеризуется спецификой, обусловливающей необходимость особого правового регулирования» [345] и находит

правильным, что автор (Ю.В. Романец) «исходит из того, что смыслом классификации гражданских договоров является подразделение договоров на основе правильно выбранных критериев на группы, объединяющие обязательства со сходной правовой регламентацией и разделяющие обязательства с различным правовым регулированием. Такой подход позволяет сформировать систему, имеющую не только научную, но и практическую ценность» [345].

Е.Б. Козлова под «построением системы гражданско-правовых договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимости» понимает ряд классификаций указанных договорных моделей [468]: делит систему таких договоров на 2 группы по структуре предмета договора (с одноэлементным и двухэлементным предметом договора); по субъектному составу выделяет также 2 группы – «договоры, являющиеся договорной формой государственно–частного партнерства и договоры, таковыми не являющиеся», а также предлагает деление на три группы (реальные, консенсуальные и региструмальные) «по такому критерию, как момент возникновения договора» [468] .

Д.Н. Латыпов описывает систему способов защиты гражданских прав, построенную на таком системообразующем факторе как «цель защиты гражданских прав». Саму же систему Д.Н. Латыпов представляет, как классификацию способов защиты гражданских прав в разделение на группы: «восстановительные, пресекательные, компенсаторные и направленные на устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон» [478].

Представленные выше монографические исследования охватывают период с 2002 года до 2022 года и их анализ позволяет сделать вывод, что по сути ученые во всех случаях обозначают в качестве той или иной системы совокупность правовых явлений, которая подлежит систематизации посредством классификации по определенным основаниям. Следует отметить,

что именно такой подход был заложен в классических трудах М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, где рассматриваются такие понятия как «система договоров перевозки» [202], «система договоров, заключаемых между участниками расчетных правоотношений» [203]. В более поздней работе В.В. Витрянского, которая и называется «Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства», профессор Витрянский называет в целом договоры, предусмотренные ГК РФ системой и пишет, что в нее наряду с четырьмя традиционно выделяемыми классификационными группами «договоры: 1) направленные на передачу имущества; 2) направленные на выполнение работ; 3) направленные на оказание услуг; 4) направленные на учреждение различных образований» следует «добавить пятую классификационную группу, появившуюся в связи с принятием части четвертой ГК РФ, – договоры об отчуждении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности и о предоставлении прав на их использование» [572]. Кроме того, в указанной работе В.В. Витрянский пишет о самостоятельных системах гражданско-правовых договоров в отдельных сферах деятельности: системе транспортных договоров; системе договоров, регулирующих банковскую деятельность.

Далее, не погружаясь в детальный разбор, укажем на последние по времени научные публикации, относящиеся к 2020–2024 годам и посвященные темам, в которых ученые в заглавие вынесли понятие системы в отношении институтов гражданского права. Профессор В.А. Алексеев – о системе прав на недвижимость; профессор Д.В. Дождев – о системе критериев договорной ответственности; профессор М.Н. Илюшина – о системе оснований и опосредующих механизмов перехода прав на долю в ООО; профессор Ю.С. Харитонова – о системе отношений по распоряжению цифровым финансовым активом; профессор С.А. Липски – о системе земельных

сервитутов; профессор С.А. Карелина – о системе ограничения прав кредитора. О системе объектов гражданских прав, – статьи за авторством профессоров Е.А. Суханова, В.В. Долинской, М.А. Егоровой; Д.А. Петрова. О системе гражданско-правовых договоров и о системе гражданско-правовых обязательств – статьи профессоров Е.Г. Комиссаровой, Л.Б. Сидиковой, Т.В. Дерюгиной.

П р и м е ч а н и е – Алексеев, В.А. Свойство следования, обременение недвижимой вещи и система прав на недвижимость // Закон. 2022. - № 8. - С. 82–92 // DOI 10.37239/0869–4400–2022–19–8–82–92 (www.doi.org); Дождев, Д.В. Умысел (dolus) и «природа человека» в системе критериев договорной ответственности // Вестник гражданского права. - 2023. - № 5. - С. 9–54 // DOI 10.24031/1992–2043–2023–23–5–9–54 (www.doi.org); Илюшина, М.Н. Переход прав на долю в ООО: современное состояние системы оснований и опосредующих механизмов // Предпринимательское право. 2023. - № 4. - С. 23–28. // DOI 10.18572/1999–4788–2023–4–23–28 (www.doi.org); Харитонова, Ю.С. Смарт–контракт в системе отношений по распоряжению цифровым финансовым активом / Ю. С. Харитонова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 7. – С. 44–47. – EDN BSKKPX; Липски, С.А. Дифференциация системы земельных сервитутов / С. А. Липски // Гражданин и право. – 2023. – № 10. – С. 43 – 47. – EDN TKRKW; Карелина, С.А. Система ограничений прав кредиторов как элемент механизма правового регулирования несостоятельности (банкротства) гражданина. Часть 1 // Право и экономика. 2020. № 11. С. 5–14; Суханов, Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. - 2021. № 1. - С. 16–22// DOI 10.12737/jrl.2021.003 (www.doi.org); Долинская, В.В. Объекты вспомогательного использования: понятие, место в системе объектов надвижимости в системе объектов гражданских прав // Правовые вопросы недвижимости. – 2023. – № 2. – С. 8–12. – EDN AVEBFF; Егорова, М.А. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 1. - С. 81–91 //DOI 10.17803/1994– 1471.2020.110.1.081–091 (www.doi.org); Петров, Д.А. Биржевой товар в системе объектов гражданских прав // Юрист. – 2023. – № 6. – С. 9 –15. – DOI 10.18572/1812–3929–2023–6–9–15. – EDN KRPMWI; Комиссарова, Е.Г. Единство и дифференциация в системе гражданско-правовых договоров // СПС КонсультантПлюс. - 2024; Ситдикова, Л.Б. О месте корпоративного договора в системе гражданско-правовых договоров // Конкурентное право. - 2022. - № 2. - С. 27–32. - DOI 10.18572/2225–8302–2022–2–27–32 (www.doi.org); Дерюгина, Т.В. О компенсаторных обязательствах и их месте в системе гражданско-правовых обязательств // Гражданское право. – 2021. - № 6. - С. 24–27. - DOI 10.18572/2070–2140–2021–6–24–27 (www.doi.org).

Приведенная подборка научных работ показывает, что многие известные ученые рассматривают как системы совокупности тех или иных правовых институтов и правовых норм.

Прежде чем перейти к вопросу обоснования объединения в систему специальных договорных конструкций, остановимся на позиции

С.Ю. Филипповой о критерии формирования системы. С.Ю. Филиппова подвергает сомнению возможность рассматривать гражданско-правовые договоры как систему. Она задается следующим вопросом: – «о системе чего идет речь? О системе норм права о договорах, о системе обязательств, или действительно о системе договоров?» [707]. С.Ю. Филиппова пишет: «все сторонники теории системности договоров, в действительности, говорят либо о классификации договоров по различным критериям, либо об определенной упорядоченности, логической последовательности норм о договорах, но не о системе договоров» [707]. И резюмирует: «закрепленные в Гражданском кодексе РФ договоры не образуют и не могут образовать системы: они не интегрированы общим началом, каждая из поименованных договорных моделей не является элементом общности, между отдельными договорными моделями отсутствует функциональная зависимость» [708]. Такой вывод С.Ю. Филиппова иллюстрирует следующим примером: сравнивая договор купли–продажи и договор о мытье окон С.Ю. Филиппова приходит «к однозначному выводу об отсутствии между этими договорами хоть какой–то связи, интегрированности их неким общим – не существует такой системы, в которую включены эти два договора, заключенных между посторонними друг другу субъектами о несвязанных между собой обязанностях» [707].

С позицией С.Ю. Филипповой, по нашему мнению, согласиться нельзя. Система не предполагает, что все ее элементы должны быть связаны между собой и иметь некую «функциональную зависимость». В противном случае следовало бы говорить о том, что правовая наука давно следует ложным путем оперируя понятиями «система гражданского права» и «система гражданского законодательства» – ведь в составе этих систем мы можем выделить бесчисленное множество норм и институтов, не имеющих конкретно между собой функциональной зависимости и связи. С.Ю. Филиппова не обоснованно говорит об отсутствии интегрированности гражданско-правовых договоров

общим началом – это начало следует искать в системообразующих признаках (факторах).

Практически каждый исследователь, рассматривающий некую совокупность правовых институтов как систему, обращается к подходу, предложенному С.С Алексеевым в работе «Структура советского права». Профессор Алексеев подразделил системообразующие признаки на 2 группы: «а) предмет правового регулирования, б) функции права, его отдельных подразделений» [184, с. 49]. О предмете С.С. Алексеев пишет следующее: «Единство предмета — общее условие существования любого структурного подразделения права, определяющее единство, однородность его фактического содержания» [184, с. 49]. Этот тезис совершенно понятен. В глобальном смысле для всей системы гражданского права предметным системообразующим признаком и общим началом является предмет гражданского права, определяемый в соответствии со ст.2 ГК РФ. Чем более «специализированной» по своей направленности является система, тем ограниченнее будет спектр общественных отношений, регулируемых такой системой и, как следствие системообразующий признак, относимый к предмету правового регулирования будет также более целевым, узконаправленным. Систематизирующие признаки, относимые к предмету правового регулирования, соотносятся по принципу «матрешки», то есть если исследователь выделяет в общей системе подсистемы, то системообразующий признак общей системы будет поглощать системообразующий признак подсистемы. Проиллюстрируем это примером на основе монографии С.Ю. Морозова. Профессор Морозов выстраивает следующую иерархию: система гражданско-правовых организационных отношений – система транспортных организационных договоров (подсистема первого уровня) – транспортные договоры, направленные на организацию систематических перевозок и транспортные договоры, направленные на организацию разовых

перевозок (подсистемы второго уровня). Для такой конструкции иерархия системообразующих признаков по предмету регулирования будет выглядеть следующим образом: общественные отношения в сфере гражданско-правовых неимущественных отношений «по организации договорных связей» [318] – общественные отношения в сфере заключения, исполнения и прекращения транспортных организационных договоров – общественные отношения в сфере организации систематических перевозок и общественные отношения в сфере организации разовых перевозок. То есть предметы подсистемы второго уровня «покрываются предметом подсистемы первого уровня, который в свою очередь «покрывается» предметом системы первого уровня.

Далее в контексте системообразующего признака по предмету правового регулирования обратимся к системе специальных договорных конструкций. Специальные договорные конструкции – это универсальные правовые регуляторы, относимые к общей части договорного права. Договорное право безусловно можно рассматривать как систему, как совокупность институтов, что и демонстрируется в трудах многих ученых.

П р и м е ч а н и е – Ахметова, Г.З. Система институтов российского договорного права: единство, дифференциация, взаимодействие : диссертацияна соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / Ахметова Гузель Загидова; Лебедев, К.К. Инвестиционный контракт: понятие и место в системе договорного права // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 31–36; Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве России // Москва : Норма, Инфра – М, 2013. - 496 с.; Голубцов, В.Г. Система общих положений обязательственного права: законодательная логика и доктринальная судьба // Вестник гражданского права. - 2018. - № 4. - С. 74–90. - DOI 10.24031/1992–2043–2018–18–4–74–90 и др.

В общем виде предметом договорного права и, как следствие системообразующим предметным признаком системы договорного права являются общественные отношения, связанные с заключением, исполнением и прекращением гражданско-правовых договоров. Аналогично этому мы рассматриваем совокупность специальных договорных конструкций как

систему правовых институтов, для которой системообразующим признаком по предмету правового регулирования являются общественные отношения, связанные с заключением, исполнением и прекращением основных договоров. По указанному системообразующему признаку в исследовании будут предложены две классификации системных элементов, представленные в параграфе 4.2 настоящего диссертационного исследования – классификация СДК по участкам воздействия на различные стадии основного договора (заключение, исполнение, прекращение) и классификация СДК по комплексности воздействия на стадии основного договора. Своеобразием системы СДК, позволяющим говорить о ней именно как о системе со своим системообразующим признаком является то, что предметом правового регулирования является именно основной договор.

Далее рассмотрим каким образом к системе специальных договорных конструкций применим второй системообразующий признак, выделенный С.С. Алексеевым – функциональный. С.С. Алексеев пишет: «обособление правовых общностей так или иначе вызвано своеобразием функций, осуществляемых данным участком правовой системы» [184, с. 51]. Аналогичный подход мы находим у В.Ф. Яковлева: «со спецификой функций связано обособление правовых общностей» [424, с. 70]. Функциональным системообразующим признаком для системы СДК является функциональная связь специальных договорных конструкций с основным договором – все СДК выступают в отношении основного договора специфическими конструкторами. При этом специфика выполняемых функций по отношению к основному договору предопределяет и дифференциацию системы СДК, ее деление на 2 группы. Для группы «Специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору», системообразующая функция воздействия на основной договор выступает в форме воздействия на основной договор извне, до момента заключения основного договора, когда в

рамках СДК предварительного договора или СДК опциона стороны определяют предмет и иные существенные условия будущего основного договора. Для группы «специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор» функция воздействия на основной договор выступает в форме воздействия на основной договор изнутри – включением специальных условий, регламентирующих порядок исполнения (заключения, прекращения) основного договора непосредственно в текст договора при его заключении. Таким образом в системообразующем функциональном признаке системы СДК проявляется одновременно и единство функционального назначения системы (функциональная связь с основным договором) и внутренняя дифференциация системы, внутрисистемная группировка элементов на основании специфики выполнения указанной функции.

Далее в рамках системного подхода дадим характеристику проведенным в диссертационном исследовании классификационным делениям элементов системы СДК. Обратимся вновь к общепризнанным подходам, выработанным С.С. Алексеевым, который писал, что «в основе всех классификационных построений» должно лежать «объективное деление» по группам [184, с. 102]. Значимость проведения классификаций, С.С. Алексеев видел в том, что «реальные разновидности правовых институтов могут быть с достаточной точностью установлены лишь тогда, когда при их рассмотрении поочередно вводятся классификационные основания с учетом действия разных системообразующих факторов (признаков)» [184, с. 136]. И такую позицию профессор Алексеев подкреплял согласием с мнением профессора Э.С. Маркаряна о том, что «познание системы начинается с дифференциации составляющих ее элементов. Эта задача... предполагает прежде всего. классификацию элементного состава системы» [184, с. 19].

С такой оценкой значимости классификации элементов, входящих в систему нельзя не согласиться. Классификационные деления позволяют увидеть специфику правового назначения системы в различных значимых ракурсах.

В настоящей диссертации проведено 5 классификаций элементов системы по различным основаниям:

1) Классификация по делению СДК на 2 целевые группы первая: СДК, модифицирующие основной договор; вторая – СДК, автономные по отношению к основному договору.

2) Классификационное деление СДК по критерию обязательности применения участниками основного договора.

3) Классификация СДК по участкам воздействия на различные стадии договора (заключение, исполнение, прекращение).

4) Классификация СДК по комплексности воздействия на стадии договора.

5) Классификация СДК по воздействию на договор–сделку и договор–правоотношение.

Каждая из предложенных классификаций представляет вариант структурирования системы СДК, систематизации ее элементов, а в совокупности предложенные классификации характеризуют специальные договорные конструкции во всесторонних аспектах.

Проведенное в настоящем параграфе исследование позволяет сделать следующий вывод. Совокупность специальных договорных конструкций следует рассматривать как систему правовых институтов. Системообразующими признаками, интегрирующими специальные договорные конструкции в правовую общность, являются:

– единство предмета правового регулирования – правоотношений, связанных с заключением, исполнением и прекращением основного договора

– единство функционального назначения: воздействие на основной договор со спецификой такого воздействия, определяющего деления системы СДК на две группы.

Глава 2
Специальные договорные конструкции в системе категориально–понятийного аппарата науки гражданского права

2.1 Термин «специальная договорная конструкция»

Настоящий параграф доктринального исследования посвящен терминированию СДК. Осмысление права невозможно без использования понятийного аппарата. Без терминов, понятий, категорий, дефиниций нельзя определить содержательный контент правового явления. Важность доктринального осмысления СДК в системе категориально–понятийного аппарата науки гражданского права обусловлена необходимостью формализации научного знания и его структурирования.

Доктринальное осмысление элементов, входящих в понятийный аппарат правоведения, было проведено еще советской юридической наукой. Все современные исследования компонентов понятийного аппарата юриспруденции базируются на основах, заложенных плеядой таких видных ученых, как С.С. Алексеев, А.М. Васильев, Д.А. Керимов, П.Е. Недбайло, А.С. Пиголкин, В.Н. Крылов; В.О. Тененбаум–Мушинский, А.А. Ушаков, И.Д. Андреев, А.П. Шептулин и др.

Значение понятийного аппарата юридической науки состоит в том, что понятийный аппарат формирует основу для анализа содержания и сущности исследуемых правовых феноменов. В своем развитии, изменении и обогащении понятийный аппарат отражает новые доктринальные разработки, является маркером приращения научных знаний, достигнутых научных результатов: новых предложений, итогов научных дискуссий, продвижения

авторских позиций. При формировании понятий, категорий и терминов, определений, дефиниций происходит процесс формализации знаний. Это достигается путем абстрагирования от несущественных, неважных признаков и свойств исследуемого явления и акцента на тех характеристиках, в которых проявляется юридическая суть и правовая природа юридического феномена. Понятийный аппарат науки обеспечивает единообразие в понимании и оценке явлений правовой действительности. Посредством совершенствования терминологического аппарата, его уточнения и поиска оптимальных форм выражения исключается правовая неопределенность и рассогласованность. Максимально точные, верные определения и дефиниции для понятий и категорий, являясь срезом научного знания, служат истинным ориентиром для понимания и правоприменения правовых институтов. «Методологическое значение понятийного аппарата состоит в том, что он является инструментом познания правовой действительности» [639, с. 22]. Профессор Н.И. Панов сделал совершенно верный вывод о том, что при помощи понятийного аппарата «правовая реальность, с одной стороны, препарируется (вскрывается), а с другой — отражается в систематизированном логико–гносеологическом контексте» [667, с. 22].

Все это означает, что научное изучение любого правового явления обязательно должно содержать процедуры исследования изучаемого объекта в системе координат понятийного аппарата – оно должно быть терминировано, определено понятийно, осмысленно категориально, так как все компоненты понятийного аппарата служат инструментами познания правовой действительности.

Для любой науки «проблема понятийного аппарата – это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания» [704, с. 3]. Следовательно, исследуя правовое явление как термин, понятие, институт или категорию следует руководствоваться тем, что полученное

знание должно отвечать критериям логики и непротиворечивости, максимально точно выражать свойства и сущностные особенности исследуемого явления, отражать авторскую позицию.

Термин «понятийный аппарат» в последние годы достаточно часто применяется в нормативных документах как федерального, так и субъектового уровней.

П р и м е ч а н и е – Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339–р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года»; Распоряжение Правительства РФ от 13.09.2023 № 2461–р «Об утверждении Стратегии развития конгрессно–выставочной отрасли в Российской Федерации на период до 2030 года»; Распоряжение Правительства РФ от 11.07.2023 № 1856–р «Об утверждении Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года»; Приказ Минобрнауки России от 18.10.2023 № 998 «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке»; Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2019 № 3074–р «Концепция создания цифровой аналитической платформы»; Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования»; Постановление Московской городской Думы от 26.04.2017 № 61 «О докладе Московской городской Думы «О состоянии законодательства города Москвы в 2015–2016 годах»; Постановление Мособлдумы от 25.01.2018 № 22/42–П «Об Отчете о деятельности Комитета по вопросам транспортной инфраструктуры, связи и информатизации за 2017 год» и мн.др.

При этом следует отметить, что само определение понятийному аппарату не содержится ни в одном из известных юридических словарей[1)].

[1)] Юридический словарь – Москва : Госюриздат, 1953. – 784 с.; Юридический энциклопедический словарь / Алексеев А. И. [и др.]. – МОСКВА : ИНФРА – М, 2000. – VI, 450 с.; 24 см. – (Библиотека словарей "ИНФРА – М»: БСИ).; ISBN 5– 16– 000271–5; Большой юридический словарь / В.А. Белов и др. – МОСКВА : ИНФРА – М, 2003 – 703 с.; 24 см. – ISBN 5–16–000169–7; Большой юридический словарь / А. Б. Борисов. – Москва : Книжный мир, 2012. – 847, [1] с.; 21 см. – ISBN 978– 5– 8041– 0530–4; Юридический энциклопедический словарь / Е. А. Яных, В.А. Захаркина. – Москва : АСТ, 2008. – 285, [2] с.; 20 см. – ISBN 978–5–17–056383–8; Юридическая техника: юридический словарь – справочник / под редакцией А. В. Малько. – Москва : Проспект, 2017. – 247 с. и др.

Вопросам изучения понятийного аппарата юридической науки посвящено достаточно много научных трудов. Понятийный аппарат присущ любой науке, более того, через свое своеобразие он индивидуализирует ту или иную науку, ту или иную отрасль знания. Профессор Е.Г. Комиссарова определяет, что «понятийный аппарат гражданского права – это целостное и системное логико–юридическое образование, в структуру которого входит также и его научно–понятийный аппарат» [610, с. 213]. В диссертационном исследовании А.А. Мелькина понятийный аппарат рассматривается как информационная знаковая система, предназначенная «для передачи правовой информации, разъяснения смысла правовых норм посредством уточнения значения понятий, с помощью которых эти правовые нормы сформулированы» [483, с. 61, с. 72]. В качестве признаков отраслевого понятийного аппарата А.А. Мелькин указывает самодостаточность и определенную меру атомности, определяя понятийный аппарат отдельной отрасли права как «обособленный комплекс лингвистических средств познания и отражения правовой материи отрасли» [483, с. 48]. Профессор С.Ю. Головина говорит «о понятийном аппарате как о совокупности средств, отражающих предметы и явления правовой действительности, а также способов передачи правовой информации» [437, с. 124]. В качестве элементов понятийного аппарата С.Ю. Головина указывает понятия, термины, категории и их определения. Аналогично этому, профессор Н.И. Панов, обращаясь к элементарному составу понятийного аппарата права, определяет, что понятийный аппарат юридической науки образуют правовые понятия, правовые категории и юридическая терминология [668, с. 3]. Профессор М.Л. Давыдова рассматривает понятийный аппарат права «как иерархически организованную, целостную информационную систему, включающую в себя логически взаимосвязанные и структурно упорядоченные правовые понятия, категории, термины и их определения» [443, с. 408]. Особенностью подхода

М.Л. Давыдовой является включение в состав понятийного аппарата определений. По нашему мнению, это неверно, поскольку определение не является самостоятельной единицей понятийного аппарата. Посредством определения раскрывается смысл термина, которым обозначено то или иное понятие или категория. Таким образом, мы полагаем, что в состав понятийного аппарата, в том числе понятийного аппарата науки гражданского права, не следует включать определения, а также их виды в формах дефиниций и толкований, а равным образом и научные процедуры в формах суждений, объяснений и др.

На основании изложенного, научный понятийный аппарат гражданского права следует определить, как сформированную доктриной и законодательством совокупность терминов, понятий и категорий, выражающих содержание и сущность правовых явлений.

Далее обратимся к вопросу построения ряда понятийного аппарата применительно к науке гражданского права. С.Ю. Головина выводит ряд понятийного аппарата как «понятие – термин – категория» [437, с. 124]. По нашему мнению, в такой последовательности содержится определенный паралогизм – последовательность ряда должна быть несколько иной: термин – понятие – категория. Объясняется это тем, что понятие не может быть первичным относительно термина. Понятие всегда дает характеристику чему–то, объясняет денотат, идентифицированный термином. Термины же могут быть как дефинированными, так и недефинированными, на что обращает внимание профессор С.П. Хижняк. Он пишет: «Вряд ли можно согласиться с тем, что онтологической основой термина, то есть основной формой существования реальных терминов, является дефиниция. Наличие у термина дефиниции, закрепляющей терминологическое значение за языковым знаком, можно считать лишь более высоким уровнем проявления терминологичности» [711, с. 107]. Касаемо места «категории» в ряду понятийного аппарата следует

согласиться с С.Ю. Головиной в том, что «категория» замыкает ряд, как наиболее значимый, масштабный элемент понятийного аппарата науки.

Таким образом, рассматривая специальные договорные конструкции в координатах понятийного аппарата юридической науки гражданского права, первоначально следует провести научный анализ термина.

К тематике терминологического аппарата, правилам терминирования правовых явлений обращались многие ученые. Однако существенных различий в научных подходах к вопросу «что такое научный термин» не наблюдается. Термин есть имя, обозначающее правовое понятие или категорию. Термин, являясь языковой формой, должен максимально точно соответствовать свойствам и качествам обозначаемого термином правового явления.

Основателем доктринального выделения в системе гражданского права института СДК считается профессор В.В. Витрянский. Изначально он объединял вышеназванные институты родовым термином «типовые договорные конструкции», а начиная с 2011 года стал использовать термин «специальная договорная конструкция». Данная терминологическая филиация была позитивно воспринята большинством учеными.

Как верно отметил С.К. Салтыков, «термин в профессиональной юридической коммуникации не только является важнейшей составляющей языка права, но и фиксирует состояние юридического знания на определенный момент действительности» [684]. Сложившаяся тенденция к вытеснению термина «типовая договорная конструкция» термином «специальная договорная конструкция» имеет теоретическое значение, поскольку уточняет смысловые связи и функции термина. Данную тенденцию следует оценивать, как процесс совершенствования правового аппарата юридической науки в части приближения терминологии к максимальной точности. Термин «специальная договорная конструкция» более точно передает существо и

смысл рассматриваемых правовых институтов, поскольку можно констатировать, что при использовании СДК договоры второй части ГК РФ реализуются с учетом «специальных» правил и условий.

Термин «специальные договорные конструкции» в настоящее время используют и применяют многие ученые, к трудам которых мы будем обращаться по ходу настоящего исследования. Данный термин активно используется и в правоприменительной практике. В 2022–2024 гг. к термину «специальная договорная конструкция» обратились более ста судебных актов.

Вместе с тем следует констатировать отсутствие в науке безоговорочного терминологического единства в вопросе обозначения исследуемых институтов. Профессор С.С. Алексеев в составе требований, предъявляемых к научной терминологии, указывает требования «однозначности, строгой определенности, ясности, устойчивости, совместимости со всем комплексом употребляемых в науке терминов» [181, с. 19]. Профессор С.Н. Ландкоф еще в 1929 году писал: «терминология отличается алгебраической точностью, которая должна быть свойственна юридическим определениям» [301, с. 62].

Как будет показано ниже, теоретические исследования, посвященные специальным договорным конструкциям, демонстрируют несогласованность терминологии, и как следствие неоднозначность понятийного аппарата, приводящую к подмене понятий. По нашему мнению, когда различные ученые, работая в одном направлении, исследуя одни и те же правовые явления, применяют различную терминологию, неоднозначный понятийный аппарат, ситуация может квалифицироваться как научная проблема. Так, Р.Ф. Мустафин терминирует публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, договор в пользу третьего лица как «типовые договоры», указывая, что «все типовые договоры перечислены в статьях 426; 428; 429; 430 ГК РФ» [319, с. 22]. Свою позицию Р.Ф. Мустафин

аргументирует тем, что «исследуемый институт будет являться непосредственно договором, а не конструкцией, поскольку возможность его заключения прямо следует из ГК РФ, а основная функция именно регулирование отношений между контрагентами» [319, с. 15]. С подходом Р.Ф. Мустафина нельзя согласиться. Во–первых, кодификация правового института гражданским кодексом вовсе не наделяет правовой институт статусом договора. Во–вторых, любая гражданско–правовая норма направлена на правильное регулирование гражданско-правовых отношений в том или ином аспекте этих отношений, в противном случае она не имеет смысла. В–третьих, ст. 426 ГК РФ содержит положение о том, что типовые договоры – это договоры, в отношении которых в установленных законом случаях нормативно определены правила заключения и исполнения. В качестве примера можно привести типовой договор холодного водоснабжения [75], типовой договор по транспортировке горячей воды [74], типовой договор найма жилого помещения жилищного фонда социального использования [45], типовой договор обязательного государственного страхования, осуществляемого в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан…» [73] и др. Поэтому придание легальным терминам нового смысла, как это делает Р.Ф. Мустафин, их расширительное толкование представляется неверным, поскольку термины юридической науки должны быть скоординированы с терминами, используемыми в законодательстве, и с практикой использования в нормативных документах терминированных правовых единиц.

Из последних научных исследований вопроса о статусе типовых договоров следует отметить позицию профессора М.Н. Малеиной, которая указывает на следующее: «Типовой договор – правовой акт, содержащий стандартные условия гражданского договора определенного вида в форме

образца договора (включающего прежде всего императивные, а также диспозитивные правила), применение которого обязательно для заключения конкретного договора» [626].

Таким образом, термин «типовой договор» обозначает особый вид правовых договоров – договоров, несущих в себе нормативный компонент, и применение термина «типовые договоры» к таким договорам, как, например, договор в пользу третьего лица или договор присоединения, следует признать необоснованным. Прямое отождествление СДК с гражданско-правовыми договорами следует классифицировать как логическую ошибку, подмену понятий.

По–иному терминирует специальные договорные конструкции и профессор М.К. Сулейменов, предлагая в качестве аналога термину «специальные договорные конструкции» термин «общие договоры». Ученый пишет: «Я предлагаю назвать группу договоров, объединяемых под эгидой СДК, – «общие договоры. Это вытекает из того, что они расположены в общей части обязательственного права и реализуются во всех или в большинстве договоров особенной части обязательственного права, то есть в основных договорах» [439]. По нашему мнению, предлагаемый М.К. Сулейменовым термин «общие договоры» неприменим к специальным договорным конструкциям в силу следующего. Как показывается в настоящем диссертационном исследовании система СДК включает в себя две группы правовых институтов. Первая группа – это специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор, наделяющие существующий основной договор теми или иными обязательными правилами его заключения или исполнения. Вторая группа – специальные договорные конструкции, автономные по отношению к основному договору, являющиеся самостоятельными гражданско-правовыми договорами, конструирующими будущий основной договор, определяющими предмет и другие существенные

условия основных договоров. Таким образом, если в наименовании предлагаемого термина присутствует слово–существительное «договор», то такой термин применительно к системе СДК не верен, поскольку не может быть применен к каждому из правовых институтов, входящих в систему, а именно к восьми специальным договорным конструкциям первой группы.

Термин «специальные договорные конструкции» используется отечественной наукой на протяжении продолжительного периода. Введение альтернативной терминологии правовому явлению должно иметь веские основания – прежде всего доказывающие, что используемый ранее термин либо утратил свою актуальность, либо обнаружил в себе иные дефекты, препятствующие его дальнейшему использованию. Особенность авторского подхода должна проявляться в определениях и дефинициях, но никак не в терминологической разноголосице. Нарушение терминологической уникальности имеет негативные последствия как в виде усложнения идентификации правового явления, так и в виде нарушения логики и системности научного знания.

Далее представляется необходимым дать более подробную характеристику термину «специальные договорные конструкции». Свойства, присущие любому правовому явлению наиболее емко проявляются при таком процессе как научная классификация. При классификационном анализе каждый существенный признак не просто обозначается в назывном порядке, но и анализируется в своих альтернативных проявлениях, что безусловно дает более полную научную характеристику изучаемому явлению.

Существует несколько авторских классификаций правовых терминов, предложенных представителями юридической науки. Для определения видовых характеристик термина «специальная договорная конструкция» за основу будут приняты разработки, накопленные отечественной юридической наукой в области классификации и систематизации юридических терминов,

представленные в трудах А.С. Пиголкина [669], С.П. Хижняка [394, с. 6], А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Н.В. Васильевой [375], М.Л. Давыдовой [254, с. 142–148], В.Ю. Туранина [512, с. 108].

По сфере употребления юридические термины подразделяются на термины юридической науки (например, «деликт», «виндикация») и термины юридической практики (например, «задаток», «цессия»). В рамках заданного критерия термин «специальные договорные конструкции» следует отнести к терминам юридической науки.

В области применения юридических терминов выделяют общеправовые, межотраслевые и отраслевые термины. Подобного рода деление традиционно для юридической сферы и используется довольно часто–применительно к правовым нормам, правовым понятиям, юридическим институтам, правовым принципам и т.д. В рамках заданного уровня, термин «специальные договорные конструкции» относится отраслевым к терминам гражданского права.

По форме образования юридические термины подразделяются на терминологизированные (например, «оклад» [38], «перевозчик» [18]), сформулированные представителями юридической науки и практики (например, «понятийный аппарат науки», «правовая система»), и транстерминологизированные (например, «база данных» [9], «территориальное планирование» [1]), то есть воспринятые юриспруденцией из иных областей научного знания. В рамках заданного критерия термин «специальные договорные конструкции» следует отнести к первой группе, то есть к юридическим терминам, созданным юридической наукой и практикой.

По степени конкретности и возможностям различной интерпретации юридические термины делятся на однозначные (например, «страховой стаж», «бюджетный кредит») и многозначные (например, «правовой принцип»). Как правило, однозначные термины – это термины с конкретным значением,

определение которых дефинировано законом. Что касается терминов доктринальных, то они всегда имеют несколько определений, раскрывающих содержание термина, наполнение которых является выражением научной позиции того или иного исследователя. В рамках заданного критерия термин «специальные договорные конструкции» следует отнести к многозначным терминам.

По действию во времени юридические термины можно делить на актуальные (например, «договор», «новация») и вышедшие из употребления юридические термины (например, «запродажа», «стряпчий»). В рамках предлагаемого критерия термин «специальные договорные конструкции» относится к актуальным юридическим терминам. Вместе с тем, такие характеристики юридических терминов, как «новый», «актуальный» (и подобные) не могут претендовать на устойчивость, поскольку всегда являются «оценкой в моменте». Так, по состоянию пятилетней давности «устоявшийся» термин «финансовые активы» теперь подразумевает под собою и цифровые права, а вышедшие из употребления в советское время термины «мэр», «губернатор», «полиция», «Государственная Дума» вновь используются в отечественной правовой действительности.

По критерию «язык – источник появления юридического термина» юридические термины делятся на русскоязычные (например, «закон», «суд») и иноязычные (заимствованные) термины (например, «бенефициар», «сервитут»). В рамках заданного критерия термин «специальные договорные конструкции» относится к русскоязычным юридическим терминам.

Таким образом, значимые характеристики термина «специальная договорная конструкция» в системе классификации научных терминов можно представить в следующем виде.

Юридический термин «специальная договорная конструкция» является:

– по сфере употребления – доктринальным;

– по области применения – отраслевым;

– по форме образования – созданным юридической наукой и практикой;

– по степени конкретности – многозначным, требующим толкования;

– по действию во времени – актуальным;

– по источнику появления юридического термина – русскоязычным.

В заключении данного раздела диссертационного исследования представляется необходимым провести семантический (смысловой) анализ термина «специальная договорная конструкция».

Термин «специальная договорная конструкция» является составным, трехкомпонентным полилексемным термином. Юридическим терминам свойственна поликомпонентность, поскольку качественную номинацию правового явления зачастую сложно определить один словом, термином – универбом. Терминообразовательные значения составных терминов базируются на логических отношениях между их компонентами.

Семантическим ядром, основой термина является слово «конструкция» – определяемый элемент термина, которое несет функционал выразителя родового понятия и распространяет свое значение на весь термин. Атрибутивными частями термина выступают прилагательные – «специальная» и «договорная». Прилагательные «специальная» и «договорная» несут нагрузку коррелятоpов, информативных уточнителей опорного центра «конструкция». С помощью данных атрибутов в термине определяются видовые отличия СДК в общем массиве юридических конструкций. Через реляционные признаки терминоэлементов–формантов «специальная» и «договорная» происходит с одной стороны сужение сферы действия родового понятия «конструкция», с другой стороны посредством данных определяющих элементов термина манифестируются знаковые свойства термина, выражается конатативное значение денотата.

Относительные прилагательные «специальная» и «договорная» находятся в термине в положении препозиции к опорному слову «конструкция», тем самым выделяется значимость характеристик и признаков смыслового ядра.

Таким образом, в наименовании термина «специальная договорная конструкция» интенция термина как намерение выделить семантическое ядро выражается частью термина «конструкция», а экстенция как намерение выделить зону специализированности и ограниченности предметно–понятийного поля выражается частью термина «специальная договорная».

Когнитивная ценность юридического термина состоит в том, что даже без понятия, которым обозначается термин, посредством языковой формы самого термина мы получаем часть знания о денотате (обозначаемом явлении). И термин «специальная договорная конструкция» несет в себе достаточно емкую и явно понимаемую смысловую нагрузку.

Юридический термин должен удовлетворять следующим требованиям: максимально определенно отражать терминируемое понятие, быть логичным и доступным для понимания. По нашему мнению, термин «специальная договорная конструкция» указанным требованиям соответствует. Посредством опорного слова термин однозначно определяет родовое понятие – конструкция. Посредством форманта «договорная» термин определяет, что терминируемые конструкции имеют областью применения гражданско-правовые договоры. Посредством форманта «специальная» термин определяет, что терминируемые конструкции создают специальные условия при реализации в договорах. Таким образом, термином «специальная договорная конструкция» четко обозначены координаты применения понятия и его правовая сущность.

Следующий параграф настоящей главы диссертационного исследования посвящен формулированию определения термина «специальная договорная конструкция».

2.2 Специальная договорная конструкция – определение понятия

Немногочисленные научные исследования, в которых авторами сделана попытка дать определение специальным договорным конструкциям как правовому явлению демонстрируют разнонаправленные подходы, что предопределяет необходимость дефинирования понятия «специальная договорная конструкция» в координатах категориально–понятийного аппарата науки гражданского права.

В структуре Гражданского кодекса специальные договорные конструкции помещены в главе 27 «Понятие и условия договора» подраздела 2 «Общие положения о договоре» Раздела III «Общая часть обязательного права» первой части ГК. Вторая часть кодекса целиком состоит из раздела IV «Отдельные виды обязательств», в котором каждая глава с тридцатой по шестидесятую (за исключением глав 59 и 60) посвящена конкретному гражданско-правовому договору: купли–продажи, мены, дарения и т.д. Последние две части ГК РФ принимались уже в начале нынешнего столетия. Третья посвящена наследственному и международному частному праву, четвертая – правам на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Таким образом, специальные договорные конструкции являются составляющей общей части обязательственного права, имеющей примат по отношению к отдельным видам договорных отношений. Это обстоятельство является важным, поскольку показывает, что «структурно» специальные договорные конструкции рассматриваются законодателем обособленно от части второй ГК РФ. Дислокация СДК в структуре частей гражданского кодекса предопределяется правовой природой данных правовых институтов.

Специальная договорная конструкция – особый вид юридических конструкций. Первый параграф второй главы исследования был посвящен

термину «специальная договорная конструкция». Термин и его содержание раскрывается в понятии. Чтобы сформулировать понятие, необходимо выделить знаковые признаки правового явления или коллективные, общие признаки определенной группы правовых явлений. Понятие, толкование термина выражается дефиницией.

Классический подход к требованиям, предъявляемым к правовым дефинициям, представлен в монографии профессора Н.А. Власенко «Язык права», опубликованной в 1997 году [211, с. 157–162]. И хотя Н.А. Власенко акцентировал внимание на нормативных дефинициях, по нашему мнению, сформулированные им положения имеют универсальный характер и применимы к доктринальным дефинициям. Собственно, и сам автор указывал на то, что к «правовому языку» и к «языку права» относится «официальный язык текстов нормативно–правовых актов, тесно примыкающая к нему термосистема индивидуальных актов, юридические профессионализмы, доктринальный юридический язык, юридические жаргоны и т.д.» [211, с. 13]. В последние годы требования к качеству дефиниций формулировали в своих работах такие ученые, как А.Ф. Черданцев [404], А.Х. Ахметбекова [422], С.П. Хижняк [393], В.Ю. Туранин [512] и др.

Указанные требования сводятся к следующему:

1) Дефиниция должна быть верной. «Первое требование, предъявляемое к любой дефиниции, заключается в том, чтобы она была объективной, то есть отображающей природу самого предмета, вытекающей из развития самого определяемого предмета» [294, с. 141].

2) Дефиниция должна быть лаконичной и емкой, носить строгий характер. Как следствие, при формулировании дефиниции следует выносить в текст информацию только о самых важных понятие образующих признаках денотата. Указание второстепенных, несущественных признаков дефинируемого явления неизбежно приведет к теоретической

контрпродуктивности в случае отсутствия основных существенных признаков и к излишней громоздкости, не информативности дефиниции в том случае, если исследователь, даже указав основные признаки, одновременно с этим «перегрузил» дефиницию избыточной информацией, завуалировал важное неважным. Выявление существенных признаков производится посредством метода абстрагирования от несущественных. Таким образом объем дефиниции должен быть соразмерен необходимому и достаточному содержанию – не страдать, с одной стороны, избыточностью и быть достаточным для выражения основного концепта.

3) В идеале юридическая дефиниция должна быть явной. Данное требование основано на известном делении дефиниций на явные и неявные. Напомним, что определяемое явление в дефиниции называется дефиниендумом (D f d), а то, посредством чего явление определяется, (то есть сам текст) носит название дефиниенса (D f №). В явных дефинициях присутствует как дефиниендум, так и дефиниенс. В юриспруденции в роли дефиниендума как правило, выступает термин, значение которого поясняется дефиниенсом. Неявные дефиниции и определения – это такие формы дефиниций, в который смысл дифиниендума понимается из контекста или аксиомы. Например, «право авторства неотчуждаемо и непередаваемо» – в этом тексте не заложено определение права авторства, но из контекста мы получаем определенную характеристику явления. Или: «закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет». Это правовая аксиома, установленная ст. 54 Конституции Российской Федерации, она не требует доказательства, но при этом не имеет формы явной дефиниции.

Требование к явности доктринальных дефиниций основано на том, что ученый обязан ясно и конкретно изложить свою концепцию, которая должна быть доказана и аргументирована, а не представлена в контекстуальном

изложении. Относительно аксиоматической формы следует отметить, что правовые аксиомы не несут авторской научной новизны, поскольку правовые аксиомы являются говорящими сами за себя истинами.

4) Дефиниендум не должен определяться в дефиниенсе через синонимичные понятия или через тавтологические единицы. Такие конструкции по сути приводят к определению понятия тоже через понятие и носят название «порочного круга». Если исследователь не может дать определение понятию, не прибегая к «idem per idem» – ценность такой дефиниции сомнительна. Исключение составляют дефиниции, в которых слово–повтор несет служебную роль обозначения рода дефиниендума.

5) Дефиниция должна отвечать требованиям соразмерность. То есть дефиниенс не должен быть уже дефиниендума. Пример такого недостатка дефиниции приведен в книге профессора А.Ф. Черданцева, который указывает на определение «правонарушение – виновное противоправное деяние несовершеннолетнего», где объем определяемого понятия необоснованно сужен (правонарушителем может быть необязательно совершеннолетний гражданин) [404, с. 53]. Действительно, если дефиниенс характеризует дефиниендум в ограниченном размере, то фактически происходит искажение сути определяемого явления, что, безусловно, является изъяном дефиниции.

Далее с учетом всех выше обозначенных требований вернемся к построению дефиниции для термина «специальная договорная конструкция».

Дефиниция базируется на дефинируемом термине. Опорным, доминантным словом в юридическом термине «специальные договорные конструкции» является слово «конструкция». Таким образом, обращаясь к вопросу дефинирования термина «специальные договорные конструкции», сначала необходимо определить, почему правовые институты, объединенные под этим названием, являются именно конструкциями. Данный вопрос имеет

принципиальное значение, поскольку является отправной точкой в понимании правовой природы исследуемого нами юридического феномена.

Понятие «конструкция» в юриспруденции включает в себя широкий круг элементов. Под юридическими конструкциями понимаются любые сделки и договоры. Профессор Ю.В. Сорокина рассматривает юридическую конструкцию в контексте права следующим образом: способом внешнего существования права являются правовые формы, а способом внутреннего существования права являются юридические конструкции [697]. Вопросам юридических конструкций уделено много внимания в трудах выдающегося ученого, профессора С.С. Алексеева. Классик называл юридические конструкции элементом правовой материи, видом юридического инструментария [180, с. 163], отмечал, что «в юридических конструкциях раскрывается своеобразие права как объективной реальности» [180, с. 278]. С.С. Алексеев видел в юридических конструкциях «основу уникальности права», поскольку в модельных схемах «элементы юридической материи соединяются в своеобразные построения, в особые юридические конструкции, которые и выражают как специфику "тела" права, так и его уникальную силу» [180, с. 279]. Профессор Алексеев признавал за правовыми конструкциями функцию содействия «достижению необходимой определенности содержания правового регулирования». Ученый указывал на то, что использование юридических конструкций «не только позволяет облегчить формулирование юридических норм, придает всему нормативному материалу логическую стройность и завершенность, но и – что самое главное – способствует определенности и четкости правового регулирования» [183]. Ценность юридических конструкций, по мнению профессора Алексеева заключается в том, что «от совершенства юридических конструкций, их отработанности, разумности в огромной мере зависит эффективность права, его значение в жизни общества» [183, с. 225].

Большой вклад в теоретическое осмысление юридических конструкций внесли труды профессора Н.Н. Тарасова, который определил юридические конструкции как «единицы собственного содержания права» и сделал вывод о том, что «при доктринальном анализе права юридические конструкции могут рассматриваться и как юридические знания, и как инструмент приобретения юридического знания и, в этом смысле как «ядро» аналитической юриспруденции» [700, с. 25]. В книге «Методологические проблемы юридической науки» профессор Тарасов отметил роль юридических конструкций в процессе правового познания, указав: «если считать, что юридическое познание – это деятельность юридического мышления, то конструкции лежат в основе и юридических методов анализа позитивного права» [700, с. 27]. Интересным представляется и взгляд Н.Н. Тарасова на то, что на юридических конструкциях основывается позитивное право, поскольку «юридические нормы есть не что иное, как нормативно–текстуальное выражение юридических конструкций» [700, с. 27]. Более того, эта мысль может быть продолжена. В реалиях, развитие и совершенствование позитивного права является результатом либо появления новых юридических конструкций, востребованных практикой гражданско-правовых отношений, либо запросом практики на внесение необходимых изменений и дополнений.

Это в полной мере относится и к специальным договорным конструкциям. Так, в частности, в 2015 году глава 27 ГК РФ была дополнения положениями о рамочном договоре (ст. 429.1), который до этого уже активно использовался в юридической практике и был предметом многих научных исследований (О.С. Покровская [673], Е.Б. Подузова [671], А. Селивановский [688] и др.). В качестве другого примера можно привести изменения, внесенные в п. 1 статьи 426 ГК РФ «Публичный договор». Если в редакции, действовавшей до 01.04.2015 г. обязанной стороной по публичному договору признавалась коммерческая организация, то в обновленной редакции

в качестве обязанной стороны признается любое лицо, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность. Таким образом, законодателем было устранено необоснованное заужение субъектного состава, не позволяющее распространить нормы публичного договора на некоммерческие организации и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую или иную деятельность, приносящую доход [105]. Следовательно, востребованное практикой совершенствование СДК является и предпосылкой, и результатом оптимизации права.

Профессор С.Ю. Морозов выявляет следующим образом методологическую роль юридических конструкций в научных исследованиях. «При проведении цивилистических изысканий следует понимать, что юридические конструкции связаны с предметом и объектом научного исследования и в то же время сами могут выступать в качестве такого объекта» [379, с. 261]. Такой подход является верным, емким и глубоко содержательным. Действительно, юридические конструкции являются концептом правового осмысления общественных отношений, средствами юридической формализации различных повторяющихся правовых ситуаций. Общественные отношения и их проявления составляют объект любого научного исследования. В рамках объекта определяется предмет научного исследования, которым предстает вся эмпирическая база, связанная с темой исследования, при этом в правовой сфере ней в обязательном порядке будет присутствовать позитивное право. Профессор С.Ю. Морозов выводит формулу «общественное отношение – конструкция – норма», очевидно имея ввиду, что юридическая конструкция обеспечивает «соответствие предписаний позитивного права природе регулируемых отношений» [652]. Таким образом, и предмет и объект научного исследования обращается к юридическим конструкциям. Одновременно в этим, и сами юридические

конструкции, связанные с темой научного исследования, станут в обязательном порядке объектом анализа ученого.

Видный теоретик советского права В.М. Горшенев в 1978 году дал правовым конструкциям следующее определение. Юридические конструкции «представляют собой схемы, модели, типовые образцы, трафарет, используемые законотворцем для формулирования правовых норм, построения права, его систематизации, с их помощью возводится «скелет» права» [576]. В 2013 году профессор В.Н. Карташов определил юридические конструкции как «типовые образцы (схемы, модели и т. п.), характеризующие построение правовой системы общества в целом, а также структурирование отдельных ее явлений, процессов и состояний» [601, с. 60]. Как мы видим, за полвека концептуальное понимание юридических конструкций не изменилось – они рассматриваются наукой как явление, на котором основывается построение права посредством структурирования юридических фактов и юридических состояний.

Несмотря, на то, что специальным договорным конструкциям посвящено достаточно много научных трудов, задачу сформулировать доктринальную дефиницию данного правового феномена, как правило, ученые перед собой не ставили. Даже профессор В.В. Витрянский, признаваемый идеологом учения о специальных договорных конструкциях, указывая в своих работах на различные признаки и свойства СДК, ни в одной из этих работ не сформулировал теоретического определения. Он ограничился лишь формулированием признака, что специальные договорные конструкции «объединяет то обстоятельство, что они подлежат применению (в том числе путем их использования сторонами договора при оформлении своих договорных отношений) практически к любым типам (видам) договорных обязательств, которые обладают необходимым набором признаков, характерных для каждой специальной договорной конструкции» [210].

Определяя специальные договорные конструкции как единую самостоятельную гражданско–правовую категорию, и обозначая как недостатки современной юридической науки и учебной литературы то, что в них «отсутствуют обобщенные положения о специальных договорных конструкциях как самостоятельной гражданско–правовой категории» и «отдается предпочтение дифференцированному рассмотрению и правовой квалификации каждой отдельной договорной конструкции» [209, с. 226], сам В.В. Витрянский не дает комплексного определения ни понятию специальной договорной конструкции как единичному понятию, ни как совокупности правовых единиц.

О.С. Юренкова сформулировала определение СДК следующим образом: «специальная договорная конструкция – гражданско–правовая форма выражения нормативной схемы регулирования, созданная в результате мысленного абстрактного обобщения однородных признаков, находящихся с нею в отношении соответствия конкретных договоров, и содержащая универсальное определение законодательной модели таких договоров, специальные требования к их субъектному составу и содержанию, а также к юридическим процедурам их заключения и (или) исполнения, расторжения» [525, с. 11]. Именно на данную дефиницию, сформированную О.С. Юренковой ссылается большинство исследователей: М.К. Сулейменов [439], Е.Е. Степанова [368], С.А.Г Горбачёв [575], В.И. Татаренко [701], Е.А. Ахтямова [540, с. 136–138] и др.

Ю.В. Татаренко критикует определение, данное О.С. Юренковой, поскольку оно дает дефиницию «через не общепринятое в науке понятие гражданско–правовой формы» [511, с. 22], а также потому, что «под данную дефиницию подходит практически любой поименованный в ГК РФ тип или вид договора» [511, с. 22]. Сам же Ю.В. Татаренко кратко определяет

специальные договорные конструкции как особый вид норм гражданского кодекса [511, с. 16].

Е.В. Ахтямова определяет, что специальная договорная конструкция – это «предусмотренная законом или закрепленная волеизъявлением сторон модель организации обязательственных отношений, которая призвана применить в отношении них специальный правовой режим, обладает организационной направленностью и вторичностью функционирования по отношению к основному договору» [540].

В.А. Хохлов дефинирует специальные договорные конструкции как «предусмотренные законом особые правила распределения прав и обязанностей, по сравнению с той или иной базовой договорной моделью, – меняющие их баланс, либо устанавливающие преференции (преимущества) в пользу одного из участников взаимоотношений, либо предусматривающие особый порядок заключения, исполнения договора» [397, с. 65].

Г.З. Ахметова дефинирует специальные договорные конструкции, предусмотренные главой 27 ГК как «общевидовые институты», которые «образуют нормы, которые закрепляют основные, типичные черты, характеризующие специфику отдельных видов договоров и позволяющие классифицировать их по различным критериям» [423, с. 55].

М.Н. Малеина дает следующее определение специальным договорным конструкциям: «это соглашение, в форме отдельного документа или включенное в другой договор, предназначенное для обслуживания основного договора, порождающее правовые последствия, которые в виде правил применяются к разным по природе основным гражданским договорам» [625].

К.К. Лебедев. называет специальные договорные конструкции правовыми формами, «которые только проявляют себя в каких-либо основных или вспомогательных договорах» [619, с. 284].

М.К. Сулейменов предлагает называть специальные договорные конструкции «общие договоры», которые «расположены в общей части обязательственного права и реализуются во всех или в большинстве договоров особенной части обязательственного права, то есть в основных договорах» [439].

Иных дефиниций понятию «специальная договорная конструкция» в научных работах не обнаружено.

Как указывал профессор А.М. Васильев, «в юриспруденции, как и в любой науке, задача определения как логической операции над понятиями заключается в том, чтобы раскрыть содержание этих понятий путем указания на основные, существенные признаки изучаемого предмета, которые отличают его от других общественных явлений и выделяют из числа правовых» [207]. При этом «определение должно быть явным, что означает прямое и непосредственное указание на родовой и специфический видовой признаки» [313, с. 270]. Например, дотации – межбюджетные трансферты (родовой признак), предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений их использования (видовые признаки). Профессор О.С. Иоффе отмечал, что «при выработке научных понятий важно не только соблюсти требования, предъявляемые к их образованию, но и безошибочно определить место, отводимое вновь созданному понятию в общем понятийном аппарате данной науки или системы наук» [276, с. 323].

Таким образом, дефиниенс (текст определения) в идеале должен содержать, в первую очередь, ответ на вопрос «что это за предмет» (родовой признак, предметность определения), а во–вторую очередь, – «какой это предмет» (видовые признаки и отличия).

Применительно к понятию «специальная договорная конструкция» определение О.С. Юренковой на вопрос «что это» дает следующий ответ: специальная договорная конструкция – это «гражданско–правовая форма», по

определению Ю.В. Татаренко – это «особый вид норм гражданского кодекса», по определению Е.В. Ахтямовой – это «модель организации обязательственных отношений», по определению В.А. Хохлова – «особые правила», по определению К.К. Лебедева – «правовые формы», а по определению М.Н. Малеиной – «соглашение, предназначенное для обслуживания основного договора», М.К. Сулейменов вводит термин «общий договор».

Полагаем, что при формулировании дефиниенса единичного понятия «специальная договорная конструкция» следует при определении предмета отдать предпочтение обозначению, позволяющему четко определить место специальной договорной конструкции в правовой сфере. Общепризнано, что вертикальная структура права представляется в виде: система права – отрасль права – институт права – норма права. В науке сформировано огромное количество определений понятию «институт права», учитывающих признаки, предмет, метод правового регулирования, место в системе права и т.д. Но все они сводимы к главному: институт права – это совокупность правовых норм, системно регулирующая однородные общественные отношения. Очевидно и то, что каждая отдельная специальная договорная конструкция – предварительный договор, публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица и т.д. является таким правовым явлением как институт гражданского права. Специальная договорная конструкция может являться таковой только в случае, если она объективизирована позитивным правом. Импликативная, взаимообусловленная связь между поименованностью правового института именно частью первой гражданского кодекса и возможностью признания такого правового института специальной договорной конструкцией отсутствует.

Проведенное исследование позволяет сформулировать доктринальное определение понятию «специальная договорная конструкция».

Как известно, дефиниции делятся на интенсиональные и экстенсиональные. Интенсиональные дефиниции направлены на выявление значимых свойств научного понятия, экстенсиональные дефиниции имеют своей целью определить объем научного понятия. Интенсиональная дефиниция должна правильно выражать родовидовые отношения. Профессор Черданцев относил к дефектным дефинициям те дефиниции, в которых не указаны или неточно (неверно) указаны родовые и отличительные видовые признаки понятия [404, с. 52]. Отсутствие родового признака приводит к расширению дефиниции, к отсутствию определенности дефиниендума, свидетельствует о теоретической размытости позиции автора дефиниции, ставит под сомнение правильность сделанных выводов. Присутствие же родового признака, во–первых, дает четкий ориентир относительно правовой природы денотата, а во–вторых, оптимизирует конструктив дефиниции, так как позволяет автору заменить перечисление всех значимых родовых характеристик емким указанием на родовую принадлежность.

На основании сделанных выводов диссертант формулирует следующую интенсиональную дефиницию понятия «специальные договорные конструкции».

Специальная договорная конструкция – это институт гражданского права, используя который стороны основных договоров в силу закона или своим волеизъявлением устанавливают порядок заключения и (или) исполнения основных договоров различной целевой направленности.

Характеристика предложенной интенсиональной дефиниции. Предлагаемая дефиниция является интенсиональной, так как построена на описании признаков СДК через род и вид. В качестве родового понятия выступает «институт гражданского права».

В качестве видовых отличий правовых институтов, являющихся СДК, выступают:

– инструментальная роль по отношению к основному гражданско-правовому договору;

– порядок применения в основных договорах правил, устанавливаемых специальными договорными конструкциями имеет императивно–диспозитивный характер;

– универсальное применение специальной договорной конструкции к основным договорам различной целевой направленности.

Дефиниция является неабсолютной, поскольку часть термина в виде атрибутива «договорные» присутствует в дефиниенсе, что не является дефектом, так как «неабсолютные дефиниции не образуют порочного круга, если отсутствует определение понятия через, то же понятие» [227, с. 35], то есть если повторяемость связана с составным термином дефиниендума и необходимостью соотнести дефиниендум со сферой действия, обозначенной в дефиниенсе.

Предлагаемая дефиниция имеет функциональный характер в силу того, что дефиниция, во–первых, определяет характер взаимодействия специальной договорной конструкции и основного договора, во–вторых, дефиниция обозначает регулятивное, целевое назначение СДК, устанавливающих особые условия заключения и исполнения основного договора. Сформулированная интенсиональная дефиниция является разделительной, поскольку ее содержание применимо к каждому элементу, входящему в категорию.

2.3 Специальные договорные конструкции как категория гражданского права

Настоящий параграф диссертационного исследования направлен на решение актуальной доктринальной проблемы, обозначенной еще в 2012 году В.В. Витрянским. Профессор Витрянский в своих работах В.В. Витрянский

отнес совокупность специальных договорных конструкций к правовой категории [562, с. 250–251; 563, с. 31; 564, с. 325] и указал на существующую доктринальную проблему отсутствия в научной и учебной литературе обобщенных положений о специальных договорных конструкциях как самостоятельной категории гражданского права [563]. Можно констатировать, что за прошедшее десятилетие ситуация не изменилась. Не смотря на несомненный интерес научного сообщества к специальным договорным конструкциям, ученые как правило рассматривают данные правовые явления дифференцированно, посвящая свои исследования какому–то конкретному правовому институту. Следовательно, для науки гражданского права категоризация и комплексный теоретический анализ СДК является назревшей доктринальной задачей.

Переходя к исследованию СДК как правовой категории, следует отметить, что значение категорий для в системе научного знания отмечено многими учеными. Профессор И.Ф. Демидов указывает: «в понятийном аппарате науки категории — это важнейшие логико–гносеологические средства выражения сущности познаваемого» [300, с. 140]. А.А. Рудаков делает обоснованный вывод о том, что именно категориальный аппарат юриспруденции «придает качественную определенность правовому научно–теоретическому мышлению, фиксирует структуру знаний о праве и логику их развития» [348, с. 1].

В конце XX столетия учение о правовых категориях получило развитие в трудах А.С. Автономова. В научной литературе неоднократно отмечалось смешение теоретических единиц «понятие» и «категория». Заслугой А.С. Автономова является научное осмысление соотносимости правовых категорий с правовыми понятиями. Отмечая, что советская правовая наука традиционно определяла категорию через понятие, ученый указывает на то, что «что категории не сводимы к понятиям» [172, с. 24], в силу того, что

наделены разным функционалом. Если задача понятия дать характеристику объекту, то для категории «раскрытие содержания объекта не является самоцелью», «в категории раскрытие содержания объекта подчинено решению задачи выявления и исследования законов существования конкретной действительности или обширной области этой действительности, и значит, с необходимостью требует определения места и роли данного объекта среди явлений и отношений этой конкретной действительности» [172, с. 25]. Аналогично этому видел соотношение понятия и категории М.А. Булатов. Понятие дает знание об объекте и его свойствах. При этом «можно иметь понятие о какой-либо определенности и совсем не знать, какую роль она выполняет в качестве средства расчленения вещей или всей действительности» [204, с. 101]. Таким образом, именно категориальный анализ ставит своей задачей выделение из общего массива права категории – определенной общности правовых явлений посредством выявления атрибутивных признаков, присущих этим явлениям. Иными словами, понятия дают знания в конкретной форме, а категории – в системной.

Одним из последних по времени научным трудом, посвященным правовым категориям, является диссертация «Обесценивание правовых категорий», защищенная П.С. Бариновым в 2019 году. Ученый указывает на то, что правовые категории являются «отправной точкой в исследовании каждого правового института в отдельности» [427, с. 24]. Эту мысль следует понимать в контексте того, что «все правовые институты, относящиеся к определенной правовой категории, несут в себе ключевые признаки этой категории, и с помощью этих признаков исследователь выявляет и формулирует юридические характеристики правового института» [649, с. 45]. По верному высказыванию профессора С.С. Антюшина, категории «отражают качество и результаты познания в целом и достижения конкретных субъектов–исследователей» [536, с. 98].

А.П. Шептулин отмечал, что «будучи отражением общих сторон и связей, категории в то же время являются продуктами сознания, познавательной деятельности людей» [408, с. 66]. П.С. Баринов делает акцент на том, что правовые категории «представляют собой социально–правовую ценность, обеспечивая развитие юридической науки» [427, с. 36]. По справедливому замечанию профессора Е.В. Вавилина «категориальный аппарат любой науки, которая претендует на статус самостоятельной научной области, находится в постоянном процессе формирования своей категориальной системы» [555, с. 22]. С этими мнениями сложно не согласиться, поскольку появление любой новой правовой категории означает, что наука гражданского права на базе появившейся практики применения правовых институтов накопила новые знания, систематизация которых позволила сформулировать положения, тезисы, концепции. Так, например, в результате цифровизации общества, ученые поднимают вопрос о выделении гражданско-правовых категорий «цифровые права» [623], «цифровые объекты гражданских прав» [542] и т.д.

В прикладном плане ценность научных правовых категорий заключается в том, что «с их помощью в науке и на практике вырабатываются четкие квалификационные критерии и правила оценки фактов и событий, имеющих юридическое значение» [427, с. 37]. Действительно, объединяя правовые явления в рамках правовой категории, доктрина формулирует квалификационные признаки таких явлений, создает лекала, которыми пользуются исследователи в дальнейших научных изысканиях.

Наиболее значимой работой советского периода, посвященной категориям права, является труд профессора А.М. Васильева «Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права». А.М. Васильев выявил ценностные характеристики категорий, сформулированных правовой теорией как «инструмента познавательной

деятельности, способа понимания и фиксации достигнутых правовых знаний» [207, с. 80]. Научное юридическое понятие определяется А.М. Васильевым как «мысль, отражающая основные, важнейшие признаки правового явления или отношения», а правовые категории как «наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения как в определенной области юридических знаний, так и в правоведении в целом» [207, с. 87].

Важнейшим аспектом понимания правовых категорий следует считать выявленное профессором Васильевым различие между понятиями «правовая категория» и «категория права». Правовые категории, являясь научными понятиями, «выступают как инструмент научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений» в целях познания. А категории права, являясь компонентами правовой нормативной структуры выступают в роли инструментов правового регулирования [207, с. 90]. Таким образом специальные договорные конструкции как понятие, используемое в науке гражданского права, являются именно правовой категорией, но не категорией права.

Категория «специальные договорные конструкции» объединяет все СДК, каждая из которых, как было показано в предыдущих параграфах, представляет собой институт гражданского права. Правовые категории нельзя прямо отождествлять с правовыми институтами. На вопросы соотношения правового института и правовой категории именно в контексте разграничения данных понятий обращали внимание видные советские ученые. И.А. Танчук в коллективной монографии указывал, что, что различие между правовым институтом и правовой категорией имеет важное, существенное значение [396, с. 18]. Профессор В.В. Лаптев определил различие правового института и правовой категории в следующем. «Институт – совокупность правовых норм, регулирующих определенные конкретные отношения. Правовая

категория – общетеоретическое абстрактное понятие, выражающее определенную закономерность в правовой организации различных общественных отношений. Содержание правовой категории обусловлено содержанием отдельных институтов, правовая категория выражает их содержание в обобщенной абстрактной форме» [380, с. 211]. Профессор А.С. Автономов, раскрывая соотношение понятий «категория» и «правовой институт», устанавливает следующее: «категории отраслевых правовых наук служат орудием познания институтов отраслей права» [172, с. 24]. В современной науке к вопросу соотношения понятий «правовая категория» и «правовой институт обращался в своем монографическом исследовании «Право, как система» профессор М.К. Сулейменов, который совершенно верно отметил, что понятие «правовая категория «лежит в иной системе понятий, чем институт» [373, с. 342]. Данный тезис не развернут М.К. Сулейменовым, но, по нашему мнению, подтверждается следующим. Как уже указывалось, вертикальная структура права представляется в виде: система права – отрасль права – институт права – норма права. Мы видим, что в данном конструктиве просто нет места категориям права. И это закономерно, поскольку правовые категории – это доктринальное понятие, инструмент познания и осмысления тех или иных правовых единиц.

Далее рассмотрим вопрос соотношения понятия «категория специальные договорные конструкции» с понятием «специальная договорная конструкция», то есть к соотношению понятий категории и единицы, включенной в состав категории. Если обратиться к теории юридической логики, то мы можем выделить несколько, а именно три уровня совместимости юридических понятий. Правовые понятия могут быть полностью совместимы в силу своей равнообъемности. Например, «покупатель» и «сторона, приобретающая товар по договору купли–продажи». Юридические понятия могут быть совместимы в диспозиции подчинения, что происходит в случае

соотношения род–вид, то есть когда понятие меньшего объема полностью «покрывается» понятием большего объема. Например, «гражданское право» и «право». И, наконец, юридические понятия могут быть пересекающимися или перекрещивающимися в случае, если объемы понятий совпадают в той или иной мере. Например, «доктор юридических наук» и «преподаватель».

Как правовое понятие категория «специальные договорные конструкции» и любой конкретный институт, входящий в данную правовую категорию находятся в отношениях субординации. При этом диспозиция подчинения выглядит следующим образом: понятие «специальные договорные конструкции» будет подчиняющим, а понятие любого элемента данной категории – подчиненным. Так, например, понятие «публичный договор» полностью входит в понятие «специальные договорные конструкции».

Теперь обратимся к вопросу соотношения понятия «категория специальные договорные конструкции» с понятием «система гражданского права».

Оценка права как регулятора общественных отношений является общепринятой. Такое традиционное понимание права было заложено в трудах советских правоведов. Профессор Б.Д. Плетнев в первые годы становления советской правовой науки констатировал: «в ту или иную эпоху может исчезнуть вера в абсолютную и все исцеляющую силу права, но никогда не умрет убеждение, что право является необходимым регулятором нашей социальной жизни» [332, с. 7]. Профессор О.С. Иоффе в 1957 году писал: «никто не отрицает способности права как возведенной в закон воли господствующего класса регулировать движение общественно–производственных отношений в определенном направлении, которое предопределяется действующими объективными экономическими законами общественного развития [698]. Профессор Б.В. Шейндлин отмечал, что

«нормы права, выступая в качестве регулятора общественных отношений, оказывают направляющее воздействие на волю и сознание людей путем подчинения их поведения, их деятельности единым правилам» [719, с. 75]. Профессор Н.Г. Александров акцентировал внимание на том, что «юридическая норма, регулируя общественные отношения, тем самым придает им форму правовых отношений» [176, с. 10]. Выдающийся теоретик советской юриспруденции Л.С. Явич указывал на то, что «регулятивная способность права — одно из проявлений его сущности» [420, с. 76]. Профессор С.С. Алексеев подчеркивал, что «специфическая черта права как регламентатора общественных отношений — его нормативный характер» [182, с. 109].

Таким образом, право выступает регулятором общественных отношений прежде всего через нормативную основу. Через гипотезы, диспозиции и санкции, используя прямой, бланкетный и отсылочные способы, правовые нормы определяют:

– обстоятельства и юридические факты, наличие или отсутствие которых предполагают возможность или необходимость применения конкретных норм права;

– дозволения, запреты и предписания, которыми должны следовать субъекты правоотношений;

– последствия в виде неблагоприятных последствий (санкций) при несоблюдении правил правомерного поведения или в виде положительных последствий (поощрений) при соблюдении правил правомерного поведения.

Для нашего исследования тезис «правовые нормы являются регулятором общественных отношений» важен в несколько иной форме, с иным логическим ударением – «регулятором правовых отношений являются правовые нормы». А именно в форме, когда главным членом мы обозначаем слово «регулятор» и выражаем его как «правовую норму» через именное

сказуемое. То есть «регулятор» мы рассматриваем как тему, а «правовую норму» как рему, фокус. В юридической логике операция, в результате которой субъект и предикат меняются местами, называется обращением. В результате таких логических операций внимание акцентируется именно на том предмете, который имеет опорное значение для исследуемого вопроса.

Таким образом, ключом к пониманию правовой категории в аспекте системы правового регулирования является то обстоятельство, что общественные отношения регулируют как нормы именно правовые институты, входящие в категорию «специальные договорные конструкции»: договоры в пользу третьих лиц, публичные договоры, договоры присоединения и т.д. Непосредственно категория, являясь доктринальным правовым феноменом, сама по себе функцию регулятора общественных отношений не выполняет. Правовая категория выполняет две функции – с одной стороны, это функция объединения составляющих ее элементов по категориальному признаку, с другой стороны, это функция вычленения составляющих категорию элементов из общей массы правовых явлений, причем по тому же категориальному признаку.

Профессор М.А. Булатов отмечал, что общее (всеобщее) имеет два смысла — выступает в двух видах: в качестве количественной общности и в качестве целостности» [204, с. 83]. В контексте нашего исследования первое означает, что все институты, входящие в категорию «специальные договорные конструкции», являясь сами по себе самостоятельными, изолированными друг от друга правовыми реалиями, имеют тем не менее общий признак, положенный в основу категориальной специфики. По сути, этот признак связывает правовые единицы, в реалиях не связанные друг с другом, автономные в отношении друг друга. Второе означает, что все институты, входящие в категорию «специальные договорные конструкции»,

рассматриваются как целостное образование, нуждающееся в научно–категориальном понимании.

С позиции логико–философского подхода значение категории «специальные договорные конструкции» как научной единицы состоит в том, что, с одной стороны, обобщая определенные правовые институты, категория действует объединяющим, синтетическим образом. С другой стороны, с помощью объединения определенных правовых институтов рамками категории происходит вычленение группы правовых феноменов из общего правового массива, то есть правовая материя структурируется. В этом ключе соотношение элементов правовой категории с самой правовой категорией также видится в двух аспектах, один из которых – множество элементов внутри категории, а другой – единство через категорию, и каждый из этих аспектов является отражением другого. Таким образом, в правовой категории «специальные договорные конструкции проявляется синтез единства и множества.

Если рассматривать соотношение правовой категории с общей правовой материей, то на передний план выступает роль категории в виде разделения, вычленения, рубрицирования. Так из множества геометрических фигур мы можем выделить в отдельную группу квадраты, треугольники и т.д. Из всех гражданско-правовых сделок – соглашения, направленные на перемену лица в обязательстве и т.д. Свойство категорий выполнять одновременно синтетическую (объединяющую) и аналитическую (рубрикационную) функции М.А. Булатов квалифицировал как «специфическую особенность категоризации вещей и событий» [204, с. 89].

Как правовую категорию мы рассматриваем именно совокупность правовых институтов, поэтому принципиальное значение имеет лексикографический аспект применения в термине «категория специальные договорные конструкции» слова «конструкция» во множественном числе.

Иными словами, категорией является именно общность правовых институтов, включаемых в категорию «специальные договорные конструкции». В свете того, что категория реализует одновременно и синтетическую и аналитическую функции, в принципе представляется невозможным подвести под понятие категории единичный объект, поскольку в таком случае исчезает синтетическая функция категории, такой имманентный признак проявления категории, как общность ее компонентов.

Категория «специальные договорные конструкции» подчиняется закону обратного отношения между объемом и содержанием понятия, который определяет, что увеличение содержания понятия сопровождается образованием понятия с меньшим объемом. Иными словами, увеличивая содержание понятия «конструкция» посредством добавления признаков «специальные» и «договорные», мы переходим к понятию, имеющему меньший объем, ограниченному правовыми институтами, относимыми к перечню СДК.

Не будучи регулятивным средством права, правовая категория «специальные договорные конструкции» служит способом и инструментом познания регулятивных свойств тех правовых институтов, которые мы включаем в состав категории. Из вышеизложенного формулируется следующий вывод: правовая категория «специальные договорные конструкции» – это теоретический феномен, не обладающий самостоятельным функционалом регулирования общественных отношений и направленный на выявление специфики входящих в правовую категорию институтов права.

Как уже отмечалось, дефиниция выступает формой существования термина – именно в дефиниции «понятие впервые перестает быть просто словом или именем и начинает существовать как понятие» [205, с. 77].

Посредством дефиниции правовым явлениям присваиваются свойства, позволяющие отождествлять или наоборот различать правовые явления.

Понятие, определяющее один элемент, называется единичным. Понятие, определяющее некое множество элементов, называется общим. Соответственно, термину «специальная договорная конструкция» соответствует единичное понятие, а такими терминами как «правовая категория СДК», «система СДК» обозначаются общие юридические понятия.

При этом если к качествам термина относятся устойчивость и консервативность, то доктринальных дефиниций к термину, раскрывающих то или иное научное понятие, может быть множество, поскольку каждый исследователь выражает в дефиниции свое понимание дефинируемого объекта. Более того, «разнообразие дефиниций отражает многоплановость научных подходов и богатство суждений в отношении правового феномена, это свидетельствует о том, что изучаемый объект представляет интерес для науки. Различные авторские подходы и суждения, выраженные в дефинитивных определениях, данных юридическому явлению, в совокупности являются квинтэссенцией научного знания, сформированного в отношении такого явления» [647, с. 74].

В настоящем параграфе обосновывается, что «специальные договорные конструкции» как множественное понятие являются правовой категорией. Любая категория имеет содержательное наполнение, и задача дефиниции – максимально верно, полно, точно и понятно дать характеристику изучаемому явлению.

На основании изложенного формулируется следующее понятие категории СДК.

В доктринальном аспекте правовая категория «специальные договорные конструкции» – это теоретически обособленная общность правовых средств

регулирования, объединяющая специальные договорные конструкции по следующим признакам:

– все специальные договорные конструкции универсально применимы к различным по целевой направленности гражданско-правовым договорам;

– в результате применения СДК основной договор не меняет свою правовую природу, целевую направленность обязательства;

– все специальные договорные конструкции объективизированы позитивным правом;

– все СДК являются правовыми регуляторами, обеспечивающими особый порядок заключения, исполнения и прекращения основных договоров и наделение основных договоров специальными условиями, направленными на обеспечение как публичных интересов, так и частноправовых интересов сторон основного договора.

Как было показано в главе 1 диссертационного исследования, правовая природа отдельных СДК является предметом научных дискуссий в современной научной литературе. Разно полярные мнения сложились относительно правовой природы многих правовых институтов: предварительного договора, абонентского договора, рамочного договора, смарт–контракта, опционных соглашений. Как следствие, авторские подходы ученых, предпринявших попытку составить перечень СДК не совпадают, данный вопрос остается открытым. Это предопределило актуальность постановки задачи по формированию полной экстенсиональной дефиниции, определяющей объем научного понятия «система СДК». Система СДК является универсальным множеством, поскольку все правовые институты, относимые к специальным договорным конструкциям, подлежат включению в состав системы.

Диссертантом определен списочный состав специальных договорных конструкций. При этом были выявлены как признаки, присущие всем

специальным договорным конструкциям, так и признаки, позволяющие провести внутрисистемную группировку СДК. Определение перечня СДК, входящих в категорию, позволяет сформулировать экстенсиональную дефиницию для системы специальных договорных конструкций.

Экстенсиональные дефиниции формулируются путем перечисления элементов, объединяемых дефиниендумом, поэтому их еще называют перечислительными, или списочными дефинициями. В экстенсиональных дефинициях «закрепляется не содержание понятия, а его объем, представляющий множество вещей, денотатов, соотносимых с понятием» [393, с. 123].

Экстенсиональность является логико–философским понятием. Под экстенсионалом понимается множество объектов, способных именоваться данной языковой единицей. Таким образом, экстенсионал характеризует объем понятия, совокупность относимых к понятию предметов и явлений. Все, относимое к определяемому, выражается через экстенсиональное осмысление. Так, например, положение ст. 57 ГК РФ о том, под реорганизацией понимается слияние, присоединение, разделение, выделение или преобразование по сути является экстенсиональным определением для термина «формы реорганизации юридического лица».

Экстенсиональные дефиниции могут меняться во времени. Так, ст. 50 ГК РФ в редакции 1995 года определяла экстенсиональный состав понятия «юридические лица, являющиеся коммерческими организациями» как закрытый перечень следующих организационно–правовых форм: хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия. В 2014 году к указанному перечню были добавлены новые виды юридических лиц: крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйственные партнерства. Данным изменениям предшествовало принятие в 2003 году Федерального закона

«О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [23], а в 2011 году – Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» [30]. Таким образом, развитие общественных отношений предопределяет появление новых правовых институтов, которые расширяют экстенсиональные определения и понятия новым наполнением.

Доктринальные экстенсиональные определения того или иного правового понятия также не эквивалентны, поскольку, во–первых, разные исследователи представляют объем тех или иных правовых понятий в соответствии со своими научными взглядами и убеждениями, а во–вторых, доктрина следует за развитием позитивного права.

Все это в полной мере проявляется в отношении определения объема понятия «система СДК», поскольку:

– как показано в настоящем исследовании, существует достаточное количество заслуживающих внимания подходов по отнесению либо не отнесению тех или иных правовых институтов к специальным договорным конструкциям;

– становление системы СДК происходило в несколько этапов (данный вопрос рассмотрен в главе 3 исследования).

По итогам проведенного исследования формулируется экстенсиональная дефиниция понятию «система СДК».

Под системой СДК понимается совокупность двух групп СДК. 1) Группа СДК, модифицирующих основной договор, объединяющая следующие правовые институты: публичный договор, договор присоединения, рамочный договор, абонентский договор, договор в пользу третьего лица, государственный (муниципальный) контракт, опционный договор. 2) Группа СДК, автономных по отношению к основному договору, объединяющая следующие правовые институты: предварительный договор, опцион на заключение договора.

Предложенная дефиниция характеризует экстенсионал системы СДК в двух аспектах: списочного состава групп системы и списочного состава элементов системы в разрезе групповой аналитики.

Экстенсиональные дефиниции могут быть полными (когда дефиниендум содержит полный перечень объектов, принадлежащих определяемому понятию) и примерными (когда объекты перечисляются в конструкции «в том числе», «например», «в частности»). Предпочтительным с точки зрения научной ценности является полный формат, так как он претендует на абсолютизацию понятийного ряда. Предлагаемая экстенсиональная дефиниция сформулирована как полная.

Научная ценность предлагаемой экстенсиональной (списочной) дефиниции состоит в том, что дает характеристику для системы СДК именно в аспекте ее объема. Понятие «система СДК» относится к абстрактным понятиям, поскольку данный феномен не существует самостоятельно, без того наполнения которое составляют конкретные правовые институты, относимые к специальным договорным конструкциям.

Глава 3
Становление системы специальных договорных конструкций в отечественном гражданском праве

Тема исследования «Специальные договорные конструкции в гражданском праве России» подразумевает обращение к истории становления СДК в отечественном гражданском праве.

Совокупность специальных договорных конструкций рассматривается в исследовании в системном аспекте. Этимологически слово «система» восходит к греческому systema, означающему «целое из составных частей». Развитие системы может происходить как посредством наполнения системы новыми элементами, так и посредством совершенствования элементов, входящих в систему. Любая система развивается эффективно, в случае если в результате такого развития происходит повышение полезной функциональности как системы в целом, так и ее входящих в ее состав элементов.

В теории развития систем существует понятие «временная линия развития», которая «представляет собой развивающийся во времени процесс смены системой состояний» [376, с. 162]. Применительно к системе СДК, для изучения процесса становления системы необходимо провести, во–первых, анализ ее формирования с точки зрения наполнения во времени элементами – отдельными специальными договорными конструкциями, а во–вторых, рассмотреть, под влиянием каких факторов происходило формирование системы.

Профессор А.Н. Аверьянов пишет: «Становление — это этап в развитии системы, в процессе которого она превращается в развитую систему» [171, с. 183]. Мы полагаем обоснованным рассмотрение процесса становления системы СДК с учетом динамики развития отечественного

гражданского законодательства, формирования доктринальных позиций и в контексте периодизации развития правовой науки, основанной на этапах кодификации отечественного права с учетом экономико–политического развития общественных отношений.

Таким образом, в становлении системы СДК в отечественном гражданском праве нами будут выделены следующие периоды.

Первый период. Специальные договорные конструкции в гражданском праве Российской Империи и дореволюционной цивилистике.

Второй период. Специальные договорные конструкции в советском гражданском праве и советской цивилистике.

Третий период. Специальные договорные конструкции в современном отечественном гражданском праве и в современной цивилистике.

В выделенных нами периодах становление системы СДК происходило под влиянием следующих факторов:

– в результате развития практики гражданско–правового оборота;

– посредством доктринального осмысления СДК;

– посредством нормативной объективизации СДК отечественными гражданскими кодексами и иными нормативными актами.

В.Г. Афанасьев указывал, что «системный подход, взятый вне исторического аспекта, становится простой фотографией объекта в его статике, структурной и функциональной постоянности» [190, с. 187]. Данный классический подход предопределяет необходимость изучения исторического генезиса каждой специальной договорной конструкции.

3.1 Специальные договорные конструкции в гражданском праве Российской Империи и в дореволюционной цивилистике

Обращаясь к первому этапу становления системы СДК укажем, что из

всех кодифицированных в настоящее время СДК, законодательную регламентацию в Российской Империи получил только государственный контракт (казенный подряд и казенная поставка). Свод законов Российской Империи содержал также и нормы о запродаже недвижимости, то есть частном случае современной специальной договорной конструкции предварительного договора. Договор в пользу третьих лиц предусматривался в проекте Гражданского уложения (ст. 1589–ст. 1592) [245, с. 491], но как известно, работа Высочайшей Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения так и не была завершена.

Тем не менее, несмотря на отсутствие нормативной регламентации, многие специальные договорные конструкции (а именно: публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, опцион и абонентский договор) уже использовались на практике в договорных отношениях. Этому способствовало развитие общественных отношений, активное расширение всех видов производств и гражданско–правового оборота во многих сферах, в частности розничной, оптовой, биржевой и внешней торговли, личных услуг, страхования, перевозок, хранения и др.

Для системы СДК значение дореволюционного периода развития гражданского права заключается в том, что в период второй половины XIX– начала XX вв. русской цивилистикой были заложены основы современного понимания целого ряда СДК, таких как договор в пользу третьего лица, предварительный договор, договор присоединения, публичный договор, государственный контракт–то есть тех правовых институтов, которые уже активно использовались либо начинали использоваться в гражданско–правовом обороте. К вопросам изучения указанных институтов обращались виднейшие русские цивилисты.

Публичный договор. О.С. Левченко в диссертационном исследовании, посвященном конструкции публичного договора, пишет: «ни в

дореволюционной, ни в советской цивилистической литературе тема публичного договора не исследовалась» [477, с. 4]. Это, безусловно, не так. Как правовой феномен публичный договор стал интересовать отечественную цивилистику в конце XIX–начале XX вв., и этот интерес в условиях усложнения гражданско-правовых отношений был обусловлен обращением к проблеме свободы договора.

И.А. Покровский в книге «Основные проблемы гражданского права» (1917 г.) указывал, что в современном праве принцип договорной свободы обозначающий, что против своей воли никто не обязан вступать в договор, «терпит известные ограничения». (*Здесь и далее для цитирования источников XIX–начала XX вв. используется современный орфографический режим.* – Прим. автора). В качестве таких ограничений ученый и выделил договоры, в которых для предприятий, оказывающих публичную услугу (почта, телеграф, железная дорога) «устанавливается общая обязанность вступать в договоры, входящие в сферу отведенной им деятельности (так называемый Kontrahierungszwang)», поскольку наделение таких предприятие правом выбора контрагента «ставило бы всех частных лиц в полную зависимость от их произвола». Таким образом, И.А. Покровский выделил в качестве специфики рассматриваемых договоров именно ограничение свободы для обязанного лица, предоставляющего услугу. Он обозначил вектор, направленный на расширение сферы применения публичного договора, указав, что «в новейшее время ставится вопрос о распространении этой обязанности на все вообще предприятия, предлагающие свои услуги публике – аптеки, магазины, стоящих на улице извозчиков и т. д.», поскольку «всякий вправе рассчитывать, что те услуги, которые предлагаются публике вообще, будут оказаны и ему; открытие предприятия для публики должно быть сопряжено и с соответствующей обязанностью» [336, с. 242]. Годом позже, в 1918 году, профессор В.И. Синайский обособил в специальную группу

договоры присоединения, содержащие «публичное обещание»: «запись абонентов телефонного общества, электрического и др., или подпись полиса, содержащая ссылку на общие полисные условия» [359, с. 20]. В.И. Синайский указывает – «это договоры «одной из сторон которого непременно является предприятие или учреждение», причем именно «социальная организация, которая, вступает договор для достижения основных задач» [359, с. 20].

«В данном случае подходы как И.А. Покровского, так и В.И. Синайского, с одной стороны, демонстрируют существовавшую в первой половине XX века тенденцию смешивания публичного договора и договора присоединения, которая в целом была свойственна мировой цивилистике. И в то же время указанные ученые, не разделяя договоры присоединения и публичный договор, фактически выделяют значимые признаки именно публичного договора – обязанность социальной организации к заключению договора в рамках профессиональной деятельности» [635].

Договор присоединения. Профессор В.И. Синайский в 1917 году разработал волевую теорию толкования сделок, в контексте которой, указал на договоры присоединения как исключение, поскольку это специфические договоры, при которых стороны вступая в договор «в сущности, не выразили нем общей воли». Годом позже, в 1918 году, В.И. Синайский [359, с. 19] формулирует очень важное положение о правовой природе договора присоединения, отмечая, что целью договора присоединения является именно заключение основного договора.

Л.С. Таль так же, как и В.И. Синайский отмечал, что договоры d'adhesion невозможно встроить в учение о том, что содержание договора устанавливается исключительно соглашением сторон, и так же акцентировал внимание на том, что договоры присоединения «правильнее было бы называть «contrats par adhesion», т.е. договорами, заключаемыми посредством изъявления согласия» [699, с. 134]. И хотя В.И. Синайский и Л.С.Таль не

пришли к выводу о том, что договор присоединения не имеет самостоятельного предмета, а является всего лишь способом заключения основного договора. Здесь мы видим важное для данного исследования начало формирования подхода к договору присоединения как к специальной договорной конструкции.

Дореволюционной цивилистикой было заложено понимание договора присоединения как способа заключения договора, ущемляющего права слабой стороны. В.И.Синайский указывал на то, что договор присоединения создает условия, «когда одна сторона эксплуатирует другую, пользуясь ее стеснительным положением, неопытностью или легкомыслием» [358, с. 104].

В 1914 году к договору присоединения в работе «Источники договорного страхового права» обратился будущий главный создатель первого ГК РСФСР, профессор А.Г. Гойхбарг и отметил следующие присущие договору присоединения характеристики:

– договор присоединения, как правило, служит интересам экономически сильной стороны, которая, диктуя условия слабой стороне, стремится к удовлетворению своих интересов;

– договор присоединения может нарушать конкуренцию, что является «с точки зрения народного хозяйства и благосостояния большинства населения крайне вредным и опасным» [572, с. 41].

И далее А.Г. Гойхбарг намечает вектор развития правового регулирования, указывая, что современное право должно стремиться оградить сторону слабейшую «везде, где сделки приходится вступать стороне экономически слабейшей со стороной более сильной, везде, где приходится вступать в сделку одиночке с крупной и мощной организацией» [572, с. 64].

Предварительный договор. В Своде законов Российской Империи подробно регламентировалась лишь запродажа (предварительная продажа) недвижимого и движимого имущества (ст. 1679–ст. 1690) [197]. При этом

требование к запродажной записи (то есть, по сути к письменному содержанию предварительного договора) устанавливались только для запродажи недвижимого имущества, для продажи движимого имущества необходимо было в обязательном порядке установить лишь цену и размер неустойки, если стороны «найдут полезным оною договор свой обеспечить». Важно отметить, что запродажа была регламентирована в Своде законов как односторонняя сделка – к назначенному сроку заключить договор купли–продажи обязывался только продавец.

С конца XIX века многие русские цивилисты начинают уделять предварительному договору внимание как феномену, прочно вошедшему в практический гражданско–правового оборота.

Профессор Л.А. Кассо в 1904 году назвал предварительный договор «договором о договоре» [287, с. 4], отразив таким определением саму цель и сущность данного правового института.

В 1914 году профессор В.Л. Исаченко затронул в своем исследовании вопрос соотношения предварительного и основного (главного) договоров, а именно, в какой степени сохраняется действие предварительного договора после заключения главного? Исаченко пришел к следующим выводам: главный договор после его заключения полностью заменяет собою предварительный; в главном договоре стороны вправе частично или полностью заменить любые условия предварительного договора [280, с. 4].

Н.Л. Дювернуа в 1885 году сделал вывод о том, что предварительные договоры – это «особые обязательства», договоры с «оригинальным» предметом, «стороны договариваются тут не о займе, не о найме или продаже, а о том, что одна из них обязана вступить в ту или другую из этих договорно–обязательственных форм» [264, с. 101]. Значимым является и то, что Н.Л. Дювернуа обратил внимание на функционал предварительного договора,

как правового средства, дающего возможность зафиксировать цену будущего договора.

Специфика предмета предварительного договора была отмечена и профессором П.П. Цитовичем, который относил предварительный договор pacta de contrahento (Vorvertrage) к юридическим действиям, которые будучи предметом обязательства (in obligatione) не годятся ни как предмет для actio, ни как предмет для exactio, так как не имеют денежного эквивалента [400, с. 15].

Определяя предмет предварительного договора, В.И. Синайский писал: «предварительный договор сам имеет своим предметом заключение окончательного договора» [360, с. 194–196].

Профессор И.Н. Трепицын рассмотрел способы заключения предварительного договора через оферту и акцепт. Он отметил, что предварительные договоры отличаются от иных консенсуальных договоров «не юридическими свойствами, а своей экономической ролью: они всегда являются подготовительными соглашениями для заключения других, последующих договоров» [383, с. 121–122].

Профессор, декан юридического факультета и ректор Императорского Санкт–Петербургского университета, А.Х. Гольмстен сделал вывод о том, что предварительный договор может предшествовать и запродаже, то есть, выявил возможность конструкции «предварительный договор к предварительному договору» [224, с. 9].

В 1862 году профессор Д.И. Мейер в статье «О некоторых особых договорах по русскому праву» отметил универсальность предварительного договора, указал, что он «может предшествовать какому бы то ни было договору: лицо может обязаться продать имущество, лицо может обязаться напр., дать деньги в заем, или обязаться заключить договор найма и т.д.» [316, с. 10–11]. Дореволюционная доктрина как правило рассматривала

предварительный договор в узком контексте запродажи, предшествующей договору купли–продажи движимого или недвижимого имущества [252, с. 319; 309, с. 88–89], задатка [187, с. 214; 283, с. 133], либо договора займа [265, с. 425]. Поэтому «значимость вывода профессора Мейера состоит в его взгляде на предварительный договор именно как на универсальную конструкцию, применимую к любым договорам» [641].

Позднее и другие русские ученые стали расширять сферу применения предварительного договора. Так, Н.Л. Дювернуа в 1885 г. в качестве областей применения предварительного договора обозначил сферу кредитования и вексельные сделки [264, с. 101], профессор Д.Д. Гримм в 1905 г. рассмотрел действие предварительного договора уже применительно к договору хранения [247], А.А. Симолин в 1916 г. обосновал несостоятельность позиции о невозможности предварительного договора дарения [692, с. 2753], а В.И. Синайский в 1912 г. указал на допустимость предварительного договора мены [360, с. 239].

В 1891 году профессор П.П. Цитович задаваясь вопросом «всякая ли сделка допускаетъ pactum de contrahendo?», отвечает «да, но лишь под тем условием, что содержание предполагаемой сделки намечено определенно» [402, с. 201].

Таким образом, отношение к предварительному договору, как к универсальной договорной конструкции было сформулировано русскими цивилистами задолго до того, как современная доктрина именно под этим углом стала рассматривать договоры в пользу третьих лиц, присоединения, публичный и, собственно, предварительный договор.

Опционные конструкции. Этимология слова опцион восходит к латинскому optio (optionis) – вариант, выбор. В этом же семантическом значении восприняли опцион из латыни и современные языки. Во всех диссертационных работах, исследующих опционные конструкции,

указывается на то, что в отечественной дореволюционной цивилистике опционные соглашения рассматривались в контексте срочных сделок с биржевыми товарами [479, с. 113; 484, с. 73; 491, с. 57]. Вместе с тем, опционы применялись в дореволюционной России и за рамками биржевых сделок. Нами исследованы архивные документы за 1914 год, в которых содержатся следующие примеры:

– русские подданные банкиры братья Маврокордато имели опцион на покупку концессии по строительству железнодорожной ветки, а также приобрели опцион на угольные копи [314, с. 31, с. 286, с. 560];

– общество Путиловских заводов при увеличении акционерного капитала предоставило С.–Петербургскому частному коммерческому банку опцион на реализацию нового выпуска акций [314, с. 160];

– Российское правительство активно занималось получением опциона на строительство участков Трансперсидского пути [314, с. 244–245].

Внимание срочным сделкам с премией (опционам) уделили в своих трудах такие русские ученые, как А.А. Васильев [206, с. 46], К.К. Гаттерберг [217], Я.М. Гессен [221], А. Дмитриев [258], К.И. Малышев [627], Н.И. Нересов [320], А. Тигранов [381], П.П. Цитович [401], Г.Ф. Шершеневич [410]. Однако, как универсальные договорные конструкции опцион на заключение договора и опционный договор в дореволюционной цивилистике не рассматривались.

Абонентский договор. В XIX веке из французского языка были заимствованы слова абонент — от abonné – «абонент, подписчик» и абонемент от abonnement – «плата вперед, подписка». Исходя из семантики понятия, абонентскими договорами стали называться договоры, предусматривающие абонентскую оплату и гарантированное получение за нее определенного исполнения. В конце XIX века абонентский договор начинается применяться в России и изначально он именовался «абонементным договором».

Абонементные договоры использовались в пассажирских железнодорожных перевозках [222, с. 179], при оплате телефонных и иных услуг [378, с. 939], в деятельности справочных контор [554]. О распространенности абонентских договоров свидетельствует тот факт, что в дореволюционной России взимался простой гербовый сбор в размере 15 копеек за каждый документ абонементного характера (билеты, квитанции, книжки), если услуга за пользование телефоном, проездом, местом в театре и т.д. составляла более 50 рублей за год. При этом действовала норма, что «если абонемент заключен на срок более года, то гербовый сбор взимается за каждый год действия абонемента» [361].

В дореволюционной цивилистике правовая природа «абонементных договоров» не стала предметом изучения. Исключение составляет монография 1911 года за авторством Д.М. Генкина, в которой предварительно оплаченный абонемент на получение справок о кредитоспособности квалифицирован как предварительный договор. Д.М. Генкин считал, что «покупка абонемента является pactum de contrahendo, в силу которого бюро обязуется вступать известное число раз, соответствующее числу запросных бланков, в договор о выдаче справки на условиях, указанных в абонементах» [219, с. 41–43].

Договор в пользу третьего лица. Русская дореволюционная цивилистика внесла огромный теоретический вклад в осмысление практики использования и применения участниками гражданско-правовых отношений договора в пользу третьего лица.

В 1914 году, комментируя русское гражданское законодательство, цивилист–практик В.Л. Исаченко отметил, что в гражданском обороте договоры в пользу третьих лиц встречаются достаточно часто и охарактеризовал как пробел законодательства тот факт, что оно «не содержит правил, регулирующих взаимные отношения контрагентов как между

контрагентами, так и между ними и такими третьими лицами, в пользу коих эти договоры заключаются» [280, с. 98].

Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что признание договора в пользу третьих лиц стало следствием развития общественных отношений. Он писал: «Эта форма договора, противоречащая принципу индивидуальности обязательств, долгое время не признавалась, как несогласная с началами римского права, пока современная жизнь не выдвинула с очевидностью ряд подобных отношений» [409, с. 518].

Теоретик права, профессор К.П. Победоносцев в своем сочинении «Курсъ гражданского права» указал на разнообразие оснований для возникновения договора в пользу третьего лица, отметив, что они «могут иметь основанием (causa) не только дарственную волю, но и сознание и исполнение предшествовавшего обязательства или существующей обязанности относительно третьего лица, либо перевод долга» [333, с. 267].

Ценнейшим источником для понимания истории развития института договора в пользу третьих лиц в Российском праве является изданная в 1885 году монография «Договоры в пользу третьих лиц. Опыт теоретического исследования по гражданскому праву», автором которой является русский цивилист, сенатор А.М. Нолькен [326]. «На основании данного научного труда можно судить каким образом трансформировалось понимание договора в пользу третьих лиц в российском праве за полтора века, какие подходы оказались востребованными современным правом, а какие не выдержали испытания временем» [646].

Государственный контракт. Нормативное правовое регулирование казенных подрядов и поставок в окончательном виде было сформировано с принятием Свода законов Российской империи, в составе которого положения о казенном подряде и поставке изначально содержались со статьи 1746 по 2011 статью X тома, а позднее были обособлены в том же X томе в раздел

«Положение о казенных подрядах и поставках». Доктринальное осмысление договора казенного подряда начинается отечественной цивилистикой во второй половине XIX века.

Исключительно к сфере гражданских отношений относил договоры с казной профессор Е.В. Васьковский. Он писал в 1894г.: «Действительно, государство, качестве казны, вступает во всякого рода сделки с частными лицами: закупает провиант для войск, заключает подряды и т.п. Но это возможно именно потому, что таких случаях государство играет роль частного лица» [208, с. 3]. Знаменитый цивилист, профессор И.А. Покровский также считал, что государственный контракт «бесспорно, принадлежит к области права частного, а не публичного» [336]. Теоретик русского права Г.Ф. Шершеневич однозначно отмечал, что «Договор подряда или поставки между казною и частным лицом входит сферу гражданского права» [411, с. 3]. Виднейший русский правовед Д.И. Мейер также определял казну как участника гражданского оборота. Ученый писал: «Казна … является в юридическом быту субъектом гражданского права» [315, с. 114].

Д.И. Мейер сделал целых ряд ценнейших выводов относительно правовой характеристики государственного контракта:

– сформулировал подход к универсальности государственного контракта, указав, что положение о казенных подрядах распространяется «не на одни подряды п поставки, а также на продажу казенного имущества, на заключение казною договора найма по оброчным статьям» [315, с. 613] и др.;

– определил, что целью Положения по казенных подрядах и поставках является установление единообразия в договорах, заключаемых казной, что не меняет существа договора [315, с. 613];

– сделал важный в контексте нашего исследования вывод о том личность контрагента (казны) не может влиять на существо договора [315, с. 614].

«Значимость исследования Д.И. Мейера состоит в том, что еще в 1864 году он заложил понимание государственного контракта как специфической формы гражданско–правового договора, не меняющего правовой природы и целевой направленности основного, базового обязательства, и устанавливающего специальные правила относительно заключения и исполнения договора» [632].

Профессор П.П. Цитович считал, что «постановления о казенных поставках крайне важны: «в них нередко, без всякого оттенка jus singulare казны, можно подметить, как бы подслушать, частное применение того или другого из руководящих начал теории обязательственного права» [400, с. 52].

Известный ученый правовед И.Г. Оршанский считал, что казенные подряды «служили всегда могущественным двигателем развития гражданского законодательства» [665, с. 25]. Он приводил в качестве иллюстрации такой пример. Положение о том, что при отказе покупателя от договора продавец может удержать в свою пользу задаток, с 1830 года действовало в сфере казенного подряда и только в 1854 году было введено в общий закон о запродажных записях и стало применяться в гражданско-правовых договорах между частными лицами. Возможность последующих залогов, которая широко используется в современном гражданском обороте, изначально также применялась в отечественном законодательстве только для договоров с казной (с. 1611 X тома Свода законов). Нормы о последствиях обязательств сторон при возникновении непреодолимых обстоятельств также имеют свое начало в законодательстве о казенных подрядах и поставках – именно здесь они были изначально регламентированы со всей подробностью, а затем инкорпорированы в положения о гражданско-правовых отношениях между частными лицами [550, с. 124]. Статья 1944 Свода законов, а впоследствии ст. 179, ст.207 Положения о казенных подрядах и поставках) содержали положение о том, что в договорах казны виновные лица,

заключившие договор со стороны казны обязаны к возмещению убытков и ущерба, причиненного казне. В этих положениях мы по сути видим прообраз современного правового регулирования в части ответственности руководителя организации за причиненные убытки вследствие недобросовестности, халатности или неразумности действий (ст. 15, п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, п. 2 ст. 44 Закона № 14–ФЗ, п. 2 ст. 71 Закона № 208–ФЗ). М.М. Винавер отмечал, «когда Сперанский желал ввести в свод правила о казенном подряде, он нарочито создал предварительное положение 1830 г. и включил него много общих начал договорного права. Оттуда он затем эти общие начала переводил общее учение X тома о договорах» [559, с. 125].

История развития российского гражданского права показывает, что многие нормативные положения, изначально применявшиеся именно в сфере казенного заказа, позднее были закреплены как нормы Свода Законов, регулирующие правоотношения между частными лицами.

3.2 Специальные договорные конструкции в советском гражданском праве и советской цивилистике

После победы нового строя, с начала XX века было проведено три кодификации гражданского законодательства, две из которых относятся ко второму этапу становления СДК, то есть, к советскому периоду.

Принятию первого гражданского кодекса предшествовала эпоха военного коммунизма во время иностранной интервенции и гражданской войны. В этот период происходила «натурализация» хозяйственных связей и непрерывное сужение сферы гражданско-правовых отношений. В начале 20– х годов XX века на смену политике военного коммунизма приходит новая экономическая политика (далее - НЭП), что было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства. «В условиях активизации гражданско-

правовых отношений купли–продажи, мены, займа, кредитования, страхования, перевозки, хранения, поручительства, найма (то есть всех тех правовых институтов, которые сопровождают предпринимательскую деятельность) роль гражданского права и юридической науки возросла» [648, с. 25]. Обществу необходимы были регуляторы гражданско-правовых отношений. Именно тогда была проведена первая кодификация советского гражданского права и разработчики гражданского кодекса 1922 г. «видели основное назначение и содержание будущего Кодекса в том, чтобы регламентировать гражданский оборот на началах рыночной экономики» [311, с. 21].

ГК РСФСР 1922 года в Разделе «Обязательственное право» содержал положения о договоре в пользу третьего лица. Договору в пользу третьего лица была посвящена ст. 140 (подраздел II. Обязательства, возникающие из договоров) [98], Приложением №5 к ГК 1922г. являлось и Положение о государственных заказах и поставках, к которому отсылала ст.235 ГК. В 1925 г. нормы ГК РСФСР были дополнены положениями о запродаже.

С отменой НЭПа начинается период, который И.Б. Новицкий обозначил как период социалистической перестройки народного хозяйства [324, с. 7], который объективно сопровождался вытеснением из общественного оборота гражданско-правовых отношений, сопровождающих частнопредпринимательскую деятельность. Право начинает активно выступать как проводник государственной воли и идеологии, как инструмент (а в терминологии А.Я. Вышинского – «особая дубинка»), «при помощи которой пролетарское государство осуществляет свои задачи подавления и принуждения» [567, с. 6].

Вторая кодификация гражданского права проводилась в начале шестидесятых годов прошлого столетия уже в условиях политической «оттепели» и выразилась она в принятии Основ гражданского

законодательства СССР и союзных республик 1961 г. На базе этого документа в республиках были приняты гражданские кодексы союзных республик, в частности, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. А.Л. Маковский дал очень интересную оценку второй кодификации 1961–1964 гг. отметив, что она была нацелена на «примитивизацию» права, причем под эгидой этого процесса находилась как сфера регулирования отношений между организациями – «не нужно много разнообразных институтов», так и сфера отношений с участием граждан – «нужно много, но не слишком сложных правовых инструментов».

Спецификой Гражданского кодекса 1922 года являлось то, что статьи не имели наименования. Гражданский же кодекс РСФСР 1964 года уже содержал поименованные статьи, договор в пользу третьего лица регламентировался статьей 167. В структуре кодекса 1964 года договор в пользу третьего лица мы находим в главе 15 «Возникновение обязательств». При подготовке второй кодификации из Гражданского кодекса были исключены нормы о предварительном договоре.

В целом можно сказать, что в отсутствии рыночных отношений, узости частного гражданско–правового оборота в условиях административно–командной системы экономики в советском государстве не были востребованы инструменты, способствующие оптимизации гражданско-правовых отношений. Советская цивилистика не внесла существенного вклада в научное осмысление правовых институтов, которые мы относим к специальным договорным конструкциям. Тем не менее, в определенные периоды и особенно в первые десятилетия после победы нового строя к изучению правовых институтов, которые мы относим к специальным договорным конструкциям, обращались многие ученые.

Публичный договор. При общей тенденции к сужению сферы гражданско-правовых договоров, в годы Советской власти государство брало на себя функцию регулятора публичных правоотношений с потребителем,

организуя предоставление соответствующих услуг через императивное установление правил для обязанной стороны–исполнителя. Закономерно предположить, что это демонстрирует историческую тенденцию становления института публичных договоров в отсутствии в начале XX века законодательства о защите прав потребителя.

В первые годы Советской власти публичный договор анализировался рядом отечественных цивилистов. Советская доктрина задавалась вопросом о наличии договорных отношений при оказании услуг населению. Профессор И.Б. Новицкий, отмечал, что такой договор как, например, договор с железной дорогой или электрическим обществом, низводит значение частной воли до весьма малой величины» [322, с. 77]. М.М. Агарков в 1922 году также указывал на то, что ограничение свободы в договоре железнодорожной перевозки выражается в двух форматах: «с ограничениями в отношении выбора другой стороны и с отношениями содержания договора» [175, с. 15]. Профессор Серебровский делал вывод об отсутствии как таковых договорных отношений при оказании публичных услуг. Он писал: «Обязательства железной дороги, почты и т.п. возникают не в силу договора, а непосредственно в силу закона (aus einem gesetzlichen Tatbestand)» [356, с. 109]. Ф.В. Дьяков, напротив, настаивал на договорной природе рассматриваемых правоотношений. Он писал: «Фактический перевес воли одного из контрагентов мы видим и при покупке товаров в магазинах, и при покупке театрального билета, билета на ж. д. Однако кто же станет сомневаться в природе этих договоров?» [585, с. 93]. М.М. Агарков в вопросе о договорном характере публичной перевозки приходил к выводу о том, что это именно договорные отношения: «договора нет только тогда, когда ни один из элементов обязательственного отношения не нуждается для своего возникновения в соединении встречных волеизъявлений» [175, с. 16].

Самый весомый вклад в развитие доктрины публичного договора внес профессор С.Н. Ландкоф в работах «Торговые сделки. Теория и практика» (1929 г.) и «Квартирный тариф или квартирная плата» (1927 г.). С.Н. Ландкоф совершенно однозначно не поддерживал теорию о том, что публичные услуги как правоотношения не основаны на договоре ввиду отсутствия у публичного предприятия свободы выбора контрагента. Ученый утверждал: «как ни незначителен удельный вес «воли» сторон при использовании услуг общественно–полезного предприятия, все же имеется соглашение сторон, характеризуемое желанием одной стороны использовать услуги и фактической готовностью другой стороны предоставить эти услуги. Эти отношения являются по существу договорными» [617, с. 254]. В 1927 году С.Н. Ландкоф дал развернутую характеристику деятельности публичных предприятий, указав, что «хозяйственная деятельность этих предприятий построена на чрезвычайно важном принципе, что каждый гражданин может требовать от данного предприятия оказания ему услуг и, если технические условия эксплуатации позволяют, то предприятие это не может руководствоваться своими вкусами и личными отношениями к гражданину, а должно оказать требуемую услугу» [617, с. 157]. Особое внимание профессор Ландкоф уделил вопросу определения цены в публичном договоре. С.Н. Ландкоф указал, что государство регулирует тарифы для договоров публичной службы, поскольку «соглашения об увеличении установленного тарифа могут идти вразрез с интересами населения, которое, при наличии одного монопольного предпринимателя, вынуждено будет либо подчиняться произвольным требованиям, либо отказаться от того, что для него жизненно необходимо» [617, с. 157]. Одновременно с этим отмечено, что в договорах публичной службы «тарифы могут быть установлены различные для отдельных категорий предприятий, для отдельных пользователей по классовому принципу» [617, с. 157]. Современная редакция п. 2 ст. 426 ГК РФ

«Публичный договор» изложена следующим образом: «В публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории». Таким образом, мы видим, что современное правовое регулирование построено именно по модели, изложенной С.Н. Ландкофом в 1927 году, то есть, на принципе установления единой цены с возможностью дифференциации по категориям.

Советские ученые рассматривали публичный договор как правило не «в чистом» виде», а не через призму традиционного для начала XX века его отождествления с договором присоединения. Исключением можно считать работы В.И. Серебровского [355; 356, с. 144], М.М. Агаркова [173, с. 496] и С.Н. Ландкофа.

В 1929 году Ландкоф теоретически обосновал выделение публичного договора в самостоятельный правовой институт «договоры публичной службы» [301, с. 254]. Профессор Ландкоф соглашается с тем, что договор публичной службы действительно несет в себе и признаки принудительного договора (Kontrahierungszwang), и признаки продиктованного договора (Diktierte Vertragen), и признаки договора присоединения (Contrat d'adhesion). Но основным видообразующим признаком юридической природы публичного договора совершенно справедливо определяет «деятельность общественно–полезных предприятий» ради которых они созданы [301, с. 256]. Касаемо необоснованности подмены публичных договоров договорами присоединения С.Н. Ландкоф указывает, что если клиент, «подчиняясь условиям, предложенным другой стороной, подписывает условия, — то только потому, что этот договор является договором публичной службы» [301, с. 256]. Относительно необоснованности отождествления публичного договора с продиктованным договором, С.Н. Ландкоф считает, что если условия «заранее определяются законом или нормативными правилами и сами договоры носят

характер договоров «под диктовку», то только потому, что они являются договорами публичной службы» [301, с. 256].

С.Н. Ландкоф считал, что сфера применения договоров публичной службы в силу своей востребованности будет расширяться, отмечал важность изучения правовой природы отношений сторон публичного договора и полагал «неотложным специальное регулирование этих отношений со стороны законодателя» [301, с. 257].

Значение исследований С.Н. Ландкофа состоит в том, что им совершенно явно разграничен публичный договор, договор присоединения и продиктованный договор. К сожалению, выработанный ученым подход не нашел дальнейшего развития в советской юриспруденции.

В целом следует отметить, что ни одно из диссертационных исследований, посвященных публичному договору, не содержит исторической ретроспективы того, как советская цивилистика оценивала публичный договор в 40-х–70-х годах. И это неслучайно. Начиная с конца 30-х годов советская юридическая, наука начинает демонстрировать жесткое отторжение буржуазного права. Представляется, что именно это обстоятельство стало причиной того, что советские ученые отказывались видеть в западных договорах с потребителем правовой феномен, ограничивающий для коммерческой организации право выбора контрагента. Идеологический акцент был смещен именно в сторону того, что потребитель вынужден присоединиться к договору без права внесения изменений в договорные условия.

Таким образом, намеченный С.Н. Ландкофом в 1929 году вектор на классификацию публичного договора как самостоятельного правового института, основными видовыми признаками которого является ограничение свободы для обязанной стороны и общественно–полезная направленность обязательства, не получил своего развития. Западные договоры с

потребителями стали рассматриваться советской наукой исключительно в контексте договора присоединения с акцентом на невозможность потребителя участвовать в формировании договорных условий. Об этом свидетельствуют многочисленные научные труды, опубликованные в 40-х–70-х годах такими видными учеными как М.М.Агарков [174, с. 105], В.И. Серебровский [690, с. 150], Л.А. Лунц [325, с. 106], Р.О. Халфина [390, с. 191–193], К.К. Яичков [234, с. 217–218], В.П. Мозолин [236, с. 166], И.А. Зинин [270, с. 91], М.И. Кулагин [296, с. 144], и др.

Тренд игнорирования направленности западных публичных договоров на защиту слабой стороны–потребителя и тенденция квалификации отечественной наукой западных публичных договоров под статусом договоров присоединения сопровождали советскую цивилистику начиная с конца 30–х годов и вплоть до распада СССР.

Пожалуй, единственным исключением можно назвать работу И.Б. Новицкого «Обязательство заключить договор». Профессор Новицкий в 1947 году делает важнейший вывод о том, что из договоров присоединения должны выделяться договоры, в которых предприятия связаны нормативным предписанием в вопросах заключения и определения условий отношения. В силу иной юридической природы в этом случае возникает не договор присоединения, а обязательство для предприятия заключить договор [323, с. 28]. Профессор Новицкий делает акцент на публичной составляющей таких западных договоров. Он пишет: «Отношения, где учреждения публично–правового характера преследуют цели извлечения прибыли, имеют уже смешанный характер; в них основания – публично–правовое, а предмет – частноправовой.» [323, с. 30]. И.Б. Новицкий имел смелость привести в своей работе мнение о том, что в западных договорах «в

данном случае имеет место проявление социализации частноправовых отношений» [323, с. 33].

Отказ в признании за западными публичными договорами специального правового института, искусственное, автоматическое отождествление договоров с потребителями с договорами присоединения – все это приводило к тому, что советская юриспруденция не выработала для отечественной доктрины квалифицирующих, научно обоснованных правовых признаков для публичного договора. В 1954 году Р.О. Халфина публикует работу «Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве» [391], в которой делит по субъектному составу все гражданско-правовые договоры на три группы:

– договоры между социалистическими организациями;

– договоры между социалистическими организациями и гражданами;

– договоры между гражданами.

В контексте публичного договора нас, разумеется, интересует вторая группа договоров. Изучение рассматриваемой работы показывает, что профессор Халфина, выделив договоры между социалистическими организациями и гражданами в отдельную группу, не дала никакой юридической квалификации данным правоотношениям. Основным лейтмотивом исследования является неоднократно озвученная в разных интерпретациях мысль о том, что советское государство всемерно заботится о своих гражданах.

Стремление обособить советские публичные договоры от западных привело научную мысль к декларативно–идеологическому подходу в осмыслении правоотношений между социалистическими организациями и гражданами.

Договор присоединения. Советская правовая наука начинает упоминать о договоре присоединения уже в 20-х годах XX века. Примерно в это время

договор присоединения начинает активнейшим образом применяться в договорной практике в капиталистических странах. В свете того, что в период 1917–1930 гг. и особенно в годы действия НЭПа отечественная правовая наука еще не проявляла категорического неприятия «буржуазного права», советские ученые изначально сравнительно лояльно оценивали применение нового в общемировой практике договора присоединения.

Так, известный цивилист, профессор М.М. Агарков в 1922 году отмечал, что при применении договора присоединения в публичной сфере ограничивается свобода не только слабой стороны, которой отказано в формулировании условий договора, но и сильной стороны, которой отказано в выборе определенного контрагента [175, с. 12–13]. Известный русский и советский правовед, профессор В.М. Гордон и вовсе радикально «приветствовал» применение договоров присоединения в советском правовом регулировании. Он писал о том, что общественный интерес, обслуживаемый торговым оборотом, требует ограничения принципа свободы договора [226, с. 10]. Следует также упомянуть работу «К вопросу о кооперативном кодексе СССР» приват–доцента Ф.Д. Дьякова, который по сути определил признаком договора присоединения «безразличность» к личности контрагента–покупателя, отнеся к договорам присоединения наряду с договорами с покупкой всякого рода билетов (напимер, театральных, железнодорожных) и обычные покупки товаров в магазинах [585, с. 92].

В 20–е годы XX века к договору присоединения неоднократно обращался в своих трудах доктор юридических наук, профессор С.Н. Ландкоф. Профессор Ландкоф признавал, что договоры присоединения в виде типовых договоров или формуляров созданы организационными потребностями [310, с. 40]. С.Н. Ландкоф сделал выводы о том, что потеря индивидуализации договоров является следствием развития товарного хозяйства: «Индивидуализация товаров в сделках заменена стандартными

обозначениями, определяющими качества и свойства товаров, устанавливаемые государственными органами, одинаковые и равно обязательные для сторон» [310, с. 173].

В подходах, продемонстрированных М.А. Агарковым и М.В. Гордоном, Ф.М. Дьяковым и С.Н. Ладкофом мы явно видим, что в рамках конструкции договора присоединения ученые обозначили черты публичного договора, а правильнее сказать закономерность одновременного применения в одном договорном обязательстве двух СДК: договора присоединения и публичного договора.

Начиная с 30–х годов XX века советская правовая, наука вырабатывает позицию категорического неприятия договоров присоединения, используемых в практике капиталистических стран. Договор присоединения преподносился как полный отказ от принципов свободы договора [372, с. 15–16], причем присущий капиталистическому обществу именно в его монопольной формации [370, с. 220]. Так, например, М.М. Агарков, который еще в 1922 году отмечал закономерность применения договоров присоединения в публичной сфере, в 1940–м году делает акцент исключительно на «антисправедливые» аспекты: «развитие капиталистических монополий наглядно показало, что в тех случаях, когда капиталистическое предприятие имеет дело с отдельным физическим лицом, выступающим в качестве потребителя, клиента, а также и в тех случаях, когда предприятие вступает в отношения с более мелким и менее мощным предприятием, оно диктует контрагенту свои условия» [174, с. 106–107].

Доктор юридических наук, профессор В.И. Серебровский связывал появление договора присоединения исключительно «с возникновением крупнокапиталистических предприятий» и характеризовал его как «договор буржуазного права, предназначенный к защите капиталистической собственности» [690, с. 150].

«В послевоенный период обостряется противостояние социалистического и капиталистического мироустройства, и это в полной мере калькируется на отторжение советской цивилистикой права капиталистического, что в частности проявилось в том, что договор присоединения становится в отечественной науке символом «империалистического беспредела», творимого посредством «формулярного и каучукового» права» [633, с. 23]. В этом смысле наглядным примером является изданная в 1948 году работа профессора Е.А. Флейшиц «Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала». Профессор Флейшиц обозначает причины, побуждающие капиталистические государства и монополии использовать данный договор в этих сферах как идеальное «орудие тяжкой эксплуатации» [388, с. 38–39]. Наряду с Е.А. Флейшиц, в 40-е–60-е годы многие другие видные советские цивилисты подвергают практику использования договора присоединения в капиталистических странах жесткой критике. Так профессор Л.А. Лунц обозначал проблему расширения применения договоров присоединения в области международных расчётов [308, с. 134], профессор И.Б. Новицкий характеризовал договор присоединения как «форму легального выжимания соков капиталистами из слабых и зависимых людей» [325, с. 105], профессор Д.М. Генкин полагал, что «по существу так называемое «формулярное право» в условиях сращивания государственного аппарата с монополиями фактически заменяет в отношениях монополий с их контрагентами нормы действующего законодательства» [235, с. 29], профессор Р.О.Халфина приходила к выводу, что «при помощи конструкции договоров присоединения, где отношения между монополиями и контрагентом внешне представляются как отношения равных сторон, буржуазная наука пытается «согласовать» господство монополий в период империализма с лозунгами и принципами периода промышленного капитализма» [234, с. 218]. Профессор

О.С. Иоффе отмечал, что в военных условиях договор присоединения по сути трансформировался в капиталистических странах в принудительный договор (Kontrahierungszwang) [279, с. 31].

Таким образом, советская цивилистика:

– отвергала все положительное, что привносил в гражданско–правовой оборот договор присоединения в плане упрощения и ускорения совершения сделок;

– утверждала, что государство в капиталистических странах лишь номинально декларирует принципы защиты потребителя;

– не принимала в расчет активно формирующееся в западных странах антитрастовое и антимонопольное законодательство.

Советское право фактически ставило знак равенства между договорами присоединения и типовыми договорами, считая их явлениями одного порядка. Типовые договоры, применяемые в капиталистических странах, рассматривались, прежде всего, как проявление диктата сильной стороны [275, с. 174–176].

Однако на практике типовые договоры находили применение в советском государстве во многих сферах: во внешней торговле, в перевозках, во фрахтовании [350, с. 19]. Наиболее распространенной областью применения формулярных и типовых договоров в СССР являлась биржевая торговля. Практика такого использования в международной и внутренней торговле была подробнейшим образом проанализирована в 1938 году докторами экономических наук Ф.Г. Пископпелем и А.А. Санталовым. Для нашего исследования безусловная ценность книги Ф.Г. Пископпеля и А.А. Санталова состоит в том, что ученые–экономисты, анализируя практику применения биржевых формуляров в капиталистических странах, при этом оставили нам сведения и о практике советской. Мы узнаем о том, что советские биржевые товары продавались «и по нашим советским стандартам

и типам, как например, по хлебу, хлопку и др., на основании или опечатанных образцов или на основании типов, составленных в данной биржевой ассоциации» [330, с. 24].

К принятию ГК РФ 1964 года типовые договоры уже прочно вошли в отечественный правовой оборот, и это нашло отражение непосредственно в тексте Гражданского кодекса в статьях 268; 274; 277; 278; 294; 367; 506. «Развитие практики применения типовых договоров в СССР происходило в двух направлениях: в сфере организации деятельности советских организаций и в сфере предоставления потребительских услуг. Целью разработки типовых договор в сфере потребительских услуг являлась жесткая регламентация деятельности предприятий, предоставляющих различного рода услуги прежде всего населению. Типовые договоры между советскими предприятиями, регулирующие отношения за рамками потребительского рынка, можно считать специфической формой договора присоединения, в которой к договору на установленных властными органами условиях присоединялись обе стороны» [634, с. 42].

К началу 80–х годов, наряду с правовой позицией, фактически ставящей знак равенства между договорами присоединения и договорами в стандартной форме, как идентичными явлениями «открытого диктата монополистов той или иной области в отношении условий, на которых они вступают в договоры» [236, с. 166], советские ученые все же переходили к выводу о различной правовой природе договоров присоединения и типовых договоров. Большой вклад в разграничение этих понятий внес профессор И.С. Зыкин. В 1980 году он обозначил, что сам термин «типовой контракт» указывает на то, что это он содержит условия, рассчитанные на неоднократное применение, в то время как термин «договор присоединения» отражает «соотношение объема и характера волеизъявления сторон при разработке и заключении договора» [272, с. 96].

Во конце 80–х годов гражданское право находится под сильнейшим влиянием реконструкции политической и экономической жизни страны, которая сопровождает начавшийся период «перестройки». В условиях внедрения в экономику рыночных начал происходит и изменение подходов к хозяйственному договору в целом и к типовым договорам в частности. Советское право начитает уже явно и четко разграничивать формулярные (примерные) договоры и типовые договоры. Данное разграничение в 1986 году было обосновано М.И. Брагинским в книге «Договорное право стран – членов СЭВ и СФРЮ: Общие положения» в главе, посвященной договорному праву в СССР [263, с. 137–138]. Относительно примерных договоров М.И. Брагинский утверждает, что «они источниками права не являются и подлежат применению при определении прав и обязанностей сторон только по соглашению последних». Оценивая юридическую природу типовых договоров, принятых властными органами, М.И. Брагинский указывает, что они «приближаются к обычному нормативному акту, поскольку пункты типового договора содержат нормы, обязательные для сторон». Нормативный характер типовых договоров в СССР отмечали многие видные советские цивилисты: профессор А.Г. Быков [205, с. 81], профессор О.А. Красавчиков [295, с. 161], профессор А.Ю. Кабалкин [598, с. 60], профессор С.А. Хохлов [398, с. 146; 181]. Одновременно с этим постепенный отказ от административно–командных принципов управления экономикой и развитие рыночных отношений приводят к тому, что типовые договоры, утверждаемые властными органами, во второй половине 80–х годов начинают восприниматься как признак «излишней зарегулированной» договорных отношений. Такая позиция была отражена в научных работах профессоров В.В.Лаптева [618], Л.М. Рутмана [681, с. 54], В.А. Ойзенгихта [329, с. 120; 662], С.А. Хохлова [398, с. 148].

Следствием формирования данных правовых позиций явилось изменение подхода к типовым договорам и переоценка их превалирующего места в хозяйственном обороте. Уже в 1993 году обсуждаемый проект нового ГК РФ упоминает типовые договоры исключительно в контексте статьи «Публичный договор» [229, с. 184]. Данный подход был сохранен впоследствии и при принятии первой части ГК РФ 1995 года. Таким образом, в ГК 1995 года были «нормативно разведены» нормы договора присоединения и публичного договора.

Предварительный договор. После победы советского строя предварительный договор как правовое средство надолго теряет свою значимость. Первый гражданский кодекс РСФСР 1922 года содержал только нормы о запродаже недвижимых строений (ст. 182–а; ст. 182–б; ст. 182–в) и о предварительном договоре займа (ст.218; ст.219) [98]. Причем, в отличии от Свода законов, гражданской кодекс РСФСР 1922 года уже рассматривает запродажу как двусторонне обязывающую сделку – право требовать заключения основного договора купли продажи и возмещения убытков, причиненных уклонением от заключения договора купли–продажи, мог как покупатель, так и продавец. Второй гражданский кодекс РСФСР 1964 года уже не содержал вовсе никаких норм о предварительных договорах, хотя документы свидетельствуют, что в конце 40–х гг., при разработке проекта Гражданского Кодекса СССР, такие нормы предусматривались [230; 366]. Факт отсутствия норм о предварительном договоре в ГК РСФСР 1964 года объяснялся наукой права «сужением рыночных отношений, связанных с куплей–продажей домостроений, принадлежащих гражданам», а также тем, что «в виду того, что взыскание процентов по займу допускается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом...отпадают необходимые условия для использования предварительного договора» [552, с. 103].

Интересно, что в первоначальной редакции ГК (1922 г.) также не содержал норм о предварительном договоре. И в книге 1927 года «Основы договорной практики» была представлена вполне определенная точка зрения: «поскольку Вводный Закон (ст. 5) не допускает распространительного толкования Гражданского Кодекса, запродажа, как таковая, не будучи Кодексом предусмотрена, является вообще договором неприемлемым» [337, с. 90]. Вместе с тем, в 1921 году было декретировано право продажи частных владений, и гражданский оборот потребовал применения предварительных договоров. Как следствие 30.03.1925 выходит декрет ВЦИК и СНК, которым в Гражданский кодекс вносятся изменения, признающие в статьях 182, 182а, 182б и 182в запродажу строений самостоятельным договором, причем в преамбуле документа указывается, что изменения в кодекс обусловлены «потребностью практики» [92]. Выдающийся ученый, профессор С.И. Аскназий в связи с этим указывал на «тщетность попыток недопущения в оборот гражданско-правовых форм, вызываемых к жизни легализованными товарными отношениями» и на примере предварительного договора, показывал несостоятельность неоднократных попыток Верховного суда лишить правовой защиты правомерность договоров запродажи [188, с. 19]. Исключение в начале 1920– х годов из правового регулирования предварительного договора и последующая легализация данного правового института гражданским кодексом в 1925 году демонстрирует нежизнеспособность правовых запретов, находящихся в противоречии с потребностями реального гражданско–правового оборота.

В целом негативное отношение к запродаже формировалось в науке в связи с тем, что она рассматривалась как «капиталистический пережиток», норма буржуазного права по необходимости принятая правом советским. Резко негативно относился к запродаже профессор П.И. Стучка. Признавая ее

широкое распространение после перехода к НЭПу, он видел в запродаже способ обхода закона, дающий возможность владеть «по запродаже» одновременно несколькими объектами. Считая, что внесение в 1925 году в ГК норм о запродаже является следствием «агитации», П.И. Стучка полагал, что все же нормативная определенность «обезвредила» запродажу и она «в таком виде едва ли получит большое распространение» [418, с. 835].

Относительно предварительного договора займа П.И.Стучка также высказывался в том смысле, что «предварительный договор дать другому взаймы без всякой надобности попал в ст. ст. 218, 219 нашего ГК» [370, с. 222]. В то же время С.В. Александровский относительно предварительного договора займа выявлял его ценность в социально–хозяйственном назначении, то есть как способ предоставления гарантий «лицу, нуждающемуся в средствах, возможность в определенный срок такие средства получить» и предлагал называть такой договор «договором о финансировании» [177, с. 99].

Следует отметить, что в 20-х–30-х годах правовой наукой отрицалась необходимость расширения сферы применения предварительного договора. В.С. Попов указывал, что ограничение предварительного договора запродажей строений «имеет вполне определенное значение и является вполне правильным, поскольку «запродажа» прочих видов имущества… вовсе не вызывается социально–экономической необходимостью и в известных случаях может придать договору запродажи, совершенно несвойственный, чисто спекулятивный, характер» [337, с. 90]. Профессор МГУ Ф.И. Вольфсон считал, что: «по советскому праву договор запродажи применим только в отношении строений. Нельзя, например, запродать лошадь, запродать урожай» [213, с. 114]. Аналогично этому писал профессор С.И. Вильнянский: «ГК регулирует запродажу только домостроений, а не всякого другого имущества» [365, с. 126].

Однако в реальном хозяйственном обороте запродажа находила активное применение за рамками рынка недвижимости в сфере торговли и особенно в сфере экпортно–импортной торговли. Статистические данные показывают, что экспортные поставки хлеба, нефти, лесопродукции и иных товаров начиная с 1923 года в основном реализовывались посредством запродаж [288, с. 128; 303, с. 210; 304, с. 359; 305, с. 76; 306, с. 365].

Таким образом, в советский период юридическая наука следовала за политической повесткой и не учитывала реального применения в практике СДК не только договора присоединения, публичного договора, но и предварительного договора.

«В 40–е годы в советской юридической литературе наметился интерес к институту предварительного договора, который был вызван научной дискуссией о соотношении предварительного договора и планового задания» [642, с. 22]. В обсуждении данного вопроса приняли участие многие известные советские ученые: М.М. Агарков [174], И.Б. Новицкий [323], З.И. Шкундин [415], Н.Г. Александров [531], Д.М. Генкин [570], М.И. Бару [545].

В 1950 году у профессоров И.Б. Новицкого и Л.А. Лунца выходит системный труд «Общее учение об обязательствах», в котором ученые посвятили предварительному договору отдельный параграф в главе «Основания возникновения обязательств». Представляется важным, что И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц сделали попытку выявить правовый смысл предварительного договора и пришли к выводу, что предварительный договор — это не просто обязательство по заключению основного договора, он является для контрагентов средством для достижения цели основного договора. Рассматривая причины, побуждающие стороны заключить предварительный договор ученые обращают внимание на то, что предварительный договор нельзя рассматривать как правовое средство, к которому стороны прибегают исключительно в случае, когда в силу каких-

либо обстоятельств не имеют возможности заключить основной договор. Это обязательство следует понимать шире – стороны фактом заключения предварительного договора «наглядно показывают, что у них нет воли на совершение» основного договора в настоящем. Кроме того, авторами отмечена такая функциональная ценность предварительного договора как возможность зафиксировать основные условия договора в случае, когда стороны еще не готовы сформулировать второстепенные условия, или как возможность предоставить право какой-либо стороне установления тех или иных условий при заключении главного договора. Казалось бы, сделанный профессорами Новицким и Лунцем анализ предварительного договора со свей очевидностью доказывал ценность этого института для гражданско–правового оборота, однако авторы приходят к совершенно противоположному суждению. Они указывают на то, что «в практике такой договор представляет собой крайне редкое явление» и на то, что статьи ГК РФ 1922 года о предварительном договоре хотя и формально сохраняют силу, но «утратили в отношении граждан жизненное значение» [325, с. 143–148].

Позднее, в 60–е годы, после начала проведения в стране хозяйственной реформы, несколько в ином ракурсе, а именно в контексте допустимости считать предварительными договорами предварительные заказы, к предварительному договору обращались М.Г. Масевич [312], О.С. Йоффе [278, с. 98–99], Р.О. Халфина [392, с. 34], Н.И. Клейн [606, с. 68], В.Ф. Яковлев [421, с. 40], Ю.Х. Калмыков [284, с. 190–193], Н.И. Церетели [518, с. 12]. И хотя научное сообщество практически единодушно пришло к выводу о несопоставимости предварительного договора с административными актами в виде планового задания либо наряда–фонда, в ходе этой дискуссии предварительный договор все же рассматривался как самостоятельный правовой институт, и в рамках сравнения его с административным актом выявлялись специфические

правовые характеристики, присущие предварительным договорам, что, конечно же, следует расценить как определенный шаг в развитии доктринальных подходов к пониманию советской наукой данного правового института.

В 1969 году в МГУ им. М.В. Ломоносова выходит учебник «Гражданское право», в авторском коллективе которого мы видим виднейших советских ученых–юристов: С.Н. Братуся, П.Е. Орловского, Р.О. Халфину, К.К. Яичкова, В.П. Мозолина, В.П. Грибанова и других. Данное издание примечательно тем, что, во–первых, несмотря на отсутствие в Гражданском кодексе 1964 года каких-либо упоминаний об институте предварительных договоров, авторы учебника заявили о возможности расширенного по сравнению даже с нормами Кодекса 1922 года практического предварительного договора использования – в отношениях по поставке товаров народного потребления между промышленными предприятиями и оптовыми или розничными торгующими организациями. Во–вторых, судя по всему данный учебник является первым изданием, в котором предварительному договору уделено особое значение: он рассмотрен как критерий дихотомического деления всех гражданско-правовых договоров на предварительные и окончательные [242, с. 455]. Данное обстоятельство представляется важным свидетельством того, что в конце 60–х годов советская юридическая наука начинает рассматривать предварительный договор не как малораспространенное явление в правовом обороте, а как правовой институт, имеющий теоретическое значение.

В семидесятые и последующие годы правовая наука несколько смещает акцент в оценке того факта, что предварительный договор не кодифицирован ГК 1964 года. Утверждения о том, что предварительный договор не имеет широкой сферы применения, не востребован гражданско-правовым оборотом и поэтому не содержится в нормах ГК сменяется позицией о том, что у

законодателя просто не было необходимости в правовой регламентации предварительного договора, поскольку ст. 4 ГК РФ предусматривает возможность возникновения договоров из действий, которые «хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности» [277, с. 36–37; 349, с. 71; 715, с. 102–103]. В определенной степени этому способствовало то, что отрицать востребованность предварительного договора гражданским оборотом было уже бессмысленно, и многие правопорядки даже стран социалистического лагеря (в частности ВНР, НРБ, ПНР, ЧССР и СФРЮ) в последней четверти XX века внесли данный правовой институт в свои гражданские кодексы [263, с. 143].

Таким образом, к моменту принятия в 1991 году Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, значимость и легитимность предварительного договора уже не была дискуссионным вопросом, что и подтверждалось внесением статьи 60 «Предварительный договор» в Основы, а позднее статьи 429 «Предварительный договор» в первую часть ГК 1994 года.

Рамочный договор (договор с открытыми условиями). Рамочный договор в советском праве рассматривался в контексте генерального соглашения, направленного на последующее установление договорных отношений. В основном такие соглашения анализировались применительно к договорным условиям в сфере внешнеэкономической деятельности [263, с. 79; 339, с. 53–54; 340, с. 60–61; 341, с. 8; 367; 395, с. 459].

Рамочный договор в работах советского периода называли «рамковым договором», генеральным соглашением или термином Rahmenvertrag. Е.О. Ганева в диссертационном исследовании указывает, что «понятие Rahmentrag было введено в 50–х гг. XX в.» [436, с. 32]. Однако, это не так. Уже в начале 30–х годов году в советских учебниках «Гражданское право

современного империализма» [239, с. 105–106] и «Иностранное гражданское и торговое право» указывается на то, что наряду с общими условиями поставок во внешнеэкономической деятельности применяются «так называемые «генеральные договоры» (Rahmenvertrag)» [275, с. 176]. Юридический характер гендоговора определен как сложное отношение, направленное на установление определенных условий будущих заказов. Интересным представляется, что авторы указанных учебников подробно остановились на преимуществах генеральных договоров, отметив следующие моменты:

– генеральные договоры позволяют оговорить условия отдельных заказов;

– продавец получает определенные гарантии сбыта;

– покупатель при долгосрочных договорах получает более низкие цены, чем при единичных заказах.

Советская цивилистика в целом не уделяла большого внимания рамочным договорам. Тем не менее некоторые известные ученые, несмотря на локальность использования данного правового инструмента, все же обращались к рассмотрению специфики рамочного договора.

Профессор О.Н. Садиков в 1954 году анализировал применение рамковых договоров в ВНР, отмечая, что они заключались «в тех случаях, когда стороны в момент их заключения могли определить все условия договора, независимо от того, на какой срок он заключался; окончательные договоры могли заключаться и независимо от рамковых договоров» [683, с. 119]. Профессор И.С. Зыкин в 1990 году указал на то, что назначение рамочного (генерального, глобального) договора – в определении основных целей и условий сотрудничества на определенный период времени по конкретному проекту. Ученый акцентирует внимание на организующем характере рамочного договора: «В развитие и на основе данного договора подписываются конкретизирующие его контракты, увязанные между собой

при помощи этого договора… Он может, таким образом, рассматриваться как организационно – правовой инструмент обеспечения взаимосвязи операций, опосредуемых отдельными договорами» [271, с. 103].

Следует также обратиться к работе Л.М. Чупруновой, относящейся к 1979 году. В сравнительно небольшой статье «Некоторые договорные формы в практике внешнеторговых объединений» был затронут такой не типичный для советского периода вопрос как соотношение рамочного и предварительного договоров, что действительно поражает, так как оба эти института в момент написания Л.М. Чупруновой названной работы еще не были кодифицированы гражданским кодексом.

Разницу между «рамковым» и предварительным договором Л.М. Чупрунова определила по следующим аспектам:

1) «существенные и тем более другие условия «рамкового» контракта могут не совпадать с этими условиями при заключении окончательного контракта, в то время как предварительный договор содержит существенные условия будущего окончательного договора» [715, с. 102];

2) предварительный договор прекращает свое действие при заключении основного договора, а «рамковый» – нет.

Сам же рамочный (в терминологии статьи «рамковый») договор Л.М. Чупрунова определила, как контракт, направленный на установление долгосрочных отношений и дающий возможность сторонам в будущем согласовать значимые для них условия.

Опционные конструкции. В Советском государстве опционы начинают активно применяться во внешнеэкономической деятельности при торговле лесом, хлебом, углем, нефтью. При этом наибольшее распространение опционы имели в вопросах оформления фрахта. За право выбора порта погрузки/выгрузки уплачивался опцион место назначения [419, с. 153; 543, с. 51], применялись опционы за продление срока фрахта судов

[212, с. 35; 304, с. 371], использовались грузовые опционы за возможность изменить пропорцию в номенклатурных группа поставляемого груза [318, с. 133], грузовые опционы на количество поставляемого товара [220, с. 187; 317, с. 199], опционы, гарантирующие определенную скорость выгрузки в день [386, с. 177], опционы судовладельца предусматривали возможность вариативности грузоподъемности и размера судна [214, с. 193; 215, с. 234]. Совфрахт, заключая контракты в соответствии с планами экспорта, включал в договоры различные комбинации опционов [417, с. 68]. В торговых экспортных сделках советских организаций М.М. Жирмундский обозначал как наиболее часто встречающиеся, опционы на продление срока действия договора и опционы на сокращение/увеличение объема поставляемых товаров [268].

С.А. Вышнепольский в 1934 году дает следующее определение: «Опцион (option) — условное право выбора, принадлежащее одной из сторон во фрахтовании и обязательное для другой стороны, если первая им воспользуется» [214, с. 285]. В более поздней книге С.А. Вышнепольского «Фрахтовое дело», изданной в 1937 году дано несколько иное определение: «Опцион (option) право применения определенного договорного условия, принадлежащее одной из сторон и обязательное для другой стороны, если первая своевременно объявит об его использовании» [215, с. 338]. Это более позднее определение С.А. Вышнепольского, во–первых, выводит опцион за рамки исключительно договора фрахта и, во–вторых, делает акцент на срочном характере опционного условия. В пособии 1938 года «Внешнеторговый транспорт» указано, что «под опционом понимается право одной из сторон, оговоренное в договоре, потребовать от другой стороны выполнения того или иного условия. Если сторона, имеющая по договору право опциона, требует его применения, ее требование обязательно для другой стороны» [212, с. 38].

Использование опционов в советском внешнеэкономическом обороте нельзя прямо отождествлять с опционными конструкциями в современной их регламентации. По сути, в практике советских договоров то, что называлось «опционами» представляло собою то или иное специфическое условие исполнения договора. Плата при этом устанавливалась не как вознаграждение за сам опцион, а в виде скидки либо надбавки к цене товара [382, с. 51].

В целом же за рамками специальных изданий, посвященных вопросам совершения внешнеторговых операций, советская наука к вопросу опционов не обращалась, доктринальные работы по анализу опциона как института гражданского права не обнаружены.

В 1950 году И.Б. Новицкий и Л.А. Лунца в уже упоминаемой нами работе «Общее учение об обязательствах» [325, с. 143–148], обозначили возможность конструкции предварительного договора, в которой принять на себя обязательство может только одна из сторон. Как мы знаем, в современном правовом регулировании п. 1. ст. 429 ГК РФ не предусматривает такой возможности и обязательство по заключению будущего договора несут все участники предварительного договора. Таким образом, можно констатировать, что И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц предприняли попытку смоделировать из конструкции предварительного договора прообраз современного опциона на заключение договора.

В 1981 году Е.В. Кабатова выдвинула теорию о том, что в договоре финансовой аренды (лизинга) в качестве опциона следует рассматривать право лизингополучателя на выкуп оборудования по окончании срока действия договора лизинга [457, с. 11, 18; 115]. Следует отметить, что из всех книг М.И. Брагинского и В.В. Витрянского «Договорное право» (издание 4–е 2002 года), об опционах мы встречаем единственное упоминание в книге второй «Договоры о передаче имущества» и именно в аспекте опциона на покупку при финансовой аренде (лизинге) [201].

Абонентский договор. Наряду с традиционными, новыми формами абонентских договоров в СССР стали платные библиотечные абонементы [250, с. 11; 342, с. 34], платные абонементы «физкультурно– оздоровительной направленности» [269, с. 164]. С развитием радиовещания и телевидения появились абонентские договоры на пользование радиоприемниками, телевизорами, радиоточками. Статья 191 УК РСФСР предусматривала ответственность за пользование радиостанциями без оплаты абонемента [385, с. 407]. В 1970–х годах абонентские договоры начинают применяться в сфере бытового обслуживания населения на предмет профилактического обслуживания и ремонта сложной бытовой техники (радиотелевизионной аппаратуры, холодильников и других приборов) [268, с. 32].

Исторической спецификой развития абонентского договора можно считать то, что в качестве абонентских в советских нормативных актах назывались как собственной абонентские договоры, так и договоры, которые по сути таковыми не являлись. Так, например, абонементом называлась годовая подписка на журналы и газеты, аренда почтовых ячеек, прокат легковых автомобилей [101] и плата за предоставление автомотосредств инвалидам [100].

В 1986 г. постановлением № 285 Совета Министров РСФСР утверждается «Типовой договор подряда на профилактическое обслуживание и ремонт телевизоров, холодильников (морозильников) по абонементам (бытовой заказ)» [99]. Данное Постановление является первым нормативным актом, детально регламентирующим именно абонентскую форму договора в вопросах срока действия, порядка внесения абонентской платы и последствий ее не внесения, порядка и сроков исполнения работ по требованию абонента и др. Постановление Совета Министров РФСФР № 285 при утверждении типового договора бытового заказа, предусматривающего

абонентское обслуживание бытовой техники, указывало, что типовой договор разработан в соответствии со ст. 367 ГК РСФСР «Правила об отдельных видах договора подряда» и является видом договора бытового заказа. В советской цивилистике такая квалификация стала предметом обсуждения.

А.Ю. Кабалкин считал договор абонементного обслуживания самостоятельным гражданско-правовым договором и полагал указание в Постановлении №285 на абонентский договор как вид договора подряда не правильным, так как «использование понятий «подряд» и «бытовой заказ» не отражают существа отношений по абонементному обслуживанию» [282, с. 89]. Такая позиция несколько позднее, была поддержана профессором А.Е. Шерстобитовым, который указал на то, что «договор на абонементное обслуживание должен рассматриваться не как разновидность бытового заказа, а как самостоятельный договор на обслуживание граждан» [240, с. 299–300]. В диссертационном исследовании 1994 года Б. Ибратова также сделан вывод о том, что «что договор абонементного обслуживания – не подвид бытового подряда, а является самостоятельным видом договоров, заключаемых в сфере бытового обслуживания населения» [455, с. 24]. Таким образом, советская цивилистика рассматривала абонентский договор как самостоятельный вид гражданско–правового договора.

Несмотря на активное использование абонентской платы в гражданско–правовом обороте СССР, «ни один из общепризнанных учебников по советскому гражданскому и обязательственному праву (С.В. Александровского 1923 г., С.И. Аскназия 1927 г., Б.М. Рубинштейна 1937 г., под редакция Д.М. Генкина 1950 г., под редакция О.А. Красавчикова 1968 и 1985 гг.) и обязательственному праву (И.Б. Новицкого и Л.А. Лунца 1950 г., Ф.И. Гавзе 1968 г., О.С. Иоффе 1975 г.) абонентские (абонементные) договоры не рассматривал» [628, с. 20].

Единственным диссертационным исследованием, посвященным непосредственно абонентским договорам, является диссертация В.В. Кваниной «Договоры с абонементной формой отношений сторон» 1990 года. В данном научном труде задолго до того, как цивилистика начала рассматривать абонентский договор как специальную договорную конструкцию, автором сделан вывод о том, что «многие типы гражданско-правовых договоров могут быть связаны с абонементной формой отношений. Общее в группе таких договоров, по мнению В.В.Кваниной должно быть отражено в Общих положениях обязательственного права путем введения отдельной статьи» [461, с. 12]. Как мы знаем, именно по этому пути, предложенному профессором В.В. Кваниной, через четверть века пошел законодатель.

Договор в пользу третьего лица. Переходя к оценке договоров в пользу третьих лиц советской наукой необходимо отметить, что данный правовой институт никогда не отвергался советской цивилистикой. Это объясняется тем простым обстоятельством, что даже в условиях советского планового хозяйства этому институту всегда находилось место в гражданском обороте, и он активно использовался в таких сферах, как перевозка, страхование, хранение и др.

Как уже указывалось, нормы обоих советских гражданских кодексов (как 1922 года, так и 1964 года) содержали в общей части кодексов положения о договоре в пользу третьего лица, а также в специальной части положения о добровольном страховании в пользу третьих лиц. В отличии от ГК 1964 года, кодекс 1922 года также содержал и положение о том, что если предметом договора найма являлось государственное имущество, либо если сдаваемое в найм имущество принадлежало акционерному обществу без участия иностранного капитала или общественной организации (например, профессиональной или кооперативной), то наниматель обязывался к

страхованию имущества в пользу наймодателя. Совершенно понятно, что в данном случае договор, который обязаны были заключить наниматель и страховщик, безусловно являлся договором в пользу третьего лица.

В 20–е годы XX века наибольшее внимание договору в пользу третьих лиц уделил видный деятель советской науки, один из создателей и директор Института советского права П.И. Стучка. Сформулированные П.И. Стучкой положения интересны следующим [370, с. 152–154].

Во–первых, договор в пользу третьих лиц был рассмотрен П.И. Стучкой не в традиционном контексте, а как способ «разъединения субъектов права».

Во–вторых, ученым было высказано суждение о том, что договор в пользу третьих лиц востребован гражданским оборотом ввиду его усложнения.

В–третьих, договор в пользу третьих лиц рассмотрен как объединение двух потенциально самостоятельных сделок и сложное правопреемство.

В–четвертых, дано определение, что третье лицо – это «лицо постороннее, не участвовавшее непосредственно в установлении данного юридического отношения между сторонами, но так или иначе заинтересованное в этом отношении».

В–пятых, затронут аспект, допускающий, что договор в пользу третьего лица может служить инструментом, позволяющим организовать для третьего лица поступление не полного, а частичного эквивалента по договору.

В–шестых, в качестве обоснования «негативной востребованности» договора в пользу третьего лица как правового средства П.И. Стучкой было выдвинуто предположение о том, что такой договор «может являться способом сокрытия кредитором своего имущества посредством введения третьего лица в договор».

Практическим аспектам применения договора в пользу третьего лица в ряде статей уделил внимание видный советский правовед Б.Б. Черепахин. В статье «Дарение по гражданскому кодексу Р.С.Ф.С.Р.» [405, с. 50–51], написанной в 1923 году, исследован вопрос о том, применяются ли и как применяются к договорам в пользу третьих лиц нормы о дарении и кого в данном контексте следует считать дарителем – как промиссара, так и промитента или только промиссара.

В целом же можно сделать вывод о том, что как правовой институт договор в пользу третьих лиц в первые десятилетия советского государства не представлял для отечественной юридической науки ценности в качестве объекта цивилистического исследования. В.И.Серебровский в 1947 г. указывал на отсутствие в советской цивилистике каких-либо монографических исследований, посвященных договору в пользу третьего лица [354, с. 369]. При изучении дисциплин гражданского и хозяйственного права предполагалось весьма поверхностное изучение данного договора в составе обязательственного права [328, с. 35].

Однако, в 1950 году виднейшие представители отечественной юриспруденции, профессора Д.М. Генкин, С.Н. Братусь, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий выпускают учебник «Советское гражданское право», который в период подготовки второй кодификации гражданского законодательства становится «настольной книгой» советских юристов и в котором договору в пользу третьего лица уже уделено достаточное внимание [363, с. 382–384; 426]. Договор в пользу третьих лиц рассмотрен в рамках главы XX «Обязательства, возникающие из договоров», автором которой являлся Д.М. Генкин.

Договору в пользу третьего лица дана весьма развернутая характеристика. Д.М.Генкин указал на то, что при реализации договора в пользу третьего лица право требования имеют как кредитор, так и третье лицо.

Профессор Генкин обосновано отграничил договор в пользу третьего лица от договора об исполнении третьему лицу. В качестве примера договора с исполнением третьему лицу ученым приведены сделки в области внешней торговли. Как ключевое отличие между договором в пользу третьего лица и договором с исполнением третьему лицу Д.М. Генкиным обозначено то, что в последнем у третьего лица не возникает самостоятельного права требования, поскольку такой договор лишь дает кредитору основание «требовать, чтобы исполнение было произведено указанному третьему лицу».

Сделан вывод о разнообразии сфер применения договора в пользу третьего лица, таких как: имущественное и личное страхование, сберегательные вклады с распоряжением на случай смерти вкладчика, договоры морской перевозки с предоставлением права требования грузополучателям, банковские операции по безналичным расчетам и др. Также отмечено, что законодательство не содержит ограничений по использованию и применению договора в пользу третьего лица для каких-либо видов деятельности.

На основании востребованности договора в пользу тртьего лица Д.М.Генкин сделал выводы о социально–экономической значимости данного правового института, и по сути сформулировал положения о правовой ценности договора в пользу третьего лица, которую определил следующим образом:

1) договор в пользу третьего лица «расширяет пределы возможного для лица, желающего сделать распоряжение»;

2) договор в пользу третьего лица «(отличаясь по правовой природе от представительства) является правовым средством, в известной мере заменяющим представительство»;

3) посредством договора в пользу третьего лица могут достигаться цели завещателя.

Профессором Генкиным было отмечено, что поскольку «без всякого основания и смысла никто в договоры не вступает», у кредитора при заключении договора в пользу третьего лица должен быть интерес, но при этом именно «материальная заинтересованность кредитора не является необходимой». Д.И. Генкин полагал, что «поскольку закон не требует от третьего лица специального выражения воли о принятии выговоренного в его пользу, то право требования исполнения возникает у третьего лица уже с момента заключения договора». Были рассмотрены варианты отказа третьим лицом от «выговоренного в его пользу права», и последствия такого отказа. Также указывалось на возможность для кредитора «отменить договор или внести в него изменения, затрагивающие право третьего лица», но лишь до момента выражения третьим лицом согласия на принятие исполнения по договору.

Как мы видим, в данном случае договору в пользу третьего лица дана весьма обширная характеристика, выходящая за рамки положений как статьи 140 ГК РФ 1922 года, так и за рамки положений, которые в последствии будут изложены в статье 167 ГК РФ 1964 года.

Государственный контракт. В 1921–1922 гг., с началом перехода к политики НЭП стремительно активизировался гражданско–правовой оборот, заработала ярмарочная торговля, начали создаваться товарные и фондовые биржи, развиваться концессионные практики, возрос приток иностранных капиталов. И уже в сентябре 1921 года Совет народных комиссаров РСФСР принимает Декрет «О государственных подрядах и поставках» [94]. Данный документ демонстрировал определенную преемственность с нормами дореволюционного Положения о казенных подрядах и поставках. В свете развития товарных отношений и активизации государственных закупок далее в октябре того же года выходит Декрет «О порядке привлечения подрядчиков

и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами» [93].

Эти Декреты СНК РСФСР действовали менее 2–х лет и были отменены в связи с принятием нового нормативного акта уже союзного значения: 27.07.1923 выходит Декрет ЦИК СССР, СНК СССР «Положение о государственных подрядах и поставках» [95]. На вопрос, почему источниками правового регулирования государственного заказа являются акты не республиканского, а союзного значения, профессора С.В. Александровский и Ф.И. Вольфсон отвечали следующим образом: «Это объясняется тем, что этим договором затрагиваются специальные интересы государства, каковые интересы целесообразно защищать нормами, одинаковыми на протяжении всей территории Союза» [177, с. 107].

К моменту издания второго Положения о госзакупках уже был принят Гражданский кодекс 1922 года и Положение о государственных заказах и поставках от 27.07.1923 года. Оно (являясь приложением к ГК) устанавливало, что отношения между государственными органами и подрядчиками (поставщиками) регулируются обязательственным правом ГК РСФСР, то есть , несмотря на определенные специальные нормы, советский законодатель квалифицировал отношения по государственному контракту как гражданско-правовые. 07.08.1923 Постановлением СНК СССР был утвержден новый порядок проведения торгов на государственные подряды и поставки [97]. Следующим документом, реформирующим систему государственных закупок стало принятие 11.05.1927 Постановления ЦИК СССР, которым вводилось в действие новое Положение о государственных подрядах и поставках и отменялись все ранее действующие нормативные акты по государственному заказу [103].

При принятии положения о госзакупках 1921 года государство было крайне заинтересовано в частных поставщиках и подрядчиках, поскольку не

имело альтернативы в виде системы государственных предприятий. Юридическая наука в начале 20–х годов уделяет государственному заказу много внимания, позитивно оценивает государственные заказы и подряды как правовые явления. Так, профессор МГУ Ф.И. Вольфсон писал в 1923 году о том, что «в современной системе хозяйственных отношений СССР, характеризующейся одновременным и параллельным функционированием государственного и частного аппаратов промышленности и торговли, договор государственных подряда и поставки имеет исключительное значение и небывалое прежде распространение» [566, с. 726].

Профессор К.М. Варшавский, оценивая изначальную практику введения в оборот государственного заказа, считал, что «законодатель должен был поставить подрядчиков п поставщиков в такое положение, чтобы привлечь их к участию в исполнении этик заданий, —обеспечить их интересы, в известной мере даже за счет интересов – государства» [334, с. 10].

Автор книги «Руководство по производству торгов и заключению договоров на подряды и поставки в войсковых частях РККА» М.Д. Позняк в 1924 году указывал на то, что «производство торгов на государственные подряды и поставки в государственных интересах имеет существенное значение» и обосновывал это:

– развитием конкуренции среди предпринимателей;

– возможностью снижения государственных расходов на закупки;

– системой контроля за недобросовестными должностными лицами.

Положение о госзакупках 1927 года было принято уже в период сворачивания НЭП, в период завершения перестройки рыночной экономики на централизованно–плановую, и государственные закупки у частного сектора в конце 20–х годов стали рассматриваться как крайне нежелательное явление. С развитием сектора государственных предприятий встал вопрос о том, что нормы Положения, направленные на защиту интересов государственного

заказчика, существенно одновременно с защитой государства в виде заказчика, ограничивают интересы государства, которое выступает также и в лице государственных предприятий–исполнителей договоров. Как следствие, Положение о государственных подрядах и поставках 1927 года уже не распространялось на договоры поставки и подряда между госорганами, такие договоры оказались свободными от режима Положения.

Юридическая литература перестает упоминать государственные поставки и подряды в аспекте правового механизма, способствующего развитию рынка и конкуренции среди частных поставщиков и подрядчиков.

«Учебные издания, начиная с 30–х годов, несмотря на то, что Положение о государственных подрядах и поставках продолжало действовать, не содержат упоминания о государственных заказах с участием частных поставщиков и подрядчиков, а если и содержат, то квалифицируют их как изжившее себя правовое средство» [629, с. 64]. Так, профессор П.И. Стучка в учебнике 1931 года «Курс советского гражданского права» писал: «В первые годы нэпа, во времена нашей неопытности, этот договор чрезвычайно часто применялся, так что «Положение о государственных подрядах и поставках» появилось даже раньше самого ГК. Оно было использовано разными дельцами и спецами в целях личного обогащения или содействия частнику» [371, с. 98].

В 1932 году в монографии «Управление хозяйством и хозяйственное право за 15 лет пролетарской диктатуры» профессор Г.Н. Амфитеатров, описывая декреты, постановления и законы, изданные с 1918 года, даже не упоминает ни об одном из трех принятых в 1921, 1923 и 1927 годах Положений о государственных подрядах и поставках [185, с. 363].

Профессор Ленинградского юридического института Б.М. Рубинштейн в учебнике «Советское хозяйственное право», изданном в 1935 году, не упоминая о действующем Положении о государственном заказе, резюмировал

при этом, что «ликвидация и вытеснение капиталистических элементов устранили подрядчика–капиталиста из нашего хозяйственного оборота» [347, с. 123].

Учебник 1940 года «Советское гражданское право» ни в главе XV «Обязательства из договоров. Общие положения», ни в главе XVI «Отдельные виды договоров» также не упоминает о государственных подрядах и поставках [365, с. 264].

Отношение к государственному заказу наглядно можно продемонстрировать позицией И.Б. Новицкого, изложенной в учебнике 1957 года «История советского гражданского права». Профессор Новицкий называет договоры, заключаемые на основании Положения о государственных подрядах и поставках, «изжитками», которые применялись в период новой экономической политики и на смену которым пришли новые плановые договоры. «Если в период новой экономической политики поставщиками (и подрядчиками) могли быть граждане и их объединения (частные организации), то теперь в качестве поставщиков (и подрядчиков) выступают только социалистические организации (государственные, кооперативные, общественные) [324, с. 177].

Проведенное в рамках настоящего параграфа исследование, позволяет сделать вывод о том, что Советская цивилистика уделяла внимание изучению правового феномена государственных заказов очень непродолжительное время – с начала и до конца 20–х годов.

Положение о государственных подрядах и поставках 1927 года практически в неизменном виде действовало длительный срок – 35 лет. Вместе с тем, с конца 30–х годов, после ликвидации НЭПа, Положение о государственных подрядах и поставках фактически прекращает использоваться в силу того, что государство сумело создать альтернативу частному рынку в виде системы государственных предприятий. Таким

образом, государственный заказ в современном понимании (как закупка государством у субъекта предпринимательского рынка) просуществовал в советском государстве очень недолгое время.

3.3 Специальные договорные конструкции в современном российском гражданском праве и цивилистике

В период между второй и третьей кодификациями в стране был построен развитой социализм. Начиная с конца 60–х годов экономика СССР, отягощенная гонкой вооружения, становится «ресурсозависимой» и за последующие два десятилетия вплотную подходит к экономической стагнации. Что касается науки гражданского права, то она получает в этот непростой для страны период очередной толчок в своем развитии, поскольку в обществе происходит всестороннее расширение сферы товарно–денежных и гражданско-правовых отношений. Во второй половине 1980–х годов в стране началась масштабная реконструкция, «перестройка», закономерное движение экономики к рынку. В этот период начинается подготовка к третьей кодификации, которая привела к созданию современного Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). В 1990 году Верховный Совет РСФСР принимает закон «О собственности в РСФСР» [96]. В 1991 Верховный Совет СССР утверждает Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года [102] и это можно считать началом реформирования российского гражданского права.

В разработке «Основ…» 1991 г. принимали активное участие М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, А.Л. Маковский, Д.Н. Сафиуллин, Е.А. Суханов, С.А. Хохлов, В.Ф. Яковлев, и многие другие отечественные цивилисты, внесшие фундаментальный вклад в современную правовую доктрину. Как отмечает А.Л. Маковский, «Основы…» 1991 г. стали базой для

разработки рекомендательной модели Гражданского кодекса для стран СНГ, принятого на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств–участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 года» [228; 311]. В соответствии с модельным кодексом был разработан и новый Гражданский Кодекс Российской Федерации, вступивший в силу с 1 января 1995 года [10].

ГК РФ 1995 года учитывал фундаментальные изменения, произошедшие в экономической жизни страны в условиях легализованной предпринимательской деятельности и приватизированной государственной и муниципальной собственности.

В Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года в главе 8 «Общие положения об обязательствах» содержались положения о предварительном договоре и вновь была обозначена конструкция договора в пользу третьего лица (статья 61), а модельный Гражданский кодекс для стран СНГ 1994 года дополнял список поименованных СДК публичным договором и договором присоединения. Все четыре СДК (предварительный договор, публичный договор, договор присоединения и договор в пользу третьего лица) были изначально включены и в новый ГК РФ 1995г., причем и в модельном кодексе СНГ и в Гражданском кодексе РФ эти договоры одинаково обособлены в структуре документов – они содержатся в главе 27 «Понятия и условие договора» подраздела 2 «Общие положения о договоре» Раздела III «Общая часть обязательственного права», то есть помещены в структуре ГК РФ над отдельными видами обязательств.

В течение первого десятилетия нынешнего столетия, в условиях структурных изменений, рыночные отношения развивались и совершенствовались, в условиях мировой глобализации и стремительно развивающейся экономической интеграции в российская практика

адаптировала многие гражданско-правовые институты, ранее апробированные в зарубежных странах с развитой экономикой.

Как итог, к концу первого десятилетия XX Iвека назрела необходимость коренной модернизации гражданского законодательства, которая проводилась на основании Указа Президента РФ № 1108[39] «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» и принятой «Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации» [76].

Г.Ф. Ручкина отмечает, что «появление новых по содержанию общественных отношений требует адекватного правового регулирования и соответственно нового понятийного аппарата, раскрывающего особенности тех или иных общественных явлений» [502, с. 200]. В рамках реформы гражданского законодательства в первую и вторую часть ГК РФ было внесено огромное количество поправок, часть из которых касалась и СДК.

Так, в 2015 году Глава 27 «Понятие и условия договора» Части I ГК РФ была дополнена еще четырьмя специальными договорными конструкциями: ст. 429.1 «Рамочный договор», ст. 429.2. «Опцион на заключение договора», ст. 429.3. «Опционный договор» ст. 429.4 «Договор с исполнением по требованию (абонентский договор)» [16].

Таким образом, на сегодняшний момент частью первой ГК РФ поименованы следующие восемь СДК: публичный договор (ст. 426), договор присоединения (ст. 428), предварительный договор (ст. 429), рамочный договор или договор с открытыми условиями (ст. 429.1), опцион на заключение договора (ст. 429.2), опционный договор (ст. 429.3), договор с исполнением по требованию (ст. 429.4) и договор в пользу третьего лица (ст. 430).

Диссертационное исследование дополняет перечень СДК государственными (муниципальными) контрактами, которые регулируются федеральным законом № 44– ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок

товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Современные доктринальные взгляды на СДК были представлены в параграфах 1.2 и 1.3 исследования. Подведем итоги тому, как происходило становление системы СДК в разрезе каждого правового института.

Публичный договор. Профессор А.Л. Маковский в монографии, посвященной отечественным кодификация гражданского права, написал, что в ГК 1995 г. «статья 426 "Публичный договор" … вводит в наше право совершенно новый институт» [311]. И в определенной степени — это верно. При том, что публичный договор использовался повсеместно для оформления гражданско-правовых отношений с потребителями, он не был осмыслен отечественной доктриной как специфический, самостоятельный институт права вплоть до принятия ГК 1995 года.

Изучение исторического генезиса публичного договора позволяет сделать вывод о том, что данный феномен начал изучаться отечественными учеными в конце XIX–начале XX вв. Этому способствовало развитие общественных отношений в сферах перевозки, розничной торговли и потребительских услуг.

Советская цивилистика на длительное время отказалась от научного осмысления публичного договора как самостоятельного правового института в силу идеологических причин. Выделение публичного договора в самостоятельный вид обязательства потребовал бы от ученых смещения акцентов, признания того, что западные договоры с потребителем нацелены на защиту слабой стороны – гражданина, на ограничение свободы коммерческих организаций, на установление равных, не дискриминационных условий для любого контрагента. Именно в силу отторжения позитивного содержания публичных договоров в западных странах, советская юридическая наука принципиально рассматривала публичный договор как договор

присоединения, выделяя его основными доминантами типовые формы, направленные на установление заведомо не выгодных для потребителя условий и на невозможность потребителя вступить в договорные отношения иначе, чем посредством присоединения. Исторический генезис публичного договора наглядно показывает, каким образом идеологический заказ может блокировать развитие научной мысли и негативно влиять на объективное теоретическое познание общественных и правовых явлений.

После кодификации публичного договора в 1995 г. к теме изучения данного правового института обратился ряд отечественных ученых: Г.А. Калашникова [458], Е.А. Мищенко [477], С.Н. Костикова [473], О.С. Левченко [477], С.К. Идрышева [274], Е.А. Величкина [433], Б.В. Бальжиров [426].

Реформа гражданского законодательства существенным образом изменила нормы ГК РФ о публичном договоре: был уточнен субъектный состав в части признания обязанной стороной не только коммерческих организаций, но и любых лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, было введено понятие категоризации потребителей для целей установления одинаковых ценовых и иных условий публичного договора.

Договор присоединения. В силу отождествления договора присоединения исключительно с нормами капиталистического права и реалиями монополистической экономики, начиная с 40–х годов советская цивилистика потеряла интерес к договору присоединения как к правовому феномену. Выработанные дореволюционными отечественными учеными положения относительно правовой природы договора присоединения, обязательности заключения договора в сфере потребительских услуг, дискуссии относительно правовой природы договора присоединения и его соотношения с основным договором, соотношения частноправовых и публично–правовых начал в договоре присоединения, правомерности

применения договора присоединения в общественно–полезной сфере перестали быть предметом доктринальных исследований.

Советская правовая наука демонстрировала резкое отторжение договора присоединения, оценивая практику его применения в капиталистических странах исключительно как инструмент ограничения свободы договора и монополистического диктата условий договора слабой стороне. Договор присоединения рассматривался как символ так называемого «формулярного» и «каучукового» права. Вместе с тем все те формы, которые рассматривались как договоры присоединения, а именно продиктованные договоры, договоры, обязательные к применению, и типовые договоры по факту всегда использовались в экономическом обороте СССР: в отношениях социалистических организаций, в сфере потребительских услуг, во внешней торговле.

В 70–х годах советское право под влиянием, в том числе, международных практик начинает признавать необходимость использования типовых форм и формуляров как явлений, востребованных необходимостью унификации гражданского и коммерческого оборота.

Начиная с 80–х годов, в условиях реконструкции политической и экономической жизни страны, отечественная цивилистика формирует и новые подходы относительно договора присоединения:

– во–первых, из состава правоотношений, рассматриваемых традиционно как договоры присоединения, выделяются договоры с примерными условиями;

– во–вторых, зарегулированность хозяйственной и экономической деятельности типовыми договорами, имеющими характер нормативных актов, начинает восприниматься как негативное явление.

Изначально договор присоединения возник как ответ на экономический запрос участников гражданско-правовых отношений на упрощение и

ускорение заключения договоров в условиях развития рыночных отношений, и, конечно же, как инструмент, дающий сильному контрагенту возможность диктовать свою волю и условия слабой стороне договора.

Исторический генезис договора присоединения крайне интересен тем, что отечественная цивилистика в рамках изучения договора присоединения по сути формировала подходы сразу к нескольким правовым феноменам, ставшими впоследствии самостоятельными правовыми институтами: непосредственно договору присоединения, публичному договору, типовому договору и договору с примерными условиями.

Государственное правовое регулирование различных национальных правопорядков в русле защиты общественных интересов именно благодаря практике применения договоров присоединения выработало целый ряд норм и правил, ограничивающих возможность злоупотребления правом.

Это были нормы, направленные на реализацию принципа защиты слабой стороны и нормы о заключении гражданско–правового договора в обязательном порядке. Нельзя не отметить и то, что договор присоединения как комплекс правовых отношений послужил в мировой юриспруденции источником развития таких ветвей правового регулирования, как законодательство о защите прав потребителя и антимонопольное законодательство.

В современной отечественной науке договор присоединения является объектом некоторых диссертационных исследований. Изучению данного правового феномена посвятили свои диссертационные и монографические труды такие ученые, как: А.В. Цыпленкова [519], Д.В. Мечетин [485], Л.С. Капица [285]. Диссертационных исследований, изучающих непосредственно договор присоединения и относящихся к периоду до 2000 года, по данным РГБ не обнаружено.

В ходе реформы гражданского законодательства из ГК РФ было исключено положение, ограничивающее возможности зашиты для присоединившейся стороны, заключившей гражданско–правовой договор в связи с осуществлением предпринимательской деятельностью, конкретизирован порядок судебной защиты интересов присоединившейся стороны в части требований изменения или прекращения заключенного договора, установлен ретроспективный характер судебных решений по изменению и прекращению договоров присоединения.

Предварительный договор. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основы понимания предварительного договора как специальной договорной конструкции были заложены в дореволюционной отечественной цивилистике.

Советским правом и юридической наукой институт предварительного договора на протяжении длительного времени фактически отвергался. Вместе с тем данный институт как средство права никогда не переставал применяться в юридической практике и активно использовался не только в гражданско-правовых отношениях частных лиц, но и в тех сферах, где экономический оборот требовал от советского производителя гарантий осуществления будущих поставок на внутреннем и внешнем рынках: в сферах лесной торговли, торговли нефтепродуктами, торговли будущим урожаем и др. Как следствие, под влиянием необходимости правовой регламентации фактически существующих экономических отношений, предварительный договор был кодифицирован гражданским законодательством.

В отечественной науке предварительный договор неоднократно становился объектом диссертационных исследований. Изучению данного правового феномена посвятили свои диссертационные труды такие ученые как: А.С. Ротарь (2001 г.) [501], М.Р. Каримов (2002 г.) [460], М.Ф. Ермошина (2006 г.) [450], Ю.В. Шанаурина (2006 г.) [522], Ю.Г. Серова (2007г.) [507],

А.В. Васильев (2007 г.) [431], П.А. Меньшенин (2011 г.) [484], Д.В. Майдаровский (2011 г.) [479], А.В. Максименко (2013 г.) [480], Б.И. Салимзянов (2013 г.) [504], В.Э. Полякова (2015 г.) [497], О.В. Шполтаков (2016 г.) [524]. Ряд диссертационных исследований затрагивали категорию предварительного договора в контексте изучения института организационных договоров. Среди них К.А. Кирсанов (2008 г.) [466], С.Ю. Морозов (2011 г.) [489], С.А. Тюрина (2012 г.) [446], Е.Б. Подузова (2014 г.) [335].

Диссертационных исследований, относящихся к периоду до 2000 года, по данным РГБ не обнаружено.

Реформа гражданского законодательства актуализировала нормы ГК РФ относительно предварительного договора в части изменения подхода к перечню условий основного договора, которые должны согласовать стороны предварительного договора, в части установления срока для выдвижения требования о понуждение к заключению основного договора, в части установления преобразовательной природы иска о понуждении к заключению основного договора и возможности определения условий основного договора решением суда.

Рамочный договор (договор с открытыми условиями). Рамочный договор не был предметом исследования в дореволюционной цивилистике. Советская правовая науки уделяла внимание рамочному договору в основном в контексте генеральных договоров, применяемых в практике советского хозяйственного оборота.

Принятая в 2009 году Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации изначально статьей 7.8. предусмотрела закрепление в ГК конструкции рамочного договора [76]. После кодификации рамочного договора в 2015 году данный правовой институт стал предметом изучения для многих авторов, о чем свидетельствует статистика.

Так, на портале Elibrary.ru нет информации ни по одной работе, посвященной рамочному договору в период до 2005 года. За 2005–2014 годы, то есть за 10 лет, таких работ – 21, а за 2015 – 2024 годы, то есть за следующее десятилетие лет – уже более 150–ти.

Следует отметить, что в 2000–х годах в научной литературе обозначилась тенденция рассматривать рамочный договор как организационный неимущественный договор. Практически все исследователи, ставящие целью изучение рамочного договора как организационного в тех или иных вопросах, ссылаются на книгу профессора Л.Г. Ефимовой «Рамочные (организационные) договоры».

Будучи опубликованным в 2006 году, то есть более 15 лет назад, этот труд действительно явился базовой научной концепцией понимания рамочного договора как организационного. Вместе с тем следует отметить, что, к сожалению, Людмила Георгиевна Ефимова в дальнейшем не обращалась в своих трудах к теме организационных договоров в целом и к рамочным договорам в частности, и, как следствие, необходимо учитывать, что все выводы профессора Ефимовой сделаны в тот период, когда еще не была принята Концепция совершенствования гражданского законодательства и задолго до того, как нормы ГК РФ были дополнены положениями о рамочном договоре. Л.Г. Ефимова рассматривала рамочный договор как базовый, консенсуальный, безвозмездный договор, во исполнение которого в последствии заключаются договоры–приложения. По мнению профессора Ефимовой, «предметом базового договора является организация сотрудничества сторон в определенной сфере деятельности» [266, с. 20].

В 2012 году была защищена посвященная организационным договорам кандидатская диссертация Е.Б. Подузовой, а в 2014 году указанный автор опубликовал монографию «Организационные договоры в гражданском праве». В своем диссертационном исследовании и в монографии Е.Б. Подузова

высказала мнение о том, что предмет рамочного договора «представляет собой действия по заключению в будущем основного договора (нескольких основных договоров)» [335, с. 69]. Кроме предмета договора данный автор относит к существенным условиям организационного рамочного договора условия и его сроке действия, а также условия о предмете основного договора (основных договоров) [335]. Еще одним диссертационным исследованием, посвященным организационным договорам в целом и рамочному договору в частности, является работа С.А. Тюриной, в которой предмет рамочного договора определен как «организация потока однородных взаимоотношений сторон в определенной сфере гражданского оборота» [446, с. 134].

Подробное обоснование несостоятельности позиций отнесения рамочного договора к организационным неимущественным договорам представлен в разделе 1.2 диссертационного исследования.

Рамочный договор (договор с открытыми условиями) как специальная договорная конструкция изучался в диссертационных исследованиях следующих авторов: Г.Н. Орлова [491], В.И. Татаренко [511], А.В. Максименко [480]; Б.И. Салимзянова [504], М.Д. Майдаровского [479], Т.С. Гудовских [442], Е.О. Ганевой [436]; Р.Ф. Мустафина [319]; Ю.С. Романца [345], О.С. Юренковой [525], Е.Б. Подузовой [335], С.Ю. Морозовым [489]; С.А. Тюриной [446].

Опционные конструкции. Опционные конструкции как институты гражданского права оставались по сути не изученными цивилистикой вплоть до начала реализации Концепции развития гражданского законодательства. Еще в 2006 году профессор Е.А. Павлодский указывал на то, что «в настоящее время отсутствуют отечественные нормативные акты, регулирующие опционный договор в целом, исключение составляет опцион эмитента» [666, с. 12]. Собственно, и в тексте самой Концепции, одобренной в конце 2009 года, не содержалось никаких упоминаний об опционных

конструкциях [76]. Однако уже в 2011 г. профессор Витрянский обозначил, что в процессе реализации Концепции, на стадии подготовки внесений в ГК РФ, разработчики сочли необходимым предусмотреть в ГК РФ и модель опционного договора [343]. Можно сказать, что перспектива законодательной регламентации в ГК РФ опционных конструкций и послужила основанием к последовавшим многочисленным исследованиям ученых. По статистике Elibrary, в период до 2008 года статей, посвященных опционным конструкциям как элементу гражданско-правовых отношений за рамками финансового рынка, не обнаружено, в период с начала подготовки Концепции до внесения в ГК РФ изменений Федеральным законом от 08.03.2015 № 42- ФЗ, то есть в 2008–2015 годах таких статей уже более 40, а за 2016–2024 годы – уже более 150.

Опционные соглашения как СДК изучались в диссертационных исследованиях следующими авторами: Г.Н. Орловым [491], В.И. Татаренко [511], Р.Ф. Мустафиным [319]; П.А. Меньшенин [484], М.Д. Майдаровским [479], Т.С. Гудовских [442], Е.О. Ганевой [436]; С.Ю. Морозовым [489]; Ю.С.Романцом [500], О.С. Юренковой [525], Е.Б. Подузовой [496].

Абонентский договор. Абонентский договор начал использоваться в гражданско–правовом обороте только в конце XIX века и по сути не успел стать предметом доктринального изучения в дореволюционной цивилистике. В Советской науке абонентский договор так же не был предметом пристального внимания со стороны научного сообщества.

Концепция по реформированию гражданского законодательства, где была обозначена целесообразность кодификации абонентского договора, вызвала с 2009 года активный интерес научного сообщества к данному правовому институту. По данным библиотеки Elibrary, статей, посвященных

абонентскому договору, относящихся к периоду до 2009 года, не обнаружено, в период 2009–2015 гг. таких статей 8, а за 2016–2024 гг. – уже более 70.

Вопрос о перечне абонентских договоров и на сегодняшний день является дискуссионным. Различными авторами выделяются:

– абонентское обслуживания в адвокатской сфере;

– абонентское обслуживание в сфере медицинских услуг;

– охранные услуги в виде оборудования квартиры охранной сигнализацией;

– абонентский доступ к информационным ресурсам (например, оплата за годовой доступ к ЕГРЮЛ);

– абонентная плата за предоставление информации различными информационными центрами;

– услуги по правовому консультированию;

– абонентное обслуживание при ремонте автомобилей;

– услуги по ведению дел налогоплательщика (налоговое представительство);

– услуги по обновлению контента;

– услуги по языковым переводам;

– услуги по поддержанию в работоспособном состоянии сайтов;

– услуги, обеспечивающие голосовую и видеосвязь через интернет (например, SKYPE);

– услуги правовых баз;

– услуги питания по типу «шведский стол»;

– услуги по проезду по платным автодорогам;

– абонементное обслуживание при прокате автотранспортных средств.

Как указал Пленум Верховного Суда РФ, при квалификации договора должно учитываться не его наименование, название сторон, наименование способа исполнения, а именно «существо законодательного регулирования

соответствующего вида обязательств и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом» [105].

А.Г. Карапетов в комментариях к ГК РФ правомерно поднимает вопрос об отграничении абонентской договорной конструкции от ряда поименованных договорных типов [261]. По нашему мнению, критерием применения к договору положений ст. 429.4 является характер исполнения договора. Абонентский договор является таковым только в случае, если обязанная сторона осуществляет предоставление по договору «в динамике», то есть если из порядка исполнения договора следует, что исполнитель совершает представление по договору не однократно.

Таким образом, если стороны заключили, например, договор аренды на определенный срок и имущество передается арендатору разово, на весь срок действия договора, то арендные платежи не могут быть квалифицированы как абонентские, поскольку арендодатель, передав имущество арендатору уже осуществил необходимое исполнение. Вместе с тем, если договор аренды предусматривает возможность в течение срока договора неоднократной аренды (например, в аренду передается автотранспорт по заявкам арендодателя), то такой договор может быть квалифицирован как абонентский.

Абонентский договор как специальная договорная конструкция рассматривали в диссертационных исследованиях следующие ученые: Г.Н. Орлов [491], В.И. Татаренко [511], Р.Ф. Мустафин [319]; П.А. Меньшенин [484], М.Д. Майдаровский [479], Т.С. Гудовских [442], Е.О. Ганева [436]; С.Ю. Морозов [489]; Ю.С. Романец [500], О.С. Юренкова [525], Е.Б. Подузова [496].

Договор в пользу третьего лица. В отечественной правовой науке на всех периодах становления системы специальных договорных конструкций договор в пользу третьего лица традиционно рассматривался как юридическая

модель, опосредующая различные виды договоров – страхования, перевозки, доверительного управления и др. Доктринальное понимание договора в пользу третьего лица сформировалось во второй половине XIX века. Дореволюционные цивилисты обосновали универсальность применения данной правовой конструкции при реализации договоров самой различной целевой направленности, внесли огромный вклад в выявление характеристик и в понимание правовой природы договора в пользу третьего лица. Советская правовая наука, в целом не отвергая договор в пользу третьего лица как правовое явление, тем не менее квалифицировала данный правовой институт как не имеющий важного значения для гражданско–правового оборота. В определенной степени это объясняется отсутствием рыночных отношений в данный период развития нашей страны.

Основные индивидуализирующие признаки договора в пользу третьего лица сохранялись при всех кодификациях. В ходе реформы по развитию гражданского законодательства в положения ст. 430 ГК РФ изменения не вносились.

Современные отечественные ученые сравнительно не часто выбирают договоры в пользу третьих лиц темой доктринальных исследований. Поиск по каталогу Российской государственной библиотеки показал [727], что к периоду между кодификациями 1964 г. и 1995 г. относится только одно диссертационное исследование Н.С. Ковалевской, и объектом изучения данной диссертации являлся ограниченный спектр договоров в пользу третьих лиц, а именно в пользу граждан [467]. Остальные пять диссертационных исследований (среди которых нет ни одной докторской диссертации) были защищены уже после 2000 года. Это диссертационные исследования М.К. Кроз (2001 год) [474], И.В. Киселя (2002 год) [467], Ю.Ю. Захарова (2003 год) [354], М.А. Милькова (2010 год) [486] и А.Ю. Чурилова (2018 год) [521].

Государственный контракт. Проведенное исследование исторического генезиса специальной договорной конструкции государственного (муниципального) контракта позволяет сделать следующие выводы:

– понимание государственного контракта как договорной конструкции, не меняющей правовую природу гражданско–правового договора, облеченного в форму государственного контракта, было заложено в отечественной правовой науке уже во второй половине XIX века;

– в Положении о казенных закупках были апробированы многие правовые регуляторы, инкорпорированные затем в законодательство, применимое к договорным отношениям между частными лицами.

Советская цивилистика уделяла внимание изучению правового феномена государственных заказов очень непродолжительное время – с начала и до конца 20–х годов. В этот период государственный контракт рассматривался как прогрессивное правовое средство. В 30–х годах, с созданием системы государственных предприятий, Положение о государственных заказах и поставках, действующее де юре, перестает использоваться де факто в гражданско–правовом обороте, на смену конкурентному размещению государственных заказов с 1931 года приходят плановые договорные кампании. Советская наука начинает демонстрировать резко отрицательное отношение к практике применения в 20–х годах государственных закупок у частного сектора.

С образованием в 1991 году Российской Федерации, в условиях развития частного предпринимательства, начинается реформирование системы государственных закупок.

Первым федеральным законом определившим, что государственные заказчики осуществляют выбор поставщиков для заключения государственных контрактов «путем проведения конкурсного отбора,

организации федеральных, региональных торгов» стал Закон № 2859–1 от 28.05.1992 г. «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» [7]. Все дальнейшие нормативный акты, как изданные в развитие положений этого закона, так и изданные впоследствии взамен данного закона уже строились на логике конкурентного размещение государственного и муниципального заказа. В настоящее время основным, базовым нормативным актом, регулирующим порядок заключения и исполнения государственных (муниципальных) контрактов, является Федеральный закон № 44–ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" [21].

Государственному (муниципальному) контракту посвятили диссертационные исследования следующие авторы: И.В. Балтутите [425], Я.Б. Гребенщикова [439], В.В. Ерин [449], С.Е. Жук [451], Н.Н. Заботина [452], А.Е. Кирпичев [465], О.Н. Колесник [469], Н.А. Курц [475], М.С. Соловьев [508], Ф.А. Тасалов [445]; К.И. Фамиева [513], М.В.Шмелева [523], Д.А.Чваненко [520], И.Г. Яковлева [526]. В современной доктрине последних лет, как было показано в параграфе 1.2 диссертационного исследования сформировалось отношение к государственному (муниципальному) контракту как к специальной договорной конструкции.

Выводы:

Глава посвящена становлению современной системы СДК в исторической ретроспективе их понимания отечественной цивилистической наукой и восприятия позитивным правом. С.Ю. Филиппова отмечает, что «обращение к истории того или иного правового института в современной нормальной науке стало общим местом цивилистического исследования и вошло в стандарт такого научного исследования» [387, с. 274].

Генезис СДК в историческом аспекте развития отечественной доктрины и гражданского права показывает правовую ценность СДК:

– как правовых средств, регулирующих общественные отношения;

– как объектов познания, отражающих эволюцию гражданского права.

Так практика использования договора в пользу третьего лица обусловила отход права от доктрины договорной связи, презюмирующей, что договорная связь образуется исключительно между лицами, заключившими договор; способствовала продвижению идей частной автономии и принципа свободы договора; продвинула развитие теории акцептации.

Публичный договор и договор присоединения явились для гражданского права основанием для создания целого ряда норм и правил, ограничивающих возможность злоупотребления правом, стали источником развития таких ветвей правового регулирования как законодательство о защите прав потребителя и антимонопольное законодательство. В рамках изучения публичного договора и договора присоединения отечественная цивилистика сформировала подходы сразу к нескольким правовым феноменам, ставшими впоследствии самостоятельными правовыми институтами: непосредственно договору присоединения, непосредственно публичному договору, типовому договору и договору с примерными условиями.

Государственный контракт в историческом аспекте проявлял себя как правовой институт, позволяющий в целом развивать и усовершенствовать гражданское законодательство. Именно при применении данного правового института в начале XX века были апробированы многие правовые регуляторы, инкорпорированные затем в гражданско–правовое законодательство, применимое к договорным отношениям между частными лицами: об обеспечениях посредством залога, заклада и поручительства; о штрафах и неустойках; об удержании задатка; о последующем залоге; о порядке

заключения договора; об ответственности руководителя организации за причиненные убытки в следствии недобросовестности, халатности или не разумности действий; о последствиях обязательств сторон при возникновении непреодолимых обстоятельств.

Как совокупность правовых средств система СДК исторически складывалась, с одной стороны, естественным путем апробации, развития и совершенствовании тех правовых средств, которые могли наиболее эффективно обеспечивать интересы сторон договора. С другой стороны, на определенных этапах общественного развития ряд СДК временно отвергался в силу идеологических причин.

В актуальном виде система СДК сформировалась на современном этапе.

Любая система развивается под воздействием внешних условий и факторов. Такое воздействие может носить формирующий (предпосылочный) и регулирующий характер.

Для системы СДК формирующими факторами являются:

– практические потребности гражданско–правового оборота, возникающие в следствии развития экономических отношений;

– доктрина.

Регулирующим фактором развития системы СДК является государственное воздействие, которое выражается в правотворчестве и правоприменении.

Воздействие факторов, под влиянием которых происходит формирование системы может быть прогрессивным, консервативным и регрессивным.

На всех этапах становления системы СДК практические потребности гражданско – правового оборота обеспечивали естественное прогрессивное эволюционное развитие системы СДК.

Государственное воздействие и развитие доктрины как факторы воздействия на становление системы СДК на первом (дореволюционном) этапе, и на третьем (современном) этапе содействовали становлению и развитию системы СДК.

Государственное воздействие и развитие доктрины как факторы воздействия на становление системы СДК на втором (советском) этапе имело консервативно–регрессивный характер.

Консервативный характер проявлялся в отношении СДК предварительного договора, абонентского договора, договора в пользу третьих лиц, опционов. Указанные СДК имели крайне ограниченное применение в частноправовой сфере, и не были объектом значимого внимания для юридической науки. Регрессивный характер государственное воздействие и развитие доктрины имело по отношению к специальным договорным конструкциям государственного контракта, договора присоединения и публичного договора.

Глава 4
Специальные договорные конструкции как правовые средства

Право выполняет множество общесоциальных и специально–юридических функций. Для гражданского права ключевой является регулятивная функция. Регулятивная функция права и ее воздействие на общественные отношения посредством правовых норм уже была предметом рассмотрения в параграфе 2.2 исследования. В параграфе 2.3 сделан вывод о том, что все специальные договорные конструкции являются правовыми институтами и элементами позитивного гражданского права. Каждая СДК представляет собою комплекс императивных и/или диспозитивных правовых норм, устанавливающих единые правила, универсально применяемые к основным договорам различной целевой направленности. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что специальные договорные конструкции следует рассматривать как правовые средства, правовые инструменты, позволяющие модифицировать основные договоры в соответствии с требованиями законодательства и/или в соответствии с волеизъявлением сторон. Таким образом, специальные договорные конструкции выступают универсальными правовыми регуляторами гражданско-правовых отношений, обеспечивая «единство правового регулирования различных типов договоров» [191, с. 22].

В начале нынешнего столетия наука гражданского права обратилась к теории правовых средств и формирование этой теории В.А. Сапун охарактеризовал в 2002 году как «принципиально новое явление в науке» [505, с. 3]. В.А. Сапун ставит знак равенства между понятиями «теория правовых средств» и «инструментальная теория права». И это объяснимо, поскольку правовые средства являются, прежде всего, инструментами, позволяющими достигать целей правового регулирования. «Для своего

осуществления цель нуждается в средстве» [218, с. 196]. При этом цель, на которые направлено действие правовых средств, следует рассматривать в двух аспектах – в аспекте того, какую цель преследуют участники гражданско-правовых отношений, избирая то или иное правовое средство и в аспекте того, какую цель ставил перед собой законодатель, включая в позитивное право ту или иную правовую норму. Такой симбиоз, как указывает А.В. Малышкин, отражает комплексное понимание правовых средств, «в котором учитываются точки зрения представителей и инструментального, и деятельностного подхода» к правовым средствам [481]. В данном контексте изучение СДК как правовых средств должно включать два аспекта: в чем ценность специальной договорной конструкции для участников гражданско-правовых отношений, и каким регулятивным потенциалом наделил законодатель ту или иную специальную договорную конструкцию.

4.1 Специальные договорные конструкции как правовые средства, обеспечивающие рационализацию гражданско–правового оборота

«Частноправовая сфера пронизывает все человеческое бытие, соответственно при правовом воздействии на нее требуется обнаружение многочисленных потребностей, выступающих причиной разнообразного поведения субъектов частного права, их вступления между собой в социальное взаимодействие» [515, с. 165]. Согласимся с этим мнением С.Ю. Филипповой и отметим, что именно выявление потребностей субъектов частного права позволяет проанализировать причины востребованности той или иной специальной договорной конструкции, ее ценность как способа оптимизации договорных связей.

Развитие общественных отношений приводит к появлению новых запросов со стороны участников гражданско–правового оборота. Участники

гражданско-правовых отношений объективно стремятся к достижению оптимальных моделей договорных обязательств, учитывающих новые социальные реалии, специфику усложнения договорных отношений, те конкретные ситуации, в которых реализуются гражданско-правовые договоры. И в этом контексте можно сказать, что все специальные договорные конструкции являются правовыми феноменами, возникшие как ответ на задачи рационализации правового оборота в том или ином аспекте.

Рассмотрим персонифицировано специальные договорные конструкции с позиции того, что каждая СДК возникла как правовое явление, отвечающее на запрос оптимизации договорных связей, как юридический прием, приспосабливающий право к изменениям общественных отношений; как инструмент, обеспечивающий внедрение в гражданско–правовой оборот новых моделей правовых связей. В.И. Татаренко очень точно подметил, что, в при использовании участниками гражданско-правовых отношений СДК, «право предоставляет экономически выгодные модели поведения, отличающиеся от простого возмездного приобретения товаров, результатов работ или оказания услуг» [511, с. 34].

Публичный договор. В.А. Сапун указывает, что правовые средства «характеризуются преимущественно под углом зрения их регулятивных и охранительных функций и возможностей, что и выражает суть того специально – научного подхода, который назван инструментальным» [505]. В основе такого подхода изначально лежит сформированное доктриной выделение регулятивной и охранительной функций гражданского права и последовавшая за ним классификация правовых норм на регулятивные и охранительные. В докторской диссертации В.В. Васильева указывается, на то, что такая дифференциация является традиционной и апробированной десятилетиями, а также на то, что «весомых доводов для отказа от такой дифференциации в научных исследованиях не представлено» [432, с. 196].

Общепризнано, что публичный договор относится к охранительным правовым средствам – устанавливая правила для данной специальной договорной конструкции законодатель создавал институт, защищающий слабую сторону, потребителя. Публичный договор ограничивает обязанную сторону в целом ряде аспектов – в свободе выбора контрагента (договор должен быть заключен с каждым обратившимся), в свободе формирования условий договора (для потребителей одной группы должны быть установлены сопоставимые условия).

Вместе с тем, такие ограничения обусловлены исключительно сферой деятельности, в которой реализуется основной договор – публичный договор опосредует предоставление базовых благ, которыми пользуется каждый индивидуум – общественный транспорт, водоснабжение, медицинские услуги, услуги связи, розничные продажи и т.д. Таким образом, вступая в публичный договор, обязанная сторона получает возможность доступа к рынку с неограниченным кругом потребителей. Кроме того, правила применения специальной договорной конструкции публичного договора обеспечивают равный доступ потребителя к товарам, работам, услугам и добросовестную конкуренцию, устанавливая единые требования для всех субъектов в отношениях с потребителями.

Типизация договорных условий в публичном договоре имеет специальную правовую ценность. Публичный договор характеризуется не только и не столько тем, что обязанная сторона при возможности исполнения договора должна заключить договор с каждым обратившимся, а еще тем, что всем потребителям одной категории гарантируется равность договорных условий. По сути это означает, что договор для потребителей определенной категории, например, льготной или напротив не имеющей права на льготы, всегда будет типовым или в противном случае «специальные» условия

публичного договора на основании п.5 ст. 426 ГК РФ будут являться ничтожными.

Именно типизацией договорных условий для каждой группы (категории потребителей) в гражданско-правовых отношений, регулируемых публичным договором, обеспечиваются как основные начала гражданского законодательства в части презумпции равенства участников гражданско-правовых отношений (ст. 1 ГК РФ), так и конституционный принцип равенства, установленный ст. 19 Конституции по отношению к обязанной стороне и потребителю и по отношению потребителей между собой.

Если рассмотреть эту идею в более глобальном аспекте, мы придем к выводу, что институт публичного договора имеет особую правовую миссию – не зависимо от того, что каждый отдельно взятый публичный договор — это двустороннее правоотношение, институт публичного договора несет функцию защиты гражданско-правовых интересов неопределенного круга лиц, входящих в ту или иную категорию потребителей. Этот функционал обеспечивается именно тем предписанием, что типовые условия каждого публичного договора должны быть сформулированы на единых началах относительной всех потребителей определенной категории. Таким образом, спецификой публичного договора и гражданско–правовой ценностью данного правового института следует считать, что в его рамках типизация договорных условий приобретает помимо цели защиты интересов слабой стороны иной смысл и значимость – типизацией договорных условий обеспечивается равенство потребителей.

Договор присоединения. Договор присоединения также является охранительным правовым средством. В рамках настоящего параграфа не будем повторно останавливаться на исторических реалиях возникновения конструкции договора присоединения, связанных с неравноправным

положением присоединяющейся к договору стороны. Этот вопрос освещался в главе 3 исследования.

Договор присоединения привнес в практику делового оборота целый ряд позитивных аспектов. Прежде всего, это касается типизации договорных условий, использования апробированных формуляров, которые позволили, начиная с конца XIX века оптимизировать процессы заключения гражданско-правовых договоров в условиях лавинообразного роста товарооборота, стремительного развития таких сфер, как страхование, банковская деятельность, перевозки и др.

Типизация сделок традиционно рассматривается как инструмент, востребованный в условиях запроса гражданско-правовых отношений на ускорение оборота в условиях развития массового производства, а также как следствие унификации условий совершения сделок. Такое отношение к типовым договорам сложилось в отечественной цивилистике еще в начале XX века. Так, профессор С.Н. Ландкоф признавал, что типовые договоры (формуляры) созданы организационными потребностями – «эти формуляры стремятся сделать однообразными в кругу, в котором они применяются, содержание и действие договора» [310, с. 40]. Профессор В.Н. Шрётер указывал, что типизация сделок «обусловливается однообразием техники торговли и обычно повторяемых в торговом обороте договорных условий, проверенных и углубленных практикой» [416, с. 191]. В учебнике «Иностранное гражданское и торговое право», вышедшем в 1933 г. под руководством профессора С.И. Раевича указывалось, на то что «массовое совершение торговых сделок приводит к установлению типового содержания этих сделок», что «типовые договоры имеют огромное значение для упрощения и ускорения процесса заключения сделок», что типизация сделок используется для выработки общих условий поставки и на то, что в ряде случаев «выработка типовых договоров происходит по соглашению

контрагентов, находящихся в постоянных деловых отношениях» [275, с. 174–176]. Профессор А.Д. Кейлин также отмечал, что типизация сделок технически «способствует упрощению и ускорению заключения сделок» [289, с. 62].

При подборе литературы советского периода, посвященной применению типовых договоров обнаружилась интереснейшая статья «К заключению договоров на 1940 год», опубликованная в ноябрьском номере Журнала Арбитраж за 1940 год [537]. Этот журнал выходил с 1931 г. по 1940 г. и являлся в указанный период органом Госарбитража при СНК СССР. Интересующая нас статья опубликована без авторства и посвящена анализу постановления СНК СССР №о 1648 от 8 октября 1939 г. «О заключении договоров на 1940 г.». Упомянутым постановлением СНК СССР предложил наркоматам разработать основные условия поставки, согласовать эти основные условия поставки с наркоматами потребителями и преподать для руководства местным организациям и предприятиям. Значительное место в статье посвящено типовым договорам как средству, повышающему действенность и оперативность хозяйственных связей. Типовые договоры в указанном документе рассматриваются как квинтэссенция «огромного накопленного опыта договорных отношений», иными словами как результат обобщения лучших практик. «Практика передовых предприятий поставщиков и покупателей, лучшие образцы договорных отношений становятся достоянием всех предприятий соответствующих отраслей промышленности и торговли. Богатый и многообразный опыт мест подвергается проверке со стороны центральных организаций и наиболее ценное в этом опыте используется для типизации договорных отношений» [537]. Целью применения типовых договоров обозначается значительное улучшение и уточнение решений основных вопросов оперативно–хозяйственных взаимоотношений между поставщиками и покупателями. В статье указывается на то, что в результате

применения типовых договоров «в огромной степени упрощается и ускоряется заключение договоров», оптимизируется их структура – договоры становятся «краткими и оперативными». Особо подчеркивается, что «вследствие улучшения и типизации условий поставки существенно облегчается оперативная техника выполнения договоров, устраняется не вызываемая необходимостью пестрота и ненужный разнобой в регулировании основных оперативных вопросов выполнения договора, чем создаются необходимые предпосылки для точного выполнения соответствующих правил.

Таким образом, советская цивилистика высоко оценивала практику применения типовых договоров в СССР, придавая им большое значение как инструменту повышения организованности и результативности народного хозяйства.

В дополнение следует отметить, что в условиях современных реалий, использование в договорной практике типовых договоров позволяет осуществлять внутрикорпоративный контроль за договорной работой, так как ставит менеджмент любой компании в жесткие рамки при определении договорных условий, делает необходимым согласование отступлений от тех стандартов договорной работы, которые выработаны предприятием. Одновременно с этим использование стандартных типовых договорных форм позволяет высшему менеджменту делегировать процедуры заключения сделок линейному персоналу, что как следствие разгружает персонал высококвалифицированный. Таким образом, следует присоединиться к мнению о том, что применение типовых форм «породило новую форму договорной работы» [286, с. 195].

Сегодня с совершенной уверенностью можно заключить, что специальная договорная конструкция договора присоединения не могла не возникнуть – невозможно иным способом вступать в договорные отношения розничной

купли–продажи в магазине, покупать страховой полис при путешествиях, приобретать билеты на транспорт и т.д.

Заключение гражданско–правового договора посредством присоединения в его современной регламентации обеспечивает защиту прав слабой стороны–контрагента, не являющегося профессиональным участником рынка, в большей степени чем взаимосогласованный договор. Обязывая сторону, диктующую условия договора, использовать стандартные, типовые формы и утвержденные формуляры, законодатель пунктом 1 ст. 428 ГК РФ ограничил возможность включения в договор и «навязывания» индивидуальных, не выгодных для присоединяющейся к договору стороны условий. Одновременно с этим, пунктом 2 ст. 428 ГК РФ закон усиливает правовую защищенность присоединяющейся к договору стороны, наделяя такую сторону возможностью подачи иска с целью нивелирования негативных, не благоприятных последствий принятия обременительных договорных условий при невозможности участвовать в определении условий заключенного договора.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, специальная договорная конструкция договора присоединения является правовым средством, позволяющим как обязанной, так и присоединяющейся стороне избрать эффективный способ заключения гражданско–правового договора, обеспеченный гарантиями защиты прав присоединяющейся стороны.

Предварительный договор. Специальная договорная конструкция предварительного договора традиционно востребована в гражданско–правовом обороте.

Структурирование гражданско-правовых отношений с использованием предварительного договора позволяет сторонам создать двустороннюю обязательственную связь в отношении заключения основного договора в будущем. Закон гарантирует судебную защиту права на принуждение

уклоняющейся стороны к заключению основного договора, а также возможность возмещения убытков, причиненных уклонением от заключения основного договора.

Еще в 1904 году профессор Л.А. Кассо в 1904 указал, что предварительный договор «встречается лишь там, где он представляет некоторую выгоду, или там, где он вызван необходимостью» [287, с. 4]. Правовой интерес в заключении предварительного договора может быть обусловлен различными обстоятельствами. Чаще всего он возникает в ситуации, когда заключению основного договора препятствуют какие-либо факторы: либо сторонам предпочтительнее заключить основной договор не в данный момент, а в будущем, либо на момент заключения предварительного договора существует какое–то устранимое во времени обстоятельство, препятствующее или делающее не возможным заключение основного договора. Например, отсутствуют необходимые документы, у обязанной стороны в момент заключения предварительного договора временно отсутствует лицензия, необходимая для исполнения основного договора, товар не готов к продаже или находится во владении у третьих лиц и т.д.

Рамочный договор. Рамочные договоры получили распространение в договорной практике задолго до того, как специальная договорная конструкция договора с открытыми условиями получила свое законодательное закрепление в ГК РФ. Конструкция договоров с открытыми условиями возникла как способ реализации гражданско-правовых отношений в условиях, когда, при заключении договора, стороны имеют интерес в том, чтобы согласование определенных условий отложить «на будущее». Как правило, такой интерес возникает при реализации длительных договорных отношений. Например, при заключении договоров поставки, договоров кредитной линии, договоров экспедиционного обслуживания и т.д. Рамочный договор, безусловно, представляет собой модель оптимизации договорных отношений, поскольку в

перспективе длящегося договора «освобождает стороны от необходимости согласовывать определенные условия, по поводу которых они уже достигли соглашения» [122].

Следует отметить, что ГК РФ не установил в статье 429.1 ни одной специальной императивной нормы относительно рамочного договора. Пожалуй, единственным требованием является то, что, заключая рамочный договор стороны должны определить общие условия обязательства в мере, достаточной, чтобы договор мог считаться заключенным. Однако, по сути, это общее требование, установленное в ст. 432 ГК РФ «Основные положения о заключении договора». Спецификой исполнения рамочного договора является возможность конкретизации и уточнения сторонами договора различных условий договора, оставленных изначально открытыми. Вместе с тем, такое право всегда было гарантировано участникам гражданско-правовых отношений в силу принципа свободы договора, который является одним из основных начал, на которых основывается гражданское законодательство. Возникает вопрос – в чем, собственно, была необходимость закрепления в ГК РФ специальной договорной конструкции рамочного договора (договора с открытыми условиями), если договоры с открытыми условиями не противоречили действующему гражданскому законодательству и до внесения в ГК РФ статьи 429.1?

По нашему мнению, необходимость выделения самостоятельной договорной конструкции рамочного договора (договора с открытыми условиями) была обусловлена именно необходимостью устранить правовую неопределенность в понимании правовой природы рамочного договора.

Существенная доля гражданско–правового оборота реализуется в сфере публичных закупок, которые регламентируются Федеральными законами № 223–ФЗ и № 44–ФЗ. По данным статистики, в 2015 году (на момент внесения в ГК ФР положений о рамочном договоре) по Закону № 223–ФЗ было

заключено 992 672 договора на сумму 18,5 млрд. руб. [728], по Закону № 44-ФЗ в том же 2015 году было заключено 3 327 775 контрактов на сумму 5,5 млрд. руб. [728]. В условиях, когда заказчик в ряде случаев объективно не может заранее определить фактическую потребность в закупаемых товарах, работах, услугах, конструкция договора с открытыми условиями является эффективным и необходимым правовым инструментом организации деятельности. Отсутствие легального закрепления рамочного договора как формы заключенного заказчиком договора поставки товаров (работ, услуг) с согласованными существенными условиями в той мере, чтобы договор мог считаться заключенным, ограничивало закупочную деятельность, проводимую публичными заказчиками. Так, например, ФАС России полагал, что «рамочный договор не содержит обязательных условий, требование о наличии которых установлено Законом о закупках, и не может быть заключен Заказчиком в соответствии с положениями Закона о закупках» [79]. Аналогичное мнение присутствовало и в доктрине: «рамочные договоры не могут считаться закупкой, поскольку они нацелены на закупку товаров (работ, услуг) лишь в будущем, но сама по себе закупка в предмет подобных договоров не входит» [548].

Благодаря тому, что законодатель закрепил в ГК РФ специальную договорную конструкцию договора с открытыми условиями, рамочные договоры сначала легитимно начали использоваться в закупках, проводимых отдельными видами юридических лиц по Федеральному закону № 223–ФЗ [19], а затем и в контрактной системе по Федеральному закону № 44–ФЗ.

В 2015 году Минэкономразвития РФ указал на возможность заключения унитарными предприятиями рамочных контрактов, предусмотренных ст. 429.1 ГК РФ, при закупке у единственного поставщика «в случае установления порядка закупки указанным способом в положении о закупке, утвержденном в соответствии с требованиями Закона № 223–ФЗ» [88]. В последствии и

Верховный суд РФ подтвердил возможность применения в закупках по Закону № 223–ФЗ рамочных договоров. При этом, признавая правомерность заключения рамочного договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, Верховный суд исходил из того, что закупка в отсутствии информации об общем объеме и месте выполнения работ содержала сведения «об объеме выполняемых работ в рамках договора, в том числе наименование, технические характеристики объектов, их количество, стоимость, общие сведения об объеме работ с техническими характеристиками объектов, которые нуждаются в проектировании» [109]. В другом деле, при рассмотрении рамочного договора на оказание юридических услуг Верховный суд указал достаточным, что закупка содержит «сведения с учетом характера и специфики запрашиваемых услуг, а также сложившуюся на рынке практику применения рамочного договора на юридическое обслуживание» [110].

В 2019 году Федеральный закон о контрактной системе был дополнен частью 24 статьи 22 [4]. Согласно указанным дополнениям, «в случае, если количество поставляемых товаров, объем подлежащих выполнению работ, оказанию услуг невозможно определить, заказчик … определяет начальную цену единицы товара, работы, услуги, начальную сумму цен указанных единиц, максимальное значение цены контракта, а также обосновывает в соответствии с настоящей статьей цену единицы товара, работы, услуги» [21]. Приведенная норма позволила с 01 июля 2019 года использовать рамочный договор в сфере государственных и муниципальных закупок. Именно так судебная практика в настоящее время оценивает заключаемые в соответствии с частью 24 ст.22 Закона «О контрактной системе» государственные и муниципальные контракты на поставку товаров [123], выполнение работ [164], оказания услуг [169].

Опцион на заключение договора. Как отмечалось в главе 3 исследования, предварительный договор в форме запродажи в дореволюционном

законодательстве изначально был регламентирован как односторонняя сделка – обязательство заключить основной договор возникало только у продавца. В ГК РСФСР 1922 года запродажа уже рассматривалась как договор, обязывающий к заключению купли–продажи как продавца, так и покупателя. В ГК РФ 1995 года по предварительному договору также обязываются к заключению основного договора обе стороны. Таким образом, введение специальной договорной конструкции опциона на заключение договора закрыло определенную «нишу» в гражданско–правовом обороте – участники договорных отношений получили правовое средство, позволяющее конструировать введение в действие основного договора обязательное лишь для одной стороны и дающее возможность отказаться от основного договора для второй стороны. Держателем опциона может быть любая из сторон. Если держателем опциона является владелец объекта вещных прав, перемещаемого по основному договору, а оферентом его приобретатель, то такой опцион именуется как put option. При обратной модели, когда приобретатель обязуется выкупить объект вещных прав, а оферту представляет их владелец, опцион именуется как call option.

Право на акцепт по опциону на заключение договора в общем случае приобретается возмездно. Опцион на заключение договора является специальной договорной конструкцией, позволяющей оференту за счет опционной премии нивелировать риски безотзывной оферты. Экономический смысл опционной премии в том, что оферент обеспечивает для себя размером опционной премии покрытие возможного убытка в том случае, если на момент акцепта рыночная цена реализуемого актива будет выше, чем цена, указанная в безотзывной оферте, либо риска того, что держатель опциона не воспользуется своим правом на основной договор. В том же ключе выступает опционная премия и для акцептанта – он платит премию за возможность приобрести объект вещных прав по фиксированной цене. Кроме того, для акцептанта имеет

правовую ценность сама фиксация возможности ввести в действие основной договор при помощи опциона – он избегает риска того, что интересующий объект вещных прав будет реализован иным лицам.

Специальная договорная конструкция опциона на заключение договора имеет преимущество перед специальной договорной конструкцией предварительного договора в аспекте судебной защиты нарушенного права. В случае, если какая–либо сторона предварительного договора уклоняется от заключения основного договора потерпевшей стороне потребуется реализовать право на судебный иск с понуждением к заключению основного договора, что не исключает последующих судебных разбирательств по исполнению основного договора. Специальная договорная конструкция опциона на заключение договора предполагает, что держатель опциона сразу может заявлять иск о неисполнении обязательств по основному договору.

Практическая востребованность опциона на заключение договора обусловлена и тем, что опцион на заключение договора по сути представляет собой «непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств в предпринимательском обороте» [189, с. 117]. Потенциальная возможность опциона на заключение договора служить обеспечительным инструментом определяется положениями части второй п. 1 ст. 429 ГК РФ, которые дают участникам гражданско–правового договора возможность предусмотреть возможность акцепта только при наступлении оговоренных обстоятельств.

Опционный договор. Можно сказать, что по цели правового регулирования СДК опционного договора направлены на решение той же задачи, что и СДК опциона на заключение договора – одна из сторон договора получает право секундарного требования в отношении основного договора. Разница состоит в характере правовой связи – при опционе на заключение договора держатель опциона имеет право ввести в действие основной договор, а при опционном договоре, по уже заключенному основному договору и в

соответствии с его условием, держатель опциона имеет право потребовать соответствующего исполнения.

Абонентский договор. Востребованность абонентского договора была предопределена развитием в конце XX века потребительского рынка, появлением на нем профессиональных участников, готовых на долгосрочной основе гарантировать предоставление по требованию необходимых услуг и работ.

Конструкция абонентского договора позволяет участникам гражданско–правового отношения получить дополнительные преимущества. Абонент получает гарантированное исполнение, он вступает в долгосрочные отношения с контрагентом, который готов «зарезервировать» и предоставить по первому требованию необходимое для абонента благо по фиксированной цене. Интерес обязанной стороны – контрагента абонента – состоит в том, что при абонентском договоре формируется определенность ведения хозяйственной деятельности, то есть понятен гарантированный доход, обеспечен гарантированный спрос, возможен дополнительный профит в случае, если абонент не запросил исполнение или запросил его в меньшем объеме чем на это рассчитывала обязанная сторона, формируя стоимостные характеристики абонентной платы.

Таким образом, специальная договорная конструкция абонентского договора имеет для участников гражданского оборота ценность, поскольку позволяет организовать исполнение договорного обязательства на экономически выгодных для сторон договора условиях. Абонентский договор стал востребованным правовым средством структурирования договорных отношений в сферах перевозки, услуг связи, спортивных услуг, бытового, информационного, консультационного обслуживания.

Договор в пользу третьего лица. Договор в пользу третьего лица является востребованным в гражданском обороте правовым средством,

позволяющим легитимно наделить лицо, первоначально не являющееся стороной договора обязательственными правами, сделать его получателем представления по договору.

Использование специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица позволяет сторонам договора достичь правовых целей сторон с сокращением числа сделок, дает возможность должнику и кредитору создать необходимые им правоотношения без дополнительных формальностей и издержек в виде привлечения третьего лица к участию в договорных условиях в момент совершения сделки, обеспечивает расширение возможностей по сотрудничеству и кооперации в различных сферах экономической деятельности, позволяет сделать третье лицо получателем имущественной выгоды по гражданско-правовому договору.

«Введение в правовой оборот конструкции договора в пользу третьего лица позволило повысить эффективность экономических отношений участников гражданского оборота, способствовало оптимизации исполнения гражданско-правовых договоров в сферах страхования, логистики и перевозок, кредитования, что сделало договор в пользу третьего лица социально–полезной и востребованной моделью правового регулирования общественных отношений» [646].

Государственный (муниципальный) контракт. Государственный (муниципальный) заказчик не может осуществить закупку иным способом, кроме как используя специальную договорную конструкцию государственного (муниципального) контракта. Поставщик (подрядчик, исполнитель), предлагая свои товары, работы услуги в сфере закупок, также не может вступить в договорные отношения в иной форме как заключив государственный (муниципальный) контракт. Однако таким образом коммерческий субъект получает доступ к рынку публичных закупок, имеет в лице заказчика контрагента, договорные отношения с которым максимально формализованы,

защищены от риска неплатежей. Контрактная система в сфере закупок строится на принципах открытости, прозрачности и обеспечения конкуренции. Это означает, что любому участнику закупки гарантируются равные условия с иными участниками, так как закон запрещает действия, приводящие к ограничению конкуренции (необоснованное ограничение числа участников закупок, недобросовестную ценовую и неценовую конкуренцию).

В настоящем параграфе мы рассматривали специальные договорные конструкции как правовые средства, имеющие ценность для участников гражданско–правового договора с позиции того, каким образом применение той или иной СДК позволяет участникам гражданско-правовых отношений оптимизировать процедуры исполнения и (или) заключения основного договора в соответствии со своими законными интересами. Как указывал С.С. Алексеев, «вопрос правовых средств не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько вопрос их особого видения в строго определенном ракурсе — их функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач» [184, с. 218].

Выявление факторов, которые мотивируют стороны к использованию той или иной специальной договорной конструкции, характеризует востребованность СДК как правовых средств. Такая постановка вопроса в большей степени относится к тем договорным конструкциям, применение которых зависит от воли сторон, то есть, к предварительному договору, опциону на заключение договора, рамочному договору, абонентскому договору, договору присоединения, опционному договору, договору в пользу третьего лица.

4.2 Специальные договорные конструкции, как правовые средства, регулирующие стадии основного договора

В параграфе 4.1 специальные договорные конструкции рассмотрены как правовые средства, позволяющие участникам гражданско-правовых отношений заключить и/или исполнить основной договор в специальной модели, отвечающей правовым и экономическим интересам сторон. В данном параграфе мы рассмотрим специальные договорные конструкции с позиции того, в чем проявляется специфика правового регулирования основного договора при применении специальной договорной конструкции.

В связи с такой постановкой задачи возникает вопрос – в каком аналитическом разрезе следует рассматривать воздействие СДК на основной договор? В.А. Сапун совершенно верно указывает на то, что классификация правовых средств имеет целью, в том числе, выявление функций правовых средств «на определенных стадиях, участках правового регулирования и видах юридической деятельности» [505, с. 12]. Системный анализ воздействия СДК на основной договор в разрезе участков правового регулирования представляется диссертанту значимым и подлежащим правовой оценке. При этом в определении объектов такого воздействия мы исходим из следующего.

Любой гражданско–правовой договор представляет собой процесс во времени, длящееся правоотношение. Статьей 153 ГК РФ устанавливается, что сделками признаются действия участников гражданско-правовых отношений, «направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [8]. Динамика договорного обязательства представляет собой три последовательные стадии – заключение, исполнение и прекращение договора – на этих стадиях участники гражданско–правового договора реализуют в динамике свои права и исполняют обязанности. Эти три стадии в

реализации гражданско–правового договора являются постоянными, обязательными, стабильными.

В некоторых нормативно–правовых актах [5; 6] динамика договора дополняется стадией подготовки договора. Полагаем, что подготовительный этап не может рассматриваться как стадия договора, поскольку находится «за рамками» договора и может вовсе не привести к заключению гражданско–правового договора. Подготовительный этап можно рассматривать в ином разрезе, а именно разделяя правоотношения сторон на преддоговорные и договорные.

В ряде нормативных актов выделяется стадия изменения договора [6; 43; 63]. По нашему мнению, изменение договора также не может рассматриваться как самостоятельная стадия реализации гражданско–правового договора – действие по изменению договорных условий всегда реализуется на стадии исполнения договора, то есть, является возможной, но не обязательной процедурой реализации гражданско–правового договора на стадии его исполнения.

В качестве отдельной стадии в нормативных актах встречается и выделение в качестве самостоятельного участка правового регулирования расторжение гражданско–правового договора [34; 35; 48]. Полагаем, что расторжение гражданско–правового договора – это правовое действие, которое также нельзя считать отдельной стадией договора, поскольку оно направлено на прекращение договорных обязательств и поглощается стадией прекращения договора.

Таким образом, регулятивное воздействие СДК на основной договор может проявляться на стадиях заключения, исполнения и прекращения договора.

Специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок заключения договора. К данному виду СДК относятся: публичный договор,

договор присоединения, государственный (муниципальный) контракт, предварительный договор, опцион на заключение договора.

На стадии заключения договора стороны согласовывают все существенные условия. Таким образом, специфика правового регулирования, обусловленная применением СДК, в части определения существенных условий основного договора реализуется на стадии заключения основного договора. Подробно вопрос влияния той или иной СДК на перечень существенных условий основного договора будет рассмотрен в параграфе 4.3 исследования.

Прежде всего отметим общую норму, которая действует для любого публичного договора, независимо от конкретного вида деятельности исполнителя – это запрет на необоснованный отказ от заключения договора для обязанного лица. При необоснованном отказе от заключения договора, потребитель вправе потребовать заключения договора в судебном порядке (п. 3 ст. 426 ГК РФ, п. 4 ст. 445 ГК РФ) с возмещением убытков, причиненных необоснованным отказом от заключения договора. Это означает, что, спецификой правового режима любого публичного договора является возможность заключения договора через иск. Иных императивных норм, регулирующих порядок заключения публичных договоров, ГК РФ не содержит. Вместе с тем, за рамками ГК РФ, иными нормативными актами в соответствии с положениями п. 4 ст. 426 по ряду публичных договоров установлены обязательные для сторон правила, касающиеся порядка заключения публичных договоров. В настоящий момент действует более 50 нормативных актов, регулирующих заключение публичных договоров в различных сферах деятельности. Приведем для примера некоторые нормативные требования и правила.

Публичный договор на оказание услуг по показу фильмов в кинозалах между посетителями и демонстраторами фильмов считается заключенным с момента продажи билета [62].

Для публичного договора пользования платной дорогой предусмотрено, что договор может быть заключен только определенными способами:

«а) путем заезда транспортного средства, управляемого пользователем, на платную автомобильную дорогу;

б) путем предварительного перечисления денежных средств в качестве аванса в счет будущей оплаты проезда;

в) путем приобретения пользователем в собственность или получения пользователем в аренду электронного средства регистрации проезда;

г) путем регистрации пользователя в информационной системе;

д) путем подписания договора» [60].

Публичный договор с физическим лицом по оказанию услуг связи «заключается в письменной форме в 2 экземплярах, один из которых вручается абоненту, или путем осуществления конклюдентных действий, позволяющих достоверно установить волеизъявление абонента в отношении заключения договора об оказании услуг связи» [65].

При заключении публичного договора на оказание услуг (выполнение работ) по техническому обслуживанию и ремонту автомототранспортных средств потребитель обязан предъявить документы, удостоверяющие личность, а также документы, удостоверяющие право собственности на автомототранспортное средство [56].

Далее обратимся к специальной договорной конструкции договора присоединения. Нормы ГК РФ относительно договора присоединения устанавливают, что при заключении договора присоединяющаяся сторона принимает условия договора в целом. При этом, условия заключаемого

договора должны определяться обязанной стороной в соответствии с формулярами или иными стандартными формами.

Следующей специальной договорной конструкцией, предполагающей для участников гражданско-правовых отношений обязательные для сторон специализированные правила при заключении договора, является государственный (муниципальный) контракт. Заключение государственного (муниципального) контракта регулируется нормами Закона «О контрактной системе», которые предполагают заключение контрактов по результатам проведения открытых и закрытых конкурентных процедур отбора поставщиков (подрядчиков, исполнителей) или в результате осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя). Согласно положениям, ст.96 Закона «О контрактной системе», государственный (муниципальный) контракт заключается только после предоставления поставщиком (подрядчиком) обеспечения исполнения контракта. Согласно ст.22 Закона «О контрактной системе», начальная максимальная цена государственного контракта подлежит обоснованию.

Предварительным договором и соглашением о предоставлении опциона на заключение договора в соответствии с п. 4 ст. 429 и п. 2 ст. 429.2 ГК РФ устанавливаются сроки, в которые должен быть заключен основной договор. Специальная договорная конструкция предварительного договора предусматривает возможность заключения основного договора через понуждение в судебном порядке при необоснованном уклонении какой-либо из сторон от заключения договора. По опциону на заключение договора держатель опциона наделен преобразовательным правом ввести основной договор в действие, а оферент лишен права отзыва оферты в течение срока, на который предоставлен опцион. Кроме того, согласно п. 1 ст. 429.2 «опционом на заключение договора может быть предусмотрено, что акцепт возможен только при наступлении определенного таким опционом условия, в том числе

зависящего от воли одной из сторон» [8], то есть, заключение основного договора, которое происходит при опционе посредством акцепта может быть поставлено под условие как в соответствии с положениями ст. 157 ГК РФ, так и в соответствии с положениями ст.327.1 ГК РФ.

Специальные договорные конструкции, устанавливающие требования к порядку исполнения договора. К таким специальным договорным конструкциям относятся: публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, государственный (муниципальный) контракт, рамочный договор, абонентский договор, опционный договор.

При реализации основного договора в конструкции договора присоединения, закон наделяет присоединившуюся сторону правом потребовать изменения договора в судебном порядке «если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора» [8]. Данная норма направлена на защиту интересов слабой стороны, и на нивелирование последствий неравенства переговорных возможностей в связи с тем, что присоединившаяся сторона не могла участвовать в определении договорных условий. Статьей 428 ГК РФ установлено ретроспективное действие изменений договора присоединения – если суд удовлетворяет иск об изменении договора присоединения, то такие изменения считаются действующими с момента заключения договора.

Условия и порядок исполнения целого ряда публичных договоров императивно регламентированы нормативными актами, которые прямо указывают на то, что порядок исполнения договора является существенным условием публичного договора. Более подробно данный вопрос освещен в параграфе 4.3. При исполнении ряда публичных договоров потребитель наделяется дополнительными правами. Например, при публичном договоре гостиничных услуг потребитель вправе требовать от исполнителя без дополнительной платы предоставления пользования медицинской аптечкой, доставки в номер корреспонденции, побудки к определенному времени и др. [69].

В публичном договоре подписки подписчик имеет право выбора срока, на который он может оформить подписку на периодические печатные издания –на весь подписной срок, на часть срока или с определенным перерывом срока подписки [72]. При публичном договоре о реализации туристского продукта потребитель может потребовать от исполнителя оказания содействия в предоставлении услуг по страхованию рисков, связанных с совершением путешествия [63] и т.д.

Следует отметить, что при исполнении определенных публичных договоров нормативно определены дополнительные права, которые возникают не только у потребителя, но и у исполнителя. Так, при реализации договора на оказание ветеринарных услуг обязанная сторона–исполнитель вправе требовать изменения условий договора в части увеличения его стоимости при существенном возрастании затрат, прямо связанных с оказанием ветеринарных услуг (увеличение стоимости материалов и оборудования, услуг третьих лиц), а при отказе потребителя от увеличения цены исполнитель наделен правом расторжения публичного договора в судебном порядке [52].

В публичном договоре розничной купли–продажи технически сложных товаров бытового назначения продавец наделен правом привлекать третьих лиц для осуществления сборки и (или) установки (подключения) товаров [71]. Законодательство регламентирует и сроки, связанные с исполнением ряда публичных договоров. Так, например, в соответствии с Законом «О защите прав потребителей» (ст. 19 Закона), если потребитель предъявляет требование «об исключении из договора недопустимых условий договора, ущемляющих права потребителя, указанное требование подлежит рассмотрению в течение десяти дней со дня его предъявления с обязательным извещением потребителя о результатах рассмотрения и принятом мотивированном решении по существу указанного требования» [20].

При реализации основного договора в конструкции договора в пользу третьего лица ГК РФ определяет специфику исполнения договора следующим образом. При договоре в пользу третьего лица «должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу» [8]. В ходе реализации договора в пользу третьего лица должник наделяется правом «выдвигать против требования третьего лица возражения, которые он мог бы выдвинуть против кредитора.» [8]. К специфике исполнения договора в пользу третьего лица относится и установленная пунктом 2 ст. 430 ГК РФ диспозитивная норма о том, что с момента выражения третьим лицом намерения воспользоваться своим правом по договора стороны могут вносить изменения в основной договор только получив от третьего лица согласие на такие изменения.

Специальная договорная конструкция государственного (муниципального) контракта предполагает специальное правовое регулирование исполнения контрактов. Так, например, в соответствии с п. 3 ст. 103 Закона «О контрактной системе» Заказчик, после заключения

контракта, должен направить сведения о контракте в Казначейство России, существуют специальные нормы, регулирующие привлечение исполнителем третьих лиц к исполнению контракта и т.д. Для сторон государственного (муниципального) контракта действующее законодательство предусматривает целый перечень специфических прав и обязанностей, обусловленных применением данной специальной договорной конструкцией [631, с. 100–101]. В соответствии с п. 3 Ст.94 Закона о контрактной системе, заказчик обязан проводить экспертизу «предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта» [21], согласно положениям п. 15 ст. 95 Закона № 44–ФЗ, заказчик в ряде случаев обязан принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта, нормы ст. 96 Закона «О контрактной системе» обязывают заказчика устанавливать требование обеспечения контракта, а исполнитель контракта имеет право выбора формы обеспечения в рамках способов , допускаемых законом и т.д. Статья 95 Закона «О контрактной системе» запрещает изменение существенных условий при исполнении государственного контракта, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Специальные нормы ГК РФ, касающиеся исполнения абонентского договора предусматривают, что абонент оплачивает договор не зависимо от того, воспользовался он или нет правом получения товаров, работ, услуг по договору.

Для того, чтобы договор мог квалифицироваться как рамочный, необходимо в условиях основного договора указание на то, что в ходе исполнения договора стороны оставили определенные условия открытыми, с возможностью того, что они «могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из

сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора» [8].

По опционному договору исполнение договора увязано с реализацией права держателя опциона затребовать исполнение. Стороне–держателю опциона предоставляется секундарное право потребовать от второй стороны в установленный договором срок предусмотренных опционным договором действий (передать или принять имущество, совершить платеж, выполнить работу, оказать услугу и т.д.).

Специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок прекращения основного договора. К данному виду СДК относятся договор присоединения, опционный договор, договор в пользу третьего лица, государственный (муниципальный контракт), публичный договор.

ГК РФ регламентирует процедуру прекращения договора присоединения в части особенностей расторжения договора. Гражданско–правовой договор, заключенный присоединением, может быть расторгнут судом по иску присоединившейся стороны. При удовлетворении судом иска о расторжении договора присоединения, такой договор считается не действовавшим с момента его заключения. Согласно п. 2 ст. 428 ГК РФ, предоставление присоединившейся стороне права потребовать расторжения договора обусловлено рядом обстоятельств:

– условия договора лишают присоединившуюся сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида;

– договор содержит обременительные для присоединившейся стороны условия, «которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора» [8].

Для опционного договора действует норма, установленная ст. 429.3 ГК РФ, согласно которой, если в установленный опционным

договором срок управомоченная сторона–держатель опциона не заявит требование об исполнении договора, договор прекращается.

Специальная договорная конструкция договора в пользу третьего лица предусматривает, что если иное не предусмотрено нормативными актами или договором, то стороны основного договора (должник и кредитор) не могут расторгать договор без согласия третьего лица. Согласно п. 2. ст. 430 ГК РФ ограничение права на расторжение основного договора действует «с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору» [8].

Положениями Закона о контрактной системе предусмотрен целый ряд норм, регулирующих порядок прекращения (расторжения) государственного (муниципального) контракта. Прежде всего Закон о контрактной системе в ряде случаев обязывает заказчика принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта. В частности:

– если поставщик (подрядчик, исполнитель) и (или) поставляемые им товары (работы, услуги) перестали соответствовать требованиям закупки;

– если выявлено, что поставщик (подрядчик, исполнитель) стал победителем закупки в результате того, что предоставил недостоверные сведения о своем соответствии или о соответствии поставляемых им товаров (работ, услуг) требованиям закупки.

Кроме того, Закон о контрактной системе регламентирует как для заказчика, так и для поставщика (подрядчика, исполнителя) случаи, при которых может быть принято решение об одностороннем отказе от исполнения контракта и устанавливает сроки расторжения государственного контракта для таких случаев.

Порядок прекращения (расторжения) публичного договора не регламентирован статьей 426 ГК РФ. Вместе с тем, специальные правила и требования для процедур расторжения публичных договоров предусмотрены

нормативными актами, регулирующими договорные обязательства в отдельных сферах гражданско-правовых отношений. Как будет показано в параграфе 4.3 исследования, для ряда публичных договоров порядок расторжения договора определен нормативными актами как существенное условие договора. Для ряда публичных договоров нормативными актами регламентируется и сам порядок расторжения и прекращения публичного договора: условия, при которых для той или иной стороны возможен односторонний отказ от договора [52; 56], сроки, в которые необходимо предоставлять уведомления о прекращении договора [55; 65], события, наступление или наступление которые автоматически прекращает договор [69; 78], правила расчетов при расторжении договора [63], сроки возмещения убытков, связанных в расторжением договора [72] и др.

Полагаем, что проведенное в настоящем параграфе исследование позволяет классифицировать специальные договорные конструкции по критерию направленности их влияния на основной договор на различных его стадиях. Предлагаемая классификация выявляет свойства СДК как регулятивных правовых средств, воздействующих на договор на всех участках правового регулирования в динамике жизненного цикла договора.

Классификация СДК по их регулятивному воздействию на основной договор в различных его стадиях:

– специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок заключения договора (публичный договор, государственный (муниципальный) контракт, договор присоединения, предварительный договор, опцион на заключение договора);

– специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок исполнения договора (публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, государственный контракт, абонентский договор, рамочный договор, опционный договор);

– специальные договорные конструкции, регламентирующие порядок прекращения договора (договор присоединения, опционный договор, договор в пользу третьего лица, государственный (муниципальный) контракт, публичный договор).

Классификация СДК как правовых средств, регулирующих стадии гражданско–правового договора, может быть представлена в несколько ином виде – по комплексному воздействию на стадии гражданско–правового договора.

Перечислительная комбинаторика стадий гражданско–правового договора позволяет нам определить следующее. Стадии договорного процесса – заключение, исполнение, прекращение – являются элементами множества. Комбинаций между этими элементами множества может быть четыре. А именно: 1) заключение, исполнение, прекращение; 2) заключение, исполнение; 3) заключение, прекращение; 4) исполнение, прекращение.

Сразу отметим, что данные комбинации стадий – это, разумеется, не варианты того, каким образом может быть представлен жизненный цикл договора, поскольку договор не может состоять из какой-либо одной или двух стадий. Это комбинации сфер регулятивного воздействия СДК на основной договор.

Комбинированное регулятивное воздействие на все стадии основного договора (заключение, исполнение, прекращение) оказывают специальные договорные конструкции государственного (муниципального) контракта, публичного договора и договора присоединения.

Комбинированное регулятивное воздействие на основной договор в стадиях исполнения и прекращения оказывают специальные договорные конструкции опционного договора и договора в пользу третьих лиц.

Стадию заключения гражданско–правового договора регулируют следующие специальные договорные конструкции: предварительный договор и опцион на заключение договора.

Стадию исполнения гражданско–правового договора регулируют следующие специальные договорные конструкции: абонентский договор, рамочный договор.

Таким образом, только в отношении трех СДК – публичного договора, договора присоединения и государственного контракта – законодатель предусмотрел набор императивных норм, которые затрагивают все участки жизненного цикла гражданско–правового договора, что объясняется следующим: именно эти три специальные договорные конструкции как правовые средства имеют явно выраженный охранительный характер.

В настоящем параграфе рассмотрен вопрос о регулятивном воздействии СДК на основной договор в его различных стадиях. При этом следует также выяснить, в каком аспекте основной договор претерпевает такое регулятивное воздействие.

Цивилистика традиционно рассматривает гражданско–правовой договор в трех ипостасях: как сделку, как правоотношение и как документ. «Договор–сделка, договор–документ, договор–правоотношение выступают хотя и взаимосвязанными, но все же самостоятельными понятиями» [580].

Как документ договор понимается в контексте носителя информации. Согласно ст. 158 ГК РФ, сделки, а, следовательно, и договоры, совершаются устно или в письменной форме. К простой письменной форме договора приравнивается электронная форма документа (ст. 160, ст. 434 ГК РФ). «Договор–документ – это материальный (бумажный или электронный) носитель языковых знаков, из которых складывается текст соглашения сторон» [580]. Договор в устной форме, заключение договора

конклюдентными действиями находятся за рамками понятия договор – документ.

Для нашего исследования важным является договор в понятии договор–сделка и договор–правоотношение. Как указывает В.В. Витрянский, «договор как сделка представляет собой юридический факт, служащий основанием возникновения правоотношения (обязательства)» [560]. При анализе договора как сделки имеет значение способ выражения воли сторон к заключению договора, специфика того каким было основание для возникновения правоотношений. При этом договор–сделка является первичным звеном, именно благодаря ему возникает договор–правоотношение. Так, в договоре подряда, подрядчик обязуется выполнить по заданию заказчика определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат и оплатить его. Речь здесь идет о договоре подряда как о правоотношении, порожденном договором подряда как сделкой. При этом, с точки зрения сути правоотношения, его предмета, прав и обязанностей сторон по исполнению непосредственно договорного обязательства, в общем случае не имеет значения специфика выражения воли сторон при заключении договора – предшествовал ли основному договору предварительный договор, заключался ли договор конкурентным способом, была ли оферта безотзывной и т.д.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовыми средствами, влияющими на основной договор как на договор–сделку, определяющими специфику заключения договора, являются следующие специальные договорные конструкции:

– публичный договор (в силу обязанности заключения основного договора с каждым обратившимся);

– договор присоединения (как способ заключения основного договора присоединением и принятия договора в целом);

– предварительный договор (в силу волеизъявления сторон о заключении основного договора в будущем и двусторонней обязанности к заключению такого основного договора);

– опцион на заключение договора (в силу заключения договора посредством реализации держателем опциона секундарного права на акцепт безотзывной оферты);

– государственный (муниципальный) контракт (в силу установленного законом порядка заключения договора способом, установленным нормами Закона «О контрактной системе»).

Специальными договорными конструкциями, оказывающими регулятивное воздействие на основной договор как на договор–правоотношение в силу наделения участников основного договора дополнительными правами и обязанностями, являются все специальные договорные конструкции.

4.3 Специальные договорные конструкции и существенные условия основного договора

ГК РФ не содержит закрытого перечня условий гражданско–правового договора. Под условиями договора мы понимаем содержательные положения договора, которые относятся к предмету договора, правам и обязанностям сторон. Согласно ст. 432 ГК РФ «договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора». ГК РФ называет в качестве безусловно–существенного условия договора условие о предмете, а также те условия, которые предусмотрены нормативно–правовыми актами как существенные для того или иного вида договора. Для отдельных видов обязательств существенные условия определяются нормами соответствующих

глав второй части ГК РФ. Для того, чтобы договор считался заключенным, необходимо, чтобы его стороны согласовали все существенные условия договора.

Согласно ст. 432 ГК РФ под существенными условиями понимаются:

– условие о предмете договора;

– условия, которые одна из сторон заявляет, как существенные;

– условия, которые как существенные или необходимые для договора данного вида определены нормативными актами.

В параграфе 4.2 было проведено видообразующее деление СДК по критериям регулятивного воздействия на основной договор в его различных стадиях.

Как уже отмечалось, на стадии заключения основного договора, воздействие СДК на основной договор заключается и в том, что применение той или иной специальной договорной конструкции обуславливает необходимость включения в основной договор дополнительных существенных условий, которые определены в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договора, заключенного с применением той или иной специальной договорной конструкции.

Далее рассмотрим примеры, показывающие, что применение той или иной специальной договорной конструкции предполагает специфику определения существенных условий основного договора.

Публичный договор. Правительство РФ и уполномоченные ФОИВ в соответствии с положениями п. 4 ст. 426 ГК РФ наделены правом издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров. Пунктом 5 ст. 426 ГК РФ установлено, что условия публичных договоров, не соответствующие нормативно установленным правилам, являются ничтожными. Для публичного договора закон устанавливает требования в том, что «цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой

для потребителей соответствующей категории» [8]. Нормативные акты, регулирующие заключение публичных договоров в различных сферах, прямо называют условие о цене существенным условием. В качестве примеров назовем публичный договор по оказанию услуг экскурсоводами (гидами) и гидами–переводчиками [67], также стоимость основных и дополнительных услуг должна быть указана в публичном договоре оказания услуг автостоянок [57], стоимость оказываемых услуг и порядок их расчета являются существенными условиями публичного договора оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования [59] и др. К существенным условиям договора относится порядок расторжения договора при оказании услуг гидами–экскурсоводами и гидами–переводчиками [67], инструкторами–проводниками [58], при оказании платных медицинских услуг [70], при оказании платных образовательных услуг [53]. Так, например, договор на оказание платных образовательных услуг должен содержать информацию о порядке оплаты услуг, о форме обучения, о порядке изменения и расторжения договора [54] и др. То есть, договор должен оплачиваться в определенном порядке, услуга должна предоставляться в определенной форме и т.д. Договор о порядке реализации туристского продукта должен содержать, в частности, «сведения о порядке и сроках предъявления туристом и (или) иным заказчиком претензий к туроператору в случае нарушения туроператором условий договора» [36] и т.д.

ГК РФ статьей 426 «Публичный договор» не устанавливает каких-либо общих требований к срокам основного договора. Таким образом, для целого ряда публичных договоров срок является существенным условием в силу того, что требования к срокам установлены соответствующими нормативными актами: например, для договора на оказание платных медицинских услуг [70], для договоров в сфере бытового обслуживания [51] и многих других. В

определенных публичных договорах установлены специальные правила к установлению срока договора. Так, например, при отсутствии у потребителя желания заключить срочный договор должны заключаться на неопределенный срок публичные договоры оказания услуг связи [42], поставки газа для обеспечения коммунально–бытовых нужд граждан [43], на оказание услуг проводного радиовещания [66] и др.

В определенных правоотношениях существенные условия договора устанавливаются нормативными актами именной в результате того, что публичный договор является одновременно и абонентским договором. Так, например, для абонентских договоров оказания услуг связи для целей телевизионного вещания нормативно установлен порядок оплаты услуг – оплата должна производиться в срок не позднее 10 дней с даты окончания расчетного периода (п. 34 Постановления Правительства РФ № 785). Нормативно регулируется порядок определения меры ответственности за нарушение оператором связи сроков предоставления абоненту доступа к сети связи. Минимальный размер неустойки установлен «в размере 3 процентов платы за предоставление абоненту доступа к сети связи телерадиовещания за каждый день просрочки вплоть до начала обеспечения абоненту доступа к сети связи телерадиовещания». Максимальный ограничен размером «указанной в договоре платы за предоставление абоненту доступа к сети связи телерадиовещания» (п. 62 Постановления Правительства РФ № 785). Одновременно с этим действуют императивные правила и по установлению ответственности для абонента. Такая неустойка определяется «в размере 1 процента стоимости неоплаченных, оплаченных не в полном объеме или несвоевременно оплаченных услуг связи для целей телерадиовещания (если меньший размер не указан в договоре) за каждый день просрочки вплоть до дня погашения задолженности, но не более суммы, подлежащей оплате» (п. 66 Постановления Правительства РФ № 785).

Исключительно в форме абонентского договора оказываются услуги в рамках публичного договора связи проводного радиовещания [66]. Для этих договоров нормативно установлены следующие правила:

– за предоставление оператором связи доступа к сети вещания при заключении договора с абонента однократно взимается разовый платеж в размере абонентской платы (п. 31 Постановления Правительства РФ № 353);

– непосредственно абонентская плата взимается, начиная с месяца, следующего за месяцем заключения договора (п. 32 Постановления Правительства РФ № 353);

– оператор связи обязан доставлять абоненту счета для оплаты оказанных услуг в течение 5 дней со дня выставления соответствующего счета (п. 37 Постановления Правительства РФ № 353);

– установлен порядок рассмотрения претензий абонента: об уменьшении размера оплаты, о возмещении расходов по устранению выявленных недостатков своими силами или третьими лицами, о возврате уплаченных за оказание услуг средств, о возмещении убытков. В частности, для оператора связи установлен срок для рассмотрения претензий в срок не более 60 дней с даты регистрации претензии, результаты рассмотрения претензий сообщаются абоненту исключительно в письменном виде, при признании претензии обоснованной денежные требования подлежат удовлетворению в 10–дневный срок, а выявленные недостатки подлежат устранению в разумные сроки (п. 48 Постановления Правительства РФ № 353);

– за нарушение порядка оплаты «абонент уплачивает оператору связи неустойку в размере 1 процента стоимости неоплаченных, оплаченных не в полном объеме или несвоевременно оплаченных услуг связи проводного радиовещания за каждый день просрочки вплоть до дня погашения задолженности, если меньший размер неустойки не указан в договоре, но не

более суммы, подлежащей уплате» (п. 56 Постановления Правительства РФ № 353).

Ряд императивных условий установлен для абонентского договора по публичному договору предоставления услуг связи по передаче данных. Порядок уплаты услуг при абонентской форме такого договора аналогичен правилам, установленным для публичных договоров оказания услуг связи для целей телевизионного вещания и (или) радиовещания в Постановлении Правительства РФ от 22.12.2006 № 785 и составляет не более 10 дней с даты окончания расчетного периода. Порядок внесения абонентской платы при приостановлении оказания услуг по заявлению абонента аналогичен порядку для оказания услуг телематической связи, то есть внесение абонентской платы не приостанавливается. Меры ответственности абонента за неоплату и несвоевременную оплату услуг определены аналогично нормам, установленным в Постановление Правительства РФ от 06.06.2005 № 353.

Таким образом, спецификой совмещения специальной договорной конструкции публичного договора и абонентского договора является установление императивных правил реализации абонентский договоров. Такие правила установлены в части порядка расчета абонентской платы, порядка уплаты абонентской платы, порядка рассмотрения и удовлетворения претензий абонента, установления для абонента размере мер ответственности за неоплату или несвоевременное внесение абонентских платежей. Это квалифицируется диссертантом как правовой эффект расширения существенных условий договора.

Государственный (муниципальный) контракт. Закон «О контрактной системе» определяет целый перечень императивных требований к условиям государственного контракта. В частности, статьей 34 Закона регламентируется обязательность установления сроков оплаты, сроков приемки, сроков предоставления исполнителем гарантийных обязательств, условия

ответственности сторон за неисполнение или не надлежащее исполнение контракта и др.

Опционный договор. В случае, если основной договор реализуется по модели опционного договора, согласно ст. 429.3 ГК РФ, в договоре должен быть указан срок, в который держателем опциона может быть затребовано совершение предусмотренных договором действий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что специальные договорные конструкции как правовые средства выполняют особую функцию – они императивно устанавливают ряд существенных условий для договоров второй части ГК РФ.

Если нормативные акты, регулирующие применение той или иной специальной договорной конструкции, содержат императивные нормы относительно условий договора, заключенного по модели специальной договорной конструкции, то такие условия становятся существенными и необходимым для того, чтобы договор считался заключенным.

Кроме того, как будет показано в главе 5 диссертационного исследования, при совмещении СДК в одном обязательстве, нормативными правилами одной специальной договорной конструкции могут устанавливаться существенные условия для второй специальной договорной конструкции.

4.4 Деление специальных договорных конструкций по критерию обязательности применения

Задача определения списочного перечня специальных договорных конструкций обусловила постановку вопросов о том, что общего между институтами, объединенными в рамках системы специальных договорных конструкций, почему именно эти, а не иные институты входят в исследуемую

правовую совокупность, в чем состоит внутрисистемное различие между специальными договорными конструкциями.

В предыдущих параграфах диссертационного исследования нами обосновано дихотомическое деление СДК на две группы – СДК, модифицирующие основной договор, и СДК, автономные по отношению к основному договору. Видовым признаком деления признан характер правовой связи СДК и основного договора.

Далее мы проведем видовое деление системы СДК на группы по критерию обязательности применения СДК участниками основного договора. При делении СДК по данному критерию видовым признаком является возможность или невозможность для обеих или, как минимум, для одной стороны основного договора заключить гражданско–правовой договор без использования конкретной СДК.

Вопрос обязательности заключения основного договора в форме той или иной специальной договорной конструкции нельзя рассматривать в отрыве от базового принципа гражданского права – принципа свободы договора. Принцип свободы договора закреплен статьей 1 ГК РФ в качестве одного из основных начал гражданского законодательства и является единственным из начал, которому в Гражданском кодексе за рамками раздела «Общие положения» посвящена самостоятельная статья.

Из положений ст. 421 ГК РФ «Свобода договора» следует, что принцип свободы договора реализуется участниками гражданско–правового оборота посредством:

– свободы выбора вида договора, в том числе посредством заключения смешанных, непоименованных и сложных договоров;

– свободы выбора контрагента – стороны договора;

– свободы определять договорные условия и применять или не применять в той или иной степени диспозитивные нормы;

– в целом свободы выбора вступления в договорные обязательства, свободы в решении заключать или не заключать договор.

Таким образом, принцип свободы договора подразумевает, что стороны договорного обязательства по своему усмотрению определяют в какой форме и в каком виде заключать договор и, вступая в договорные отношения, могут по своему усмотрению решать, соответствует ли их правовым и экономическим интересам применение какой-либо специальной договорной конструкции, или в таком применении нет необходимости. Вместе с тем, как следует из положений п. 2 ст. 1 ГК РФ и п. 4 ст. 421 ГК РФ, участники гражданско-правовых отношений свободны в определении и применении условий договора за тем исключением, «когда содержание соответствующего условия предписано обязательными для сторон правилами, установленными законом или иными правовыми актами (императивными нормами)» [106]. Таким образом, если закон или иные правовые акты предусматривают, что договор должен быть совершен в форме и по правилам определенной специальной договорной конструкции, то такая СДК является обязательной к применению.

Гражданское право базируется на диспозитивном начале. Это означает, что свобода договора ограничивается позитивным правом не произвольно, а обоснованно и рационально. Пленум ВАС РФ поясняет это тем, что целями такого ограничения является необходимость защиты «особо значимых охраняемых законом интересов» и обеспечение баланса интереса сторон [106]. В качестве «особо значимых, охраняемых законом интересов» в Постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» указаны: публичные интересы, зашита слабой стороны и защита интересов третьих лиц. И именно эти три охраняемых интереса предопределяют обязательность применения определенных СДК.

К специальным договорным конструкциям, обязательное применение которых предусмотрено законом, относятся: государственный (муниципальный) контракт, публичный договор и частный случай договора в пользу третьего лица при обязательном страховании. Все остальные СДК применяются или не применяются исключительно по свободному усмотрению сторон.

В случае, если заказчик и поставщик (подрядчик, исполнитель) вступают в договорные отношения в контрактной сфере в целях удовлетворения публичных нужд, гражданско–правовой договор не может быть заключен в иной форме как в форме государственного (муниципального) контракта с обязательным соблюдением всех нормативных требований, установленных для такого контракта. Необходимость специального правового регулирования договорных отношений в контрактной сфере обусловлена необходимостью защиты публичных интересов и целями, обозначенными в ст. 1 Закона «О контрактной системе», среди которых законодатель называет: повышение эффективности и результативности осуществления закупок; обеспечение гласности и прозрачности осуществления закупок; предотвращение коррупции и иных злоупотреблений в сфере закупок.

В случае, если обязанная сторона осуществляет «предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность» в сферах, предназначенных для удовлетворения нужд неограниченного круга потребителей, гражданско–правовой договор не может быть заключен в иной форме, кроме как в форме публичного договора. Ограничение свободы договора в части обязательности применения специальной договорной конструкции публичного договора обусловлено необходимостью обеспечения неограниченному кругу потребителей равного доступа на равных условиях к базовым благам. Целью ограничения свободы договора применением специальной договорной конструкции

публичного договора является реализация принципа защиты слабой стороны, предоставление потребителю особых дополнительных прав, гарантирующих защиту законных интересов. Можно посмотреть на действие принципа защиты слабой стороны договора для публичного договора и под иным ракурсом, показывающим, что ограничение сильной стороны в правах направлено на обеспечение такого основного начала гражданского законодательства, как добросовестность при установлении и осуществлении гражданских прав, поскольку предотвращает действия сильного контрагента по подчинению своей воле слабого.

Специальная договорная конструкция договора в пользу третьего лица в общем случае применяется по свободному усмотрению сторон, однако, как будет показано ниже, в определенных случаях основной договор может быть заключен и реализован исключительно как договор в пользу третьего лица. Положения ст. 430 НК РФ сформулированы без указания на то, что договор в пользу третьего лица может быть обязательной формой договора. В общем случае стороны договорного обязательства не связаны нормативными требованиями, принуждающими их предусмотреть в обязательстве, что исполнение производится не кредитору, а третьему лицу. Лишь в случае совпадения воли сторон на заключение договора в пользу третьего лица стороны становятся связаны специальными нормами, регламентирующими данный вид договора. Вместе с тем, за рамками первой части ГК РФ законодатель установил обширный перечень договоров, которые не могут быть совершены в иной форме, чем договор в пользу третьего лица. Речь идет о договорах обязательного страхования в пользу третьих лиц. Согласно ст.935 ГК РФ, обязательное страхование – это обязанность страховать «жизнь, здоровье или имущество других определенных в законе лиц на случай причинения вреда их жизни, здоровью или имуществу; риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие

причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц или нарушения договоров с другими лицами» [2]. Таким образом, как совершенно правильно резюмирует Ю.Б. Фогельсон, «договор обязательного страхования – это всегда договор в пользу третьего лица» [389, с. 137]. Если страхователь и страховщик заключают такие договоры обязательного страхования, как, например, об обязательном государственном и негосударственном страховании жизни и здоровья граждан определенных категорий (военнослужащих, сотрудников полиции [32], судей [17], сотрудников налоговых органов [25], сотрудников вневедомственной охраны [11], работников объектов космической инфраструктуры [22] и др.), то такой договор не может быть заключен в форме иной, чем договор в пользу третьего лица. Законодательно предусмотрены договоры обязательного страхования в пользу третьих лиц, которые связаны обусловлены спецификой предпринимательской деятельности страхователей – при осуществлении транспортной деятельности [3], деятельности в сфере туризма [36], оценочной деятельности [37], актуарной деятельности [31], деятельности ломбардов [24], кредитных организаций [28] и др.

Целью правового регулирования при обязании страхователя заключать договоры страхования в пользу третьих лиц является защита интересов третьих лиц в части компенсации возможного вреда их здоровью, жизни или имущественным интересам.

Таким образом, законодательно предусмотрено обязательное заключение гражданско-правовых договоров в формах государственного (муниципального) контракта, публичного договора, договора в пользу третьего лица (при обязательном страховании). Применение всех остальных СДК зависит исключительно от свободного усмотрения участников основного договора.

Договор присоединения не является обязательной к применению специальной договорной конструкцией. Несмотря на то, что при договоре присоединения волеизъявление присоединяющейся стороны не учитывается при формировании условий договорного обязательства, тем не менее, в свободе заключения договора такая сторона не ограничена – у нее есть право или заключить договор, или отказаться от заключения договора. Таким образом, только в случае, если обе стороны сделали свой выбор в пользу заключения договора посредством присоединения, такой договор подвергается специальному правовому регулированию, предусмотренному положениями ст. 428 ГК РФ.

Предварительный договор также заключается по усмотрению сторон. Не имея возможности либо желания заключить основной договор в конкретный момент, однако желая при этом создать правовую связь, обеспечивающую заключение основного договора в будущем, стороны могут воспользоваться специальной договорной конструкцией предварительного договора. Применение данного правового средства полностью зависит от наличия правового интереса сторон к его использованию.

Заключение рамочного договора в полной мере обеспечено свободным волеизъявлением сторон договорного обязательства. Только от воли сторон зависит, согласовать ли на стадии заключения договора все условия обязательственных правоотношений или определить лишь общие условия в мере, позволяющей считать гражданско–правовой договор заключенным, и оставить открытыми те условия, которые могут быть восполнены в ходе исполнения договора.

Опцион на заключение договора – это свободная к применению специальная договорная конструкция. Опцион на заключение договора позволяет сторонам заключить основной договор посредством предоставления акцептанту секундарного права ввести договор в действие в

срок, установленный опционом, либо в установленный положениями ст. 429.2 годичный срок. Применить такой порядок заключения основного договора – право сторон.

Специальная договорная конструкция опционного договора реализуется посредством включения в основной договор условия о том, что представление по договору осуществляется по требованию держателя опциона. Такой порядок исполнения договора зависит от усмотрения сторон, он определяется и устанавливается участниками договорного обязательства в условиях свободы выбора условий договора.

Абонентский договор также является свободной к применению специальной договорной конструкцией. Включение в договор условия внесения платежей абонентом независимо от того, было ли им в полной или в какой-либо иной мере затребовано исполнение по договору, определяется исключительно тем, считают ли стороны договорного обязательства, что такое специальное условие отвечает их интересам.

Сделанные в диссертационном исследовании выводы, позволяют выделить из состава СДК обязательные к применению и свободные, применение которых зависит исключительно от воли сторон договорного обязательства. Эквиваленцией для обязательных к применению СДК для государственного контракта и публичного договора является сфера гражданско-правовых отношений, в которой реализуется договор, а для договора обязательного страхования в пользу третьего лица – либо сфера, в которой осуществляет деятельность страхователь либо правовой статус застрахованного лица.

К обязательным к применению специальным договорным конструкциям относятся следующие правовые институты: государственный (муниципальный) контракт, договор в пользу третьего лица (при обязательном страховании) и публичный договор.

К свободным к применению специальным договорным конструкция относятся следущие правовые институты: договор присоединения, предварительный договор, договор с открытыми условиями, опцион на заключение договора, опционный договор, договор с исполнением по требованию и договор в пользу третьего лица (за исключением договоров обязательного страхования).

Все иные СДК применяются участниками гражданско-правовых договоров в том случае, если они заинтересованы заключить и/или исполнить основной договор с учетом тех возможностей, которые законодатель предусмотрел для применения той или иной специальной договорной конструкции.

4.5 Специальные договорные конструкции как основание дихотомического деления гражданско-правовых договоров

Слово дихотомия пришло к нам из греческого языка, где dicha и tome в буквальном переводе означает «сечение на две части». Важным свойством дихотомического деления является то, что по выбранному основанию делением «покрывается» весь объем изучаемых правовых явлений, поскольку членами деления являются две контрадикторные группы, исключающие друг друга.

Общеизвестными являются деления договоров на возмездные и безвозмездные, каузальные и абстрактные, реальные и консенсуальные и т.д. Основоположники отечественной цивилистики разрабатывали системы видовых дихотомических делений гражданско-правовых договоров уже во второй половине XIX века.

К одной из самых ранних относится система видов Д.И. Мейера, который в 1864 году делил юридические сделки на односторонние и

многосторонние (двусторонние), возмездные и безвозмездные, законные и не законные [315, с. 159–161]. Договоры Д.И. Мейер делил на консенсуальные (совершаемые соглашением) и реальные (вещественные), односторонние и взаимные, словесные и письменные, именные (поименованные в законе) и безымённые, имущественные и личные [315, с. 446–449].

В 1872 году профессор В.И. Голевинский выделил следующие видовые пары: договоры односторонние и двусторонние, меновые и зависящие от случая (рисковые), возмездные и безвозмездные, поименованные (contractus nominati), и непоименованные (contractus innominati), главные и дополнительные, торжественные (с обязательными условиями) и не торжественные (свободные) [223, с. 42–48].

Профессор Победоносцев в 1880 году предложил деление обязательств и договоров на «обоюдные и односторонние», «безмездные и возмездные», договоры, в которых риск «входит юридическое содержание договора» и договоры, не обладающие таковым признаком [333, с. 24–27].

У Г.Ф. Шершеневича в учебнике 1907 года представлены такие основания видовых различий договоров, как односторонние и двусторонние, обоснованные (каузальные) и абстрактные, главные и дополнительные [411, с. 447–449]. В десятом издании того же учебника, вышедшем в 1912 году, профессор Шершеневич добавляет еще одно, четвертое видовое деление договоров на возмездные и безвозмездные.

Профессор И.М. Тютрюмов выделял односторонние и двусторонние (или взаимные), конкретные и абстрактные договоры, или материальные и формальные, главные и побочные (следующие за судьбою главных) [384, с. 15–16].

В книге 1901 года «Система русского гражданского права» К.Н. Анненков делил методом дихотомии договоры на консенсуальные и реальные и распределял отдельные виды обязательств в рамках этого деления,

дополнительно обособляя безымянные (не поименованные Сводом законов) договоры, а также предварительные договоры вообще и запродажу в частности.

Самой значимой в свете настоящего исследования является система профессора В.И. Синайского, который первым определил, что основанием для видового дихотомического деления гражданско-правовых договоров может являться применение СДК. В 1912 году В.И. Синайский наряду с делением договоров на двусторонние и односторонние, договоры между присутствующими и отсутствующими, возмездные и безвозмездные, мнимые и притворные, абстрактные и обоснованные, главные и дополнительные выводит как основание деление договоров на договоры «в пользу самих сторон и в пользу третьи лиц» [360, с. 187–189]. Позднее, в 1918 году профессор Синайский в разделе виды договоров уже выделяет не просто основные и дополнительные, но и основные и предварительные договоры, а также указывает как вид договоры, заключенные посредством присоединения (в противовес согласованным) [359, с. 17–20].

Теоретическое обоснование необходимости изучения дихотомического деления договоров дал в 1914 г. В.Л. Исаченко. Он указал, что наряду с традиционным делением договоров по цели заключения «необходимо другое деление договоров, в законе недостаточное выявненное, но имеющее весьма важное значение в практике. В основание этого деления полагаются признаки, характеизующие не один какой-либо вид договоров, заключенных с прямо определенной целью, а признаки общие, присущие если не всем вообще договорам, то целым группам отдельных договоров» [280, с. 27]. В.Л.Исаченко выделил деление договоров на односторонние и двусторонние, законные и незаконные, действительные и недействительные, ничтожные и опровержимые, главные и побочные, основные и производные,

альтернативные и факультативные, договоры в пользу участников и третьих лиц.

Советская цивилистика также выделяла дихотомические договорные пары.

П.И. Стучка в 1929 году определил следующие виды сделок и договоров: односторонние и двусторонние, возмездные и безвозмездные, сделки между живыми и сделки на случай смерти, каузальные и абстрактные [370].

В учебнике «Советское гражданское право» 1940 года профессор М.О. Бару дает только три основания деления договоров: на односторонние и двусторонние; на возмездные и безвозмездные; на реальные и консенсуальные [365, с. 109–111]. Такой же набор классификационных признаков указан для хозяйственных договоров в 1967 году профессором М.И. Брагинским [199, с. 27].

В книге «Общее учение об обязательстве» 1950 года профессор И.Б. Новицкий выделяет договоры возмездные и безвозмездные; односторонние и двусторонние; реальные и консенсуальные; главные и придаточные; а также выделяет в качестве основания классификации договоров договоры в пользу третьего лица и предварительные договоры [325, с. 129–127].

Более широкую классификацию давали М.С. Липецкер и З.И. Шкундин в работе «Общее учение о договорах». В разделе «объединение договоров в группы» авторами приводится деление договоров: а) по форме совершения – на письменные и словесные; б) по признаку взаимности договорных обязательств – на односторонние и двусторонние ; в) на предварительные и окончательные; г) по признаку обязательности личного исполнения – на личные и не носящие личного характера; д) по моменту заключения – на реальные и консенсуальные; е) по субъектному составу – на договоры в пользу третьего лица и договоры между участниками [720, с. 23–24].

Профессор О.С. Иоффе в 1967 году дает следующую классификацию сделок:

1) по характеру волеизъявления: односторонние и многосторонние (двусторонние);

2) по специфике основания: плановые и неплановые; возмездные и безвозмездные; каузальные и абстрактные;

3) по способу совершения: консенсуальные и реальные;

4) фидуциарные и не фидуциарные [279, с. 445–448].

Остановимся также на классификации, предложенной в 80–х годах О.А. Красавчиковым. Профессор Красавчиков выделил следующие дихотомические пары сделок (договоров) [362, с. 445–448]:

1) односторонние и многосторонние (двусторонние);

2)планируемые, регулируемые и не связанные непосредственно с планом;

3) консенсуальные и реальные;

4) возмездные и безвозмездные;

5) обычные и условные;

6) имущественные и организационные;

7) односторонне и двусторонне обязывающие;

8) линейные и конструктивные (с участием третьих лиц);

9) типичные и смешанные.

Профессор В.С. Ем в известном учебнике «Гражданское право» 1998 года (под редакцией профессора Суханова) делает акцент на том, что набор оснований для классификации сделок и договоров является открытым, поскольку зависит от целей и задач, которые стоят перед автором при проведении классификации. В.С. Емом предложен достаточно широкий перечень классификационных оснований:

1) односторонние и многосторонние (двусторонние);

2) совершаемые на возмездной основе и безвозмездные;

3) консенсуальные и реальные;

4) каузальные и абстрактные;

5) вербальные и литеральные;

6) фидуциарные и не фидуциарные;

7) совершенные под условием или без такового.

Относительно современных доктринальных исследований, оценивающих специальные договорные конструкции как правовые институты, несущие в себе основание для дихотомического деления гражданско-правовых договоров, отметим, что после проведения кодификации 1994 года и внесением в ГК РФ положений о публичном договоре и договоре присоединения отечественная наука начинает воспринимать специальные договорные конструкции как комплекс правовых норм, предопределяющий видовое дихотомическое деление гражданско-правовых договоров.

В качестве одного из примеров приведем общепризнанный учебник гражданского права под редакцией профессоров А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого, в котором представлены следующие градации договоров: основные и предварительные, договоры в пользу их участников и договоры в пользу третьих лиц, свободные и обязательные, взаимосогласованные договоры и договоры присоединения (иные дихотомичные пары авторами рассмотрены в разделе «виды сделок») [238, с. 594–602]. Таким образом, все специальные договорные конструкции, поименованные ГК РФ по состоянию на 2005 год, были признаны в вышеназванном учебнике как основание деления договоров на виды.

Ю.В. Романец обозначает, что специальные договорные конструкции наделяют правоотношения системными признаками, значимыми для права критериями, которые служат основой для классификации договоров по

принципу дихотомии (деления надвое) [345, с. 178]. В составе таких специальных договорный конструкций Ю.В. Романец называет специальные договорные конструкции предварительного, рамочного, опционного и абонентского договоров, а также договора в пользу третьего лица. И хотя указанный в 2013 году Ю.В. Романцом перечень СДК как оснований для дихотомического деления гражданско-правовых договоров является не полным, сам подход сформулированный ученым видится совершенно правильным.

Так же следует отметить позицию профессора М.К. Сулейменова, который в работе, посвященной специальным договорным конструкциям и их месту в системе права называет специальную договорную конструкцию публичного договора основанием деления гражданско-правовых договоров на свободные и обязательные, договора присоединения – на взаимосогласованные и договоры присоединения, договора в пользу третьего лица – на договоры в пользу их участников и договоры в пользу третьего лица [374].

В подходах Ю.В. Романца и М.К. Сулейменова обозначено именно системное свойство СДК как носителей признаков, позволяющих произвести дихотомическое деление гражданско-правовых договоров.

В результате анализа исторической ретроспективы развития цивилистических подходов к дихотомическому делению договоров и сделок в дореволюционной правовой науке и правовой науке советского периода следует сделать ряд выводов относительно исторических трендов применения признаков, налагаемых на гражданско-правовые договоры специальными договорными конструкциями, в качестве оснований дихотомии. Как критерий для дихотомического деления гражданско-правовых договоров по признаку специальной договорной конструкции в дореволюционной и советской правовой науке рассматривались предварительный договор и договор в пользу

третьего лица. Специфика договорных конструкций договора с открытыми условиями (рамочного договора), договора с исполнением по требованию (абонентского договора), опционного договора, опциона на заключение договора не использовались в качестве оснований для дихотомического деления договоров ни в дореволюционной, ни в советской отечественной цивилистике. Это объясняется тем, что данные правовые институты не имеют длительной исторической ретроспективы и не имели нормативного регулирования в отечественном праве до недавнего периода.

Публичный договор. Специфика договорной конструкции публичного договора не использовалась как основание дихотомического деления договоров ни в дореволюционной, ни в отечественной цивилистике. Это, по нашему мнению, объясняется тем обстоятельством, что, как было показано в параграфе 3.3 диссертационного исследования, публичный договор длительное время смешивался с договором присоединения в дореволюционной доктрине и не выделялся как отдельный правовой институт в советской юридической науке.

В современной доктрине деление гражданско-правовых договоров на свободные к заключению или обязательные в связке с публичным договором представлено во многих научных трудах (С.К. Идрышева [456], С.Н. Степкин [369], А.И. Иванчак [273], Д.В. Огородков и М.Ю. Челышев [661] и др.) и в учебной литературе.

Договор присоединения. Специфика договорной конструкции договора присоединения как основание для дихотомического деления гражданско-правовых договоров (на взаимосогласованные и заключенные присоединением) использовалась в дореволюционной цивилистике – В.И. Синайский (1918 г.) и не использовалась в цивилистике советской. Как показано нами в параграфе 3.2 диссертационного исследования, договор присоединения рассматривался советской наукой исключительно как атрибут

западного права и, по нашему мнению, именно это обстоятельство предопределило, отсутствие в советской доктрине деления гражданско-правовых договоров на взаимосогласованные и на заключенные посредством присоединения. Некоторым аналогом можно считать предлагаемое советскими учеными деление договоров на плановые и не плановые.

В современной доктрине деление гражданско-правовых договоров на взаимосогласованные и заключенные присоединением предложено в научных работах С.К. Идрышевой [456], С.А. Киракосян [463, с. 156], А.В. Цыпленковой [519, с. 30], А.В. Дашко [444], С.Н. Степкина [369], Ю.Н. Старилова и К.В. Давыдова [685], А.И. Гончарова [685], А.И. Иванчака [273].

Договор в пользу третьего лица. Специфика договорной конструкции договора в пользу третьего лица использовалась как основание для дихотомического деления гражданско-правовых договоров (на договоры в пользу их участников и договоры в пользу третьих лиц) как дореволюционными – В.И. Синайский (1912 г.), В.Л. Исаченко (1914 г.), так и советскими цивилистами – М.С.Липецкер и З.И. Шкундин (1938 г.), И.Б. Новицкий (1950 г.), О.А. Красавчиков (1985г.). Это вполне объяснимо тем, что договор в пользу третьего лица всегда применялся гражданским правом, и даже в советский период, несмотря на узость применения в гражданско–правовом обороте, не отвергался отечественной наукой.

Современная наука при делении гражданско-правовых договоров методом дихотомии традиционно выводит одним из оснований деление договоров на договоры, заключаемые между участниками и договоры в пользу третьего лица по основанию специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица. Ввиду традиционности указанного подхода, указывать конкретные примеры представляется излишним.

Рамочный договор как основание дихотомического деления.

Применение конструкции рамочного договора видообразует гражданско-правовые договоры с делением на договоры окончательные и на договоры с открытыми условиями.

Еще в 1954 году профессор О.Н. Садиков указывал на то, что «рамковые» договоры являются базой для заключения договоров окончательных [683, с. 119]. Вполне объяснимо, что ученый не рассматривал рамочный договор с доктринальной позиции как специальную договорную конструкцию, поскольку наука советского гражданского права в тот период еще не осмысливала специальные договорные конструкции как специфические правовые средства, обладающие единым категориальным признаком. Однако сам подход, признак рамочного договора, модифицирующий гражданско–правовое обязательство в договор с не окончательно согласованными сторонами условиями, О.Н. Садиковым был выделен.

Опционный договор. По нашему мнению, критерий дихотомического деления гражданско-правовых договоров по признаку специальной договорной конструкции опционного договора следует выявлять посредством признания того факта, что при опционном договоре держатель опциона реализует секундарное право потребовать от оферента совершения исполнения по основному договору. По сути, опционный договор является специфической формой условной сделки.

Дихотомическое деление гражданско-правовых договоров и сделок по критерию «условности» использовалось авторитетными советскими цивилистами Д.М. Генкин (1950 г.) [363, с. 218], О.А.Красавчиков (1985 г..), В.С. Ем (1998 г.). Традиционным такое деление является и для современной научной литературы [216; 244; 273; 346].

В соответствии с положениями ст. 157 ГК РФ «Сделки, совершенные под условием» и ст. 327.1. ГК РФ «Обусловленное исполнение

обязательства», исполнение обязательства может быть поставлено под условие. При этом ст. 157 ГК РФ и ст.327 ГК РФ регулируют принципиально разные условия. В первом случае речь идет об отлагательных либо отменительных условиях, относительно которых неизвестно, наступят они или нет. Во втором случае под условием понимается совершение или не совершение «одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон» [8]. Очевидно, что специальная договорная конструкция опционного договора является частным случаем более общей нормы ст.327.1 «Обусловленное исполнение обязательства». Одновременно с этим специфику опционного договора следует отличать от специфики востребованного исполнения, регламентированного п. 2 ст.314 ГК РФ, поскольку при последнем, в случае если кредитор не предъявил в разумный срок требование об исполнении, должнику предоставлено право требования к кредитору принять исполнение.

Таким образом, опционный договор как специальная договорная конструкция определяет основание к дихотомическому делению гражданско-правовых договоров на договоры с условием, дающим уполномоченное стороне право востребовать исполнение или отказаться от исполнения и договоры без указанного условия.

Абонентский договор. Далее рассмотрим, как основание для дихотомического деления применение специальной договорной конструкции договора с исполнением по требованию. Для выделения основания дихотомии по критерию применения специальной договорной конструкции абонентского договора необходимо обратиться к специфике возмездности абонентских договоров. Обратимся еще раз к мнению профессора М.Н. Илюшиной, которая указывает на то, что «специфика абонентского договора заключается в способе фиксации цены» [232]. Ключевой особенностью абонентского

договора является обязанность абонента оплачивать абонентский договор вне зависимости от того, было ли абонентом затребовано соответствующее исполнение от обязанной стороны. Таким образом, при использовании конструкции абонентского договора законодатель предусмотрел особый режим возмездности – цена не корреспондирует с количественным эквивалентом предоставляемого исполнения. В определенном смысле можно сказать, что абонентский договор несет в себе элемент алеаторности – для абонента это проявляется в том, что, заплатив по договору у него может не возникнуть по факту реальной потребности в исполнении, для обязанной стороны – в том, что затребованное исполнение может оказаться выше по объему и стоимости чем полученная абонентская плата. Вопрос соотношения категорий возмездности и эквивалентности поднимается в ряде трудов отечественных ученых уже на протяжении более ста лет.

В 1916 году А.А. Симолин в работе «Влияние момента безвозмездности в гражданском праве» разграничивает эквивалентность в гражданско-правовых отношениях на объективную – («когда взаимные действия контрагентов объективно эквивалентны, т. е. равноценны» [357, с. 32]) и субъективную – когда «контрагенты полагают, что получаемое ими равноценно тому, что они дают, хотя–бы действительности такой равноценности и не было» [357, с. 33]. Г.Ф. Шершеневич в 1911 году также при делении договоров на возмездные и безвозмездные использовал понятие эквивалента, при чем также, как и профессор Симолин, Г.Ф. Шершеневич не ограничивал понятие эквивалента строго количественной компонентой: «Договор признается возмездным, когда каждая сторона за свое действие пользу другой получает право требовать соответствующего действия от другой. Не существенно, чтобы оба действия были с экономической стороны эквивалентны, но необходимо, чтобы оба они представляли экономическую ценность» [413, с. 450].

В 20-х–40-х годах Советская юридическая наука рассматривала понятие эквивалентности с позиции критики буржуазной меновой теории права. П.И. Стучка в 1929 году писал: «Буржуазное развитие права привело к тому, что равенство эквивалента вещей было прикреплено к их владельцам в виде «равенства воль», совсем вытеснившего из поля зрения равенство стоимостей… Вот чем объясняется лозунг нашего гражданского права: назад к объективному эквиваленту!» [370, с. 219]. Под «объективным», «реальным» эквивалентом понимался обмен, не выходящий за рамки принципа «равная стоимость за равную». С.И. Раевич в 1930 году доказывал, что для права «все большее значение приобретает и должно приобретать в дальнейшем определение эквивалента не на основе типично юридических приемов нахождения фикции «действительных намерений» или «достигнутого совпадения воль» сторон, а на основе определения реального соответствия ценностей, т. е. эквивалента в тесном смысле слова» [675, с. 80]. Р.О. Халфина, рассматривая договорное право капиталистических стран, указывала в негативной оценке, что гражданское право буржуазных государств в возмездных договорах «не требует, чтобы сохранялась, если не эквивалентность, то хотя бы какая–нибудь пропорциональность между обязательством и встречным удовлетворением» [516, с. 18], так как «каждый из участников пытается дать своему контрагенту не эквивалент, а меньшее взамен большего» [516, с. 19].

Таким образом, советская цивилистика первой половины XX века придерживалась позиции, что возмездность должны быть строго, абсолютно эквивалентной. На этом фоне совершенно исключительным выглядит научный труд профессора М.И. Бару, который в 1959 году рассмотрел возмездность и эквивалентность как несовпадающие правовые понятия. «И возмездность и эквивалентность предполагают количественную

сравнимость обмениваемых благ, но в первом случае пропорции безразличны (больше, меньше), во втором — равны» [546, с. 40].

М.И. Бару, по сути, встал на позицию дореволюционной цивилистики, обосновав, что «эквивалентное отношение безусловно возмездное отношение, но возмездное отношение не безусловно эквивалентное отношение. Отступление от эквивалентности не нарушает принципа возмездности» [546, с. 37]. Вопросы правомерности «разрыва» между возмездностью и эквивалентностью М.И. Бару перенес в сферу анализа конкретных обстоятельств, характеризующих то или иное правоотношение. «Правоотношение может быть возмездным, но не эквивалентным, и тогда, при отсутствии имущественного равенства, сохраняется равенство правовое, ибо никто из участников не пользуется предпочтением друг перед другом ни в смысле возможности вступления в правоотношение, ни в смысле определения его содержания, или прекращения правоотношения» [546, с. 40]. «Нарушение равенства в конкретном отношении не превращает отношение в безвозмездное, это приводит лишь к отклонению от эквивалентности. Причем это отклонение мыслится не как результат неправомерных действий. Отклонение возмездности от эквивалентности не вызывает осуждения со стороны права» [546, с. 41].

Современная доктрина демонстрирует однозначное признание возможности объективного несовпадения возмездности и эквивалентности.

М.И. Брагинский указывал, что «возмездность не означает и даже не предполагает в виде общего правила непременно эквивалентного предоставления обеих сторон» [198, с. 391]. С.И. Виниченко констатирует, что «действующий ГК РФ не связывает напрямую возмездность и эквивалентность» [434, с. 87]. Профессор Е.Е. Богданова отмечает, что «категории возмездности и эквивалентности не рассматриваются в доктрине гражданского права как тождественные» [551]. Судебная практика также не

ставит полного равенства между указанными понятиями, суды всех уровней в своих документах указывают на возмездность и эквивалентность как на самостоятельные принципы гражданских правоотношений.

П р и м е ч а н и е – Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2021 № 305– ЭС21– 6412 по делу № А40–170105/2019; Постановление Президиума ВАС РФ от 19.01.2010 № 13966/09 по делу № А81–3595/2008; Постановление Арбитражного суда Западно–Сибирского округа от 26.10.2021 № Ф04–6218/2021 по делу № А45–13354/2020; Постановление Арбитражного суда Северо–Западного округа от 14.10.2020 № Ф07– 3481/2020 по делу № А56–114638/2019; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2020 № 09АП–827/2020 по делу № А40–89778/2018; Решение Арбитражного суда Республики Хакасия от 30.10.2019 по делу № А74–21741/2018; Решение Арбитражного суда Свердловской области от 14.05.2018 по делу № А60– 2307/2018 и др.

Современные ученые восприняли и воспроизводят мнение, высказанное в дореволюционной цивилистике Г.В. Шершеневичем, о том, что в возмездном договоре важно, что стороны признают своей согласованной волей неэквивалентный обмен допустимым для данного конкретного договорного правоотношения. Е.И. Каминская пишет о том, что «при отказе от эквивалентности как критерия оценки встречного удовлетворения принимается во внимание значимость встречного удовлетворения не с точки зрения средних рыночных цен, а с точки зрения лица, давшего обещание. Если данному лицу выгоден и интересен такой баланс договорных обязательств, то право не мешает такому проявлению частного интереса и не вмешивается в подобное (быть может, и необычно выглядящее со стороны) проявление автономии индивидуальной воли» [599].

Условие «take or pay» в доктрине [535; 586; 596; 705] и в судебной практике рассматривается как применение конструкции абонентского договора.

П р и м е ч а н и е – Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.10.2021 № 09АП–45598/2021 по делу № А40–44647/2021; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2022 № 08АП–863/2022 по делу № А70– 12886/2021; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2022 № 13АП–11724/2022 по делу № А56–21993/2021; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2022 № 15АП–7274/2022 по делу № А32– 48258/2020 и др.

Профессор С.В. Сарбаш, анализируя условие «take or pay» пишет о том, что если стороны в возмездном двусторонне обязывающем договоре согласовали неэквивалентный обмен, то происходит искажение эквивалентности синаллагмы [353] договорного обязательства.

Появляется важный вопрос: как квалифицировать с точки зрения теории права такое искажение?

Профессор Бару определял эквивалентность как «высшую или максимально возможную при нормальных условиях степень возмездности» [546, с. 41]. Для нашего исследования представляется крайне важной мысль М.И. Бару о том, что соизмеримость обмениваемых благ является показателем степени эквивалентности [546, с. 42]. Т.С. Грачев полагает, что эквивалентность следует соотносить с соразмерностью, поскольку эквивалентность не всегда означает абсолютное равенство вклада и получения [438, с. 194]. Н.С. Романенко, посвятившая диссертационное исследование понятию эквивалентности в гражданском праве, предлагает градировать эквивалентность на: абсолютную эквивалентность «при которой встречные предоставления сторон взаимны и равноценны в арифметическом выражении», и на относительную эквивалентность, которая выражается «в отклонении от абсолютной эквивалентности, при условии, что стороны признают предоставления равноценными». Н.С. Романенко пишет: «Абсолютная эквивалентность означает, что встречные действия полностью равноценны. Относительная эквивалентность предполагает, что стороны рассматривают встречные действия как равноценные» [678]. Абсолютную и относительную эквивалентность в возмездных отношениях выделяет и Ю.В. Романец [679].

Диссертант полагает, что абсолютная и относительная эквивалентность – это дихотомичная пара, проявление видового различия гражданско-правовых договоров.

В доктрине гражданского права эквивалентности как как правовому понятию придается важное значение. В.А. Бублик делает вывод о том, что «в структуре правоотношения эквивалентность определяет соотношение (способ связи) субъективных прав и обязанностей» [553]. А.А. Бажанов констатирует, что эквивалентность (соразмерность) отражает сбалансированность взаимных представлений и «по сути, носит правовой характер и функционирует в качестве принципа права» [424, с. 151]. Н.С. Романенко указывает на широкое понимание эквивалентности цивилистикой: «1) в значении принципа гражданского права; 2) в значении признака, характеризующего предмет гражданского права в части имущественных отношений (причем не всех, а только обязательственных); 3) как принцип отдельных гражданско-правовых институтов; 4) как признак, характеризующий отдельные гражданско-правовые договоры или институты» [499, с. 40].

Следует отметить, что понятие эквивалентности применялось как основание для дихотомического деления гражданско-правовых отношений еще в дореволюционной цивилистике. В частности, Д.И. Мейер в 1864 году указывал на то, что «как условие действия, эквивалент получает юридическое значение, и мы вправе основать на нем деление сделок» [315, с. 160]. Во–первых, Д.И. Мейер использовал понятие эквивалента в качестве основания для деления обязательств на возмездные и безвозмездные: «приобретение права по отчуждению представляется возмездным или безмездным, смотря по тому, представляет ли лицо за приобретение права эквивалент другому лицу, или право приобретается без эквивалента» [315, с. 233]. Во–вторых, Д.И. Мейер оперировал понятием эквивалента при делении обязательств на односторонние и взаимные: «Практическое значение деления обязательств на односторонние и взаимные заключается том , что обязательствах односторонних право верителя не обусловливается каким –либо его обязательством не составляет

вознаграждения за какое–либо действие пользу должника, тогда как обязательствах взаимных право одной стороны составляет обыкновенно эквивалент ее действия пользу другой» [315, с. 393].

На основании изложенного, считаем, что специфика абонентского договора, в виде относительного эквивалентного характера синаллагмы договорного обязательства является критерием для дихотомического деления гражданско-правовых договоров на договоры с абсолютной и относительной синаллагмой.

Государственный (муниципальный) контракт. Специфика договорной конструкции государственного контракта не использовалась как основание для дихотомического деления гражданско-правовых договоров ни в дореволюционной, ни в советской цивилистике. Это объясняется, по нашему мнению, следующим. В дореволюционной цивилистике, как показано в параграфе 4.4 исследования, казенный подряд и поставка рассматривались не как гражданско–правовой договор, а как правовой институт, относящийся как к гражданскому, так и к публичному праву. В советский же период (начиная с конца 20–х годов), как показано в параграфе 4.4 исследования, государственный подряд и поставка, полностью вытесняются из сферы планово–государственных закупок и перестают быть предметом доктринальных исследований.

Государственный (муниципальный) контракт реализуется в сфере закупок, заключен государственным или муниципальным заказчиком и направлен на обеспечение государственных и муниципальных нужд. Таким образом, конститутивными признаками государственного (муниципального) контракта являются субъектный состав и то, что контракт имеет своей целью обеспечение публичных нужд [636, с. 163]. Как правильно отмечает Е.А. Цатурян, «публичный интерес является одним из признаков упомянутой конструкции, но не признаком гражданско–правового договора». Вместе с

тем, субъектный состав традиционно рассматривается отечественной цивилистикой как основание к дихотомическому делению гражданско-правовых договоров. М.К. Сулейменов указывает – «общественные отношения, регулируемые гражданским правом, классифицируются не только по характеру отношений, но и по субъектам: юридических лиц между собой, граждан с юридическими лицами, граждан между собой» [374, с. 352]. Такой подход был сформирован еще в советской цивилистике. Так, М.М. Агарков проводил деление «гражданского права на гражданское право социалистического хозяйства и гражданское право отдельного гражданина» [174], по участию граждан как основание к дифференциации гражданско–правовый отношений субъектный состав определял С.С. Алексеев [178, с. 57].

В качестве современных примеров таких классификаций приведем деление на договоры в пользу участников и третьих лиц, деление гражданско-правовых договоров на предпринимательские и бытовые (С.Ю. Филиппова [707], М.А. Зинковский [595], С.С. Занковский [453, с. 81]) деление гражданско-правовых договоров на предпринимательские и потребительские (А.Е. Кирпичев [292], В.С. Белых [193], Л.В. Андреева [186]).

Полагаем, что критерий субъектного состава применим и для специальной договорной конструкции государственного контракта, поскольку публичный заказчик не может заключить гражданско–правовой договор без использования конструкции государственного (муниципального) контракта.

Специальная договорная конструкция государственного (муниципального) контракта является основанием для дихотомического деления гражданско-правовых договоров на договоры в составе сторон которых присутствует публичный участник и договоры, участники которого не имеют публичного статуса.

Относительно СДК предварительного договора и опциона на заключение договора как носителей видового признака для дихотомического деления гражданско-правовых договоров отметим следующее.

Предварительный договор и опцион на заключение договора являются специальными договорными конструкциями, образующими в системе СДК самостоятельную группу – «СДК, автономные по отношению к основному договору». Эти правовые феномены сами являются гражданско-правовыми договорами, из которых возникают обязательства по заключению в будущем основного договора. То есть, они существуют как самостоятельные договоры–сделки вне основного договора и предшествуют ему. Поэтому деление гражданско-правовых договоров методом дихотомии на основные и предварительные или на заключенные с использованием опциона или без оного равносильно делению гражданско-правовых договоров на договоры купли–продажи и не купли–продажи, на договоры подряда и не на договоры подряда и т.д.

Специфика договорной конструкции предварительного договора принималась за основание дихотомического гражданско-правовых договоров на предварительные и окончательные как в доктрине дореволюционного периода – К.Н. Анненков (1901 г.), В.И. Синайский (1918 г.), так и в советской цивилистике – М.С. Липецкер и З.И. Шкундин (1938 г.), И.Б. Новицкий (1950 г.).

Вместе с тем предварительные договоры, являясь самостоятельным обязательством, присутствуют в классификационной сети в ином качестве – как организационные договоры. Они встраиваются в иную видовую классификацию, а именно в дихотомичное деление гражданско-правовых договоров и сделок на имущественные и организационные. Именно в таком дихотомическом делении рассматривает предварительные договоры современная наука и учебная литература (Б.М. Гонгало [243], Е.А. Суханов [240, с. 100], П.В. Крашенинников [231], Д.Н. Корхалев [603], А.В. Курсаев [614], А.Я. Курбатов [299] и др.).

Таким образом, следует согласиться с позицией М.И. Брагинского, который критически относился к видовому делению гражданско-правовых договоров на основные и предварительные. М.И. Брагинский писал, что различие между основными и предварительными договорами связано с их целью, а не с юридико–техническими особенностями [198].

Что касается опциона на заключение договора, то эта специальная договорная конструкция не может быть отнесена к организационным договорам ввиду того, что в общем случае опцион предоставляется за плату, следовательно, является имущественным, возмездным представлением. Вместе с тем, являясь самостоятельным обязательством, не совпадающим с основным договором ни по предмету, ни по цели, ни во времени, опцион на заключение договора, равно как и предварительный договор не несет в себе видового признаки для дихотомического деления гражданско-правовых договоров.

В рамках параграфа 4.5 специальные договорные конструкции рассмотрены как правовые феномены, несущие в себе специфическое основание для доктринального дихотомического деления гражданско-правовых договоров. Для того, чтобы доктрина принимала в качестве основания для дихотомического деления тот или иной видовой признак деления гражданско-правовых договоров, необходимо, чтобы таковой признак был объективизирован позитивным правом.

Как было показано в нашем исследовании, многие ученые, начиная еще от дореволюционной цивилистики, видят в правовых институтах, которые мы относим к специальным договорным конструкциям, основание для деления методом дихотомии гражданско-правовых договоров по ключевым признакам, присущим той или иной специальной договорной конструкции.

Однако существует и иная точка зрения. Так, В.В. Витрянский, соглашается с тем, что «чисто формально все гражданско-правовые договоры

могут быть классифицированы по принципу дихотомии на договоры, которые обладают необходимым набором признаков, позволяющих их отнести к той или иной специальной договорной конструкции, и договоры, таковыми признаками не обладающие, то есть , по сути, все остальные договоры». Но, тем не менее, профессор Витрянский делает вывод о том, что «за такой классификацией вряд ли может быть признано какое–либо научное или практическое значение» [562, с. 335–336].

Профессор Ю.В. Романец не поддерживает позицию В.В. Витрянского и высказывает мнение о том, что «любая классификация, отражающая значимые для права признаки общественных отношений, имеет научную и практическую ценность» [345].

Мы считаем, что с позицией В.В. Витрянского нельзя согласиться в силу следующего. Если смотреть на данный вопрос с формальной точки зрения, то действительно, можно, впадая в крайность, создать бесконечное количество дихотомичных пар по признаку условий, содержащихся в том или ином договоре. Например, это могут быть договоры, предусматривающие авансирование или не предусматривающие авансирование, обеспеченные залогом и не обеспеченные, предусматривающие ту или иную меру ответственности и не предусматривающие и т.д. Однако смысл видовой классификации состоит в том, чтобы определить такие параметры, которые придают договору в результате соглашения сторон или в силу предписаний закона принципиально иное качество. И именно специальные договорные конструкции, будучи наложенными на гражданско–правовой договор такую функцию исполняют.

Специальные договорные конструкции, относимые к группе модифицирующих основной договор, обладают потенциалом создания определенного вида гражданско-правовых договоров именно в силу того, что налагают на гражданско-правовые договоры специальные, предусмотренные

законодательством условия заключения, исполнения или прекращения основного договора.

Таким образом, критерий для основания дихотомии мы выявляем именно исходя из тех особенностей заключения, исполнения или прекращения, которые налагает на основной договор применение той или иной специальной договорной конструкции.

Через дихотомическое деление проявляется характер СДК как видообразующего правового феномена. Носителями видообразующего признака для дихотомического деления гражданско-правовых договоров являются только специальные договорные конструкции, входящие в группу СДК, модифицирующих основной договор.

На основании изложенного, видовые признаки для дихотомического деления гражданско-правовых договоров, обусловленные применением СДК, следует определить следующим образом:

– гражданско-правовые договоры делятся на взаимосогласованные и заключаемые присоединением по основанию специальной договорной конструкции договора присоединения;

– гражданско-правовые договоры делятся на свободные и обязательные по основаниям СДК публичного договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры, заключаемые между участниками и договоры в пользу третьего лица по основанию специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры окончательные и с открытыми условиями по основанию специальной договорной конструкции рамочного договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры с условием, дающим уполномоченное стороне право востребовать исполнение или

отказаться от исполнения и договоры без указанного условия по основанию специальной договорной конструкции опционного договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры с абсолютной и относительной синаллагмой по основанию специальной договорной конструкции абонентского договора;

– гражданско-правовые договоры делятся на договоры, в составе сторон которых присутствует публичный участник и договоры, участники которого не имеют публичного статуса по основанию специальной договорной конструкции государственного (муниципального) контракта

Глава 5
Взаимодействие специальных договорных конструкций

5.1 Режимы взаимодействия специальных договорных конструкций

Любую систему характеризуют свойства, функции и связи входящих в систему элементов. В настоящей главе система СДК будет исследована в аспекте возможных связей отдельных СДК, возможности одновременного применения СДК в основном договоре. Д.А. Керимов писал: «широкое» правопонимание ориентирует юридическую науку на изучение внутреннего строения правовой системы, на изучение взаимодействия и взаимопроникновения ее компонентов» [291, с. 353]. Важность изучения взаимодействия элементов системы Д.А. Керимов видел в том, что «взаимодействие составных компонентов целого детерминирует возникновение в нем новых интегративных качеств, несвойственных его исходным компонентам до их вступления во взаимодействие» [291, с. 227].

А.Ю. Романец пишет: «на практике в одном правоотношении нередко сочетаются признаки, характерные для различных договоров. В связи с этим возникает проблема совокупного применения к таким договорам норм различных договорных институтов. Подходы и принципы решения данной проблемы могут быть выработаны лишь на основе системного анализа договорного права» [345]. Аналогичные проблемы возникают и при применении в одном договорном обязательстве нескольких СДК.

Взаимодействию СДК посвящено множество доктринальных исследований. Так, соотношение норм для гражданско-правовых договоров, которые являются одновременно публичными договорами и договорами присоединения рассматривалось в работах А.Г. Ананьева, М.И. Брагинского, Г.А. Калашниковой, О.С. Левченко, Д.В. Мечетина, Е.А. Мищенко,

Б.М. Сейнароева, Р.А. Тельгарина, А.В. Цыпленковой и др. Вопросу возможности рассматривать государственный контракт как публичный договор уделили внимание в своих работах Г. Александров, О.А. Беляева, Т.Р. Григорян, Н.А. Курц, Р.Б. Куличев, Е.А. Цатурян, А.В. Ярош и др.

Системно вопрос сочетаемости СДК в доктрине ранее не рассматривался. По совместимости в одном гражданско–правовом договоре отдельных СДК, как будет показано в параграфах 5.2 и 5.3 главы 5, в доктрине демонстрируются разнонаправленные мнения.

Как справедливо указывает профессор В.И. Червонюк, «в соединении друг с другом элементарные частицы права выступают теми юридическими инструментами (средствами права), с помощью которых конструируются права и обязанности граждан и их объединений» [714, с. 27]. Применительно к нашему исследованию, учитывая, что, при наложении на основной договор, специальная договорная конструкция наделяет его своими собственными специфическими особенностями, представляется важным исследовать как именно, каким образом эти особенности корреспондируют во взаимодействии или, наоборот, вступают в конфликт.

Г.З. Ахметова, проводя исследование о взаимодействии институтов договорного права, указывает на то, что «вопросы различного рода взаимосвязей, взаимозависимостей, взаимодействий регулярно возникают в правовой науке» [423, с. 107]. При этом в качестве актуальности таких исследований приводятся примеры исследования вопросов взаимодействия различных институтов и, как следствие, вопросов взаимодействия норм права, вопросов взаимодействия национальных правовых систем в форме рецепции, вопросов взаимодействия международного и национального права, вопросов взаимодействия материального (включая гражданское) и процессуального права в различных проявлениях, вопросы взаимодействия частноправовых, в т.ч. гражданско-правовых, и публично–правовых средств и инструментов на

определенных участках правового регулирования, вопросы взаимосвязи и взаимодействия различных частей системы права , в том числе структурных элементов отдельных отраслей и др.

Вопрос взаимодействия СДК представляется важным, поскольку при исследовании вопроса совместимости СДК рассматривается специфика возникающих правовых связей, проводится анализ характера взаимодействия между правовыми режимами различных СДК «путем определения соотношения сотрудничества и конфликта» [708, с. 161]. С.Ю. Филиппова указывает на то, что «результатом такого исследования является решение об основанном на нормах позитивного права оптимальном правовом инструментарии для внедрения в правовую деятельность субъектов» [708, с. 161].

Важность исследования сочетаемости, совместимости СДК в одном договорном обязательстве определяется потребностями правоприменительной практики. Как будет показано в параграфах 5.2 и 5.3 главы 5 – суды при рассмотрении конкретных дел решают вопрос о том, применяются ли положения о той или иной договорной конструкции к рассматриваемым договорам, попадает ли договор под режим той или иной специальной договорной конструкции. Таким образом, вопрос совмещения в одном обязательстве нескольких СДК – это всегда вопрос применения норм и их возможного конфликта.

Полагаем, что к поднятой нами задаче изучения совместимости СДК применимы некоторые доктринальные подходы, выработанные отечественной наукой в отношении смешанных договоров. Указанные подходы соотносимы с принципом, изложенным в Модельные правила европейского частного права по преобладающем договоре в составе смешанного договора, которого мы касались в параграфе 1.4 исследования.

А.Г. Карапетов и А.И. Савельев в книге «Свобода договора и ее пределы» [286] уделяют пристальное внимание вопросу подходов к правовому регулированию смешанных договоров. Указанные авторы определяют следующие типы правового регулирования:

– принцип комбинирования;

– принцип поглощения.

Принцип комбинирования состоит в совокупном применении норм, регулирующих совмещенные договорные типы. Принцип поглощения применяется в случаях, когда совокупное применение норм невозможно в силу конфликта регулятивных режимов. А.Г. Карапетов и А.И. Савельев выделяют в принципе поглощения «тотальное поглощение» и «точечное поглощение» [286, с. 123]. При тотальном поглощении один законодательный режим поглощает другой. При точечном поглощении «материнский» (в терминологии А.Г. Карапетова и А.И. Савельева) режим поглощает лишь отдельные части более слабого режима.

Сходные подходы к конкуренции правовых норм в сложных и смешанных договорах демонстрируют и другие ученые. А.А. Батурина пишет: «законодатель, рассматривая элементы смешанного договора в качестве равнозначных, ориентирует на их совместное применение, за исключением случаев, когда это невозможно в силу характера договора» [429, с. 19–20].

Принцип поглощения, А.А. Батурина характеризует как принцип «по которому элементы одного договора поглощаются другим договором, и применению подлежат нормы о преобладающем договоре» [592]. Принцип комбинирования – как принцип, «заключающийся в возможности совместного применения норм» [592].

В.А. Писчиков отмечает, что «наибольшие сложности при решении вопроса о применении к смешанному договору норм различных институтов

возникают в том случае, когда в них содержатся взаимоисключающие правила, касающиеся одного и того же правового элемента. В этой ситуации подлежит выяснению вопрос, какой признак будет иметь приоритетное значение» [495, с. 156]. Е.А. Батлер также констатирует, что «если в смешанном договоре составляющие элементы подчинены взаимоисключающим правилам, единственным выходом является выбор наиболее существенного, приоритетного» [428, с. 155]. Ю.В. Романец указывает на то, что «если существуют противоречия между правовыми элементами различных обязательств, то следует говорить о коллизии конкретных правовых норм и о выборе той нормы, которая подлежит приоритетному применению» [500, с. 85].

Ю.В. Романец также останавливается в своих трудах не только на вопросе приоритетности применения норм, но и пишет о проблеме сочетаемости договорных институтов. Для нас представляются важным следующий вывод Ю.В. Романца: «возможность сочетания в одном правоотношении различных договорных институтов предопределяется не только непротиворечивостью квалифицирующих признаков, но и сочетаемостью правовых элементов, обусловленных этими квалифицирующими признаками» [345, с. 240]. К выводу о том, что «обязательства, основанные на исключающих друг друга системных признаках, не сочетаются» приходят в своих исследованиях Ю.В. Романец [345, с. 61] и Л.А. Руднева [502, с. 172]. Отметим, что данный вывод был сформулирован также классиками отечественной цивилистики И.Б. Новицким и Л.А. Лунцем еще в 1950 году: «соединение элементов различных договоров в один смешанный договор возможно только при условии, что соединяются элементы, не противоречащие один другому» [325, с. 103].

Применяя указанные доктринальные подходы по режимам комбинирования и поглощений к сочетаемости и совмещаемости СДК

сформулируем следующие положения, который будут доказаны при анализе совместимости СДК.

Неразрешимый конфликт правовых режимов СДК предопределяет их невозможность совокупного применения к основному гражданско-правовому договору. В исследовании будет показано, что такой конфликт возникает в парах:

– публичный договор и государственный контракт;
– публичный договор и опционный договор;
– государственный контракт и опционный договор;
– договор присоединения и рамочный договор.

При совместимости СДК наблюдается два режима взаимодействия правовых норм, регулирующих специальные договорные конструкции: режим комбинированного применения норм и режим поглощения норм доминирующей конструкцией.

Режим комбинированного применения норм действует в случаях, когда конфликт норм не возникает. В данном режиме взаимодействуют:

– публичный договор и договор с открытыми условиями;
– государственный контракт и договор с исполнением по требованию;
– договор присоединения и договор в пользу третьего лица;
– договор присоединения и договор с исполнением по требованию;
– договор с исполнением по требованию и договор с открытыми условиями;
– договор в пользу третьего лица и договор с открытыми условиями;
– договор в пользу третьего лица и договор с исполнением по требованию;
– опционный договор и договор присоединения;
– опционный договор и договор с открытыми условиями;
– опционный договор и договор с исполнением по требованию;

– опционный договор и договор в пользу третьего лица.

Режим поглощения норм, действует при совмещении СДК, когда в результате того, что одно и то же правоотношение попадает под правовое регулирование, установленное для разных правовых институтов возникает конфликт правовых норм. В режиме поглощения норм взаимодействуют:

– публичный договор и договор присоединения;

– публичный договор и договор с исполнением по требованию;

– публичный договор и договор в пользу третьего лица;

– государственный контракт и договор присоединения;

– государственный контракт и договор с открытыми условиями;

– государственный контракт и договор обязательного страхования в пользу третьего лица.

В отечественной доктрине наряду с термином «преобладающий договор», применяются аналоги. Так, А.Г. Карапетов и А.И. Савельев называют такой договор «материнским» [286], Писчиков – «приоритетным» [495, с. 156], А.А. Батурина [429, с. 68] и С.К. Соломин – «доминирующим» [695].

Нам терминологическое обозначение А.А. Батуриной и С.К. Соломина видится предпочтительным. И приоритетную, более «сильную» специальную конструкцию мы будем обозначать как «доминирующая конструкция». Полагаем такое решение обоснованным, учитывая практику использования в юридической литературе термина «доминанта» и его словообразований.

Профессор Д.А. Керимов указывал, что «цель законодательства выступает в качестве доминанты» по отношению к правовым средствам [291, с. 302]. В.П. Мозолин указывал на доминантное положение имущественных отношений в гражданском праве [352]. Ф.И. Хамидуллина обозначает добросовестность как этическую доминанту гражданского законодательства

[517, с. 241]. А.В. Коновалов называет неизменной доминантой гражданского права справедливость [233].

Профессор Ю.А. Тихомиров ввел в науку понятие «нормы–доминанты», под которыми предложил понимать нормы, выражающие юридический приоритет в случае "столкновения" разных норм» [703]. В данном значении термин «норма–доминант» использован в работах профессора О.И. Тиунова, Б.Г. Манова [702], Н.Е. Егоровой, О.А. Иванюка, В.С. Потапенко [587], профессора Л.А. Морозовой [653], профессора З.З. Зинатуллина [594] и др.

А.Г.Карапетов и А.Г.Савельев используют понятие доминанты в контекстах:

– доминирующей регулятивной модели;

– доминирующих политико–правовых установок;

– доминирующего влияния одной из сторон договора;

– доминирования в договорном праве норм, признающихся императивными;

– и, что особенно важно, доминирующих элементов смешанного договора [286, с. 125].

Оценивая приведенную доктринальную практику, мы полагаем обоснованным использование в настоящем диссертационном исследовании предложенного термина «доминирующая конструкция».

При изучении совместимости СДК в одном договорном обязательстве эффект поглощения проявляется в двух формах:

– при совмещении двух СДК, правовым режимом доминирующей специальной договорной конструкции устанавливаются императивные нормы в то время, как правовым режимом второй специальной договорной указанные нормы являются диспозитивными (государственный контракт и рамочный

договор; публичный договор и договор присоединения; государственный контракт и договор обязательного страхования в пользу третьего лица);

– правовой режим доминирующей специальной договорной конструкции определяет для какой-либо стороны договорного обязательства возможность требовать применения второй специальной договорной конструкции, в то время, как для применения этой второй специальной договорной конструкции в монорежиме необходимо обоюдное согласие сторон (публичный договор и договор в пользу третьего лица; публичный договор и абонентский договор).

Ранее в диссертационной работе было обосновано дихотомическое деление СДК на обязательные к применению и свободные. В данном параграфе мы рассмотрим специальные договорные конструкции как юридические феномены в контексте их совместимости или не совместимости в одном договорном обязательстве.

Далее в рамках 5 Главы будут рассмотрены все варианты совместимости СДК, относящихся к группе «специальные договорные конструкции, модифицирующие основной договор». Предварительный договор и опцион на заключение договора, являясь специальными договорными конструкциями, автономными от основного договора в обозначенном аспекте диссертантом не рассматриваются.

5.2 Специальные договорные конструкции, совместимые в основном договоре

Публичный договор и договор присоединения. Вопрос соединения в одном гражданско–правовом обязательстве публичного договора и договора присоединения неоднократно поднимался в научных работах и не является дискуссионным.

Абсолютно все исследователи, изучая феномены публичных договоров и договоров присоединения отталкиваются от того факта, что практика демонстрирует огромное количество примеров совмещения указанных СДК, поскольку объективно заключение публичного договора должно происходить посредством присоединения потребителя к некому стандартному набору условий, одинаковому для всех контрагентов обязанной стороны. Многие гражданско-правовые договоры объективно являются одновременно и публичными и договорами присоединения. Это: договоры в сфере страхования, договоры розничной купли–продажи и т.д

Вместе с тем в отечественной правовой науке уже не одно десятилетие ведется дискуссия по вопросам соотношения и иерархии норм, регулирующих правоотношения сторон в случае, когда к договору одновременно применимы положения ст. 426 ГК РФ о публичном договоре и положения ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения. «Конкуренция статей 426 и 428 ГК РФ состоит в том, что потребитель, в случае необоснованного отказа обязанной стороны заключить публичный договор, имеет возможность в порядке действия п. 4 ст. 445 ГК РФ обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор, а также имеет право на возмещение убытков, возникших в связи с необоснованным уклонением обязанной стороны от заключения публичного договора» [644]. В ситуации с договором присоединения споры на стадии заключения договора не возможны. Присоединившаяся сторона наделена иным правовым инструментом защиты своих интересов, а именно – правом требовать расторжения или изменения обременительных условий уже заключенного договора, если таковые ущемляют права присоединившейся стороны.

Относительно иерархии применения норм статей 426 и 428 ГК РФ для публичного договора, заключаемого присоединением потребителя к договору в цивилистике сформированы следующие позиции:

1) вопрос приоритета норм оставлен на усмотрение сторон;

2) превалирующими являются нормы о договоре присоединения;

3) превалирующими являются нормы о публичном договоре;

4) конкуренция норм отсутствует, так как одновременно действуют и нормы о публичном договоре и о договоре присоединения.

Все четыре варианта в юридической науке имеют своих сторонников.

Касаемо первого варианта: вопрос приоритета норм оставлен на усмотрение сторон.

Еще в 1999 году профессор М.И. Брагинский, указал на конкуренцию статей 426 и 428 ГК РФ и сформулировал тезис о том, что «если заключенный договор попадает одновременно под действие обеих статей – 426 и 428 ГК, право выбора в применении той или другой статьи должно принадлежать потерпевшей стороне» [198]. С таким подходом согласилась в своем диссертационном исследовании А.В. Цыпленкова [519, с. 100], которая при этом пришла к радикальному выводу о том, что «любой публичный договор одновременно является договором присоединения» [519, с. 45].

Касаемо второго варианта: превалирующими являются нормы о договоре присоединения.

Сторонником позиции примата статьи 428 при заключении публичных договоров посредством присоединения являлся профессор Сейнароев Б.М. Б.М. Сейнароев полагал что заключение «публичных договоров способом присоединения трансформирует установленный пунктом 2 статьи 445 ГК РФ порядок разрешения возникающих при заключении договора разногласий» [687], и присоединившаяся к публичному договору необязанная сторона приобретает право требования расторжения или изменения условий договора в соответствии с п. 2 статьи 428 ГК РФ. Д.В. Мечетин также полагает, что в положения ст. 426 и 445 ГК РФ не должны применяться при заключении публичных договоров посредством присоединения и пишет, что «наделение

правом оспаривания условий договора присоединения до момента его заключения, в случае, если такой договор одновременно подпадает под признаки публичности, недопустимо» [485, с. 20]. Свою позицию Д.В. Мечетин обосновывает тем, что при противоположном подходе «фактически будет сведена на нет вся потенциальная полезность использования формуляров» [485, с. 20]. Е.А. Мищенко, проводя сопоставительный анализ публичного договора и договора присоединения делает вывод о самостоятельности этих институтов, отмечая при этом что они «могут применяться в гражданско-правовых отношениях как обособлено, так и в совокупности, дополняя друг друга» [488, с. 48]. Вместе с тем, Е.А. Мищенко определяет, что поскольку преддоговорные споры при заключении договора присоединения исключаются, то потребитель в публичном договоре, заключенном в порядке 428 ГК «может оспаривать внесенные в стандартный договор условия в суде только после его заключения… Тем самым действующее гражданское законодательство не предоставляет присоединяющейся стороне в публичном договоре эффективных и оперативных правовых средств защиты от недобросовестного включения в формуляр условий, противоречащих положениям ст. 426 ГК РФ или не соответствующих обычно устанавливаемым правам и обязанностям по таким соглашениям» [488, с. 84–85]. Таким образом, Е.А. Мищенко, по сути приходит к выводу, что по факту положения ст. 428 в вопросе оспаривания условий публичного договора присоединения имеют приоритет.

Касаемо третьего варианта: превалирующими являются нормы о публичном договоре.

Многие ученые придерживаются третьего подхода, подразумевающего, что при заключении публичного договора посредством присоединения приоритет имеют нормы статьи 426 ГК РФ. Одной из наиболее ранних работ, с данной точкой зрения назовем диссертацию Р.А. Тельгарина, в которой

указывается на то, что «в случае многократного повторения стандартных условий при заключении, например, публичного договора можно полагать, что приоритет должен быть отдан нормам о публичном договоре, а не договору присоединения» [510, с. 88]. Р.Г. Тельгарин не дает в своей работе научного обоснования данному тезису, однако позиция приоритета статьи 426 ГК РФ в последующие годы получила развитие в трудах многих ученых. Профессор Н.И. Клейн, комментируя статью 428 ГК РФ приходила к выводу, что обязанная сторона при заключении публичного договора не вправе ссылаться на правила заключения договора, предусмотренные нормами ст. 428 о договоре присоединения. Приоритет норм публичного договора по мнению Н.И. Клейн должен проявляться в том, что «у присоединяющейся стороны есть право заключить договор со стандартными условиями с протоколом разногласий и передать неурегулированные разногласия на рассмотрение суда» [293]. А.Г. Ананьев полагает, что «если конкретная договорная конструкция охватывает и режим ст. ст. 426 и 428 ГК РФ, то соответствующие положения закона надлежит применять одновременно. Вместе с тем их применение должно исходить из первоочередного значения правил ст. 426 ГК РФ, а правила ст. 428 ГК РФ в данном случае имеют производно–второстепенное значение и их надлежит применять только относительно частного вопроса — способа заключения соответствующего договора, обладающего свойствами публичного» [533]. Относительно позиции А.Г. Ананьева отметим, что она не объясняет, что ученый предполагает под применением норм 428 ГК РФ к частному вопросу заключения договора, поскольку императивы ГК РФ регулируют специальную правоспособность присоединившейся стороны в части оспаривания условий уже действующего договора, заключенного посредством присоединения.

И, наконец, четвертый подход, отрицающий конкуренцию норм статей 426 и 428 ГК РФ, также нашел своих сторонников. Г.А. Калашникова

обосновывает отсутствие конкуренции статей 426 и 428 ГК тем, что указанные статьи регулируют порядок заключения договора «в разных плоскостях и поэтому не конкурируют друг с другом», применяясь одновременно [458, с. 12]. По мнению Г.А. Калашниковой такое «двоякое применение, способствует усилению защиты потребителя: на стадии исполнения договора к его праву требовать недискриминации по отношению к другим потребителям прибавляется право требовать недискриминации вообще» [458, с. 182]. С.К. Идрышева считает, что «публичный договор и договор присоединения нельзя противопоставлять, они неразрывно связаны» [456, с. 221]. В своем диссертационном исследовании С.К. Идрышева хотя и говорит о приоритете норм публичного договора, но при этом отмечает отсутствие конкуренции между статьями 426 и 428, полагает, что потребитель имеет право требовать защиты своих субъективных прав по основаниям, предусмотренных обеими статьями [456, с. 235]. Она пишет: «потребитель должен иметь возможность применять нормы ст. 428 в части права требования изменения условий публичного договора уже в силу того, что «мы признаем договор присоединения способом заключения публичного договора» [456, с. 223]. О.С. Левченко считает, что публичный договор и договор присоединения защищают потребителя в разных плоскостях: «публичный договор — в области понуждения коммерческой организации к заключению договора на недискриминационных условиях, договор присоединения — в качестве средства недопущения злоупотребления правом в иных формах, противодействующего включению в договор явно обременительных условий» [477, с 43–44]. Исходя из этого Левченко делает вывод о том, что «если договор содержит неправомерные положения (не соответствующие нормам Постановления Правительства РФ или в нарушение п. 2 ст. 426 Гражданского кодекса РФ, дискриминирующие лицо по сравнению с другими потребителями той же коммерческой организации), подлежит применению

ст. 426 Гражданского кодекса РФ. Если договор соответствует закону, но, тем не менее, является явно обременительным по сравнению с обычно заключаемыми на рынке договорами такого вида, применяется ст. 428 Гражданского кодекса РФ» [477, с 40–41]. А.И. Савельев считает, что для публичных договоров, заключенных по способу присоединения нормы ст. ст. 426 и 428 применяются одновременно и необязанная сторона обладает возможностью использования всех способов защиты прав: «как требовать исключения из договора недискриминационных, но несправедливых условий по правилам ст. 428 ГК РФ, так и апеллировать к ничтожности дискриминационных условий по правилам ст. 426 ГК РФ, а также требовать в судебном порядке заключения с ним договора при необоснованном отказе ответчика от этого» [260]. Ю.С. Шпинев полагает, что поскольку императивные нормы и публичного договора, и договора присоединения установлены «с единственной целью защиты «слабой» стороны, представляется, что в рассматриваемом случае потребитель сможет пользоваться обоими способами» [721, с. 154]. Следует отметить, что позиция об одновременном применении положений ст. 426 и 428 частично совпадает с первой рассмотренной нами позицией, разница в них заключается в том, что если М.И. Брагинский ставил вопрос о «выборе» между конкурирующими нормами, то сторонники отсутствия конкуренции между положениями ст. 426 и 428 ГК РФ делают акцент на возможности одновременного применения норм, установленных и для режима публичного договора и для договора присоединения, отмечая их равное влияние на правовое регулирование правоотношений сторон.

Рассмотрев представленные выше доктринальные позиции о соотношении действия норм статей 426 и 428 ГК РФ в одном договорном обязательстве, мы можем сделать выводы, что так называемая «проблема конкуренции статей 426 и 428» базируется на следующих вопросах:

1) возможно ли применение п. 3 ст. 426 о понуждении обязанной стороны к заключению договора, если правила ст. 428 не предусматривают преддоговорные споры при заключении договора контрагентом обязанной стороны посредством присоединения;

2) возможно ли применение п. 2 ст. 428 о праве присоединившейся стороны требовать расторжения или изменения договора, если по мнению присоединившейся стороны публичный договор содержит явно обременительные для нее условия.

По существу, обозначенных вопросов укажем следующее. То обстоятельство, что нормы ст. 428 ГК РФ не предусматривают преддоговорные споры при заключении договора присоединения, никак не означает, что контрагент обязанной стороны в публичном договоре не может обратиться с иском о понуждении заключить договор. Способ заключения договора посредством присоединения не может дезавуировать императивную норму о том, что обязанное лицо в публичном договоре должно вступить в договорные отношения в каждым кто к нему обратится. В противном случае следовало бы сделать вывод, что способ заключения договора обладает потенциалом изменения квалификации договора и что договоры, заключаемые посредством присоединения не должны квалифицироваться как договоры публичные. Более того, имеет место обратный правовой эффект. Специфика одновременного применения СДК публичного договора и договора присоединения проявляется в том, что такое обязательство налагает на обязанную сторону договора присоединения свойственные обязанной стороне публичного договора ограничения в свободе выбора контрагента.

При всей очевидности того, что необязанная сторона при заключении публичного договора присоединением может воспользоваться правом к понуждению заключения договора, принципиальным является другой вопрос

– какой запрос относительно условий публичного договора может выдвинуть заявитель такого иска?

Если обязанная сторона отказывается заключить с контрагентом публичный договор на обычных для потребителей данной категории условиях, то имеет место дискриминация конкретного потребителя и такой иск однозначно будет обеспечен судебной защитой.

Если контрагента обязанной стороны не устраивают условия, публичного договора, которые установлены для всех потребителей, то согласимся с мнением Г.А. Калашниковой о том, что «в публичном договоре условие, соответствующее условиям в других аналогичных договорах той же коммерческой организации с аналогичными потребителями, может быть исключено только в случае исключения его из всех аналогичных договоров» [458, с. 146]. И положительное решение суда будет по сути означало бы, что обязанной стороной в публичном договоре нарушены права не конкретного потребителя, а всех потребителей данной категории, с которыми обязанная сторона заключала и заключает подобные договоры. При этом сложно представить себе иск, в котором заявитель требует для себя условий худших в сравнении с обычно применяемыми. Вероятнее всего в таком иске заявитель будет требовать заключить с ним публичный договор на неких специальных, «привилегированных» непосредственно по отношению к нему условиях. В данной ситуации следует иметь ввиду, что статья 426 ГК отсылает к п. 4 статьи 445 ГК именно в случае необоснованного уклонения обязанной стороны от заключения публичного договора. Это означает, что если обязанная сторона отказывается от заключения договора по причине того, что потребителя не устраивают единые условия публичного договора, установленные для всех иных потребителей данной категории, то такой отказ от заключения договора нельзя квалифицировать как необоснованный.

Таким образом, при том, что контрагент обязанной стороны в публичном договоре имеет право на стадии заключения договора апеллировать к суду с иском о понуждении заключить публичного договора в порядке действия п. 3 ст. 426 и такая возможность является конститутивным признаком публичного договора, в основе такого иска должно лежать нарушенное право контрагента–потребителя в результате именно необоснованного уклонения обязанной стороны от заключения договора. Как справедливо указывает Г.А. Калашникова «прежде чем обращаться к ст. 445 ГК РФ, нужно проверить, не урегулирован ли какой-либо вопрос, относящийся к заключению публичного договора, по–иному в ст. 426 ГК РФ» [458, с. 145]. Иными словами, если публичный договор соответствует требованиям п. 2 ст. 426 ГК РФ и обязанная сторона готова заключить с потребителем договор на равных с прочими потребителями условиях, то отказ от договора на выдвигаемых потребителям привилегированных конкретно для этого потребителя условиях не может расцениваться как необоснованный отказ от заключения публичного договора и, следовательно, основания к применению п. 3 ст. 426 и п. 4 ст. 445 отсутствуют.

Касаемо возможности применения к публичному договору пункта 2 ст. 428 о праве присоединившейся стороны требовать расторжения или изменения уже заключенного публичного договора, отметим следующее. Согласно п. 2. ст. 428 ГК РФ «присоединившаяся к договору сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности

участвовать в определении условий договора». Как видно из текста статьи условиями применения п. 2 ст. 428 ГК РФ является следующее:

1) заключенный договор не противоречит нормативно–правовым актам, то есть является оспоримой сделкой;

2) заключенный договор содержит обременительные для присоединившейся стороны условия;

3) при возможности определения условий договора присоединившаяся сторона могла бы правомерно настаивать на исключении обременительных для нее условий из текста договора.

Ни одно из этих условий не реализуемы если публичный договор, заключенный посредством присоединения, нарушает требования, установленные пунктами 2 и 4 статьи 426 ГК РФ и, как следствие, ничтожен. Если публичный договор (его условия) ничтожны в силу положений п. 2; п. 4; п.5 статьи 426 К РФ, то не действует гипотеза п. 2 статьи 428 ГК РФ «если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида», так как такой договор будет противоречить закону. Если присоединившаяся сторона полагает, что договор присоединения содержит обременительные для нее условия, в то время как эти условия являются общими, типовыми для всех потребителей данной категории, то возможность оспаривания таких условий означала бы возможность включения в публичный договор условий, противоречащих закону. И, наконец, когда потребителя, присоединившегося к публичному договору, не устраивают типовые условия, которые обязанная сторона установила для всех иных потребителей данной категории, то, конечно же, такое понимание указанных условий не соответствует установленному в п. 2 ст. 428 критерию «разумно понимаемых интересов» и наличие возможности участвовать в определении

условий договора никак не предопределило бы право присоединяющейся стороны установить условия договора, противоречащие закону.

Особо следует остановиться на представленных в науке мнениях о том, что стороны публичного договора имеют определенную свободу в формулировании условий договора, если они не дискриминируют конкретного контрагента–потребителя. Н.И. Клейн указывала, что «в отличие от договора присоединения при заключении публичного договора возможны разногласия сторон по стандартным условиям и передача неурегулированных разногласий на рассмотрение суда» [293] и полагала, что под запретом изменения находятся только дискриминирующие условия публичного договора, заключенного присоединением. Л.В. Пашацкая считает, что даже если публичный договор заключен посредством договора присоединения в типовой форме (причем речь у данного автора идет именно о типовой форме разработанной обязанной стороной, а не о случаях типового договора, утвержденного нормативным актом в соответствии с п. 4. ст. 426 ГК РФ) «за потребителем сохранено право предложить изменить стандартные условия, в том числе путем составления протокола разногласий к договору. В этом состоит отличие публичного договора со стандартными условиями от договора присоединения» [492, с. 166]. Относительно требования установления одинаковой цены и иных условий в договоре присоединения, Л.И.Пашацкая полагает, что речь идет только о дискриминационных условиях, что не ограничивает стороны публичного договора согласовать «разные сроки платежа, разный порядок исполнения обязательств и др.» [492, с. 167]. Такое же мнение представлено и в диссертационном исследовании С.Н. Костиковой, которая пишет, что в публичном договоре «запрещена только дискриминация, то есть установление заведомо разных условий, в том числе благоприятных или неблагоприятных для отдельных участников договора. Именно так можно трактовать термин «одинаковые

условия». Стороны могут предусмотреть разные сроки платежа, разный порядок исполнения обязательств» [473, с. 75].

С позициями Н.И. Клейн, Л.И. Пашацкой и С.Н. Костиковой нельзя согласиться. Любое изменение условий публичного договора по просьбе конкретного потребителя следует рассматривать как предпочтение перед иными потребителями той же категории. Так, например, если один и тот же товар продается по одинаковой стоимости, но при этом обязанная сторона предоставила конкретному потребителю по его просьбе отсрочку платежа – это преимущество по отношению к иным потребителям, и дискриминация всех иных потребителей, поскольку, совершая более раннюю оплату, они теряют возможность пользоваться своими денежными средствами в определенном периоде. Или – если всем потребителям один и тот же товар продается со склада обязанной стороны, а какому–то потребителю за ту же цену осуществляется бесплатная доставка – это дискриминация по отношению к иным потребителям, поскольку в реалиях для них товар стоит дороже на стоимость доставки, и т.д.

В свете затронутой проблемы «одинаковых условий» отметим, что практическая реализация принципа равенства потребителей в публичном договоре нуждается в развитии. В 2021 г. Верховный суд в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства" коснулся вопроса дифференциации цен в публичных договорах. Суд оказал, что обоснованной ценовой дифференциацией можно считать не только установление разных цен для разных категорий потребителей, но и «установление различных цен (предоставление скидок) в зависимости от объема приобретения товара покупателем, если этот критерий дифференциации применяется к контрагентам равным образом».

По нашему мнению, данный подходя является столь значимым для

практики реализации публичных договоров, что требует соответствующей фиксации в положениях статьи 426 ГК РФ. Существующая редакция пункта 2 ст. 426 ГК РФ блокирует для обязанной стороны публичного договора возможность учитывать значимые с экономической точки зрения договорные условия, которые объективно могут и должны влиять на стоимость товара, работы, услуги – объем закупки, порядок оплаты (авансирование или наоборот предоставление отсрочек и рассрочек), сроки выполнения обязательства и т.д. Фактически, обязанная сторона не имеет возможности в рамках одной категории предоставить ценовое преимущество покупателю который, например, внес по договору 100% предоплаты перед покупателями, которым предоставлена отсрочка платежа. Другое дело, что коммерческие условия предоставления подобных скидок и льгот должны равным образом применяться. Иными словами, критерием дифференциации цены может служить не только критерий «категория потребителя», но и критерий «условие исполнения потребителем обязательства».

Предлагаемая редакция пункта 2 ст. 426 ГК РФ: «2. В публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории, либо обосновано дифференцироваться равным образом для всех категорий потребителей. Иные условия публичного договора не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения, за исключением случаев, если законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей».

Г.А. Калашникова выдвигает еще одно основание для применения к публичным договорам пункта 2 статьи 428 ГК РФ. Она пишет: «если потребитель в договоре, который подпадает под ст. 426 и ст. 428 ГК РФ, дискриминируется по отношению к другим потребителям той же

коммерческой организации, то применяется ст. 426 ГК РФ, если же иным образом — то ст. 428 ГК РФ» [458, с. 181]. Но тут возникает закономерный вопрос – каким именно иным, не предусмотренным в ст. 426, образом может дискриминироваться потребитель? Сама Г.А. Калашникова полагает, что в данном случае речь может идти об условиях публичного договора худших, чем «в аналогичных договорах других коммерческих организаций (а не той, которая разработала стандарт)» [458, с. 180]. Такой подход представляется не обоснованным в силу того, что закон не предусматривает для обязанной стороны публичного договора возможность отхода от единых для всех ее контрагентов–потребителей условий на таких основаниях как обычай делового оборота или содержание договорных условий, установленных иными организациями, пусть даже действующих в аналогичной сфере.

Подводя итог вопросам конкуренции положений ст. 426 и 428 ГК РФ отметим следующее. Публичный договор и договор присоединения являются совместимыми специальными договорными конструкциями, основной договор может являться одновременно и публичным договором, и договором присоединения.

При совмещении в одном договорном обязательстве нескольких СДК может возникать конфликт норм, поскольку одно и то же правоотношение попадает под правовое регулирование, установленное для разных правовых институтов. Как уже указывалось в параграфе 5.1 исследования, указанная правовая коллизия должна разрешаться путем определения того, какая специальная договорная конструкция является доминирующей и как следствие, путем формирования мнения о том, признаки какой из СДК являются видообразующими, а какой – второстепенными.

При заключении публичного договора посредством присоединения доминирующими являются положения ГК РФ о публичном договоре:

– присоединяющаяся сторона не теряет права на преддоговорные споры в порядке действия п. 3 ст. 426 ГК РФ и п. 4 ст. 445 ГК РФ;

– обязанная сторона не приобретает права выбора контрагента.

«Таким образом, можно сделать вывод о том, что при соединении в одном договорном обязательстве специальной договорной конструкции публичного договора и договора присоединения, императивные нормы, установленные для публичного договора, объективно поглощают императивные нормы, действующие для договора присоединения:

– не действуют положения п. 1 ст. 428 ГК РФ о том, что публичный договор принимается присоединяющейся стороной «не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом»;

– положения пункта 2 статьи 428 ГК РФ объективно не реализуемы, поскольку, если обязанная сторона нарушила требования ст. 426 ГК РФ и заключила с потребителем посредством присоединения публичный договор на условиях, отличных от тех, которые применяет для всех прочих своих контрагентов, то правовые последствия определяются положениями п.5 ст. 426 ГК РФ о ничтожности такого договора;

– не действуют положения п. 3 ст. 428 ГК РФ, так как они сформулированы в контексте применения положений п. 2 ст. 428» [644, с. 209].

Публичный договор и рамочный договор. Относительно возможности совмещения в одном договорном обязательстве специальной договорной конструкции публичного договора и рамочного договора следует сделать вывод о том, что нормы действующего законодательства не содержат запрета относительно включения в публичный договор условий, которые стороны оставили для конкретизации и уточнения на будущее. При таком построении договорного обязательства следует учитывать, что не только первоначальный рамочный договор должен отвечать требованиям статьи 426 ГК РФ о публичном договоре, но и все последующие заключаемые во исполнение

первоначального договора дополнения и соглашения должны не противоречить нормам о публичном договоре.

Публичный договор и абонентский договор. В целом ряде случаев публичные договоры заключаются и исполняются по модели абонентского договора.

В качестве абонентского договора в случае продажи абонементных билетов на проезд выступает публичный договор перевозки пассажиров при пригородном сообщении [61]. В качестве абонентского договора квалифицируется публичный договор оказания услуг почтовой связи по использованию ячеек абонементных почтовых шкафов и почтовых абонентских ящиков [90]. Абонентскими договорами являются публичные договоры оказания услуг связи для целей телевизионного вещания [64]. Исключительно в форме абонентского договора оказываются услуги в рамках публичного договора связи проводного радиовещания [66]. В форме абонентского договора может исполняться публичный договор оказания услуг телефонной связи [42]. В качестве абонентского договора выступает публичный договор продажи клубной карты по публичному договору на оказание физкультурно–оздоровительных услуг [68]. Публичный договор по оказанию телематических услуг связи также может быть реализован в форме абонентского договора [55]. В форме абонентского договора могут оказываться услуги по публичному договору предоставления услуг связи по передаче данных [65]. В качестве абонентского договора судами рассматриваются публичные договоры на вывоз твердых коммунальных отходов [108; 111; 116; 117]. Так в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 09.11.2022 № Ф06–24152/2022 по делу № А65- 32511/2021 указывается, что «исходя из анализа положений Закона № 89-ФЗ, Основ ценообразования в области обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденных постановлением Правительства

Российской Федерации от 30.05.2016 № 484, Методических указаний по расчету регулируемых тарифов в области обращения с твердым коммунальными отходами, утвержденных приказом Федеральной монопольной службы от 21.11.2016 № 1638/2016, статьи 438 ГК РФ, Правил № 1156, правоотношения по возмездному оказанию услуг региональным оператором собственнику ТКО по обращению с этими отходами построено законодателем по модели абонентского договора (статья 429.4 ГК РФ)» [121].

В качестве специфики совмещения публичного договора и абонентского договора можно выделить случаи, когда публичный договор становится абонентским в случае предоставления коммунальных услуг. Согласно статьи 157 «Размер платы за коммунальные услуги» ЖК РФ: размер платы за коммунальные услуги рассчитывается исходя из объема потребляемых коммунальных услуг, определяемого по показаниям приборов учета, а при их отсутствии исходя из установленных нормативов потребления [3]. Таким образом, в случае отсутствия у абонента приборов потребления коммунального ресурса (например, воды или газа) плата за коммунальный ресурс взимается по нормативу и публичный договор принимает форму договора абонентского.

Проведенное исследование показывает, что целый ряд услуг, оказываемых по публичным договорам может, а в некоторых случаях и должен, предоставляться в форме абонентского договора. Совмещение публичного договора со специальной договорной конструкцией абонентского договора сопровождается показанным в подразделе 4.3 правовым эффектом расширения существенных условий договора.

В тех случаях, когда для определенных видов публичного договора, нормативными актами предусмотрена возможность абонентского формата получения услуг, обязанная сторона не может отказать контрагенту–потребителю в применении абонентской формы договора.

В коммунальной сфере, в случае отсутствия у потребителя коммунальных услуг приборов учета, публичный договор принимает форму абонентского договора, поскольку плата начинает взиматься в виде фиксированной суммы, рассчитанной исходя из утвержденного норматива потребления. Таким образом именно при совмещении специальной договорной конструкции абонентского договора с публичным договором наблюдается единственная в своем роде ситуация, когда ограничивается свобода выбора контрагента–потребителя в силу обязательности применения абонентской формы договора.

Публичный договор и договор в пользу третьего лица. При изучении вопроса участия третьих лиц в публичном договоре, отметим, что данный вопрос не являлся предметом рассмотрения ни в диссертационных исследованиях, посвященных договорам в пользу третьих лиц, авторами которых являются М.К. Кроз [474], Ю.Ю. Захаров [354], М.А. Мильков [486], А.Ю. Чурилов [521], ни в диссертационных исследованиях, посвященных публичным договорам за авторством Е.А. Мищенко [488], С.Н. Костиковой [473], О.С. Левченко [477], С.К. Идрышевой [274], Е.А. Величкиной [433], Б.В. Бальжирова [426].

Единственным исключением является диссертация Г.А. Калашниковой, которая рассмотрела в своем исследовании вопросы заключения публичных договоров в пользу третьих лиц и пришла к выводу о том, что третьи лица «могут быть в публичном договоре не только на стороне потребителя, но и его контрагента» [458, с. 65].

Как уже отмечалось выше в исследовании, в специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица указанное третье лицо всегда вступает в договор со стороны кредитора. В любом синаллагматическом договорном обязательстве каждая из сторон договора пребывает на определенной стадии исполнения договора в качестве должника и на

определенной стадии исполнения договора – в качестве кредитора. Это обусловлено двусторонне – обязывающим характером синаллагматического договора.

Таким образом, рассматривая возможность совмещения в одном договорном обязательстве специальной договорной конструкции публичного договора и договора в пользу третьего лица, необходимо исследовать две диспозиции:

1) о возможности замены третьим лицом контрагента–потребителя;

2) о возможности замены третьим лицом обязанной стороны.

В первую очередь рассмотрим возможность участия третьего лица в договоре на стороне контрагента–потребителя.

Возможность ввести в публичный договор условие, предусматривающее участие третьего лица на стороне контрагента–потребителя не противоречит положениям ст. 426 ГК РФ. В общем случае такая модификация публичного договора зависит от согласия сторон, то есть от обязанной стороны требуется согласие на заключение договора в пользу третьего лица. Вместе с тем, как уже указывалось в параграфе 1.4 исследования, в ряде публичных договоров, обязанная сторона не может отказать контрагенту–потребителю в его желании включить в договорное обязательство третье лицо, поскольку возможность исполнения публичного договора третьему лицу прямо установлена нормативно–правовыми актами, указывающими на то, что потребителем могут являться как сам заказчик, так и третье лицо, в пользу которого заказчик заказывает соответствующие услуги.

Далее рассмотрим вопрос возможности участия третьего лица на стороне кредитора–обязанной стороны. В публичном договоре обязанная сторона становится кредитором в ситуации, когда: контрагент–потребитель должен произвести оплату договора или возвратить обязанной стороне какое–то имущество (например, при договоре проката). Безусловно, стороны

публичного договора могут установить, что контрагент–потребитель выполнит свои обязательства по оплате договора или по возврату имущества некому третьему лицу. Такое условие никоим образом, не противоречит положениям п. 1 и п. 2 ст. 426 ГК и как договорное условие не ущемляет интересы иных потребителей.

При этом в такой конструкции в понимании ст. 430 ГК РФ исполнение публичного договора в пользу третьего лица не происходит, а происходит либо переадресация выполнения денежного обязательства, либо возврат определенного имущества представителю, уполномоченному на приемку такого возврата. В тех случаях, когда контрагент–потребитель выступает в роли должника, исполняющего обязательство не кредитору, а третьему третьему лицу, публичный договор не приобретает правового статуса договора в пользу третьего лица.

Таким образом, при ответе на вопрос о том является ли обязательство договором в пользу третьего лица или речь идет о переадресации следует определить – какое именно обязательство исполняется третьему лицу.

Обязательство, определяющее целевую направленность публичного договора может быть исполнено третьему лицу, то есть третье лицо может вступать в публичный договор на стороне контрагента–потребителя. Особенностью такой конструкции является то, что в случаях, установленных правилами для отдельных публичных договоров, обязанная сторона лишена права возражения на заключение публичного договора в конструкции договора в пользу третьего лица, то есть заключение такого договора становится для обязанной стоны (исполнителя) обязательным.

Государственный (муниципальный) контракт и договор присоединения. «Вопрос совмещения СДК государственного (муниципального) контракта и договора присоединения следует

рассматривать в контексте вопроса – является ли государственный контракт априори договором присоединения» [630, с. 74].

До принятия федерального закона № 44–ФЗ «О контрактной системе…» государственные и муниципальные закупки регулировались федеральным законом № 94–ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который действовал с 01.01.2006 до 31.12.2013 В период действия Закона № 94–ФЗ складывалась разнонаправленная правоприменительная практика по вопросу соответствия юридической природы государственного контракта договору присоединения. Рассматривая различные споры по государственным и муниципальным контрактам суды в одних случаях рассматривали указанные контракты как договоры присоединения, в других случаях указывали на то государственные контракты договорами присоединения не являются.

Основным доводом в разграничении понятий государственный контракт и договор присоединения являлся довод о том, что «поскольку Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94–ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», предусматривает процедуру рассмотрения разногласий к государственному контракту, то государственные контракты, заключаемые в соответствии с ним, не могут быть признаны договорами присоединения» [131; 136; 154; 155; 161; 162].

Противоположная позиция основывалась на том, что поскольку все условия государственного контракта разрабатываются заказчиком, а поставщик товаров (работ, услуг) не влияет на содержание контракта и подавая заявку, принимает условия в целом контракта, следовательно, государственный контракт является договором присоединения [132; 138; 163; 166; 167; 168].

Многочисленные споры по государственным и муниципальным контрактам потребовали формирования позиции высшего суда и 2014 году Президиум ВАС РФ принял два постановления, в которых то, что государственный контракт заключается посредством присоединения обосновал ссылками на часть 6 статьи 20, часть 6 статьи 32, часть 6 статьи 41.1, часть 4 статьи 46, часть 7 статьи 53 Закона № 94–ФЗ, и на запрет на переговоры между участником размещения заказа и заказчиком при проведении аукциона, конкурса, запроса котировок. ВАС РФ указал: «запрет на переговоры означает, что лицо, подписывающее государственный контракт, лишено возможности выразить собственную волю» и вынужденно принимает все условия (размер неустойки, порядок рассмотрения споров и др.) путем присоединения к контракту в целом (договор присоединения)» [144; 145]. Данный подход поддержан огромным количеством судебных решений при рассмотрении дел уже после вступления в действие нового закона № 44–ФЗ «О контрактной системе…» [119; 120; 124; 126; 135; 148; 149; 156].

Если сегодняшняя правоприменительная практика в основной своей массе придерживается в судебных спорах позиции признания государственного (муниципального) контракта договором присоединения, то доктринальные исследования демонстрируют отсутствие единого подхода в данном вопросе.

Ряд ученых рассматривает государственный контракт как договор присоединения. О.Н. Колесник в одном из первых доктринальных исследований, посвященных государственным контрактам, указал: «использование при дифференциации договорных обязательств на отдельные виды договоров такого критерия, как способ заключения договора, выявляет правовую природу государственного контракта на поставку продукции для государственных нужд как договора присоединения» [469, с. 66]. Н.А. Курц

также определяет правовую природу государственного контракта как договора присоединения [616] и обосновывает свой вывод действующим порядком заключения государственных и муниципальных контрактов [615]. Аналогичную позицию занимает Г.Н. Александров [532], Т.Р. Григорян [578] и др.

Ученые, высказывающие противоположное мнение – о том, что государственный (муниципальный контракт) не является договором присоединения, основывают позицию на том, что цена контракта при конкурентном размещении государственного заказа предлагается участником торгов. Так, Е.А. Цатурян полагает, что госконтракт не может быть квалифицирован в качестве договора присоединения «ввиду того, что возможна встречная оферта (поставщика) по крайней мере с одним иным условием – ценой» [399].

Р.Б. Куличев в вопросе признания государственного контракта договором присоединения полагает, что в случае заключения контракта с единственным поставщиком, государственный контракт выступает в качестве договора присоединения. В случае же размещения закупки конкурентным способом, государственный контракт по мнению Р.Б. Куличева лишь содержит черты договора присоединения, поскольку победитель присоединяется «к условиям государственного контракта, за исключением предложенных им условий, указанных в заявке на участие в соответствующей процедуре осуществления закупки» [298].

Своеобразный подход к юридической квалификации договоров, заключаемых на торгах был предложен и О.А. Беляевой. Указанный автор предложила рассматривать такие договоры как "двойственный договор присоединения". Логика О.А. Беляевой заключается в том, что на определенных этапах закупки обе стороны выступают в роли присоединившейся стороны. На стадии размещения закупки проект контракта

формирует заказчик и поставщик (исполнитель, подрядчик) присоединяется к договору во всех его условиях кроме цены. В заявке, напротив, ценовое условие определяет поставщик (исполнитель, подрядчик) и к этим условиям уже присоединяется заказчик. О.А. Беляева пишет: «получается, что проект договора, вложенный в документацию о торгах, – это одна часть стандартных условий (или одна часть договора присоединения), условно назовем его «стандарт заказчика», а содержание заявки, в свою очередь, – вторая часть стандартных условий (или вторая часть договора присоединения), образно говоря, «стандарт победителя». Соединяя два этих стандарта, две части двойственного договора присоединения, мы получаем договор, заключенный по результатам торгов» [194; 549].

В позициях О.А. Беляевой и Р.Б. Куликова и Е.А. Цатурян просматривается единый концепт, заключающийся в том, что государственный контракт не является договором присоединения, поскольку при конкурентном размещении государственного заказа часть условий государственного контракта, а именно – цена, определяется не государственным заказчиком, а непосредственно участником торгов. По нашему мнению, такой подход является ошибочным в силу следующего. Участник торгов при подаче заявки ограничен в возможностях предложения в части формирования ценовых условий контракта, поскольку в соответствии с положениями Закона «О контрактной системе» заказчик при размещении закупки в соответствии со ст. 42 Закона № 44–ФЗ обязан предоставить информацию о начальной (максимальной) цене контракта (начальной сумме цен единиц товара, работы, услуги). Порядок обоснования заказчиком НМЦ контракта регламентируется ст.22 Закона «О контрактной системе» и рядом подзаконных актов [50; 91]. В случае, если участник закупки подаст заявку, содержащую предложение о цене контракта размер которого превышает начальную (максимальную) цену контракта такая заявка возвращается

участнику в соответствии с порядком, установленным статьей 43 Закона № 44- ФЗ. Таким образом, именно заказчик фактически определяет условие контракта в части его стоимости, а участник торгов имеет лишь возможность сформировать свое предложение в рамках параметров, заданных заказчиком.

Е.А. Цатурян выдвигает еще один аргумент против признания государственного контракта договором присоединения. Она пишет: государственный контракт «не отвечает одному из признаков договора присоединения – определения условий в формулярах или иных стандартных формах», «Закон № 44–ФЗ не устанавливает требования о том, что условия контракта должны быть определены в формулярах или иных стандартных формах» [399]. С этим доводом также нельзя согласиться. В соответствии с п. 11 ст.34 Закона о контрактной системе федеральные органы исполнительной власти должны были разрабатывать и утверждать для заказчиков типовые контракты. С 15.07.2014 до 31.12.2021 для публичных закупок порядок разработки типовых контрактов и типовых условий контрактов регулировался Постановлением Правительства РФ от 02.07.2014 № 606 [44]. С 01.01.2022 типовые условия контрактов, подлежащие применению заказчиками при осуществлении закупок, утверждаются исключительно Правительством Российской Федерации [12]. До момента утверждения Правительством РФ соответствующих типовых условий контрактов, действуют ранее разработанные федеральными органами власти типовые контракты и типовые условия контрактов, которые размещены в единой информационной системе и составляют библиотеку типовых контрактов, типовых условий контрактов [724].

Сами типовые контракты, разработанные для государственных (муниципальных) заказчиков, как справедливо отмечает профессор М.Н. Малеина, не являются договорами присоединения, поскольку «типовой контракт является нормативным актом, а присоединиться можно к проекту

конкретного госконтракта» [626]. Однако, проект государственного контракта в части императивных условий, безусловно, базируется на условиях типового контракта, что соответствует положениям ст. 428 ГК РФ. К аналогичному выводу приходит в диссертационном исследовании А.В. Ярош, который указывает, что «утверждение типовой формы характеризует правовую конструкцию государственного контракта как признак договора присоединения, условия которого определяются в установленных формулярах» [527, с. 159].

На основании изложенного, полагаем, что «при заключении гражданско-правовых договоров в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд одновременно реализуются две специальные договорные конструкции: государственный (муниципальный) контракт и договор присоединения» [630, с. 72]. Вместе с тем, нормы, регулирующие порядок заключения, исполнения и прекращения государственного (муниципального) контракта будут иметь доминирующее положение по отношению к положениям ст. 428 ГК РФ.

Государственный контракт и рамочный договор. Вопрос возможности совмещения конструкции государственного контракта и конструкции рамочного договора уже частично затрагивался в параграфе 4.1 исследования.

В январе 2019 года Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция повышения эффективности бюджетных расходов [49]. В Концепции указывалось на то, что «одним из ключевых направлений повышения эффективности бюджетных расходов является развитие контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд». В качестве одного из программных мероприятий по оптимизации процедур закупок Концепцией предусматривалось «установление возможности осуществления закупки по

цене единицы товара, работы, услуги независимо от объекта закупки в случае невозможности определения заказчиком фиксированного объема закупаемых товаров, работ, услуг». Данное положение было реализовано посредством внесения в мае 2019 г. изменений в статью 22 Закона «О контрактной системе…» [4]. Статья 22 Закона №44–ФЗ была дополнена частью 24 согласно которой государственному (муниципальному) заказчику теперь предоставлено право проводить закупки с неопределенным на момент заключения контракта объемом товаров, работ, услуг. В этом случае Заказчик должен обосновать цену единицы товара (работы, услуги) и обязан в соответствии со ст.34 Закона №44–ФЗ указать в контракте условие о том, что поставка товаров, работ, услуг производится на основании заявок заказчика.

В случае проведения закупки в соответствии с частью 24 ст.22 Закона «О контрактной системе» за единицу товаров, работ, услуг без указания объемов, к закупке «применяются положения Закона о контрактной системе, а также статьи 429.1 ГК РФ о рамочном договоре (договоре с открытыми условиями)» [123; 147; 164].

Таким образом, специальная договорная конструкция государственного (муниципального) контракта совместима со специальной договорной конструкцией рамочного договора (договора с открытыми условиями). Спецификой применения рамочных договоров в контрактной системе является наличие императивного правила об обязательности исполнения государственного контракта на основании заявок заказчика, а также включение в государственный (муниципальный) контракт порядка определения количества поставляемого товара, объема выполняемой работы, оказываемой услуги. Положения о конкретизации условий рамочного договора представлены в ст. 429.1 ГК РФ в диспозитивной форме. Следовательно, при совмещении СДК в одном договорном обязательстве

наблюдается эффект поглощения диспозитивных норм абонентского договора императивными нормами государственного (муниципального) контракта.

Государственный контракт и абонентский договор. Согласно данным ЕИС закупки абонентские договоры активно заключаются государственными и муниципальными заказчиками. В качестве примера предмета таких договоров можно привести:

– предоставление услуг телефонной связи;

– предоставление услуг мобильной связи;

– предоставление услуг сети Интернет;

– предоставление услуг по абонентскому обслуживанию систем мониторинга транспорта;

– предоставление услуг по абонентскому обслуживанию различных терминалов и оборудования;

– предоставление услуг по абонентскому обслуживанию программ бухгалтерского учета, баз данных, информационных систем;

– предоставление консультационных услуг с абонентской формой оплаты.

Таким образом, государственный (муниципальный) контракт может быть заключен по модели специальной договорной конструкции абонентского договора.

Государственный контракт и договор в пользу третьего лица. В Концепции развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования отмечено, что «согласно доктрине именно, наличие у третьего лица самостоятельного требования к должнику является конститутивным признаком договора в пользу третьего лица» [77].

Государственный контракт не может являться договором в пользу третьего лица в конструкции, когда третье лицо выступает на стороне

поставщика (подрядчика, исполнителя), то есть, кредитора–контрагента государственного заказчика. Государственный заказчик приобретает статус должника в таких случаях, как обязанность уплатить аванс по договору или в обязательстве по оплате фактически принятого исполнения по поставке товара, выполненных работ, оказанных услуг. В данной ситуации замена кредитора третьим лицом означала бы, что государственный (муниципальный) заказчик должен провести оплату не кредитору–держателю контракта, а некому третьему лицу, причем, согласно п. 1 ст. 430 ГК РФ такой порядок исполнения должен быть установлен самим государственным (муниципальным) контрактом. Как неоднократно указывал Минфин России, условие о порядке оплаты государственного контракта (включая платежные реквизиты исполнителя контракта) является существенным условием договора и не подлежит изменению [83]. Исполнение государственного (муниципального) контракта регулируется нормами гражданского законодательства, нормами законодательства о контрактной системе и нормами бюджетного законодательства. Именно в части оплаты государственного (муниципального) контракта приоритетными являются положения бюджетного права, поскольку происходит исполнение бюджетных обязательств по расходам. Казначейство России отмечает, что законодательство о контрактной системе не предусматривает возможности оплаты государственных контрактов третьим лицам, а также отсутствие в бюджетном законодательстве норм, определяющих возможность «санкционирования оплаты денежных обязательств, возникающих из государственных (муниципальных) контрактов, третьему лицу, не являющемуся поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по такому контракту» [80]. Суды также неоднократно указывали на невозможность оплаты государственного (муниципального) контракта третьему лицу как в силу вышеназванных оснований, так и в силу того, что личность кредитора

имеет существенное значение для должника (ответчика) в целях оплаты бюджетного обязательства [127; 134; 139; 141; 142; 152]. С 01.01.2022 пункт 2 части 1 статьи 94 Закона о контрактной системе действует в новой редакции согласно которой оплата государственного контракта на всех его стадиях должна производиться непосредственно поставщику (подрядчику, исполнителю) [12]. Таким образом, по государственному (муниципальному) контракту объективно невозможно исполнить обязательство по оплате контракта третьему лицу. Исключение составляют случаи, предусмотренные п.5 ст.95 Закона о контрактной системе, допускающего перемену поставщика (подрядчика, исполнителя) при правопреемстве в результате реорганизации в форме преобразования, слияния или присоединения.

Государственный (муниципальный) контракт может реализовываться исполнением третьему лицу, что не является договором в пользу третьего лица. Например, если для сотрудника государственного заказчика в рамках командировочных расходов приобретаются и оплачиваются билеты, проживание в гостинице и т.д. То есть, если третье лицо принимает исполнение, но не приобретает права требования в отношении поставщика (исполнителя, подрядчика) и не становится стороной контракта, государственный (муниципальный) контракт договором в пользу третьего лица не является [250]. Минфин России также выпустил ряд писем, в которых сформулировал позицию о невозможности заключения трехсторонних государственных и муниципальных контрактов [84; 86].

Совмещение в одном обязательстве СДК государственного (муниципального) контракта и договора в пользу третьего лица возможно, однако не в общих, а только в предусмотренных нормами права случаях. Речь идет о случаях, когда нормативные акты обязывают государственного (муниципального) заказчика заключить договор в пользу выгодоприобретателя, являющегося третьим лицом. Именно тогда, в случаях

появления на стороне государственного заказчика третьего лица, имеющего право требовать от поставщика (подрядчика, исполнителя) исполнения обязательства в свою пользу и приобретающего права кредитора, госконтракт становится договором в пользу третьего лица. Заключение указанных договоров прямо предусмотрено действующим законодательством. Речь идет о государственных контрактах, предметом которых является обязательное страхование за счет бюджетных средств отдельных категорий граждан. По нашему мнению, в данном случае Государственный контракт и договор в пользу третьего лица будут корреспондировать в режиме поглощения – доминирующей СДК будет являться государственный контракт.

Статья 6 Федерального закона № 52–ФЗ прямо указывает, что при обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц между страхователем и страховщиком заключается договор в пользу третьего лица (выгодоприобретателя) [32]. Форма такого договора утверждена Постановлением Правительства РФ от 06.03.2014 № 169 [73]. Аналогично этому заключается договор в пользу третьего лица при страховании сотрудников следственного комитета [27], сотрудников Счетной палаты РФ [29] и др.

Договор присоединения и договор в пользу третьего лица. Договоры банковского вклада относятся к договорам присоединения [140]. Частным случаем договора банковского вклада является регламентируемый ст. 842 ГК РФ вклад в пользу третьих лиц.

Таким образом, специальные договорные конструкции договора присоединения и договора в пользу третьего лица являются совместимыми.

Договор присоединения и абонентский договор

Абонентский договор может быть заключен присоединением. Л.Б. Ситдикова в качестве примера таких договоров приводит в частности

«договоры в сфере предоставления библиотечного фонда, информационно–поисковых систем, предметом которых является предоставление в электронном виде комплектов текстов нормативных актов, официальных документов, правовых, а также иных информационных материалов» [693, с. 93]. В современных реалиях цифровизации и формирования цифровых экосистем появляются новые виды абонентских договоров, заключаемых посредством присоединения: подписные онлайн–кинотеатры и порталы, различные облачные сервисы по гейммингу и хранению информации.

Отметим, что при заключении абонентского договора в форме договора присоединения, абонент будет наделяться дополнительными правами, которые действующее законодательство предоставляет присоединившейся стороне: правом расторжения или изменения абонентского договора, если такой договор лишает абонента обычно предоставляемых по аналогичным договорам прав, или сдержит иные обременительные для абонента условия, которые абонент, исходя из своих разумно понимаемых интересов не принял бы при наличии у него возможности участвовать в определении условий договора.

Абонентский договор и рамочный договор. В научной литературе высказывается мнение о схожести рамочного и абонентского договоров. Так, Д.Н. Корхалев наделяет и рамочный и абонентский договоры общим свойством, которое «состоит в том, что договорное отношение носит длящийся характер. Договоры предполагают периодичность платежей. Однако абонентский договор не требует заключения других договоров, он не определяет лишь общие условия основного договора как рамочной сделки [602, с. 4]. Похожую позицию занимает А.Г. Карапетов, который видит сходство абонентского и рамочного договора в том, что в указанных

обязательствах предмет договора «определяется заявками одной из сторон» [261, с. 492].

По нашему мнению, такие характеристики исполнения договоров как длительность договорных отношений, направление заявок в ходе исполнения или периодичность платежей не могут служить критериями отождествления правовых договорных институтов. Следуя такой ошибочной логике можно было бы отождествлять договор аренды и договор доверительного управления в силу длящегося характера взаимоотношений сторон или договор поставки с договором лизинга ввиду наличия периодических платежей.

Значимым при сравнении правовых институтов являются скорее не схожие характеристики, а принципиальные отличия, которые предопределили обособление и выделение конкретного правового института и которые проявляются в специфических целях правового регулирования, индивидуализирующих тот или иной правовой институт. Использование специальной договорной конструкции рамочного договора позволяет участникам гражданско-правовых отношений, согласовав существенные условия договорного обязательства в мере, позволяющей считать договор заключенным, перенести на будущее конкретизацию и уточнение общих условий обязательственных отношений. Использование специальной договорной конструкции абонентского договора позволяет сторонам гражданско–правового договора установить специфический порядок исполнения договора, который заключается в установлении фиксированной платы за предусмотренное договором надлежащее исполнение. При реализации рамочного договора с конкретизацией объемов предусмотренного договором исполнения, сторона, получающая благо, будет оплачивать именно затребованные и полученные товары, работы, услуги в увязке с объемом фактически произведенного исполнения. При абонентском договоре оплата за

товары, работы услуги не увязана с фактическим объемом полученных товаров, работ услуг.

Специальная договорная конструкция абонентского договора и специальная договорная конструкция рамочного договора совместимы в одном договорном обязательстве. При этом, указанная структура гражданско–правового договора может возникать только в случае, если стороны согласовали ключевой признак абонентского договора в виде внесения платы по договору не зависимо от того, было ли затребовано от исполнителя соответствующее исполнение, определяющее целевую направленность договорного обязательства. Свойство рамочного договора может в указанной конструкции проявляться лишь в дополнительном согласовании сторонами порядка оплаты, сроков исполнения затребованного исполнения, конкретизации запрашиваемых характеристик товаров, работ, услуг.

Совместимость специальной договорной конструкции договора в пользу третьего лица с договорными конструкциями – рамочного договора; абонентского договора. Возможность участия третьих лиц в рамочном договоре рассмотрела в своем диссертационном исследовании Т.С. Гудовских и пришла к выводу о том, что «специальные договорные конструкции рамочного договора и договора в пользу третьего лица несовместимы друг с другом» [523, с. 119] и что «рамочный договор ни при каких обстоятельствах не может быть квалифицирован, как договор в пользу третьего лица» [523, с. 122]. В обоснование такой позиции Т.С. Гудовских привела доводы о том, что «у иных лиц, которые не являются сторонами основного договора, отсутствует интерес в том, чтобы получить право восполнять несущественные условия основных договоров в соответствии с условиями рамочного договора» [523, с. 122]. По нашему мнению, при заключении договора в пользу третьего лица первоначальные должник и кредитор не теряют ни своего права, ни своего интереса к восполнению условий рамочного

договора. Возможность изменения должником и кредитором любого, (а, следовательно, и рамочного договора) прямо предусмотрена статьей 430 ГК РФ с учетом того, что после выражения третьим лицом намерения воспользоваться правом по договору, должник и кредитор должны согласовывать с третьим лицом все необходимые изменения договорных условий. Что касаемо третьего лица, в пользу которого заключен договор, то было бы логичным полагать, что намерение воспользоваться правом по договору означает наличие у третьего лица договорного интереса в том числе в восполнении необходимых для реализации договора условий.

Т.С. Гудовских полагает также, что поскольку должник и кредитор в рамочном договоре имеют обоюдный интерес в заключении дополнительных соглашений, то интересы сторон являются однонаправленными, что затрудняет однозначное выделение фигуры должника и кредитора. Полагаем, что в любом договорном обязательстве можно говорить об однонаправленности интересов сторон в части достижения соглашения по условиям договора, хотя бы в силу того, что договор априори является соглашением сторон, считается заключенным в результате соглашения сторон и вступая в любое договорное отношение стороны имеют единый интерес в согласовании и определении условий договора. Нет интереса в достижении соглашения – нет договора. В качестве еще одного довода по несовместимости рамочного договора и договора в пользу третьего лица, Т.С. Гудовских моделирует ситуацию, в которой указывает на то, что в рамочном договоре каждая из сторон может являться и должником, и кредитором и как следствие «рамочный договор может быть заключен в пользу одновременно двух различных третьих лиц. Каждая из двух сторон, являющаяся должником, должна будет в этом случае произвести исполнение соответствующему третьему лицу. И в этом случае стороны рамочного договора и стороны основных договоров полностью не совпадут» [523, с. 122].

Как мы уже отмечали, в синаллагматическом договоре каждая из сторон в динамике договорного обязательства выступает в динамике исполнения договора и должником, и кредитором. Однако, договор в пользу третьего лица в понимании ст. 430 ГК РФ наступает лишь в том случае, если в пользу третьего лица передается исполнение должником по основному обязательству, определяющему целевую направленность гражданско – правового договора. Если же третьему лицу исполняется обязательство по оплате полученного в рамках договора блага, то есть должником по оплате выступает покупатель или заказчик, то речь не может идти о договоре в пользу третьего лица, мы имеем дело с переадресацией исполнения. Таким образом, мы считаем, что ситуация заключения договора в пользу двух различных третьих лиц, как на стороне участника, приобретающего благо, в смысле целевой направленности гражданско–правового договора, так и на стороне участника, реализующего указанное благо, не может быть рассмотрена в качестве основания для вывода о невозможности совмещения рамочного договора и договора в пользу третьего лица.

По нашему мнению, специальная договорная конструкция рамочного договора и специальная договорная конструкция договора в пользу третьего лица являются совместимыми, в случае если третье лицо выступает на стороне кредитора, приобретающего благо, определяющее целевую направленность гражданско–правового договора. Аналогичный вывод следует сделать и по вопросу совместимости СДК договора в пользу третьего лица и абонентского договора.

Совместимость специальной договорной конструкции опционного договора в пользу третьего лица с договорными конструкциями: договора присоединения; рамочного договора; абонентского договора; договора в пользу третьего лица. Вопросы совместимости опционного договора с иными специальными договорными конструкциями следует рассматривать в

контексте того, не противоречит ли условие об опционе существу той или иной специальной договорной конструкции.

Представляется, что договор присоединения совместим с опционным договором. В частности, признакам договора присоединения отвечают договоры, заключаемые при размещении ценных бумаг [143] и включение в такие договоры опционного условия, не противоречит действующему законодательству. Опционные договоры на практике заключаются присоединением к общим условиям при приобретении автотранспортных средств за счет средств потребительских кредитов. В корпоративных отношениях заключаются опционные договоры присоединением к типовым условиям по программам долгосрочного стимулирования сотрудников.

В опционном договоре сторонами может быть установлено, что должник обязан произвести исполнение третьему лицу. Как указывает А.Г. Карапетов «ничто не препятствует возможности установить в опционном договоре заранее данное согласие на передачу прав и обязанностей по опционному договору третьему лицу» [261].

Рамочный и абонентский договоры также могут быть реализованы в конструкции опционного договора.

5.3 Специальные договорные конструкции, не совместимые в одном основном договоре

Публичный договор и государственный муниципальный контракт. Публичный договор традиционно воспринимается как институт, направленный на защиту прав потребителя, который признается в обязательстве слабой стороной. Инструментами защиты прав потребителя являются:

1) лишение обязанной стороны права выбора контрагента;

2) равенство условий цены и иных условий договора для потребителей;

3) предоставление потребителю судебной защиты в порядке действия ст. 445, то есть права иска с понуждением обязанной стороны к заключению договора в судебном порядке.

Ни один из этих инструментов не реализуем в контрактной системе.

Публичный договор подразумевает, что обязанная сторона «не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами». При заключении договоров в контрактной системе действует совершенно иной принцип – поставщик товара (работы, услуги) сам принимает решение об участии в закупке. Г.А. Калашникова дает точное и верное описание указанной процедуре: «Государственный контракт заключается поставщиком на добровольных началах. Поставщик, если желает, направляет заявку на участие в конкурсе, которую до определенного срока может отозвать. То есть, это он решает, вступать ему в договорные отношения или нет. В публичном же договоре данное право принадлежит потребителю» [458, с. 67–68]. Более того, государственный заказчик лишен также права обратиться напрямую к поставщику с требованием о заключении договора в порядке действия ст. 426 ГК РФ, поскольку связан нормами Закона о контрактной системе в части конкурентного размещения заказа. При осуществлении закупок в контрактной системе обязанность поставщика в заключении договора наступает только в результате признания его заявки победителем, и эта обязанность не следует из положений ст. 426 ГК РФ и не связана с характером деятельности участника торгов.

При заключении публичного договора «цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории». В сфере государственных и муниципальных закупок условия контракта

определяет заказчик и при этом закон не обязывает заказчика при формировании условий контракта учитывать то, на каких условиях заключает или заключал аналогичные гражданско-правовые договоры с иными контрагентами поставщик (подрядчик, исполнитель), претендующий на госконтракт.

Отдельно следует остановиться на вопросе цены контракта. ГК РФ устанавливает, что «в публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории». В государственной закупке, поставщик изначально не гарантирован ни от того, что начальная максимальная цена контракта будет соответствовать тем ценам, по которым он заключает публичные договоры при осуществлении своей предпринимательской деятельности, ни от того, что в процессе торгов произойдет снижение стоимости контракта. Т.Р.Григорян совершенно правильно отмечает не возможность применения положений ГК РФ относительно цены публичного договора «к государственным контрактам, где цена формируется обычно в результате конкурентной борьбы между участниками закупки» [578].

Процедура заключения государственных и муниципальных контрактов также не предусматривает и возможность судебного понуждения участника торгов к заключению договора. В контрактной системе действуют иные механизмы. Если победитель торгов уклоняется от заключения контракта, то к нему применяются санкции в виде потери суммы обеспечения заявки на участие в закупке и санкция в виде внесения в реестр недобросовестных поставщиков, а государственный (муниципальный) заказчик заключает контракт с участником закупки, занявшим согласно протокола следующее место за местом уклонившегося от заключения контракта участника. Как указал Президиум ВАС РФ, из положений ст. 426 и 445 ГК РФ следует, что в публичном договоре с иском о понуждении заключить договор может

обратиться только потребитель–контрагент обязанной стороны [104]. В контрактной же системе участник торгов имеет возможность отстаивать в судебном порядке свое право на заключение контракта в соответствии с пунктом 5 ст.528 ГК РФ, абз. 3 пункта 6 ст. 448 ГК РФ [107].

Таким образом, мы видим, что абсолютно все специальные правовые регуляторы, установленные в ГК РФ для публичного договора, не действуют при заключении гражданско-правовых договоров в сфере государственных и муниципальных закупок.

Как справедливо указала Г.А. Калашникова: «если правоотношение подпадает под действие и ст. 426 ГК РФ и норм о поставках для государственных нужд и между ними возникает коллизия, то приоритет однозначно будет у последних, как регулирующих специфические правоотношения» [458, с. 69]. В качестве практической иллюстрации приведем Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2016 № 17АП–8953/2016–ГК по делу № А50–4377/2016. Между государственным заказчиком (истцом) и исполнителем ФГУП Почта России (ответчиком) при заключении государственного контракта возник спор относительно условий контракта в части мер ответственности. Ответчик, ФГУП Почта России, настаивал на том, что меры ответственности по государственному контракту должны быть установлены в соответствии со ст.34 Закона «О почтовой связи» [26], поскольку спорный контракт на оказание почтовых услуг является публичным договором, условия которого в силу ст. 426 ГК РФ должны быть одинаковыми для всех потребителей, в противном случае такие условия являются ничтожными. Ответчик указывал, что «у истца как государственного заказчика нет каких-либо преимуществ перед другими юридическими лицами при заключении публичного договора на оказание услуг почтовой связи по п. 1 ч. 1 ст. 93 Закона № 44–ФЗ», что «статус истца как государственного заказчика не имеет правового значения».

Суд при рассмотрении дела сделал вывод о приоритете Закона № 44–ФЗ над Законом о почтовой связи. В Постановлении апелляционного суда указывается: «истец является бюджетным учреждением, а заключение спорного договора для таких субъектов является предметом регулирования специального закона, вместе с тем Закон о почтовой связи не учитывает и не регулирует вопросы статуса субъектов этих отношений, тогда как в Законе № 44–ФЗ эти вопросы урегулированы. Преодоление коллизии в данном случае разрешается путем применения специальной нормы Закона № 44–ФЗ, учитывающей особенности статуса субъектного состава спорных отношений» [150].

В огромном количестве судебных дел правоприменители демонстрируют позицию, согласно которой государственный (муниципальный) контракт «не обладает признаками публичности, указанными в статье 426 ГК РФ, и согласно Федеральному закону № 44–ФЗ заключается по результатам проведения аукционов и запросов котировок на поставку товаров и оказание услуг» [112; 113; 114; 115; 128; 157; 158; 160]. Суды приходят к выводу, что «государственный контракт не является публичным договором по смыслу статьи 426 ГК РФ» в силу того, что обязанная сторона самостоятельно принимает решение об участии в закупках, а также в силу того, что у обязанной стороны присутствует право на понуждение в судебном порядке государственного (муниципального) заказчика к заключению договора [118; 125; 137].

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что государственный (муниципальный) контракт и публичной договор являются принципиально не совместимыми договорными конструкциями. Более того, гражданско–правовой договор, который за рамками контрактной системы мог бы квалифицироваться как публичный, при реализации в сфере закупок меняет свою правовую природу, поскольку при осуществлении закупок по

государственным (муниципальным) контрактам не реализуемы конститутивные признаки публичного договора:

1) лишение обязанной стороны права выбора контрагента;

2) равенство условий цены и иных условий договора для потребителей;

3) предоставление государственному (муниципальному) заказчику как потребителю судебной защиты в порядке действия ст. 445 ГК РФ.

Публичный договор и опционный договор. По нашему мнению, публичный договор не может являться одновременно опционным договором. Согласно положений ст. 426 ГК РФ о публичном договоре обязанная сторона не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора, а условия публичного договора не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения. Включение для неограниченного круга лиц в публичный договор опционного условия представляется нереализуемым, в частности с позиций п. 5. ст. 16 Закона «О защите прав потребителей», которым запрещено включать в договоры условия, которые ставят в зависимость приобретение товаров (работ, услуг) от обязательного приобретения иных товаров (работ, услуг), каковым в принципе являлось бы приобретение опциона. Кроме того, в настоящее время сложилась судебная практика, согласно которой публичному договору и законодательству о защите прав потребителей противоречит не возможность возврата платы за опцион [112; 130; 133; 151].

Государственный контракт и опционный договор. Государственный контракт не может сдержать положений, отвечающих признакам специальной договорной конструкции опционного договора. Как уже указывалось, опционный договор является определенной разновидностью условной сделки, в которой исполнения обязательства по договору увязано с волеизъявлением держателя опциона потребовать соответствующего исполнения. Если

указанное исполнение не затребовано в установленный срок, то опционный договор прекращается. Иными словами, держатель опциона имеет возможность своим бездействием в одностороннем порядке прекратить договор. Условия государственного контракта являются твердыми, условия одностороннего отказа от исполнения государственного контракта строго регламентированы положениями частей 8–11, 13–19, 21–23 и 25 статьи 95 Закона «О контрактной системе».

Таким образом конструкция государственного (муниципального) контракта и опционного договора являются не совместимыми.

Договор присоединения и рамочный договор. По нашему мнению, гражданско–правовой договор заключенный посредством присоединения не может одновременно с этим являться рамочным договором.

Специфика договора присоединения состоит в том, что присоединяющаяся сторона лишена возможности участия в согласовании заключаемого договора – она принимает предложенный договор в целом. Рамочный же договор изначально предусматривает, что стороны совместным соглашением предусматривают возможность конкретизировать и уточнять обязательственные взаимоотношения.

При заключении и исполнении рамочного договора отсутствует неравенство переговорных возможностей, присущее договору присоединения.

Исследование, проведенное в параграфах 5.2–5.3 настоящее главы позволяет сделать ряд выводов.

Специальными договорными конструкциями, совместимыми в одном договорном обязательстве являются:

– публичный договор и договор присоединения;

– публичный договор и договор с открытыми условиями;

– публичный договор и договор с исполнением по требованию;

– публичный договор и договор в пользу третьего лица;

– государственный контракт и договор присоединения;

– государственный контракт и договор с открытыми условиями;

– государственный контракт и договор с исполнением по требованию;

– государственный контракт и договор в пользу третьего лица;

– договор присоединения и договор в пользу третьего лица;

– договор присоединения и абонентский договор;

– договор в пользу третьего лица и договор с открытыми условиями;

– договор в пользу третьего лица и договор с исполнением по требованию;

– опционный договор и договор присоединения;

– опционный договор и договор с открытыми условиями;

– опционный договор и договор с исполнением по требованию;

– опционный договор и договор в пользу третьего лица.

Несовместимыми договорными конструкциями являются:

– публичный договор и государственный контракт;

– публичный договор и опционный договор;

– государственный контракт и опционный договор;

– договор присоединения и договор с открытыми условиями.

Заключение

Системное, категориальное осмысление СДК является давно назревшей задачей для доктрины гражданского права.

В настоящем исследовании специальные договорные конструкции изучены как система правовых институтов, как правовая доктринальная категория и как востребованные развитием общественных отношений модели организации и реализации гражданско-правовых отношений между их участниками.

При формировании структуры диссертационного исследования, учитывался классический подход определяющий, что любое системное исследование должно ориентироваться на такие задачи, как: определение элементов системы, выявление специфики каждого элемента системы, аналитику связей и зависимостей между элементами системы, раскрытие свойств системы как единого целого, познание функционального назначения системы через взаимодействие элементов [290, с. 202; 218].

Важность СДК в правовом и социально–экономическом аспекте заключается в том, что они являются юридическими приемами, приспосабливающими право к новым реалиям, обеспечивающими внедрение в хозяйственный оборот новых моделей правовых связей, обогащающими гражданское право новыми регуляторами, позволяющими сконструировать договорное отношение в наиболее оптимальном варианте, отвечающем законным интересам сторон. Таким образом, специальные договорные конструкции выступают универсальными правовыми регуляторами гражданско-правовых отношений, обеспечивая единство правового регулирования различных типов договоров.

Позитивное право регулирует посредством применения СДК гражданско-правовые договоры любой целевой направленности.

Воздействуя на основной гражданско–правовой договор, специальные договорные конструкции нормативно регламентируют порядок заключения и исполнения договора, устанавливают существенные условия договора, наделяют участников договорного обязательства дополнительными правами и/или обязанностями. Таким образом, специальные договорные конструкции представляют собой важнейшие регулятивные средства гражданского права, обеспечивающие эффективность государственно–правового воздействия на общественные отношения, являются ответом на общественный запрос по созданию оптимальной модели правопорядка.

Процессы принятия позитивным правом СДК являются процессами объективизации в правовой системе результатов динамичного развития общественных отношений. Создавая институты СДК, законодатель стремился распространить определенные правила на целый ряд различных по своему целевому назначению гражданско-правовых договоров, вывести унифицированные нормативные предписания. В противном случае определенные, одни и те же правила необходимо было бы внести в целый ряд глав второй части ГК РФ. В этом проявляется правовая ценность СДК как системного регулятора различных гражданско-правовых отношений. Востребованное практикой совершенствование СДК является и предпосылкой, и результатом оптимизации права.

В отношении СДК в доктрине существует множество дискуссий. Все они явились предметом анализа в диссертационном исследовании. Заявлена авторская позиция:

– по вопросу возможности деления СДК методом дихотомии;

– по вопросу правовой природы СДК;

– по вопросу иерархии норм, определяющих правила применения той или иной специальной договорной конструкции и норм, регулирующих тот или иной вид гражданско–правового договора части 2 ГК РФ;

– по вопросу наличия у публичного договора собственного предмета;

– по вопросу наделения договора присоединения статусом правового института;

– по вопросу ошибочности отнесения к организационным договорам рамочных и абонентских договоров;

– по вопросу обоснованности и возможности разделения понятий «договор с открытыми условиями» и «рамочный договор»;

– по вопросу отнесения к специальным договорным конструкциям опционного договора;

– по вопросу возможности деления системы специальных договорных конструкций методом дихотомии;

– по вопросу необоснованности определения права требовать исполнения предметом договора с исполнением по требованию;

– по вопросу необоснованности определения в качестве предмета опционного договора права требовать исполнения;

– по вопросу включения в состав специальных договорных конструкций государственного (муниципального) контракта;

– по признакам отграничения договора в пользу третьего лица от договора с исполнением третьему лицу;

– по определению правовой природы опциона на заключение договора;

– по вопросам соотношения государственного контракта с договором присоединения;

– по вопросу конкуренции норм ст. 426 ГК РФ о публичном договоре и норм ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения;

– по вопросу использования и применения термина «специальная договорная конструкция»;

– по вопросу дихотомического деления гражданско-правовых договоров методом дихотомии по признакам, носителями которых являются специальные договорные конструкции;

– по вопросу возможности и обоснованности отождествления рамочного и абонентского договоров;

– по вопросу возможности участия третьих лиц в договоре с открытыми условиями.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд дефиниций, определяющих списочный состав системы СДК, строение системы СДК, понятие правовой категории «специальные договорные конструкции», понятие специальной договорной конструкции как правового института и правового средства.

Диссертантом сделаны выводы, характеризующие специальные договорные конструкции как правовые феномены:

–системообразующий признак СДК предопределяется единой правовой задачей всех СДК – служить правовыми регуляторами, обеспечивающими заключение основных договоров и наделение основных договоров специальными условиями, направленными на обеспечение публичных интересов и частноправовых интересов сторон основного договора;

– все специальные договорные конструкции объективизированы позитивным правом, то есть являются правовыми институтами, и правила их применения предусмотрены правовыми нормами. Указанные правовые нормы могут быть императивными и диспозитивными;

– в теоретическом аспекте специальные договорные конструкции как множество представляют собой правовую категорию;

– все специальные договорные конструкции, вне зависимости от их внутрисистемной группировки, имеют общий системный признак – они

опосредуют различные по целевой направленности гражданско-правовые договоры.

Проведенное диссертантом исследование позволило решить все поставленные задачи, сформулировать научные положения и выводы, комплекс которых позволяет считать, что цель диссертационного исследования достигнута – диссертантом сформирована совокупность теоретических положений, обосновывающих концептуальное понимание системы СДК в теории гражданского права.

В диссертации проведено 8 классификаций.

1) Классификация по делению СДК на 2 целевые группы первая: СДК, модифицирующие основной договор; вторая – СДК, автономные по отношению к основному договору.

2) Классификационное деление СДК по критерию обязательности применения участниками основного договора.

3) Классификация характеристик основного договора, имеющих правовой значение для применения СДК.

4) Классификация СДК по участкам воздействия на различные стадии договора (заключение, исполнение, прекращение).

5) Классификация СДК по комплексности воздействия на стадии договора.

6) Классификация СДК по воздействию на основной договор как на договор–сделку и как на договор–правоотношение.

7) Классификация гражданско– правовых договоров по семи основаниям дихотомического деления, которые образуют СДК, модифицирующие основной договор.

8) Классификация режимов взаимодействия СДК (конфликт, комбинированное применение, 2 формы поглощения).

Таким образом, в диссертационной работе разработана система классификаций, характеризующая СДК во всесторонних аспектах.

Системный подход к совокупности СДК позволил создать интегрированный научный взгляд на специальные договорные конструкции, всесторонне изучить связи и взаимодействие между элементами системы в различных вариациях.

Как и любая система, система специальных договорных конструкций развивается. Указанное развитие находит отражение и в позитивном праве, и в доктрине. В ходе реформы гражданского законодательства, проведенной в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» были усовершенствованы специальные договорные конструкции публичного договора, договора присоединения и предварительного договора, позитивное право было дополнено специальными договорными конструкциями абонентского договора, рамочного договора, опционного договора и опциона на заключение договора.

Доктринальное осмысление системы специальных договорных конструкций не закончено и имеет несомненные перспективы. По нашему мнению, дальнейшим направлением научного поиска будет осмысление в качестве элементов системы специальных договорных конструкций группы правовых институтов, объединяющей условные сделки: договора, совершенного под отлагательным условием; договора, совершенного под отменительным условием; договора с обусловленным обязательством; энергосервисного договора.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Градостроительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2004 № 190–ФЗ (редакция от 30.12.2021) : [принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW25/ (дата обращения: 28.12.2023).

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996 № 14–ФЗ (редакция от 24.07.2023) : [принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_ LAW_9 027/ (дата обращения: 28.12.2023).

3. Российская Федерация. Законы. Жилищный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2004 № 188–ФЗ (редакция от 21.11.2022 : [принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 28.12.2023).

4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : федеральный закон от 01.05.2019 № 71–ФЗ (редакция от 02.07.2021) : [принят Государственной Думой 18 апреля 2019 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323784/ (дата обращения: 28.12.2023).

5. Российская Федерация. Законы. О государственно–частном партнерстве, муниципально–частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 13.07.2015 № 224–ФЗ (редакция от 10.07.2023) : [принят Государственной Думой 1 июля 2015 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 28.12.2023).

6. Российская Федерация. Законы. О концессионных соглашениях : федеральный закон от 21.07.2005 № 115–ФЗ (редакция от 10.07.2023) : [принят Государственной Думой 6 июля 2005 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 28.12.2023).

7. Российская Федерация. Законы. О поставках продукции и товаров для государственных нужд : федеральный закон от 28 мая 1992 г. № 2859–1 // Российская газета. – 1992. – 30 июня. – № 148. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=516&cacheid=DC860B7B109238C870575F6373B43BEF&mode=splus&rnd=FcwFA#AfaKxUU40lXENqF51 / (дата обращения: 28.12.2023).

8. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51–ФЗ (редакция от 24.07.2023) : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]. – Справочно– правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 28.12.2023).

9. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федеральный закон от 18.12.2006 № 230– ФЗ (редакция от 11.06.2021) : [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 28.12.2023).

10. Российская Федерация. Законы. О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 30.11.1994 № 52–ФЗ : [принят Государственной Думой 24 ноября 1994 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://o№li№e11.consultant.ru/cgi/o№li№e.cgi?BASE№ODE=1– 1&req=doc&cacheid=A3681AE5C365EA32BD72167F00049A11&mode=searchcard&rd=o wmubg&base=LAW&№=465537#xji425UfwkO1HzH7/ (дата обращения: 28.12.2023).

11. Российская Федерация. Законы. О ведомственной охране (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 15.08.2023) : федеральный закон от 14.04.1999 № 77–ФЗ : [принят Государственной Думой 17 марта 1999 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://360/www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/ (дата обращения: 28.12.2023).

12. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 02.07.2021 № 360–ФЗ : [принят Государственной Думой 17 июня 2021 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389219/ (дата обращения: 28.12.2023).

13. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 24 июня 2023 года № 269–ФЗ : [принят Государственной Думой 20 июня 2023 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450392/ (дата обращения: 28.12.2023).

14. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : федеральный закон от 27.12.2019 № 449–ФЗ : [принят Государственной Думой 18 декабря 2019 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341810/ (дата обращения: 28.12.2023).

15. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18.03.2019 № 34–ФЗ : [принят Государственной Думой 12 марта 2019 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 28.12.2023).

16. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 08.03.2015 № 42–ФЗ : [принят Государственной Думой 25 февраля 2015 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165 (дата обращения: 28.12.2023).

17. Российская Федерация. Законы. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов :

федеральный закон от 20.04.1995 № 45–ФЗ : [принят Государственной Думой 25 февраля 2015 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 28.12.2023).

18. Российская Федерация. Законы. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации : федеральный закон от 10.01.2003 № 17–ФЗ : [принят Государственной Думой 24 декабря 2002 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/ (дата обращения: 28.12.2023).

19. Российская Федерация. Законы. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федеральный закон от 18.07.2011 № 223–ФЗ : [принят Государственной Думой 8 июля 2011 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 28.12.2023).

20. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей : федеральный закон от 07.02.1992 № 2300–1 : [принят ВС РФ 7 февраля 1992 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 28.12.2023).

21. Российская Федерация. Законы. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 05.04.2013 № 44–ФЗ : [принят Государственной Думой 22 марта 2013 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 28.12.2023).

22. Российская Федерация. Законы. О космической деятельности (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 12.10.2023) : федеральный закон от 20.08.1993 № 5663–1 (редакция от 13.06.2023) : [принят Государственной Думой 17 марта 1999 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221993/bdb3575e457501d0797555aba200a51163c555b7/ (дата обращения: 28.12.2023).

23. Российская Федерация. Законы. О крестьянском (фермерском) хозяйстве : федеральный закон от 11.06.2003 № 74–ФЗ (редакция от 06.12.2021) : [принят Государственной Думой 23 мая 2003 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/ (дата обращения: 28.12.2023).

24. Российская Федерация. Законы. О ломбардах : федеральный закон от 19.07.2007 № 196–ФЗ (редакция от 13.07.2020) : [принят Государственной Думой 29 июня 2007 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70009/ (дата обращения: 28.12.2023).

25. Российская Федерация. Законы. О налоговых органах Российской Федерации : федеральный закон от 21.03.1991 № 943–1 ФЗ (редакция от 28.12.2022) : [принят Государственной Думой 25 февраля 2015 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89736/10f03860e678e5bdb552780e22eaac1f273e97f5/ (дата обращения: 28.12.2023).

26. Российская Федерация. Законы. О почтовой связи : федеральный закон от 17.07.1999 № 176–ФЗ (редакция от 27.12.2019) : [принят Государственной Думой 24 июня 1999 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6719/ (дата обращения: 28.12.2023).

27. Российская Федерация. Законы. О Следственном комитете Российской Федерации (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 09.01.2023) : федеральный закон от 28.12.2010 № 403–ФЗ (редакция от 29.12.2022) : [принят Государственной Думой 22 декабря 2010 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 28.12.2023).

28. Российская Федерация. Законы. О страховании вкладов в банках Российской Федерации : федеральный закон от 23.12.2003 № 177–ФЗ (редакция от 18.03.2023) : [принят Государственной Думой 28 ноября 2003 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (дата обращения: 28.12.2023).

29. Российская Федерация. Законы. О Счетной палате Российской Федерации : федеральный закон от 05.04.2013 № 41–ФЗ (редакция от 28.12.2022) : [принят Государственной Думой 22 марта 2013 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/ (дата обращения: 28.12.2023).

30. Российская Федерация. Законы. О хозяйственных партнерствах : федеральный закон от 03.12.2011 № 380–ФЗ (редакция от 23.07.2013) : [принят Государственной Думой 21 ноября 2011 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122730/ (дата обращения: 28.12.2023).

31. Российская Федерация. Законы. Об актуарной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 02.11.2013 № 293–ФЗ (редакция от 11.06.2021) : [принят Государственной Думой 25 октября 2013 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153907/ (дата обращения: 28.12.2023).

32. Российская Федерация. Законы. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно–исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации : федеральный закон от 28.03.1998 № 52–ФЗ (редакция от 14.04.2023) : [принят Государственной Думой 13 февраля 1989 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18259/ / (дата обращения: 28.12.2023).

33. Российская Федерация. Законы. Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном : федеральный закон от 14.06.2012 № 67–ФЗ (редакция от 14.07.2022) : [принят Государственной Думой 25 мая 2012 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131156/ (дата обращения: 28.12.2023).

34. Российская Федерация. Законы. Об организации страхового дела в Российской Федерации : федеральный закон от 27.11.1992 № 4015–1 (редакция от 28.04.2023) : [принят Домом Советов России 27 ноября 1992 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 28.12.2023).

35. Российская Федерация. Законы. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : федеральный закон от 08.12.2003 № 164–ФЗ (редакция от 29.12.2022) : [принят Государственной Думой 21 ноября 2003 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_45397/ (дата обращения: 28.12.2023).

36. Российская Федерация. Законы. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1996 № 132–ФЗ (редакция от 13.06.2023) : [принят Государственной Думой 4 октября 1996 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_12462/ (дата обращения: 28.12.2023).

37. Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 29.07.1998 № 135–ФЗ (редакция от 13.06.2023) : [принят Государственной Думой 16 июля 1998 года]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_19586/ (дата обращения: 28.12.2023).

38. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197–ФЗ (редакция от 25.02.2022): [принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года]. – Справочное–правовая система «Консультант

Плюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 28.12.2023).

39. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации [Указ Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 (редакция от 29.07.2014)] // Собрание законодательства РФ. – 21.07.2008. – № 29 (ч. 1). – ст. 3482.

40. О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации (вместе с Правилами формирования и ведения единого реестра российской радиоэлектронной продукции) (с изменениями и дополнениями, вступающими в силу с 01.01.2022) [Постановление Правительства РФ от 10.07.2019 № 878 (редакция от 06.12.2021)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205301/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

41. О подпрограмме Реформирование и модернизация жилищно–коммунального комплекса Российской Федерации федеральной целевой программы Жилище на 2002–2010 годы. [Постановление Правительства РФ от 17.11.2001 № 797 (с изм. от 21.10.2004)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34170/8b6e387371d159c016b5e330da62a21d8d7598f9/ (дата обращения: 28.12.2023).

42. О порядке оказания услуг телефонной связи (вместе с Правилами оказания услуг телефонной связи). [Постановление Правительства РФ от 09.12.2014 № 1342 (редакция от 18.01.2021)]. – Текст : электронный. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172117/ (дата обращения: 28.12.2023).

43. О порядке поставки газа для обеспечения коммунально–бытовых нужд граждан. [Постановление Правительства РФ от 21.07.2008 № 549 (редакция от 29.05.2023)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78735/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

44. О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения (вместе с Правилами разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов). [Постановление Правительства РФ от 02.07.2014 № 606 (редакция от 27.12.2019)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165289/ (дата обращения: 28.12.2023).

45. О регулировании отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования. [Постановление Правительства РФ от 05.12.2014 № 1318 (редакция от 23.12.2016)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172032/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

46. Об изменении, приостановлении действия и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2002 год». [Постановление Правительства РФ от 24.08.2002 № 630]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38442/ca1820d99f2c758e82d835816b28c0a34417dc33/ (дата обращения: 28.12.2023).

47. Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов радиоэлектронной продукции, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. [Постановление Правительства РФ от 26.09.2016 № 968 (редакция от 15.05.2019)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205301/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

48. Об осуществлении страхования экспортных кредитов и инвестиций от предпринимательских и (или) политических рисков, а также осуществлении перестрахования. [Постановление Правительства РФ от 22.11.2011 № 964 (редакция от 29.04.2022)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122143/246d9c715f43c13747d566edc952ae25240a1248/ (дата обращения: 28.12.2023).

49. Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах : [Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117– р]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317187/ (дата обращения: 28.12.2023).

50. Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) : [Распоряжение Правительства РФ от 18.09.2017 № 1995–р «Об источниках информации для целей определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), на поставку

технических средств реабилитации и услуг, предусмотренных федеральным перечнем, утвержденных распоряжением Правительства РФ» от 30.12.2005 № 2347–р]. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153376/874d00601b750dac710891a7f5742858bae1b656/ (дата обращения: 28.12.2023).

51. Об утверждении Правил бытового обслуживания населения. [Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1514]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363382/ (дата обращения: 28.12.2023).

52. Об утверждении Правил оказания платных ветеринарных услуг. [Постановление Правительства РФ от 06.08.1998 № 898 (редакция от 04.02.2021)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19752/84d80290720d779dc4705cad8999126bb46e1bb8/ (дата обращения: 28.12.2023).

53. Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг. [Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1441]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362652/ (дата обращения: 28.12.2023).

54. Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг. [Постановление Правительства РФ от 20.07.2020 № 1078]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101260/3e3d8bb1fae3801619f23c80d617fff5853c1324/ (дата обращения: 28.12.2023).

55. Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи. [Постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2607]. – Справочно–

правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406278/ee360293d639f17a67b75c6b7036be169356fa39/ (дата обращения: 28.12.2023).

56. Об утверждении Правил оказания услуг (выполнения работ) по техническому обслуживанию и ремонту автомототранспортных средств. [Постановление Правительства РФ от 11.04.2001 № 290 (редакция от 31.01.2017)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31220/ (дата обращения: 28.12.2023).

57. Об утверждении Правил оказания услуг автостоянок. [Постановление Правительства РФ от 17.11.2001 № 795 (редакция от 24.04.2007)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34100/e9494eb87f5b1907b4f1e03a3e8c054bb603a7b9/ (дата обращения: 28.12.2023).

58. Об утверждении Правил оказания услуг инструктором – проводником в Российской Федерации. [Постановление Правительства РФ от 31.05.2022 № 991 (редакция от 26.12.2022)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/75494.html#:~:text=Постановление%20Правительства%20РФ%20от%2031.05.2022,пути%20следования%20по%20туристскому%20маршруту (дата обращения: 28.12.2023).

59. Об утверждении Правил оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования. [Постановление Правительства РФ от 20.11.2003 № 703 (редакция от 14.12.2006)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45

153/c510b1dc0de45247b58dcacd51f08ebbe39d6812/ (дата обращения: 28.12.2023).

60. Об утверждении Правил оказания услуг по организации проезда транспортных средств по платным автомобильным дорогам общего пользования федерального значения, платным участкам таких автомобильных дорог, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2016 г. № 47 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации. [Постановление Правительства РФ от 31.05.2022 № 995]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418188/29a7830039c42184e0ad148363b05b5cea919ee8/ (дата обращения: 28.12.2023).

61. Об утверждении Правил оказания услуг по перевозкам на железнодорожном транспорте пассажиров, а также грузов, багажа и грузобагажа для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации. [Постановление Правительства РФ от 27.05.2021 № 810 (редакция от 27.08.2022)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385630/ (дата обращения: 28.12.2023).

62. Об утверждении Правил оказания услуг по показу фильмов в кинозалах и связанных с таким показом услуг и признании утратившими силу постановления Правительства Российской Федерации от 17 ноября 1994 г. № 1264 и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации. [Постановление Правительства РФ от 16.08.2021 № 1338]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_393158/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

63. Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта. [Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1852 (редакция от 14.11.2022)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368293/ (дата обращения: 28.12.2023).

64. Об утверждении Правил оказания услуг связи для целей телевизионного вещания и (или) радиовещания. [Постановление Правительства РФ от 22.12.2006 № 785 (редакция от 03.02.2016)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64855/cbf0603e1b603fe35b5b4758f1d28b5e8d8b1f60/ (дата обращения: 28.12.2023).

65. Об утверждении Правил оказания услуг связи по передаче данных. [Постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2606]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406236/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

66. Об утверждении Правил оказания услуг связи проводного радиовещания. [Постановление Правительства РФ от 06.06.2005 № 353 (редакция от 19.02.2015)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53885/33d402305af73e59d8d5a068ab239ddbb6ff0610/ (дата обращения: 28.12.2023).

67. Об утверждении Правил оказания услуг экскурсоводом (гидом) и гидом – переводчиком в Российской Федерации. [Постановление Правительства РФ от 31.05.2022 № 992]. – Справочно–правовая система

«Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/75494.html (дата обращения: 28.12.2023).

68. Об утверждении Правил оказания физкультурно–оздоровительных услуг. [Постановление Правительства РФ от 30.01.2023 № 129]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.gara№t.ru/products/ipo/prime/doc/406191477/ (дата обращения: 28.12.2023).

69. Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации. [Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1853 (редакция от 01.04.2021]). – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368292/ (дата обращения: 28.12.2023).

70. Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006. [Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

71. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли–продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации.

[Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 28.12.2023).

72. Об утверждении Правил распространения периодических печатных изданий по подписке. [Постановление Правительства РФ от 01.11.2001 № 759]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33879/7f2cfa89e9d4e7606ecef1b8c1b69ec817bde315/ (дата обращения: 28.12.2023).

73. Об утверждении типового договора обязательного государственного страхования, осуществляемого в соответствии с Федеральным законом Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно – исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации. [Постановление Правительства РФ от 06.03.2014 № 169 (редакция от 17.10.2022)] – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160029/4c3b6f7275c86de3058bf839db5487b8b5d64881/ (дата обращения: 28.12.2023).

74. Об утверждении типовых договоров в области горячего водоснабжения. [Постановление Правительства РФ от 29.07.2013 № 643 (редакция от 30.11.2021)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/

cons_doc_LAW_150371/026407585c39e9e6ec2e9f79e79c340581e99971/ (дата обращения: 28.12.2023).

75. Об утверждении типовых договоров в области холодного водоснабжения и водоотведения. [Постановление Правительства РФ от 29.07.2013 № 645 (редакция от 30.11.2021)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150372/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 28.12.2023).

76. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

77. «Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.09.2020 № 202/оп–1/2020). – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

78. О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. [Положение Банка России от 19.09.2014 № 431–П (редакция от 06.04.2023)]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169343/ (дата обращения: 28.12.2023).

79. Обзор административной практики в сфере закупок по 223–ФЗ (июнь 2018 года) (Управление контроля размещения государственного заказа ФАС России). – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». –

Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

80. О применении Правил ведения реестра контрактов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.01.2022 № 60. [Письмо Казначейства России от 16.06.2022 № 07–04–05/14–14698]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

81. О направлении разъяснений. [Письмо Казначейства России от 23.08.2019 № 07–04–05/05–18156]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

82. Письмо Минфина России от 12.10.2021 № 24–06–06/82500. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://o№li№e11.consultant.ru/cgi/o№li№e.cgi?BASE№ODE=g0&req=doc&cacheid=B30C1B42C00EC970169AE9F6E7BF7BD7&mode=searchcard&r№d=H0r9gg&base=QUEST&№=207785#YA7Yw4Ug9smS653u5 (дата обращения: 28.12.2023).

83. Письмо Минфина России от 16.08.2019 № 09–04–06/62906. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

84. Письмо Минфина России от 18.09.2020 № 24–02–08/82951. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

85. Письмо Минфина России от 20.05.2020 № 24–03–08/41431. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

86. Письмо Минфина России от 21.11.2019 № 24–03–07/90032. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

87. Письмо Минфина России от 24.03.2020 № 24–03–07/22843. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

88. Письмо Минэкономразвития России от 18.09.2015 № Д28и– 2686. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

89. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.11.2009 // Парламентская газета. – 13–19.11.2009. – № 60. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – – URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=93657&cacheid=FD0429CCF19AD101686EF6C666A3EEBC&mode=splus&rnd=gwCiw#96rOxUU9WswYTQcJ/ (дата обращения: 28.12.2023).

90. Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи. [Приказ Минцифры России от 17.04.2023 № 382. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – – URL: https://o№li№e11.consultant.ru/cgi/o№li№e.cgi?req=doc&base=LAW&№=448757&cacheid=61A6490632B1DE756A0583D75B662185&mode=splus&r№d=№TmpGQ#Eu№r15U6x73f0ASL/ (дата обращения: 28.12.2023).

91. Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем). [Приказ Минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567]. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_153376/874d00601b750dac710891a7f5742858bae1b656/ (дата обращения: 28.12.2023).

92. Об изменении и дополнении ст. 182 Гражданского Кодекса Р.С.Ф.С.Р. [Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 30.03.1925] // СУ РСФСР. – 1925. - № 21. – ст. 151. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 14.04.1925. – № 85.

93. О порядке привлечения подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами. [Декрет СНК РСФСР от 04.10.1921] // СУ РСФСР. – 1921. - № 68 - ст. 529. - Известия ВЦИК. – 13.10.1921. – № 229.

94. О государственных подрядах и поставках (Положение). [Декрет СНК РСФСР от 30.09.1921] // СУ РСФСР. – 1921. – № 69. – ст. 549. - Известия ВЦИК. – 14.10.1921. – № 230.

95. Положение о государственных подрядах и поставках. [Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 27.07.1923]. // СУ СССР». – 1923. – № 88. - ст. 851. - Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 01.08.1923 – № 171 // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. – 1923. – № 3. – ст. 54.

96. О собственности в РСФСР [Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443–1 (редакция от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994)] // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1990. – № 30. – ст. 416.

97. Инструкция о порядке публичных торгов на государственные подряды и поставки. [Постановление СНК СССР от 07.08.1923]. – Текст : электронный. – URL: https://e–ecolog.ru/docs/RzG7kD37Hb9S№GXDfrKG5 (дата обращения: 28.12.2023).

98. О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). [Постановление ВЦИК от 11.11.1922] // Известия ВЦИК. – 1922. – № 256.

99. Об Утверждении Типового договора подряда на про–филактическое обслуживание и ремонт телевизоров, холодильников

(морозильников) по абонементам (бытовой заказ). [Постановление Совета Министров РСФСР от 25 июня 1986 г. № 285]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

100. Об утверждении тарифов на пользование легковыми автомобилями «Запорожец» и мотоколясками, предоставляемыми инвалидам напрокат предприятиями объединения «Мосавтотехобслуживание» Мосгорисполкома. [Постановление Совета Министров РСФСР от 15 января 1971 г. № 40]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс».– Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

101. Об утверждении единых тарифов на пользование легковыми автомобилями, предоставляемыми пунктами проката. [Постановление Совета Министров РСФСР от 30 июня 1962 г. № 895]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

102. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утверждены ВС СССР 31.05.1991 № 2211–1) (редакция от 26.11.2001). // «Ведомости СНД и ВС СССР». – 26.06.1991. – № 26. – ст. 733.

103. О введении в действие Положения о государственных подрядах и поставках». [Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 11.05.1927]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

Судебная практика

104. Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров. [Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 № 14]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

105. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора. [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 28.12.2023).

106. О свободе договора и ее пределах. [Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16]. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

107. Определение ВАС РФ от 21.02.2011 № ВАС – 1350/11 по делу № А70–742/2010. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

108. Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2022 № 304– ЭС21– 27170 по делу № А70–20120/2020. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

109. Определение Верховного Суда РФ от 14.02.2020 № 307– ЭС19– 26011 по делу № А56–87181/2018. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

110. Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2021 № 307– ЭС21– 14188 по делу № А56–84418/2020. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

111. Определение Верховного Суда РФ от 29.04.2022 № 306– ЭС22– 5901 по делу № А57–1888/2021. – Электронное правосудие :

Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

112. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2022 по делу № 88–7660/2022, 2–1406/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

113. Постановление Арбитражного суда Волго–Вятского округа от 07.12.2016 № Ф01–5089/2016 по делу № А29–344/2016. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

114. Постановление Арбитражного суда Восточно–Сибирского округа от 26.01.2022 № Ф02–8173/2021, Ф02–209/2022 по делу № А10–314/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

115. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.06.2017 № Ф03–1441/2017 по делу № А51–15109/2016. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

116. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.03.2022 № Ф03–431/2022 по делу № А24–4182/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

117. Постановление Арбитражного суда Западно–Сибирского округа от 13.12.2022 № Ф04–5665/2022 по делу № А75–1029/2022. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

118. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.07.2018 № Ф05–7920/2018 по делу № А40–180655/2017. - Электронное

правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

119. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2019 № Ф05–22854/2019 по делу № А40–42005/2019. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

120. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.02.2017 № Ф05–172/2017 по делу № А40–252359/15. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

121. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.11.2022 № Ф06–24152/2022 по делу № А65–32511/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

122. Постановление Арбитражного суда Северо–Западного округа от 07.10.2016 № Ф07–7786/2016 по делу № А52–3693/2015. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

123. Постановление Арбитражного суда Северо–Кавказского округа от 31.05.2021 № Ф08–3556/2021 по делу № А53–24446/2020. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

124. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2020 № 18АП–11299/2020, 18АП–11587/2020 по делу № А34– 12444/2019. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

125. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 18АП–19956/2019 по делу № А47–829/2019. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

126. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2022 № 08АП–6970/2022 по делу № А75–12770/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

127. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2022 № 08АП–10234/2022 по делу № А81–7716/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

128. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 06.09.2018 № 02АП–6238/2018 по делу № А29–344/2016. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

129. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.10.2023 № 09АП–58578/2023 по делу № А40–20263/2023. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

130. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.03.2022 № 09АП–6148/2022 по делу № А40–194481/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

131. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2012 № 09АП–33088/2012–ГК по делу № А40–64727/12–143–34. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

132. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2013 № 09АП–11963/2013 по делу № А40–159389/12–21–1544. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

133. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2022 № 09АП–58710/2022 по делу № А40–98571/2022. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

134. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2022 № 09АП–60462/2022 по делу № А40–86454/2022. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

135. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2021 № 09АП–53440/2021 по делу № А40–2973/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

136. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2012 № 09АП–3286/2012–ГК по делу № А40–124910/11–56–1093. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

137. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2018 № 09АП–2013/2018 по делу № А40–180655/17. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

138. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2013 № 09АП–11997/2013 по делу № А40–159392/2012. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

139. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31.10.2022 № 09АП–68120/2022 по делу № А40–14117/2022. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

140. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28– П. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

141. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2022 № 11АП–4999/2022 по делу № А55–35700/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

142. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2020 № 01АП–7087/2020 по делу № А39–5471/2020. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

143. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.11.2009 № 10462/09 по делу № А40–72027/08–48–612. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

144. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 5467/14 по делу № А53–10062/2013. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

145. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.01.2014 № 11535/13 по делу № А40–148581/12, А40–160147/12. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

146. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2019 № 15АП–16003/2019 по делу № А32–22379/2019. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

147. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2021 № 15АП–20097/2020 по делу № А53–24446/2020. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

148. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.04.2022 № 15АП–4814/2022 по делу № А32–49271/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

149. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.05.2018 № 07АП–3373/2018 по делу № А67–9075/2017. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

150. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2016 № 17АП–8953/2016–ГК по делу № А50–4377/2016.– Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

151. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.10.2022 № 13АП–26025/2022 по делу № А56–25586/2022. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

152. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.10.2022 № 13АП–27451/2022 по делу № А56–90380/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

153. Постановление ФАС Западно–Сибирского округа от 04.05.2000 № Ф04/1086–221/А27–2000 по делу № А27–9960/98–1. – Справочно–правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

154. Постановление ФАС Московского округа от 13.02.2013 по делу № А40–64727/12–143–34. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

155. Постановление ФАС Московского округа от 25.06.2012 по делу № А40–124910/11–56–1093. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

156. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2016 № 04АП–3217/2016. по делу № А19–20354/2015. - Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

157. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2021 № 04АП–4747/2021 по делу № А10–314/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

158. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2022 № 14АП–5654/2022 по делу № А05–2423/2022. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

159. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2022 № 16АП–662/2022 по делу № А18–5079/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

160. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2019 № 06АП–711/2019 по делу № А16–2508/2018. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

161. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 11.10.2013 по делу № А40–92883/2013. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

162. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.08.2012 по делу № А40–64727/12–143–34. - Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

163. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.09.2012 по делу № А40–56346/12–2–267. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

164. Решение Арбитражного суда города Санкт–Петербурга и Ленинградской области от 15.10.2021 по делу № А56–54191/2021. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

165. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 07.11.2017 по делу № А45–20642/2017. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

166. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 16.10.2008 по делу № А47–6850/2008АК–31. - – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

167. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 30.12.2008 по делу № А47–5794/2008. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

168. Решение Курского УФАС России от 30.10.2012 по делу № 172/2012. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

169. Решение Якутского УФАС России от 17.11.2022 № 014/07/3–1578/2022. – Электронное правосудие : Картотека арбитражных дел. – Текст : электронный. – URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 28.12.2023).

Книги

170. Абрамов, В.Ю. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие / В.Ю. Абрамов, Ю.В. Абрамов. – Москва : Юстицинформ, 2023. – 320 с. – ISBN 978- 5- 205- 1879-0.

171. Аверьянов, А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А.Н. Аверьянов. – Москва : Политиздат, 1985. – 263 с. – ISBN отсутствует.

172. Автономов, А.С. Правовая онтология политики : к построению системы категорий / А.С. Автономов ; Фонд развития парламентаризма в России. – Москва : ИНФОГРАФ, 1999. – 383 с. – ISBN 5-89509-016-8.

173. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 томах / М.М. Агарков. – Москва : Статут, 2012. – ISBN 978-5-8354-0850-4.

174. Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с. – ISBN отсутствует.

175. Агарков, М.М. Юридическая природа железнодорожной перевозки / М.М.Агарков. – Москва : Право и Жизнь, 1922. – С. 7–19. – ISBN отсутствует.

176. Александров, Н.Г. Юридическая норма и правоотношение: сокр. стенограмма доклада, прочитано на Научной сессии Института 06.05.1946 / Н.Г.Александров ; под редакцией И. Т. Голякова. – Москва : типография ТАСС, 1947. – 27 с. – ISBN отсутствует.

177. Александровский, С.В. Гражданский кодекс (в вопросах и ответах) / С.В. Александровский, Ф.И. Вольфсон ; под общей редакцией Ф.И. Вольфсона. – Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. – 206 с. – ISBN отсутствует.

178. Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права / С.С. Алексеев. – Свердловск : Свердловский юридический институт им. А. Я. Вышинского, 1959. – 72 с. – ISBN отсутствует.

179. Алексеев, С.С. Избранное / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2016. – 655 с. – ISBN 978-5-8354-272-3.

180. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев : Курс. В 2 томах. Том 1. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 360 с. – ISBN отсутствует.

181. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 187 с. – ISBN отсутствует.

182. Алексеев, С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – 223 с. – ISBN 978-5-7741-0368-3.

183. Алексеев, С.С. Теория права / С.С.Алексеев. – 2-е издание. – Москва : Бек, 1995. – 311 с. – ISBN 5-85639-093-8.

184. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 263 с. – ISBN отсутствует.

185. Амфитеатров, Г.Н. Управление хозяйством и хозяйственное право за 15 лет пролетарской диктатуры / Г.Н. Амфитеатров, Л. Гинцбург // 15 лет советского строительства. 1917–1932 : сборник статей ; под редакцией Е. Пашуканиса. – Москва : Советское законодательство, 1932. – С. 289–414. – ISBN отсутствует.

186. Андреева, Л.В. Коммерческое (торговое) право : учебник / Л.В. Андреева. – 3-е издание. – Москва : КНОРУС, 2012. – 328 с. – ISBN 978- 5- 406-02088-3.

187. Анненков, К.Н. Система русского гражданского права. Том III: Права обязательственные / К. Анненков : – 2 издание. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 491 с. – ISBN отсутствует.

188. Аскназий, С.И. Гражданское право и регулируемое хозяйство / С.И. Аскназий, Б.С. Мартынов. – Ленинград : Издание научного общества марксистов, 1927. – 109 с.– ISBN отсутствует.

189. Астапова, Т.Ю. Способы обеспечения исполнения договорных обязательств в предпринимательских отношениях : учебное пособие / Т.Ю. Астапова. – Москва : Проспект, 2022. – 128 с. – ISBN 978-5-392-37386- 4.

190. Афанасьев, В.Г. Системность и общество / В.Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1980. – 368 с. – ISBN 978- 5- 392- 37386-4.

191. Белов, В.А. Гражданское право : общая и особенная части : учебник / В.А. Белов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 959 с. – ISBN 5-89158-118- 3.

192. Белых, В.С. Предпринимательское право России : учебник для бакалавров / В.С. Белых, Г.Э. Берсункаев, С.И. Виниченко [и др.] ; ответственный редактор В.С. Белых. – Москва : Проспект, 2017. - 649 с. – ISBN 978-5-392-22902-4.

193. Белых, В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России : монография / В.С. Белых. – Москва : Проспект, 2014. - 430 с. – 500 экз. - ISBN 978-5-392-13400-7.

194. Беляева, О.А. Правовые проблемы аукционов и конкурсов / О.А. Беляева. – Москва : Юриспруденция, 2011. – 293 с. – 500 экз. – ISBN 978- 5- 9516- 0499-6.

195. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства : монография / З.Э. Беневоленская. – Москва : Проспект, 2017. – 303 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-392-25348-7.

196. Богданов, Е.В. Договоры в сфере предпринимательства : монография / Е.В. Богданов. – Москва : Проспект, 2018. – 304 с. – 500 экз. – ISBN: 978- 5-392-34877-0.

197. Боровиковский, А.Л. Законы гражданские (Свод законов том X, часть I) с объяснениями по решениям Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената / А. Боровиковский ; издание девятое дополненное и исправленное. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1898. – 1060 с. – ISBN отсутствует.

198. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 1998. – 681 с. – ISBN 5-89398-010-7.

199. Брагинский, М.И. Общее учение о хозяйственных договорах / М.И. Брагинский. – Минск : Наука и техника, 1967. – 259 с. – ISBN отсутствует.

200. Брагинский, М.И. Общие положения о договорах в законодательстве стран – членов СЭВ / М.И. Брагинский, А. Хармати // Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. – Москва : Статут, 1989. – Выпуск 44. – С. 21–41. – ISBN отсутствует.

201. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский ; 4-е издание, стереотипное. – Москва : Статут, 2002. – 800 с. – ISBN 5- 8354- 0024-1.

202. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга четвертая. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта / М.И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 2011. – 912 с. – ISBN 978-5-8354-0752-1.

203. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга пятая. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари / М.И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 2011. – 624 с. – ISBN 978- 5- 8354- 0754-5.

204. Булатов, М.А. Логические категории и понятия / М.А. Булатов. – Киев : Наукова думка, 1981. – 235 с. – ISBN отсутствует.

205. Быков, А.Г. Основы автотранспортного права / А.Г. Быков, Д.И. Половинчик ; издание третье, дополненное и переработанное. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 336 с. – ISBN отсутствует.

206. Васильев, А.А. Биржевая спекуляция. Теория и практика / А.А. Васильев. – Санкт-Петербург : Типография Ю.Н. Эрлих, 1912. – 168 с. – ISBN отсутствует.

207. Васильев, А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 264 с. – ISBN отсутствует.

208. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского права. Выпуск I: Введение и общая часть / Е.В. Васьковский. – Санкт-Петербург : Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, комиссионера государственной типографии, 1894. – 169 с. – ISBN отсутствует.

209. Витрянский, В.В. Проблемы развития договорного права / С.С. Алексеев, А.В. Асосков, В.Ю. Бузанов [и др.] // Проблемы развития

частного права : сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема ; ответственные редакторы Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. – Москва : Статут, 2011. – 559 с. – ISBN отсутствует.

210. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. – 2-е издание, исправленное и дополненное – Москва : Статут, 2018. – 526 с. – ISBN 978- 5- 8354-1426-0.

211. Власенко, Н.А. Язык права / Н.А. Власенко. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997. – 173 с. – ISBN 5-7424-0742-4.

212. Внешнеторговый транспорт // Наркомвнешторг СССР : управление учебными заведениями ; под общей редакцией А.Д. Кейлина. – Москва ; Ленинград : Издательство «Международная книга», 1938. – 348 с. – ISBN отсутствует.

213. Вольфсон, Ф.И. Учебник гражданского права: государственным Ученым Советом допущен в качестве учебного пособия / Ф.И. Вольфсон ; 3- е издание. – Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 248 с. – ISBN отсутствует.

214. Вышнепольский, С.А. Организация и техника фрахтового дела / Составлено С.А. Вышнепольским с участием Г. Я. Буденного, Р.Л. Губермана, А.Д. Кейлина, Г. Шеффера ; под редакцией Э.Ф. Розенталя. – Москва ; Ленинград : Внешторгиздат, 1934. –302 с. – ISBN отсутствует.

215. Вышнепольский, С.А. Фрахтовое дело / Составлено С.А. Вышнепольским с участием А.Д. Кейлина и Москва Г. Шефера ; издание второе пересмотренное и дополненное. – Москва ; Ленинград : Международная книга, 1937. – 354 с. – ISBN отсутствует.

216. Гатин, А.М. Гражданское право : учебное пособие / А.М. Гатин. – Москва : Дашков и К, 2007. – 384 с. - ISBN отсутствует.

217. Гаттенбергер, К.К. Законодательство и биржевая спекуляция / К.К. Гаттенбергер. – Харьков : Университетская типография, 1872. – 157 с. – ISBN отсутствует.

218. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель : в 3 томах. Том 3. – Москва : Мысль, 1972. – С. 196. – ISBN отсутствует.

219. Генкин, Д.М. Справки о торговой кредитоспособности : (юридическое исследование) / Д.М. Генкин ; с предисловием профессора Московского университета Г. Ф. Шершеневича. – Москва : Братья Башмаковы, 1911. –115 с. – ISBN отсутствует.

220. Геншафт, А.М. Мировая торговля марганцевой рудой / А.М. Геншафт ; под редакцией А.А. Манукяна. – Москва : Международная книга, 1938. – 220 с. – ISBN отсутствует.

221. Гессен, Я.М. Биржевые сделки по русскому праву / Я.М. Гессен. // Банковская энциклопедия ; под редакцией Л.Н. Яснопольского. — Киев, 1917. – 420 с. – ISBN отсутствует.

222. Гиацинтов, Н.Е. Основания организации тарифного дела на железных дорогах / Н. Гиацинтов. – Москва : Типо-литография И.Н. Кушнерева и Ко, 1887. – 245 с. – ISBN отсутствует.

223. Голевинский, В.И. О происхождении и делении обязательств / В. Голевинский. – Варшава : В Типографии Осипа Бергера, 1872. – 302 с. – ISBN отсутствует.

224. Гольмстен, А.Х. Обязательственное и вещное право : конспект лекций, читанных в Александровской военно-юридической академии профессором А.Х. Гольмстеном / А.Х. Гольмстен. – Санкт- Петербург : Издал поручик Перетц, 1899. – 135 с. – ISBN отсутствует.

225. Гонгало, Б.М. Обеспечение исполнения обязательств / Б.М. Гонгало. – Москва : Спарк, 1999. –152 с. – ISBN отсутствует.

226. Гордон, В.М. Система советского торгового права: Обзор действующего законодательства по внутренней торговле / В.М. Гордон. – Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1924. – 127 с. – ISBN отсутствует.

227. Горский, Д.П. Определение : (Логико-методологические проблемы) / Д.П. Горский. – Москва : Мысль, 1974. – 310 с. – ISBN отсутствует.

228. Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Часть первая. Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1995. – № 6. – С. 3 – 192. – Текст : электронный. – URL: https://iacis.ru/public/upload/files/1/13.pdf (дата обращения: 28.12.2023).

229. Гражданский кодекс Российской Федерации: Проект. Часть I / Исследовательский центр частного права при Президенте РФ. – Москва : Министерство юстиции РФ, 1993. – 198 с. – ISBN отсутствует.

230. Гражданский Кодекс Союза Советских Социалистических Республик: Проект, составленный Правительственной Комиссией на основании постановления Совета Министров СССР от 26 ноября 1948 года. – Москва : 1951. – 191 с. – ISBN отсутствует.

231. Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / В.В. Витрянский, Б.М. Гонгало, А.В. Демкина [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2016. – 223 с. – ISBN отсутствует.

232. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / А.В. Барков, А.В. Габов, Москва Н. Илюшина [и др.] ; под редакцией Л.В. Санниковой. – Москва : Статут, 2016. – 622 с. – ISBN отсутствует.

233. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б.М. Гонгало, А.В. Коновалов, П.В. Крашенинников [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2013. – 336 с. – ISBN отсутствует.

234. Гражданское и торговое право капиталистических государств / ответственный редактор профессор К.К. Яичков. – Москва : Международные отношения, 1966. – 552 с. – ISBN отсутствует.

235. Гражданское и торговое право капиталистических стран / М.М. Агарков, С.Н. Братусь, Л.А. Лунц [и др.] ; под редакцией профессора Д.М. Генкина. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 543 с. – ISBN отсутствует.

236. Гражданское и торговое право капиталистических стран / под редакцией В.П. Мозолина и М. И. Кулагина. – Москва : Высшая школа, 1980. – 382 с. – ISBN отсутствует.

237. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая : учебно-практический комментарий (постатейный) / под редакцией А.П. Сергеева. – Москва : Проспект, 2010. – 375 с. – ISBN отсутствует.

238. Гражданское право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.Д. Егоров [и др.] ; под редакцией А.П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – Москва : Проспект, 2005. – 773 с. – ISBN 5-98032-911-0.

239. Гражданское право современного империализма : сборник статей / Московский институт советского права. – Москва : Государственное издательство «Советское законодательство», 1932. – 246 с. – ISBN отсутствует.

240. Гражданское право : учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / ответственный редактор Е. А. Суханов.

– 2- е издание, переработанное и дополненное : в 2 томах Том II. Полутом 1. – Москва : БЕК, 2000. – 704 с. – ISBN 5-85639-275-2.

241. Гражданское право. Обязательственное право / под редакцией Е.А. Суханова. – 3-е издание, переработанное и дополненное в 4-х томах. Том 3. – Москва Статут, 2002. – 768 с. – ISBN 978-5-466-00100-7, 5- 466- 00100-7.

242. Гражданское право. Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов юридических институтов и факультетов / А.М. Белякова, С.Н. Братусь, Е.Н. Гендзехадзе [и др.] ; ответсвенные редакторы П.Е. Орловский, С.М. Корнеев. – Москва : Юридическая литература, 1969. – 560 с. – ISBN отсутствует.

243. Гражданское право : учебник / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо [и др.] ; под редакцией Б.М. Гонгало. – 3-е издание, переработанное и дополненное : в 2 томах. Том 2. – Москва : Статут, 2018. – 560 с. – ISBN отсутствует.

244. Гражданское право : учебник / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.] ; под редакцией Б.М. Гонгало. – 3-е издание, переработанное и дополненное : в 2 томах. Том 1. – Москва : Статут, 2018. – 528 с. – ISBN отсутствует.

245. Гражданское уложение : Проект Редакционной комисии по составлению Гражданского уложения / А.Л. Саатчиан. – Санкт-Петербург : Законоведение, 1910. – 491 с. – ISBN отсутствует.

246. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – 2-е издание. – Москва : Статут, 2001. – 336 с. – ISBN отсутствует.

247. Гримм, Д.Д. Конспект лекций по догме римского права : для слушателей Санкт-Петербургского университета / Д.Д. Гримм. –

Санкт- Петербург : издание студентов IV курса Санкт- Петербургского университета, 1905. – 380 с. – ISBN отсутствует.

248. Гришаев, С.П. Новое в законодательстве о доверительном управлении наследственным имуществом / С.П. Гришаев. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

249. Гришаев, С.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / С.П. Гришаев, Т.В. Богачева, Ю.П. Свит. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

250. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / С.П. Гришаев, Т.В. Богачева, Ю.П. Свит. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

251. Груздев, В.В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву : монография / В.В. Груздев. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 272 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

252. Гуляев, А.М. Русское гражданское право: Обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего Сената и Проекта гражданского уложения : пособие к лекциям / А.М. Гуляев. – издание 3-е, дополненное. – Санкт-Петербург : Типография Москва М. Стасюлевича, 1912. – 500 с. – ISBN отсутствует.

253. Гусев, Д.А.Логика и теория научной аргументации : учебное пособие / Д.А. Гусев, Э.Р. Гатиатуллина. – Москва : Издательство ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2014. – 331 с. – ISBN отсутствует.

254. Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М.Л. Давыдова. – Волгоград : Издательство

Волгоградского государственного университета, 2009. – 317 с. – 500 экз. – ISBN 978- 5- 9669-0575-0.

255. Данилова, Е.Н. Советское хозяйственное право / Е.Н. Данилова, И.С. Перетерский, С.И. Раевич. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. – 216 с. – ISBN отсутствует.

256. Демидов, И.В. Логика : учебное пособие для юридических вузов / под редакцией Б.И. Каверина. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 208 с. – ISBN отсутствует.

257. Демкина, А.В. Государственные и муниципальные закупки: проблемы применения гражданско-правовых санкций : монография / А.В. Демкина. – Москва : Норма; Инфра-М, 2012. – 288 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

258. Дмитриев, А. Биржа, биржевые посредники и биржевые операции / А. Дмитриев. – Санкт-Петербург : Типография В. Головина, 1863. – 147 с. – ISBN отсутствует.

259. Договор: Постатейный комментарий глав 27, 28 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации / Б.М. Гонгало, М.Ф. Казанцев, П.В. Крашенинников [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2010. – 237 с. – ISBN отсутствует.

260. Договорное и обязательственное право (общая часть). Постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева [и др.] ; ответственный редактор А.Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2017. – 1120 с. – ISBN отсутствует.

261. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов [и др.] ; ответственный редактор А.Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2020. – 1425 с. – ISBN 978-5-8354-1694-3.

262. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е.Е. Богданова, Л.Ю. Василевская, Е.С. Гринь [и др.] ; под общей редакцией Л.Ю. Василевской. – Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2016. – 192 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

263. Договорное право стран – членов СЭВ и СФРЮ : Общие положения / Совет Экономической Взаимопомощи. Секретариат. – Москва : Издательский отдел Управления делами Секретариата СЭВ, 1986. – 612 с. – ISBN отсутствует.

264. Дювернуа, Н.Л. Конспект лекций гражданского права, читанных ординарным профессором Санкт-Петербургского университета Н.Л. Дювернуа, в 1885-86 академическом году. Часть Особенная. Книга II / Н.Л. Дювернуа. – Сантк-Петербург : Типо-литография Х.Ш. Гельпернг, 1885. – 193 с. – ISBN отсутствует.

265. Ефимов, В.В. Догма римского права : учебный курс / В.В. Ефимова. – Санкт-Петербург : Книжный магазин А.Ф. Цинзерлинга, бывший Мелье и К°, 1901. – 640 с. – ISBN отсутствует.

266. Ефимова, Л.Г. Рамочные (организационные) договоры / Л.Г. Ефимова. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 94 с. – ISBN 5-466-00227-5.

267. Ефимова, Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета : монография / Л.Г. Ефимова. – Москва : Проспект, 2018. – 432 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

268. Жирмунский, М.М. Организация и техника советского экспорта / Научно-исследовательский институт монополии внешней торговли; М.М. Жирмунский. – Издание второе, дополненное и переработанное. – Москва : Международная книга, 1938. – 260 с. – ISBN отсутствует. Заседания Верховного Совета РСФСР восьмого созыва: Пятая сессия (30–31 июля 1973 г.) : стенографический отчет. – Москва : Издание Верховного Совета РСФСР, 1973. – 188 с. – ISBN отсутствует.

269. Заседания Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва: Четвертая сессия (2–3 декабря 1986 г.) : стенографический отчет. – Москва : Издание Верховного Совета РСФСР, 1987. – 215 с. – ISBN отсутствует.

270. Зенин, И.А. Гражданское и торговое право капиталистических стран / И.А. Зенин. – Москва : Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 1992. – 190 с. – ISBN 5-211-02188-6.

271. Зыкин, И.С. Договор во внешнеэкономической деятельности / И.С. Зыкин. – Москва : Международные отношения, 1990. – 221 с. – ISBN отсутствует.

272. Зыкин, И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле: понятие, применение, формирование, применимое право, типовые контракты / И.С. Зыкин. – Москва : Международные отношения, 1983. – 160 с. – ISBN отсутствует.

273. Иванчак, А.И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть / А.И. Иванчак. – Москва : Статут, 2014. – 268 с. – ISBN отсутствует.

274. Идрышева, С.К. Публичный договор в гражданском праве Республики Казахстан : монография / С.К. Идрышева. – Астана : Институт законодательства Республики Казахстан, 2010. – 379 с. – 500 экз. – ISBN 9965- 600-82-1.

275. Иностранное гражданское и торговое право : учебник для вузов и практическое пособие / составлен бригадой под руководством С.И. Раевича. – Москва : Государственное издательство «Советское законодательство», 1933. – 276 с. – ISBN отсутствует.

276. Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву : из истории цивилистической мысли, гражданское правонарушение, критика теории «хозяйственного права» / О.С. Иоффе. – 3-е издание, исправленное. – Москва : Статут, 2009. – 780 с. – ISBN 978- 5-8354-0607-4.

277. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 880 с. – ISBN отсутствует.

278. Иоффе, О.С. План и договор в социалистическом хозяйстве / О.С. Иоффе. – Москва : Юридическая литература, 1971. – 216 с. – ISBN отсутствует.

279. Иоффе, О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 494 с. – ISBN отсутствует.

280. Исаченко, В.Л. Обязательства по договорам : опыт практического комментария русских гражданских законов: Комментарий на IV книгу 1 ч. X т. Свода законов. Том I: Общая часть / В.Л. Исаченко, Сенатор, В.В. Исаченко, Присяжный Поверенный. – Санкт-Петербург : Типография М. Меркушева, 1914. –728 с. – ISBN отсутствует.

281. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А. Г. Карапетов [и др.] – Москва : М-Логос, 2022. – 1496 с. – ISBN отсутствует.

282. Кабалкин, А.Ю. Законодательство о сфере обслуживания населения : справочник для слушателей / А.Ю. Кабалкин – Москва : Знание, 1988. – 224 с. – ISBN отсутствует.

283. Кавелин, К.Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения / К. Кавелин. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1879. – 410 с. – ISBN отсутствует.

284. Калмыков, Ю.Х. Хозяйственный расчет и гражданское право / Ю.Х. Калмыков. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1969. – 229 с. – ISBN отсутствует.

285. Капица, Л.С. Некоторые проблемы договора присоединения в гражданском праве : монография / Л.С. Капица, Ю.А. Лаврова. – Пятигорск : РИА-КМВ, 2011. – 163 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-89314-383-6.

286. Карапетов А.Г. Свобода договора и ее пределы / А.Г. Карапетов, А.И Савельев : в 2 томах. Том 2. – Москва : Статут, 2012. – 453 с. – ISBN отсутствует.

287. Кассо, Л.А. Запродажа и задаток / Л.А. Кассо. – Москва : Издание книжного магазина И.К. Голубева под фирмою «Правоведение», 1904. – 48 с. – ISBN отсутствует.

288. Кауфман, М.Я. Организация и регулирование внешней торговли России / М.Я. Кауфман. – Москва ; Ленинград : Издательство «Экономическая жизнь», 1925. – 168 с. – ISBN отсутствует.

289. Кейлин, А.Д. Транспорт и страхование во внешней торговле; Правовые условия внешнеторговых сделок : краткое учебное пособие для работников внешней торговли / А.Д. Кейлин. – Москва : Международная книга, 1947. – 72 с. – ISBN отсутствует.

290. Керимов, Д.А. Философские основания политико-правовых исследований / Д.А. Керимов. – Москва : Мысль, 1986. – 330 с. – ISBN отсутствует.

291. Керимов, Д.А. Методология права : предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Издательство Современного гуманитарного университета, 2003. – 520 с. – ISBN 5832303180.

292. Кирпичев, А.Е. Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики: монография / А.Е. Кирпичев. – Москва : РГУП, 2017. – 276 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

293. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Г.Е. Авилов, В.В. Безбах, М.И. Брагинский

[и др.] ; под редакцией О.Н. Садикова. – 3-е издание, исправленное, переработанное и дополненное. – Москва : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. – 1062 с. – ISBN отсутствует.

294. Кондаков, Н.И. Логический словарь–справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е издание, исправленное и дополненное. — Москва : Издательство «Наука», 1975. – 722 с. – ISBN отсутствует.

295. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. – Москва : Госюриздат, 1958. – 184 с. – ISBN отсутствует.

296. Кулагин, М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада / М.И. Кулагин ; предисловие и научная редакция Е.А. Суханова – Москва : Издательство «Дело», 1992. – 144 с. – ISBN 5- 85900- 009-X.

297. Кулаков, В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России : монография / В.В. Кулаков. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 238. – 500 экз. – ISBN 978-5-93916-224-1.

298. Куличев, Р.Б. Правовое регулирование подрядных работ для государственных нужд / Р.Б. Куличев. – Москва : Юстицинформ, 2016. – 192 с. – ISBN отсутствует.

299. Курбатов, А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения : монография / А.Я. Курбатов. – Москва : Юстицинформ, 2022. – 244 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

300. Курс советского уголовного процесса : общая часть. – Москва : Юридическая литература, 1989. — 640 с. – ISBN 5-7260-0097-8.

301. Ландкоф, С.Н. Торговые сделки. Теория и практика: агентурный договор; залог товара в обороте; государственные подряды и поставки; купля-продажа; договор комиссии; договор складского хранения и варранты;

договор текущего счета и чек / С.Н. Ландкоф. – Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1929. – 273 с. – ISBN отсутствует.

302. Лебедев, К.К. Нормативно-правовые предпосылки применения опционных договорных конструкций в предпринимательской деятельности / К.К. Лебедев // Правовое регулирование договорных отношений в России: проблемы и перспективы развития : коллективная монография. – Санкт-Петербург : Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – 215 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

303. Лесной экспорт СССР в 1926–27 году и материалы по международной лесной торговле. – Москва : Совет лесных трестов (ВСНХ СССР), 1928. – 255 с. – ISBN отсутствует.

304. Лесной экспорт СССР и международная лесная торговля (Сборник 1929 года). – Москва : Всесоюзное лесоэкспортное акционерное общество «Экспортлес», 1929. – 463 с. – ISBN отсутствует.

305. Лесной экспорт СССР и международная лесная торговля / Всесоюзное лесоэкспортное акционерное общество «Экспортлес». – Москва : Внешторгиздат, 1932. –340 с. – ISBN отсутствует.

306. Лесоторговый справочник / под редакцией С.В. Малышева. – Москва : Биржевой комитет, 1929. – 656 с. – ISBN отсутствует.

307. Логика : учебно-методическое пособие / Б.М. Магомедов, Н.П. Исмаилова. – Махачкала : Издательство Черкей, 2016. – 357 с. – ISBN отсутствует.

308. Лунц, Л.А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран / Л.А. Лунц. – Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 216 с. – ISBN отсутствует.

309. Любавский, А.Д. Юридические монографии и исследования / Александр Любавский. – Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1867. – 387 с. – ISBN отсутствует.

310. Лямбер, Э. Иностранная критика советского гражданского кодекса: Переводы статей / Э. Лямбер, Г. Фройнд ; под редакцией и с очерком С.Н. Ландкофа. – Харьков : Юридическое издательство НКЮ УССР, 1928. – 87 с. – ISBN отсутствует.

311. Маковский, А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А.Л. Маковский. – Москва : Статут, 2010 . - 738 с. - ISBN 978-5-8354-0636-4.

312. Масевич, М.Г. Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета / М.Г. Масевич. – Алма-Ата : Издательство Академии наук Казахской ССР, 1964. – 318 с. – ISBN отсутствует.

313. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с. – ISBN 978-5-222-17060-1.

314. Международные отношения в эпоху империализма : документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. (Серия III: 1914 – 1917 гг. Том 1: 14 января – 13 марта 1914 г.) / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского ; подготовил к печати А.Л. Попов. – Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1931. – 614 с. – ISBN отсутствует.

315. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / под редакцией А. Вицына. – 3-е издание, исправленное сообразно определениям новейшего законодательства. – Санкт-Петербург : Издание Николая Тиблена, 1864. – 789 с. – ISBN отсутствует.

316. Мейер, Д.И. О некоторых особых договорах по русскому праву. Из лекций / Д.И. Мейер. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего сената, 1862. – 28 с. – ISBN отсутствует.

317. Мовчановский, Б.Ф. Очерки советского морского торгового права : пособие для работников морского торгового флота и судебных учреждений

портовых городов / Б.Ф. Мовчановский, В. Орлов. – Москва : Огиз – Гострансиздат, 1931. – 256 с. – ISBN отсутствует.

318. Морозов, С.Ю. Система транспортных организационных договоров / С.Ю.Морозов. – Москва : Норма, 2011. – 352 с. – ISBN 978-5-91768-198-6

319. Мустафин, Р.Ф. Правовое регулирование типовых договоров российским гражданским правом в контексте реформы частного права : монография / Р.Ф. Мустафин. – Волгоград : Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 144 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-7786-0583-1.

320. Нерсесов, Н.И. Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву (посмертное издание, исправленное и дополненное А.Г. Гусаковым) / Н.И. Нересов. – Москва : Библиотечный фонд, 1917. — 272 с. – ISBN отсутствует.

321. Нестолий, В.Г. Организационные правоотношения и гражданско-правовой договор / В.Г. Нестолий // Тетради по исполнительному производству, нотариату, гражданскому праву и процессу. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (Академия Минюста России), 2015. – С. 70–80. – ISBN отсутствует.

322. Новицкий, И.Б. Закон, жизнь и наука права / И.Б. Новицкий // Право и Жизнь : Книга 3. – Москва : 1922. – 1916 с. – Рецензия на книгу: A. Nussbaum. Theoreme und Wirklichkeit inn denn allgemeinnenn Lehrenn des bürgerlichenn Rechts, Archiv fur bürgerliches Recht. Bd. 42. – ISBN отсутствует.

323. Новицкий, И.Б. Обязательство заключить договор / И.Б. Новицкий; под редакцией М. С. Липецкера ; Московский юридический институт. – Москва : типография ТАСС, 1947. – 50 с. – ISBN отсутствует.

324. Новицкий, И.Б. История советского гражданского права / И.Б. Новицкий. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 327 с. – ISBN отсутствует.

325. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с. – ISBN отсутствует.

326. Нолькен, А.М. Договоры в пользу третьих лиц : опыт теоретических исследований по гражданскому праву / А. Нолькен. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1885. – 148 с. – ISBN отсутствует.

327. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (проект № 47538-6/9). [Постановление ГД ФС РФ от 25.02.2015 № 6186-6]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». - Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.12.2023).

328. Обозрение преподавания на Факультете советского права 1-го Московского Государственного Университета на 1925–26 год / 1-й Московский Государственный Университет. – Москва : Издательство Первого Московского Государственного Университета, 1926. – 126 с. – ISBN отсутствует.

329. Ойгензихт, В.А. Альтернатива в гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе : Ирфон, 1991. – 176 с. – ISBN отсутствует.

330. Организация и техника биржевой торговли / под общей редакцией Ф. Г. Пископпеля и А.А. Санталова. – Москва : Международная книга, 1938. – 232 с. – ISBN отсутствует.

331. Остроумов, Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок : монография / Н.Н. Остроумов. – Москва : Статут, 2015. – 396 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

332. Плетнев, Б.Д. Национально-персональная автономия / Б.Д. Плетнев // Право и Жизнь. – Москва : 1923. – С. 3–12. – ISBN отсутствует.

333. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Третья часть: Договоры и обязательства / К.П. Победоносцев. – Санкт-Петербург :

Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1880. – 629 с. – ISBN отсутствует.

334. Подряды и поставки в Союзе ССР / К.М. Варшавский. – Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1925. – 231 с. – ISBN отсутствует.

335. Подузова, Е.Б. Организационные договоры в гражданском праве : монография / Е.Б. Подузова. – Москва : Проспект, 2014. – 179 с. – 500 экз. – ISBN 978- 5- 392-11087-2.

336. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Петроград : Издание Юридического книжного склада «Право», 1917. – 349 с. – ISBN отсутствует.

337. Попов, В.С. Основы договорной практики. Выпуск I / В.С. Попов ; предисловие С.С. Кишкина. – Москва : Юридическое Издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 228 с. – ISBN отсутствует.

338. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2011. – 1326 с. – ISBN отсутствует.

339. Право и внешняя торговля / ответственный редактор В.С. Поздняков. – Москва : Международные отношения, 1987. – 152 с. – ISBN отсутствует.

340. Правовые формы научно-технического и промышленно-экономического сотрудничества СССР с капиталистическими странами / А.Б. Альтшулер, А. П. Белов, М. М. Богуславский. – Москва : Издательство «Наука», 1980. – 295 с. – ISBN отсутствует.

341. Практическое руководство по составлению договоров между хозяйственными организациями стран – членов СЭВ на отдельные виды международной производственной кооперации с отдельными примерными

положениями / Совет экономической взаимопомощи. Секретариат. – Москва , 1988. – 35 с. – ISBN отсутствует.

342. Приложение к годовому отчету за 1924 год к III съезду Советов СССР / СССР. Народный Комиссариат по иностранным делам. – Москва , 1925. – 36 с. – ISBN отсутствует.

343. Проблемы развития частного права : сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / С.С. Алексеев, А.В. Асосков, В.Ю. Бузанов [и др.] ; ответственные редакторы Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. – Москва : Статут, 2011. – 559 с. – ISBN отсутствует.

344. Райников, А.С. Договорное право: абонентские, рамочные договоры и договоры опционного типа / А.С. Райников, Д.В. Карелина, Ю.П. Мартыненко. – Иркутск : Издательство БГУ, 2019. – 48 с. – ISBN отсутствует.

345. Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве России : монография / Ю.В. Романец. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Норма, Инфра-М, 2013. – 496 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

346. Российское гражданское право : учебник / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов : в 2 томах. Том 1. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Статут, 2011. – 958 с. – ISBN отсутствует.

347. Рубинштейн, Б.М. Советское хозяйственное право : учебник для слушателей правовых школ и вузов / Б.М. Рубинштейн. – Москва : Советское законодательство, 1935. – 182 с. – ISBN отсутствует.

348. Рудаков, А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей : монография / А.А. Рудаков. – Москва : Проспект, 2016. – 380 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-392-19048-5.

349. Садиков, О.Н. Применение судами общих начал обязательственного права / О.Н. Садиков // Комментарий судебной практики

за 1986 год. – Москва : Юридическая литература, 1988. – С. 67–85. – ISBN отсутствует.

350. Самойлович, П.Д. Договор морской перевозки по советскому праву / П.Д. Самойлович ; под редакцией В.А. Рясенцева. – Москва : Издательство «Морской транспорт», 1952. – 232 с. – ISBN отсутствует.

351. Сарбаш, С.В. Исполнение договорного обязательства третьим лицом / С.В. Сарбаш. – Москва : Статут, 2003. – 92 с. – ISBN отсутствует.

352. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / Т.Е. Абова [и др.] ; под редакцией Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина : в 3 томах. Том 1. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2007. – ISBN 978- 5-94879-846-2.

353. Сарбаш, С.В. Обязательства и их исполнение: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный) / С.В. Сарабаш. – Москва : М-Логос, 2022. – 464 с. – ISBN отсутствует.

354. Серебровский, В.И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица (Основания возникновения права выгодоприобретателя) / В.И. Серебровский // Ученые труды. – Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. – С. 347–377. – ISBN отсутствует.

355. Серебровский, В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский. – 2-е издание, исправленное. – Москва : Статут, 2003. – ISBN 5- 89398- 011-5.

356. Серебровский, В.И. Страхование. / В.И. Серебровский. – Москва : Финансовое Издательство НКФ СССР, 1927. – 144 с. – ISBN отсутствует.

357. Симолин, А.А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве / А.А. Симолин. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1916. – 365 с. – ISBN отсутствует.

358. Синайский, В.И. Русское гражданское право. Выпуск I : Общая часть. Вещное право. Авторское право / В.И. Синайский. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Киев : Типо-Литография «Прогресс», 1917. – 258 с. – ISBN отсутствует.

359. Синайский, В.И. Русское гражданское право. Выпуск II : Обязательственное, семейное и наследственное право / В.И. Синайский. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Киев : Типо-Литография «Прогресс», 1918. –300 с. – ISBN отсутствует.

360. Синайский, В.И. Русское гражданское право (Пособие к изучению тома X ч. 1 и сенатской практики) / В.И. Синайский. – Киев : Типография А.М. Пономарева, 1912. – 427 с. – ISBN отсутствует.

361. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1900. – 500 с. – ISBN отсутствует.

362. Советское гражданское право : учебник для вузов / под общей редакцией О.А. Красавчикова : в 2 томах. Том 2. – 3-е издание – Москва : Высшая школа, 1985. – 544 с. – ISBN отсутствует.

363. Советское гражданское право. Том I : Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений / Д.М. Генкин, С.Н. Братусь, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий ; под редакцией Д.М. Генкина. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 496 с. – ISBN отсутствует.

364. Советское гражданское право / К.К. Лебедев, В.А. Мусин, Е.А. Поссе [и др.] ; ответственные редакторы В.Т. Смирнов, Ю.К. Толстой,

А.К. Юрченко. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1982. – 414 с. – ISBN отсутствует.

365. Советское гражданское право : учебник для юридических школ / под редакцией С.И. Вильнянского. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 264 с. – ISBN отсутствует.

366. Сравнительные материалы к проекту Гражданского кодекса СССР / Верховный Совет СССР. Совет Союза. Комиссия законодательных предположений. – Москва : типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР», 1948. – 324 с. – ISBN отсутствует.

367. СССР – ФРГ: правовые аспекты внутренних и двусторонних хозяйственных отношений : сборник / Т.Е. Абова, М.М. Богуславский, В.В. Лаптев [и др.]. – Москва : ИГПАН, 1980. – 156 с. – ISBN отсутствует.

368. Степанова, Е.Е. Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования : монография / Е.Е. Степанова. – Санкт-Петербург : Гамма, 2018. – 228 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-4334-0390-1.

369. Степкин, С.П. Гражданско-правовой институт акционерных соглашений : монография / С.П. Степкин. – Москва : Петроруш, 2011. – 256 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

370. Стучка, П.И. Курс советского гражданского права. II: Общая часть гражданского права / П.И. Стучка. – Москва : Издательство Коммунистической Академии, 1929. – 376 с. – ISBN отсутствует.

371. Стучка, П.И. Курс советского гражданского права. III: Особенная часть гражданского права / П.И. Стучка. – Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – 206 с. – ISBN отсутствует.

372. Стучка, П.И. Курс советского гражданского права : введение в теорию гражданского права / П.И. Стучка. – Москва : Издательство Коммунистической Академии, 1927. – 230 с. – ISBN отсутствует.

373. Сулейменов, М.К. Право как система / М.К. Сулейменов. – Москва : Статут, 2016. – 360 с. – ISBN 978-5-8354-1278-5.

374. Сулейменов, М.К. Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права / М.К. Сулейменов. – Текст: электронный. – URL: https://oNliNe.zakoN.kz/DocumeNt/?doc_id=32801264 (дата обращения: 14.01.2024).

375. Суперанская, А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева ; ответственный редактор Т.Л. Канделаки. – Москва : Либроком, 2004. –108 с. – ISBN отсутствует.

376. Сурмин, Ю.П. Теория систем и системный анализ : учебное пособие / Ю.П. Сурмин. — Киев : МАУП, 2003. — 368 с. – ISBN 966-608-290-Х.

377. Тарасенко, Ю.А. Договор в пользу третьих лиц: особенности правовой конструкции / Ю.А. Тарасенко // Сделки: проблемы теории и практики : Сборник статей. – Москва : Статут, 2008. – С. 298–309. – ISBN отсутствует.

378. Тарасов, И.Т. Учебник науки полицейского права. Выпуск третий: Народное образование. Средства сообщения / И.Т. Тарасов. – Москва : Высочайше утвержденное товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1895. – 939 с. – ISBN отсутствует.

379. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. – Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2001. – 264 с. – ISBN отсутствует.

380. Теоретические проблемы хозяйственного права / Институт государства и права АН СССР ; под редакцией В.В. Лаптева. – Москва : Наука, 1975. – 412 с. – ISBN отсутствует.

381. Тигранов, А. Биржа, биржевая спекуляция и положения законодательства / А. Тигранов. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1879. – ISBN отсутствует.

382. Типовые чартера для фрахтования морских судов / под редакцией Б.В. Амброжиса. – Москва ; Ленинград : Внешторгиздат, 1936. – 274 с. – ISBN отсутствует.

383. Трепицын, И.Н. Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с Проектом гражданского уложения. Общая часть Обязательственного права / И.Н. Трепицын. – Варшава : Типография Варшавского Учебного Округа, 1914. –345 с. – ISBN отсутствует.

384. Тютрюмов, И.М. Гражданское право / И.М. Тютрюмов. – Юрьев : Типография К. Маттисена, 1922. – 543 с. – ISBN отсутствует.

385. Уголовное право. Особенная часть / А.А. Пионтковский, Б.С. Ошерович, А.А. Герцензон [и др.]. – 2 издание, переработанное. – Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 528 с. – ISBN отсутствует.

386. Фельдбаум, С.С. Фрахтование тоннажа под угольные грузы / С.С. Фельдбаум // Фрахтование иностранного тоннажа : сборник статей. – Москва : Государственное транспортное издательство, 1935. – С. 171–179. – ISBN отсутствует.

387. Филиппова, С.Ю. Цивилистическая наука России: становление, функции, методология / С.Ю. Филиппова. – Москва : Статут, 2017. – 382 с. – ISBN 978-5-8354-1368-3.

388. Флейшиц, Е.А. Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала / Е.А. Флейшиц. – Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 52 с. – ISBN отсутствует.

389. Фогельсон, Ю.Б. Страховое право : теоретические основы и практика применения : монография / Ю.Б. Фогельсон. – Москва : Норма, Инфра-М, 2012. – 576 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

390. Халфина, Р.О. Договор в английском гражданском праве / Р.О. Халфина. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. – 319 с. – ISBN отсутствует.

391. Халфина, Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / Академия наук СССР. Институт права. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1954. – 240 с. – ISBN отсутствует.

392. Халфина, Р.О. К вопросу о предмете и системе советского финансового права / Р.О. Халфина. – Москва : издательство Академии наук СССР, 1952. – 197 с. – ISBN отсутствует.

393. Хижняк, С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина : монография / С.П. Хижняк. — Саратов : ИЦ «Наука», 2016. — 172 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

394. Хижняк, С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк ; под редакцией Л. И. Баранниковой. – Саратов : Издательство Саратовского универсритета, 1997. – 132 С. – ISBN отсутствует.

395. Хозяйственное законодательство стран – членов СЭВ : сборник документов / составитель и автор вступительной статьи В.В. Залесский. – Москва : Прогресс, 1989. – 535 с. – ISBN отсутствует.

396. Хозяйственные обязательства / И.А. Танчук, В.П. Ефимочкин, Т.Е. Абова. – Москва : Юридическая литература, 1970. – 216 с. – ISBN отсутствует.

397. Хохлов, В.А. Общие положения об обязательствах : учебное пособие / В.А. Хохлов. – Москва : Статут, 2015. – 288 с. – ISBN отсутствует.

398. Хохлов, С.А. Избранное / С.А. Хохлов ; вступительное слово, составитель П.В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2017.– 304 с. – ISBN отсутствует.

399. Цатурян, Е.А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики : монография. / Е.А. Цатурян. – Москва : Статут, 2020. – 224 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

400. Цитович, П.П. Обязательства по русскому гражданскому праву. Конспект лекций / П.П. Цитович. – Киев : Типография И.И. Чоколова, 1894. – 104 с. – ISBN отсутствует.

401. Цитович, П.П. Очерк основных понятий торгового права / П.П. Цитович. – Киев : Типография И.Н. Кушнерева и Ко, 1886. – 248 с. – ISBN отсутствует.

402. Цитович, П.П. Учебник торгового права. Выпуск первый / П.П. Цитович. – Киев ; Санкт-Петербург : Типо-литография Высочайше утвержденное Товарищество И.Н. Кушнерев и Ко в Москве, 1891. – 300 с. – ISBN отсутствует.

403. Челышева, Н.Ю. Особенности правового регулирования абонентских договоров в свете реформирования гражданского законодательства. Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика / Н.Ю. Челышева : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню юриста ; ответственный редактор Е.П. Чорновол, И.Н. Бородина. – Курганск : Курганский государственный университет, 2018. – С. 212–220. – ISBN отсутствует.

404. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции / А.Ф. Черданцев. – Москва : Норма, 2012. – 319 с. – ISBN 978-5-91768-257-0.

405. Черепахин, Б.Б. Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки / Б.Б. Черепахин. – Иркутск : Издательсьтво иркутского университета, 1927. – С. 3-31. – ISBN отсутствует.

406. Чурилов, А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства : монография / А.Ю. Чурилов. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 200 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

407. Шапкина, Г.С. Применение акционерного законодательства / Г.С. Шапкина. – Москва : Статут, 2009. – 320 с. – ISBN отсутствует.

408. Шептулин, А.П. Категории диалектики / А.П. Шептулин. – Москва : Высшая школа, 1971. – 278 с. – ISBN отсутствует.

409. Шершеневич, Г.Ф. Избранное : учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершененвич ; вступительное слово, составитель П.В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2017. – 832 с. –ISBN 978-5-8354-1409-3 (в пер.); ISBN 978-5-8354-1404-8.

410. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права / Г.Ф. Шершеневич. – 4-е издание. – Санкт –Петербург : Издание Братьев Башмаковых, 1908. – 624 с. – ISBN отсутствует.

411. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – 6-е издание. – Санкт-Петербург : Издание Братьев Башмаковых, 1907. – 815 с. – ISBN отсутствует.

412. Шершеневич, Г.Ф. Философия права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Издание Братьев Башмаковых, 1912. – 699–805 с. – ISBN отсутствует.

413. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – 9-е издание. – Москва : Издание Братьев Башмаковых, 1911. – VIII, 851 с. – ISBN отсутствует.

414. Шиткина, И.С. Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования : монография / И.С. Шиткина. – Москва : Статут, 2020. – 226 с. – 500 экз. – ISBN отсутствует.

415. Шкундин, З.И. Обязательство поставки товаров в советском праве / З.И. Шкундин. – Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 208 с. – ISBN отсутствует.

416. Шретер, В.Н. Внутренняя торговля : правовые основы внутреннего товарооборота СССР / В. Н. Шретер. – Москва : Экономическая жизнь, 1926. – 226 с. – ISBN отсутствует.

417. Экономика и организация международной хлебной торговли. Выпуск II / под редакцией А.А. Киссина, Ф. Г. Пископпеля, К.И. Рубинштейна. – Москва ; Ленинград : Внешторгиздат, 1935. – 228 с. – ISBN отсутствует.

418. Энциклопедия государства и права. Том первый / Коммунистическая академия. Секция общей теории государства и права ; под редакцией П. Стучка. – Москва : Издательство Коммунистической академии, 1929. – 888 с. – ISBN отсутствует.

419. Энциклопедия советского импорта. Общие проблемы импорта / под редакцией Ю.В. Гольдштейна, А.Н. Долгова, Ш.М. Дволайцкого [и др.] : в 12 томах. Том 1, часть 1. – Москва : Издательство Наркомторга СССР и РСФСР, 1929. – 216 с. – ISBN отсутствует.

420. Явич, Л.С. Сущность права : социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л.С. Явич. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1985. – 207 с. – ISBN отсутствует.

421. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. – 3-е издание, дополненное. – Москва : ИЦЧП : Статут, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-8354-1809-1.

Диссертации и авторефераты диссертаций

422. Ахметбекова, А.М. Лексикографические и метатекстовые характеристики терминологической дефиниции : специальность 6D021000 «Иностранная филология» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Ахметбекова Асель Мейрамовна ; Казахский национальный университет имени Аль–Фараби. – Алматы, 2014. – 122 с. – Библиогр.: с. 125–135.

423. Ахметова, Г.З. Система институтов российского договорного права: единство, дифференциация, взаимодействие : специальность 12.00.03

«Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ахметова Гузель Загидовна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2017. – 201 с. – Библиогр.: с. 162–201.

424. Бажанов, А.А. Соразмерность как принцип права : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бажанов Александр Александрович ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2019. – 193 с. – Библиогр.: с. 159–193.

425. Балтутите, И.В. Гражданско – правовое регулирование заключения контрактов на выполнение подрядных работ для государственных и муниципальных нужд : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Балтутите Иоланта Видмантовна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2012. – 39 с. - Библиогр.: с. 38 – 39. – Место защиты: Волгоградский государственный университет.

426. Бальжиров, Б.В. Публичные договоры в сфере энергетики : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бальжиров Баир Вячеславович ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2011. – 208 с. – Библиогр.: с. 171–208.

427. Баринов, П.С. Обесценивание правовых категорий : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история

учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Баринов Павел Сергеевич ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2019. – 189 с. – Библиогр.: с. 125–135.

428. Батлер, Е.А. Непоименованные договоры : некоторые вопросы теории и практики : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батлер Евгений Андреевич ; Московская академия экономики и права. – Москва, 2006. – 183 с. – Библиогр.: с. 165–183.

429. Батурина, А.А. Система и системность смешанных договоров в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батурина Алёна Аркадьевна ; Сибирский федеральный университет. – Иркутск, 2018. – 198 с. – Библиогр.: с. 141–198.

430. Болдырев, С.Н. Юридическая техника: теоретико – правовой анализ: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Болдырев Сергей Николаевич ; Кубанский государственный аграрный университет. – Ростов–на–Дону, 2014. – 468 с. – Библиогр.: с. 414–468.

431. Васильев, А.В. Предварительный договор в праве России и США : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Васильев Алексей Владимирович ; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2007. – 299 с. – Библиогр.: с. 275–299.

432. Васильев, В.В. Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Васильев Владимир Валерьевич ; Московская академия экономики и права. – Москва , 2015. – 477с. – Библиогр.: с. 429–477.

433. Величкина, Е.А. Гражданско – правовое регулирование обязательств по оказанию публичных услуг : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Величкина Елена Александровна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2010. – 199 с. – Библиогр.: с. 176–195.

434. Виниченко, С.И. Цена как условие гражданско – правового (предпринимательского) договора : специальность 12.00.04 «Финансовое право, налоговое право, бюджетное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Виниченко, Сергей Ильич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 1999. – 172 с. – Библиогр.: с. 164–172.

435. Винокуров, С. Н. Требование добросовестности в договорном праве Англии и США : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Винокуров Сергей Николаевич ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2021. – 223 с. – Библиогр.: с. 200–223.

436. Ганева, Е.О. Рамочный договор в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание

ученой степени кандидата юридических наук / Ганева Екатерина Олеговна ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Иркутск, 2021. – 191 с. – Библиогр.: с. 170–191.

437. Головина, С.Ю. Понятийный аппарат трудового права: специальность 12.00.05 – «Трудовое право; право социального обеспечения» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Головина Светлана Юрьевна ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 1998. – 363 с. – Библиогр.: с. 347–363.

438. Грачев, Т.С. Единство прав и обязанностей как принцип права : общетеоретический аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Грачев Тимофей Сергеевич ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2010. – 199 с. – Библиогр.: с. 166–199.

439. Гребенщикова, Я. Б. Правовой механизм закупки товаров, работ, услуг для муниципальных нужд : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гребенщикова Ярослава Борисовна ; Институт государства и права РАН. – Москва, 2008. – 22 с. – Библиогр.: с. 21–22. – Место защиты: Институт государства и права РАН.

440. Груздев, В.В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Груздев Владислав Викторович ; Томский государственный университет. – Томск, 2008. – 205 с. – Библиогр.: с. 188–205.

441. Груздев, О.С. Применение гражданско-правовых договорных конструкций к своп – договору : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Груздев Олесь Сергеевич ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск, 2019. – 233 с. – Библиогр.: с. 189–233.

442. Гудовских, Т.С. Механизм восполнения открытых условий гражданско-правовых договоров : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гудовских Татьяна Сергеевна ; Пермский национальный исследовательский политехнический университет. – Ульяновск, 2019. – 213 с. – Библиогр.: с. 170–213.

443. Давыдова, М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Давыдова Марина Леонидовна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2010. – 408 с. – Библиогр.: с. 321–408.

444. Дашко, А.В. Теоретико – прикладное моделирование договорных отношений с участием потребителей : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дашко Александр Викторович ; Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов Российской Федерации. – Москва, 2005. – 195 с. – Библиогр.: с. 179–195.

445. Тасалов, Ф.А. Контрактные обязательства в сфере публичных закупок по праву Российской Федерации и Европейского Союза : сравнительно – правовое исследование : специальность 5.1.3. «Частно – правовые (цивилистические) науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Тасалов Филипп Артемьевич ; ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина». – Москва, 2022. – 59 с. – Библиогр.: с. 57–59. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина».

446. Тюрина, С.А. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тюрина Светлана Александровна ; Институт государства и права РАН. – Москва, 2012. – 28 с. – Библиогр.: с. 27–28. – Место защиты: Институт государства и права РАН.

447. Дудко А. Г. Правовая адаптация долгосрочных договоров к изменившимся обстоятельствам : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дудко Алексей Георгиевич ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2002. – 219 с. – Библиогр.: с. 194–219.

448. Емелькина, И.А. Система ограниченных вещных прав на земельные участки: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Емелькина Ирина Александровна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 60 с. – Библиогр.:

с. 59–60. – Место защиты: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

449. Ерин, В.В. Гражданско – правовое регулирование подрядных работ и работ по геологическому изучению недр для государственных нужд : на основе государственных контрактов : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ерин Василий Васильевич ; Российский государственный университет интеллектуальной собственности Роспатента. – Москва, 2011. – 28 с. – Библиогр.: с. 28–28. – Место защиты: Российский государственный университет интеллектуальной собственности Роспатента.

450. Ермошкина, М.Ф. Задаток: понятие, правовая квалификация, отдельные виды и сфера применения : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ермошкина Маргарита Федоровна ; Академия народного хозяйства при Правительстве РФ. – Москва, 2006. – 216 с. – Библиогр.: с. 198–216.

451. Жук, С.Е. Гражданско – правовое регулирование способов обеспечения исполнения государственного контракта : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жук Сергей Евгеньевич ; Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов РФ. – Москва, 2011. – 26 с. – Библиогр.: с. 26–26. – Место защиты: Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов РФ.

452. Заботина, Н.Н. Правовая природа правоотношений, возникающих в связи с заключением контрактов на поставку товаров для государственных нужд : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Заботина Надежда Николаевна ; Волгоградская академия МВД России. – Волгоград, 2006. – 29 с. –Библиогр.: с. 28–29. – Место защиты: Волгоградская академия МВД России.

453. Занковский, С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Занковский Сергей Сергеевич ; Институт государства и права РАН. – Москва, 2004. – 398 с. – Библиогр.: с. 366–398.

454. Захаров Ю.Ю. Договор в пользу третьего лица в теории и хозяйственной практике : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Захаров Юрий Юрьевич ; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2003. 30 с. –Библиогр.: с. 29–30. – Место защиты: Московская государственная юридическая академия.

455. Ибратов, Б. Гражданско-правовые проблемы бытового обслуживания населения : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ибратов Бабакул ; Институт философии и права АН Республики Узбекистан. – Ташкент, 1994. – 40 с. – Библиогр.: с. 39–40. – Место защиты: Институт философии и права АН Республики Узбекистан.

456. Идрышева, С.К. Публичный договор в гражданском праве Республики Казахстан : проблемы теории и практики : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Идрышева Сара Кимадиевна ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – Москва, 2012. – 452 с. – Библиогр.: с. 400–434.

457. Кабатова, Е.В. Новые формы передачи машин и оборудования во временное пользование (лизинг) в гражданском праве буржуазных государств: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кабатова Елена Витальевна ; Институт государства и права АН СССР. – Москва, 1981. – 149 с. – Библиогр.: с. 139–149.

458. Калашникова Галина Александровна. Публичный договор : : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Калашникова Галина Александровна ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2002. – 207 с. – Библиогр.: с. 195–207.

459. Карасева, Светлана Владимировна. Правовое регулирование размещения государственного заказа и исполнения договора на оказание услуг для государственных, муниципальных нужд : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карасева Светлана Владимировна ; Московская академия экономики и права. – Москва, 2013. – 193 с. – Библиогр.: с. 164–193.

460. Каримов, М.Р. Роль предварительного договора в формировании договорных условий участников гражданского оборота : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каримов, Марат Рауфович ; – Москва, 2002. – 169 с. – Библиогр.: с. 163–169.

461. Кванина, В.В. Договоры с абонементной формой отношений сторон : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кванина, Валентина Вячеславовна ; Всесоюзный юридический заочный институт. – Москва, 1990. – 24 с. – Библиогр.: с. 24–24. – Место защиты: Всесоюзный юридический заочный институт.

462. Кикавец, В.В. Административно – правовое регулирование государственного заказа в Российской Федерации : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кикавец Виталий Викторович ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2010. – 201 с. – Библиогр.: с. 187–201.

463. Киракосян, С.А. Принцип равенства в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Киракосян Сусана Арсеновна ; Южный федеральный университет. – Краснодар, 2009. – 217 с. – Библиогр.: с. 184–217.

464. Кирпичев, А.Е. Муниципальный контракт в гражданском праве Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное

право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кирпичев Александр Евгеньевич ; Российская академия правосудия. – Москва, 2011. – 29 с. – Библиогр.: с. 28–29. – Место защиты: Российская академия правосудия.

465. Кирпичев А.Е. Предпринимательские обязательства субъектов публичного сектора экономики : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кирпичев Александр Евгеньевич ; Российский государственный университет правосудия. – Москва, 2018. – 499 с. – Библиогр.: с. 442–499.

466. Кирсанов, К.А. Гражданско – правовое регулирование организационных отношений : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / Кирсанов Константин Александрович ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2008. – 27 с. – Библиогр.: с. 26–27. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия.

467. Ковалевская, Н.С. Договор в пользу третьих лиц – граждан : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ковалевская Наталия Сергеевна ; Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1988. – 175 с. – Библиогр.: с. 163–175.

468. Козлова, Е.Б. Развитие системы договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимого имущества в Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное

право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Козлова Елена Борисовна ; Российская правовая академия Министерства юстиции РФ. – Москва, 2014. – 41 с. – Библиогр.: с. 40–41. – Место защиты: Российская правовая академия Министерства юстиции РФ

469. Колесник О.Н. Государственный контракт на поставку продукции для государственных нужд в Федеральной пограничной службе Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права» / Колесник Олег Николаевич ; Московский военный институт федеральной пограничной службы РФ. – Москва, 2001. – 221 с. – Библиогр.: с. 180–193.

470. Комарицкий, В.С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Комарицкий Василий Сергеевич ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2016. – 205 с. – Библиогр.: с. 189–205.

471. Комиссарова, Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Комиссарова Елена Генриховна ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2002. – 303 с. – Библиогр.: с. 279–303.

472. Комкова, Е.В. Заключение договора по российскому гражданскому праву : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Комкова Елена Васильевна ; Московская государственная юридическая академия – Москва, 2001. – 219 с. – Библиогр.: с. 200–219.

473. Костикова, С.Н. Публичный договор как институт гражданского права : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Костикова Светлана Николаевна ; Российский государственный гуманитарный университет. – Москва, 2007. – 284 с. – Библиогр.: с. 175–202.

474. Кроз, М.К. Третье лицо в обязательстве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кроз Марина Константиновна ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2001. – 169 с. – Библиогр.: с. 158–169.

475. Курц, Н.А. Заключение договоров о государственных и муниципальных закупках: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Курц Николай Александрович ; Российская академия правосудия. – Москва, 2013. – 24 с. – Библиогр.: с. 24–24. – Место защиты: Российская академия правосудия.

476. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Лапач Владимир Александрович ; Ростовский юридический институт

Северо – Кавказской академии государственной службы. – Ростов на Дону, 2002. – 537 с. – Библиогр.: с. 505–537.

477. Левченко, О.С. Конструкция публичного договора в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Левченко Ольга Сергеевна ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2008. – 174 с. – Библиогр.: с. 149–174.

478. Латыпов, Д.Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: : специальность 5.1.3. «Частно – правовые (цивилистические) науки» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Латыпов Денис Наилевич ; Ульяновский государственный университет. – Пермь, 2022. – 482 с. – Библиогр.: с. 411–477.

479. Майдаровский, Д.В. Предварительный договор и заключение основного договора в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Майдаровский Дмитрий Владимирович ; Южный федеральный университет. – Ростов–на–Дону, 2011. – 149 с. – Библиогр.: с. 130–149.

480. Максименко, А.В. Предварительный договор в обязательствах отдельных видов купли – продажи: вопросы правового регулирования и практики применения : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Максименко Александр Васильевич ; Российская правовая

академия Министерства юстиции РФ. – Москва, 2013. – 223 с. – Библиогр.: с. 199–223.

481. Малышкин, А.В. Интегрированная юрисдикция : доктрина, практика, техника : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Малышкин Александр Викторович ; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Нижний Новгород, 2021. – 437 с. – Библиогр.: с. 399–437.

482. Матиящук, С.В. Система договорных отношений по электро – и теплоснабжению в условиях развития когенерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Матиящук Светлана Владимировна ; Санкт – Петербургский государственный университет. – Санкт – Петербург, 2012. – 407 с. – Библиогр.: с. 365–407.

483. Мелькин, А.А. Формирование юридических понятий в российской правовой системе : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мелькин Антон Александрович ; Московский университет МВД России. – Москва, 2008. – 150 с. – Библиогр.: с. 130–150.

484. Меньшенин, П.А. Предварительный договор в Российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Меньшенин Павел Александрович ; Институт законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – Москва, 2011. – 179 с. – Библиогр.: с. 157–179.

485. Мечетин, Д.В. Договоры присоединения в гражданском праве : вопросы теории и практики : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мечетин Денис Владимирович ; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2010. – 28 с. – Библиогр.: с. 27–28. – Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте РФ.

486. Мильков, М.А. Обязательства с участием третьих лиц в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мильков Максим Александрович ; Российская академия правосудия. – Москва, 2010. – 178 с. – Библиогр.: с. 159–178.

487. Михайлова, А.А. Подрядные работы для государственных нужд: особенности правового регулирования : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михайлова Анастасия Алексеевна ; Санкт – Петербургский университет МВД России. – Санкт–Петербург, 2005. – 21 с. – Библиогр.: с. 20–21. – Место защиты: Санкт– Петербургский университет МВД России.

488. Мищенко, Е.А. Публичный договор в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мищенко Екатерина

Анатольевна ; Институт государства и права РАН. – Москва, 2004. – 174 с. – Библиогр.: с. 155–172.

489. Морозов, С.Ю. Система транспортных организационных договоров : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Морозов Сергей Юрьевич ; Московская академия экономики и права. – Москва, 2011. – 501 с. – Библиогр.: с. 462–501.

490. Овдиенко, Е.Б. Концептуальные, законодательные и правоприменительные проблемы в сфере заключения, изменения и прекращения договоров в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Овдиенко Евгений Борисович ; Российская правовая академия Министерства юстиции РФ – Москва, 2006. – 160 с. – Библиогр.: с. 144–160.

491. Орлов, Г.Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Орлов Герасим Николаевич ; Санкт – Петербургский государственный университет. – Санкт – Петербург, 2019. – 421 с. – Библиогр.: с. 204–217.

492. Пашацкая, Л.В. Принципы добросовестности и свободы договора в договоре розничной купли – продажи : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пашацкая Лариса Владимировна ; Саратовская

государственная юридическая академия. – Саратов, 2014. – 208 с. – Библиогр.: с. 180–208.

493. Переплетчикова, А.И. Конкретизационные нормы российского права : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Переплетчикова Анастасия Игоревна ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2020. – 233 с. – Библиогр.: с. 206–233.

494. Пермяков, Л.Е. Правовое регулирование поставки для государственных нужд : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пермяков Леонид Евгеньевич ; Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов Российской Федерации. – Москва, 2006. – 30 с. – Библиогр.: с. 29–30. – Место защиты: Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов Российской Федерации.

495. Писчиков, В.А. Смешанные и нетипичные договоры в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Писчиков Вадим Анатольевич ; Московский университет МВД России. – Москва, 2004. – 193 с. – Библиогр.: с. 178–193.

496. Подузова, Е.Б. Организационный договор и его виды : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Подузова Екатерина

Борисовна ; Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина. – Москва, 2012. – 237 с. – Библиогр.: с. 201–237.

497. Полякова, В.А. Предварительный договор в праве России и Германии : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Полякова Валентина Эдуардовна ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – Москва, 2015. – 141 с. – Библиогр.: с. 121– 41.

498. Рахимов, Э.Х. Гражданско – правовое регулирование государственного заказа в деятельности органов внутренних дел : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рахимов Эльдар Харисович ; Санкт – Петербургский государственный университет экономики и финансов — Санкт – Петербург, 2010. – 158 с. – Библиогр.: с. 141–154.

499. Романенко, Н.С. Эквивалентность в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Романенко Наталья Сергеевна ; Южный федеральный университет. – Краснодар, 2009. – 242 с. – Библиогр.: с. 215–242.

500. Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Романец Юрий Владимирович ; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2001. – 418 с. – Библиогр.: с. 408–418.

501. Ротарь, А.С. Переговоры по условиям торговых договоров : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ротарь Александр Сергеевич ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2001. – 216 с. – Библиогр.: с. 193–216.

502. Ручкина, Г.Ф. Финансово – правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ручкина Гульнара Флюровна ; Академия Управления МВД России. – Москва, 2004. – 552 с. – Библиогр.: с. 512–552.

503. Рузакова, О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Рузакова Ольга Александровна ; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – Москва, 2007. – 41 с. – Библиогр.: с. 40–41. – Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте РФ.

504. Салимзянов, Б.И. Обеспечительная функция предварительного договора в сфере оборота недвижимости : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Салимзянов Булат Ильдарович ; Российский государственный гуманитарный университет. – Казань, 2013. – 207 с. – Библиогр.: с. 151–177.

505. Сапун, В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Сапун Валентин Андреевич ; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2002. – 321 с. – Библиогр.: с. 305–321.

506. Сарбаш, С.В. Общее учение об исполнении договорных обязательств : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Сарбаш Сергей Васильевич ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 538 с. – Библиогр.: с. 524–538.

507. Серова, Ю.Г. Институт запродажи в российском праве XVIII – XIX вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Серова Юлия Геннадьевна ; Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2007. – 181 с. – Библиогр.: с. 168–181.

508. Соловьев, М.С. Административно – правовые основы публичных закупок : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Соловьев Михаил Сергеевич ; Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург, 2019. – 26 с. – Библиогр.: с. 26–26. – Место защиты: Уральский государственный юридический университет.

509. Степанов, С.А. Система объектов недвижимого имущества в гражданском праве: теоретические проблемы : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право;

международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Степанов Сергей Алексеевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 52 с. – Библиогр.: с. 50–51. – Место защиты: Уральская государственная юридическая академия.

510. Тарабаев, П.С. Гражданско – правовое регулирование поставки товаров для федеральных государственных нужд : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тарабаев Павел Сергеевич ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2008. – 200 с. – Библиогр.: с. 161–187.

511. Татаренко, В.И. Рамочные и абонентские договоры в гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Татаренко Виталий Иванович ; Российский государственный университет правосудия. – Москва, 2018. – 189 с. – Библиогр.: с. 172–189.

512. Тельгарин, Р.А. Свобода заключения договоров в сфере предпринимательства по гражданскому праву России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тельгарин Руслан Алимжанович ; – Москва, 1998. – 131 с. – Библиогр.: с. 192–131.

513. Тихомиров, А.С. Институт государственного и муниципального заказа в административном праве : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук /

Тихомиров Алексей Сергеевич ; Московский университет МВД России. – Москва, 2009. – 215 с. – Библиогр.: с. 188–215.

514. Туранин, В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве : теоретико – правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Туранин Владислав Юрьевич ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2017. – 437 с. – Библиогр.: с. 362–437.

515. Фамиева, К.И. Административные процедуры закупок для государственных и муниципальных нужд в условиях перехода к контактной системе : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фамиева Карина Ильдаровна ; Южно – Уральский государственный университет. – Челябинск, 2014. – 21 с. – Библиогр.: с. 21–21. – Место защиты: Южно – Уральский государственный университет.

516. Халфина Р.И. Договор в английском гражданском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Халфина Раиса Иосифовна ; Институт права имени А.Я Вышинского АН СССР. – Москва, 1955. – 32 с. – Библиогр.: с. 31–32. – Место защиты: Институт права имени А.Я. Вышинского АН СССР.

517. Хамидуллина, Ф.И. Нравственные основания гражданского права : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хамидуллина

Фарида Ильдаровна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2019. – 282 с. – Библиогр.: с. 248–282.

518. Церетели, Н.И. Проблемы совершенствования хозяйственного правопорядка и арбитраж : специальность 712 «Гражданское право и гражданский процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юрид. наук / Церетели Николай Иванович ; Тбилисский государственный университет. – Тбилиси, 1971. – 32 с. – Библиогр.: с. 31–32. – Место защиты: Тбилисский государственный университет.

519. Цыпленкова, А.В. Договор присоединения как особая категория гражданского права : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цыпленкова Анна Вячеславовна ; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2002. – 202 с. – Библиогр.: с. 191–202.

520. Чваненко, Д.А. Государственный контракт как особая модель гражданско – правового договора : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чваненко Дмитрий Анатольевич ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2021. – 253 с. – Библиогр.: с. 216–253.

521. Чурилов, А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско – правового обязательства : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чурилов Алексей Юрьевич ; Национальный исследовательский

Томский государственный университет. – Томск, 2018. – 204 с. – Библиогр.: с. 180–204.

522. Шанаурина, Ю.В. Институт предварительного договора в гражданском праве России : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шанаурина Юлия Викторовна ; Уральская государственная юридическая академия. – Тюмень, 2006. – 165 с. – Библиогр.: с. 129–165.

523. Шмелева, М.В. Гражданско – правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шмелева Марина Владимировна ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2013. – 18 с. – Библиогр.: с. 18–18. – Место защиты: Саратовская государственная юридическая академия.

524. Шполтаков, О.В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шполтаков Олег Владимирович ; Московская академия экономики и права. – Москва, 2016. – 179 с. – Библиогр.: с. 163–179.

525. Юренкова, О.С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право;

международное частное право» / Юренкова Олеся Сергеевна ; Московская академия экономики и права. – Москва, 2014. – 201 с. – Библиогр.: с. 174–201.

526. Яковлева, И.Г. Запрос котировок и запрос предложений как способы закупок : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Яковлева Ирина Геннадьевна ; Российский государственный университет правосудия. – Москва, 2017. – 24 с. – Библиогр.: с. 24–24. – Место защиты: Российский государственный университет правосудия.

527. Ярош, Артур Валерьевич. Правовое регулирование закупок лекарственных средств для обеспечения государственных нужд : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ярош Артур Валерьевич ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – Москва, 2018. – 272 с. – Библиогр.: с. 224–272.

Статьи и сборники статей

528. Аблятипова, Н.А. Правовые проблемы при применении конструкции опциона на заключение договора / Н.А. Аблятипова, А.В. Адлер // Modern Science. – 2021. – № 9-2. – С. 74-78. - ISSN 2414-9918.

529. Аблятипова, Н.А. Соотношение правовых конструкций предварительного договора и опциона на заключение договора: анализ теории и системности правоприменительной практики / Н.А. Аблятипова, А.В. Адлер // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – № 1. Том 7. – С. 270–280. – - ISSN 2413-1733.

530. Абрегова, А.А. Проблема определения правовой природы государственного контракта / А.А. Абрегова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2013. – № 3 (27). – С. 53. – ISSN 2072–3016.

531. Александров, Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений / Н.Г. Александров // Ученые записки. – ВИЮН. – 1947. – Выпуск VI. – С. 60–83. – ISBN отсутствует.

532. Александров, Н.Г. Несправедливые договорные условия в государственных закупках / Н.Г. Александров // Прогосзаказ.рф. – 2019. – № 4. – С. 6–18. – ISSN отсутствует.

533. Ананьев, А.Г. Концептуальные особенности публичного договора в современном гражданском праве / А.Г. Ананьев // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – № 1. Том 7. – С. 22–33. – ISSN отсутствует.

534. Андреева Л.В. Правовые проблемы обеспечения государственных нужд / Л.В. Андреева // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 29. – ISSN отсутствует.

535. Андриянов, Д.В. Оговорка «бери или плати» в долгосрочных договорах международной купли-продажи природного газа: конфликт квалификации / Д.В. Андриянов // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 6. – С. 17–20. – ISSN отсутствует.

536. Антюшин, С.С. Категории – атрибут научной и социально-преобразовательной деятельности / С.С. Антюшин // Правосудие. – 2020. – № 2. Том 2. – С. 87–103. – ISSN 2686-9241.2020.2.87-103.

537. Арбитраж / Орган Госарбитража при СНК СССР. – 1939. – № 19–20. – 30 с. – ISSN отсутствует.

538. Архипова, А.Г. Правовое положение третьих лиц в страховании / А.Г. Архипова // Вестник гражданского права. – 2022. – № 6. – С. 7. – ISSN1992-2043.

539. Ахтямова, Е.В. К вопросу о понятии и признаках типовой договорной конструкции в гражданском праве РФ / Е.В. Ахтямова // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 5-ти томах, Тольятти, 21–24 апреля 2016 года. – Тольятти : Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2016. – С. 136–138. – ISBN 978-5-94510-126-5.

540. Ахтямова, Е.В. Понятие и признаки типовой договорной конструкции в гражданском праве Российской Федерации / Е.В. Ахтямова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 12– 3 (51). – С. 29–31. – ISSN отсутствует.

541. Аюшеева, И.З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса / И.З. Аюшеева // Закон. – 2022. – № 6. – С. 56-65. – ISSN 0869-4400.

542. Аюшеева, И. З. Цифровые объекты гражданских прав / И.З. Аюшеева // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 7 (176). – С. 32–43. – ISSN отсутствует.

543. Бакаев, В.Г. Морские порты и внешняя торговля СССР / В.Г. Бакаев // Труды Комиссии торгового мореплавания и морского права: Выпуск 2 ; под редакцией Э.Ф. Розенталя. – Москва : Внешторгиздат, 1933. – С. 43–57. – ISBN отсутствует.

544. Барков, А.В. Договоры с элементами социального содействия, опосредующие оказание социально-правовых услуг / А.В. Барков // Гражданское право. – 2012. – № 1. – С. 40–45. – ISSN 2070-2140.

545. Бару, М.И. План и договор / М.И. Бару // Ученые записки. – Харьков : Харьковский юридический институт, 1957. – Выпуск 8. – С. 35–52. – ISBN отсутствует.

546. Бару, М.И. Понятие и содержание возмездности и безвозмездности в советском гражданском праве / М.И. Бару // Ученые

записки – Харьков : Харьковский юридический институт, 1959. – Выпуск 13. – С. 19–64. – ISBN отсутствует.

547. Белов, В.А. «Договоры о договорах» (предварительный и рамочный договоры, опцион на заключение договора) / В.А. Белов, К.В. Дудченко // Законодательство. – 2016. – № 2. – С. 9–18. – ISSN 2658-4301.

548. Беляева, О.А. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»: рамки применения в договорных отношениях / О.А. Беляева // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 25–31. – ISSN1605-6590.

549. Беляева, О.А. Заключение договора присоединения по результатам торгов / О.А. Беляева. // Актуальные проблемы права на современном этапе развития российской государственности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 25–26 марта 2010 г. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – С. 32–38. – ISBN 978-5-905062-48-3.

550. Беляцкин, С.А. Гражданский оборот, непреодолимая сила и война / С.А. Беляцкин // Вестник Гражданского права. – Петроград, 1915. – № 3 (Март). – С. 47–86. – ISSN1992-2043.

551. Богданова, Е.Е. Возмездность и эквивалентность в гражданском праве Российской Федерации / Е.Е. Богданова // Законодательство и экономика. – 2016. – № 5. – С. 19–25. – ISSN 0869-1983.

552. Брагинский, М.И. Предварительный договор в хозяйственных отношениях / М.И. Брагинский // Советское государство и право. – 1971. – № 3. – С. 103–108. – ISSN отсутствует.

553. Бублик, В.А. Эквивалентность прав и обязанностей как требование социальной справедливости / В.А. Бублик // Вопросы теории юридических обязанностей : тезисы II межвузовской научной конференции молодых ученых-юристов. – Воронеж, 1988. – С. 3–4. – ISBN отсутствует.

554. В.Л. Об ответственности справочных контор о кредитоспособности / В.Л. // Право. Еженедельная юридическая газета. – Санкт-Петербург. – 1909. – № 7 (15 февраля). – С. 436–446. – ISSN отсутствует.

555. Вавилин, Е.В. Методологический аспект в исследовании системы категорий науки гражданского права: философское измерение / Е.В. Вавилин, Г.В. Колодуб // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. Том 1. – С. 14–33. – ISSN отсутствует.

556. Василевская, Л.Ю. Договор и соглашение в гражданском праве: критерии разграничения понятий / Л.Ю. Василевская // Юрист. – 2017. – № 22. – С. 9–13. – ISSN 2500-0349.

557. Василевский, А.В. Правовая природа опциона на заключение договора / А.В. Василевский // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей. основан в 2016 году / Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. – Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2019. – С. 33–42. - ISSN отсутствует.

558. Велекжанина, А.А. Правовая природа опциона на заключение договора / А.А. Велекжанина // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 3 (31). – С. 141–146. – ISSN отсутствует.

559. Винавер, М.М. Гражданская хроника / М.М. Винавер // Вестник Гражданского права. – Санкт-Петербург. – 1913. – № 4 (Апрель). – С. 114–132. – ISSN1992-2043.

560. Витрянский, В.В. Недействительность договора и оспаривание договора: проблемы судебного толкования / В.В. Витрянский // Вестник гражданского права. – 2019. – № 6. – С. 35 – ISSN 1992-2043.

561. Витрянский, В.В. Новые типы гражданско-правовых договоров / В.В. Витрянский // Закон. – 1995. – № 6. – С.93. – ISSN 0869-4400.

562. Витрянский, В.В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства / В.В. Витрянский // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема. – Москва : Статут, 2011. – С. 288–336. - ISSN отсутствует.

563. Витрянский, В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства / В.В. Витрянский // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 1. – С. 26–59. – ISSN 1992-2043.

564. Витрянский, В.В. Специальные договорные конструкции в условиях реформирования гражданского законодательства / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. – 2011. – №10. – С. 3–17. – ISSN 0134-2398.

565. Волос, А.А. Юридическая квалификация смарт-контрактов / А.А. Волос // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: Теория и практика : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции – Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2019. – С. 20–23. - ISSN отсутствует.

566. Вольфсон, Ф.И. Новое Положение о государственных подрядах и поставках / Ф.И. Вольфсон // Еженедельник Советской Юстиции. – 1923. – № 32 (16 августа). – С. 726–728. – ISSN отсутствует.

567. Вышинский, А.Я. Революция и законность / А.Я. Вышинский // Советская юстиция. –1933. – № 5 (март). – С. 4–8. – ISSN отсутствует.

568. Гаврилов, В.Н. Феномен смарт-контракта: концептуальные вопросы теории и возможности юридической квалификации / В.Н. Гаврилов, С.М. Шебзухов // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 4. – С. 49–57. – ISSN 2072-9936.

569. Ганева, Е.О. Некоторые вопросы ответственности за неисполнение рамочного договора / Е.О. Ганева // Гражданское право. – 2022. – № 1. – С. 16 - 20. – ISSN 2070-2140.

570. Генкин, Д.М. / Д.М. Генкин // Советское государство и право. – 1949. – № 4 (апрель). – С. 57–59. – ISSN отсутствует.

571. Гладков, В.С. Государственный контракт как административный договор / В.С. Гладков // Эволюция государственных и правовых институтов в современной России. Ученые записки. – 2008. – Выпуск 6. – С. 78–82. – ISSN отсутствует.

572. Гойхбарг, А.Г. Источники договорного страхового права / А.Г. Гойхбарг // Вестник Гражданского права. – 1914. – № 2 (Февраль). – С. 36–71. – ISSN 1992-2043.

573. Голубцов, В.Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений / В.Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 3. – С. 396. – ISSN отсутствует.

574. Гольцов, В.Б. Разграничение договора и соглашения в гражданском праве / В.Б. Гольцов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3 (27). – С. 165–172. – ISSN отсутствует.

575. Горбачев, С.А. О специальных договорных конструкциях и их месте в системе гражданско-правовых договоров / С.А. Горбачев // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 3. – С. 107–114. –ISSN2072-9936.

576. Горшенев, В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В.М. Горшнев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118. – ISSN отсутствует.

577. Гребенщикова, Я.Б. Муниципальный контракт и публичный, предварительный договоры / Я.Б. Гребенщикова // Закон и право. – № 7. – 2007. – С. 107–108. – ISSN отсутствует.

578. Григорян, Т.Р. Правовая характеристика и сущность государственного контракта / Т.Р. Григорян // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 11–15. – ISSN 0131-6761.

579. Гринь, О. С. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения / О. С. Гринь, Е. С. Гринь, А. В. Соловьев // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 8 (153). – С. 51–62. - ISSN 1729-5920.

580. Груздев, В.В. Проблемы понимания гражданско-правового договора / В.В. Груздев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 2. – С. 97–102. – ISSN1992-8041.

581. Груздев, В.В. Соглашение о предоставлении опциона на заключение договора / В.В. Груздев // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 451. – С. 203–206. – ISSN отсутствует.

582. Гудовских, Т. С. Договор с открытыми условиями / Т.С. Гудовских // Гражданское право. – 2018. – № 4. – С. 36–39. – ISSN 2070-2140.

583. Демьяненко, Е.В. К вопросу о правовом регулировании смарт-контрактов / Е.В. Демьяненко // Юридическая деятельность в условиях цифровизации : сборник статьей по результатам международной научно-практической конференции ; под редакцией Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 134–139. - ISSN отсутствует.

584. Денисова, М.О. Ответственность и налогообложение в рамках договора каршеринга / М.О. Денисова. // Туристические и гостиничные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2015. – № 5. – С. 36–45. – ISSN отсутствует.

585. Дьяков, Ф.В. К вопросу о кооперативном кодексе СССР / Ф.В. Дьяков // Известия Правового факультета Азербайджанского государственного университета имени В.И. Ленина. – 1929. – Выпуск IV. – С. 63–82; 1929. – Выпуск V– VI. – С. 81–112. – ISBN отсутствует.

586. Егоров, А.В. Заранее оцененные убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от договора / А.В. Егоров // Вестник гражданского права. – 2022. – № 3. – С. 28–65. – ISSN1992-2043.

587. Егорова, Н.Е. Проблемы противоречий в законодательстве и пути их решения // Н.Е. Егорова, О.А. Иванюк, В.С. Потапенко // Журнал российского права. – 2003. - № 11 – С. 21-24. – Текст: электронный. – URL: https://wiselawyer.ru/polez№oe/15763-problemy-protivorechij-zako№odatelstve-puti-reshe№iya (дата обращения: 28.12.2023).

588. Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л.Г. Ефимова, О.Б. Сиземова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21–28. – ISSN 1812- 3945.

589. Зайцева, Н.В. Воплощение концепции реляционных контрактов в современной практике / Н.В. Зайцева // Журнал российского права. – 2021. – № 2. – С. 56–72. – ISSN1605-6590.

590. Зардов, Р.С. Договор в пользу третьего лица: отдельные теоретические и практические аспекты / Р.С. Зардов // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 5. – С. 15–24. – ISSN отсутствует.

591. Захаркина, А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации / А.В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 66– 82. – ISSN отсутствует.

592. Батурина, А.А. Непоименованные и смешанные договоры в законодательстве России и стран ближнего зарубежья: общие положения / АА. Батурина // Гражданское право. – 2023. – № 4. – С. 22–25. – ISSN 2070- 2140.

593. Елисеев, И.В. Предварительный договор в российском гражданском праве / И.В. Елисеев, М.В. Кротов, // Очерки по торговому праву : сборник научных трудов. – 2000. – Выпуск 7. – С. 44–75. – ISBN отсутствует.

594. Зинатуллин, З.З. Проблема обеспечения ответственности за совершение преступлений в современной России / З.З. Зинатуллин, С.В. Коржев // Российская юстиция. – 2011. – № 9. – С. 20–22. – ISSN 0131-6761.

595. Зинковский, М.А. Экономика и гражданский оборот: некоторые аспекты взаимосвязи / М.А. Зинковский // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 29–34. – ISSN отсутствует.

596. Иванов, К.О. Правовая природа договорной конструкции «Take or Pay» и ее место в современном российском праве / К.О. Иванов // Юридическая наука. – 2021. – № 12. – С. 109. – ISSN отсутствует.

597. Ильясов, М. Характеристика договоров в пользу третьих лиц / М. Ильясов // Современное право. – 2019. – № 1. – С. 57–59. – ISSN отсутствует.

598. Кабалкин, А.Ю. Регулирование договорных отношений в сфере обслуживания / А.Ю. Кабалкин // Советское государство и право. – 1981. – № 5 (май). – С. 58–67. – ISSN отсутствует.

599. Каминская, Е.И. Проявления принципа автономии воли в договорном праве США / Е.И. Каминская // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В.А. Кабатова : сборник статей. – Москва : Статут, 2006. – С. 103–127. – ISBN отсутствует.

600. Карапетов, А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ / А.Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 49–72. – ISSN 2500-2643.

601. Карташов, В.Н. Устаревшие юридические конструкции как проявления кризиса юридической науки и ее методологии(на примере норм права) / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2013. – № 12 (12). – С. 60–70. – ISSN отсутствует.

602. Кархалев, Д.Н. Рамочный и абонентский договоры в гражданском праве / Д.Н. Кархалев // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 2–5. – ISSN 0131-6761.

603. Кархалев, Д.Н. Предварительный договор / Н.Д. Кархалев // Современное право. – 2021. – № 7. – С. 60–63. – ISSN отсутствует.

604. Кванина, В.В. Детерминация смарт-контракта в гражданском обороте / В.В. Кванина, Н.Е. Савенко // Юридическая наука и практика. – 2022. – № 1. Том 8. – С. 22–28. – ISSN отсутствует.

605. Кирпичев, А.Е. Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России / А.Е. Кирпичев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 51–58. – ISSN 1992- 8041.

606. Клейн, Н.И. Заказы на товары народного потребления / Н.И. Клейн // Ученые записки / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – 1966. – Выпуск 9. – С. 63–79. – ISBN отсутствует.

607. Климова, А.Н. Смарт-контракт: доктринальные и законодательные аспекты / А.Н. Климова, Ю.Е. Попов // Новеллы права, экономики и управления 2020 : сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. – Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. – С. 125– 128. - ISBN отсутствует.

608. Коблов, А.С. Рамочный договор и договор с открытыми условиями как комплексные договорные конструкции / А.С. Коболов // Закон. – 2013. – № 1. – С. 133–140. – ISSN 0869-4400.

609. Козлова, Е.Б. Договор присоединения: новое в законодательстве и сохранившиеся проблемы доктрины и правоприменения / Е.Б. Козлова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 36–44. – ISSN 1992- 8041.

610. Комиссарова, Е.Г. Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике / Е.Г. Комиссарова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – № 1. Том 1. – С. 197– 216. – ISSN отсутствует.

611. Красавчиков, О.А. Гражданские организационно-правовые отношения / О.А. Красавчиков // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 50– 57. – ISSN отсутствует.

612. Кулаков, В.В. Формы участия третьих лиц в обязательстве / В.В. Кулаков. // Российский судья. 2009. – № 7. – С. 18–23. – ISSN отсутствует.

613. Кулик, Т.Ю. Доказательственные возможности смарт-контрактов / Т.Ю. Кулик // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8 (135). – С. 125–127. – ISSN отсутствует.

614. Курсаев, А.В. Отграничение принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения от вымогательства / А.В. Кураев. // Уголовное право. 2023. – № 9. – С. 11. – ISSN отсутствует.

615. Курц, Н.А. Государственный (муниципальный) контракт и договор присоединения: проблемы соотношения / Н.А. Курц // Право и экономика. – 2012. – № 1. – С. 19–24. – ISSN 0869-7671.

616. Курц, Н.А. Согласование условий госконтрактов / Н.А. Курц // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 6. – С. 7. – ISSN2500-0349.

617. Ландкоф, С.Н. Квартирный тариф или квартирная плата / С.Н. Ландкоф // Вестник Советской Юстиции. – 1927. – № 5 (1 марта). – С. 157. – ISSN отсутствует.

618. Лаптев, В.В. Хозяйственное право в условиях экономической реформы / В.В. Лаптев // Советское государство и право. – 1989. – № 2. - С. 34–45. – ISSN отсутствует.

619. Лебедев, К.К. Развитие системы договоров в России на современном этапе / К.К. Лебедев // Гражданское право: вызовы времени : материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летнему юбилею доктора юридических наук профессора А. Г. Диденко / ответственный редактор Е.В. Нестерова. – Алматы : ИК «Раритет», 2014. – С. 67-80. - ISBN отсутствует.

620. Левушкин, А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике / А.Н. Левушкин // Законы России: опыт, анализ, практика.– 2018. – № 8. – С. 30–35. – ISSN 1992-8041.

621. Левушкин, А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры / А.Н. Левушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 19–26. – ISSN отсутствует.

622. Лубягина, Д.В. Опционный договор / Д. В. Лубягина, А. И. Бычков // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 1 (172). – С. 67–72. – ISSN отсутствует.

623. Майборода, Т.Ю. Правовая природа цифровых прав как гражданско-правовой категории / Т.Ю. Майборода // Современная наука:

актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – № 11. – С. 144–146. – ISSN отсутствует.

624. Малеина, М.Н. Абонентский договор. Комментарий к статье 429.4 Гражданского кодекса РФ / М.Н. Малеина // Гражданское право. – 2020. – № 5. – С. 3–7. – ISSN 2070-2140.

625. Малеина, М.Н. Договорные конструкции: понятие, классификации, место в гражданском законодательстве / М.Н. Маленина // Гражданское право. – 2021. – № 3. – С. 9–12. – ISSN 2070-2140.

626. Малеина, М.Н. Типовой договор (контракт) в гражданских отношениях / М.Н. Маленина // Гражданское право. – 2022. – № 4. – С. 3–6. - ISSN 2070-2140.

627. Малышев, К.И. О биржевых и фондовых сделках на срок / К.И. Малышев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1871. – Книга 3. – С. 50. – ISBN отсутствует.

628. Матвеева, Е.Ю. Абонентский договор как правовое средство, обеспечивающее рационализацию имущественного оборота: исторический аспект и современность / Е.Ю. Матвеева // Хозяйство и право. – 2024. – № 2 (565). – С. 17–25. – ISSN 0134-2398.

629. Матвеева, Е.Ю. Государственные закупки в оценке советской цивилистики в 20-х годах XX века / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 12. – С. 59–66. – ISSN 2220-5500.

630. Матвеева, Е.Ю. Государственный (муниципальный) контракт и договор присоединения / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2023. – № 3. – С. 72–76. – ISSN 2220-5500.

631. Матвеева, Е.Ю. Государственный (муниципальный) контракт как правовая форма удовлетворения публичных нужд и специальная договорная конструкция / Е.Ю. Матвеева // Современная наука: актуальные проблемы

теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – № 9. – С. 99–102. – ISSN 2223-2974.

632. Матвеева, Е.Ю. Государственный контракт в оценке отечественной дореволюционной цивилистики / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 11. – С. 163–168. – ISSN 2220-5500.

633. Матвеева, Е.Ю. Договор присоединения: оценка советским правом в 20-х - 30-х годах XX столетия / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 1. – С. 21–25. – ISSN 2220-5500.

634. Матвеева, Е.Ю. Договор присоединения: оценка советским правом в 40-х – 80-х годах XX столетия / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 2. – С. 39–44. – ISSN 2220-5500.

635. Матвеева, Е.Ю. Исторический генезис конструкции публичного договора / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 11. – С. 72–80. – ISSN 2220-5500.

636. Матвеева, Е.Ю. Конститутивные признаки контрактов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как средства права / Е.Ю. Матвеева // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8 (147). – С. 162–163. – 2073-4506.

637. Матвеева, Е.Ю. Критика концепции отнесения рамочного договора к организационным договорам / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 8. – С. 19–24. – ISSN 2220-5500.

638. Матвеева, Е.Ю. О понятии предмета имущественного договора / Е. Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 8. – С. 34–36. – ISSN 2220- 5500.

639. Матвеева, Е.Ю. О термине «специальные договорные конструкции» / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 5. – С. 52– 56. – ISSN 2220-5500.

640. Матвеева, Е.Ю. Правовая природа смарт-контракта / Е.Ю. Матвеева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 6 (273). – С. 97-104. – ISSN 2072-4098.

641. Матвеева, Е.Ю. Предварительный договор в оценке отечественной дореволюционной цивилистики / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2021. – № 9. – С. 20–25. – ISSN 2220-5500.

642. Матвеева, Е.Ю. Предварительный договор в оценке советской юридической науки / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 7. – С. 19–26. – ISSN 2220-5500.

643. Матвеева, Е.Ю. Применение договоров в пользу третьего лица в страховой деятельности / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2020. – № 9. – С. 7–10. – ISSN 2220-5500.

644. Матвеева, Е.Ю. Публичный договор, заключаемый посредством присоединения: вопросы применения статей 426 и 428 ГК РФ / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2023. – № 3. – С. 203– 209. – ISSN 2220-5500.

645. Матвеева, Е.Ю. Рамочный договор как специальная договорная конструкция / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 7. – С. 57–62. – ISSN 2220-5500.

646. Матвеева, Е.Ю. Специальная договорная конструкция договора в пользу третьего лица как специальная договорная конструкция в праве России / Е.Ю. Матвеева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – С. 151–155. – ISSN 2220-2404.

647. Матвеева, Е.Ю. Специальные договорные конструкции – дефинитивное определение / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 5. – С. 69–76. – ISSN 2220-5500.

648. Матвеева, Е.Ю. Специальные договорные конструкции и метод периодизации развития отечественной науки / Е.Ю. Матвеева // Закон и власть. – 2022. – № 2. – С. 22–28. – ISSN 2587-831X.

649. Матвеева, Е.Ю. Специальные договорные конструкции как категория юридической науки / Е.Ю. Матвеева // Закон и власть. – 2022. – № 2. – С. 43–48. – ISSN 2587-831X.

650. Мильков, М.А. Исполнение обязательства третьему лицу / М.А. Мильков // Закон. – 2012. – № 7. – С. 132–137. – ISSN 0869-4400.

651. Морозов, С.Ю. Некоторые проблемы, связанные с определением правовой природы гражданско-правовых организационных договоров / С.Ю. Морозов // Российская юстиция. – 2015. – № 7. – С. 11–14. – ISSN 0131- 6761. – ISSN отсутствует.

652. Морозов, С.Ю. Методологическая роль юридических конструкций в цивилистических исследованиях / С.Ю. Морозов // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019.– № 1. Том 1. – С. 312–336.

653. Морозова, Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) / Л.А. Морозова // Lex russica. – 2017. – №6. – С. 32–38. – ISSN отсутствует.

654. Мустафин, Р.Ф. Опцион на заключение договора об отчуждении доли в уставном капитале / Р.Ф. Мустафин // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 60–69. – ISSN отсутствует. - URL: https://pro-sud-123.ru/journals/2017/01/06_Мустафин_РФ.pdf?ysclid=m3ue6ctpf7268344302 / (дата обращения: 28.12.2023).

655. Мустафин, Р.Ф. Опционный договор как специальная договорная конструкция / Р.Ф. Мустафин, С.А. Мустафина // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 8 (164). – С. 94–99. – ISSN отсутствует.

656. Мухамеджанова, А. Рамки рамочного договора / А. Мухамеджанова // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 41. – С. 12. – ISSN 2500-0349.

657. Никитин, А.В. О переадресовании исполнения обязательства третьему лицу / А.В. Никитин // Российский юридический журнал. – 2017. – № 2. – С. 93–98. – ISSN отсутствует.

658. Новиков, Р.В. К вопросу о понятии и сфере применения смарт-контрактов / Р.В. Новиков // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 431–440. – ISSN отсутствует.

659. Новоселова, Л. «Токенизация» объектов гражданского права / Л. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12 (491). – С. 29–44. - ISSN 0134- 2398.

660. Огнев, В.Н. Субдоговор и иные формы участия третьих лиц в исполнении обязательств/ В.Н. Огнев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 145–50. – ISSN отсутствует.

661. Огородов, Д.В. К вопросу о видах смешанных договоров в частном праве / Д.В. Огородов, М.Ю. Челышев // Законодательство и экономика. – 2006. – № 2. – С 60-65. – ISSN 0869-1983.

662. Ойгензихт, В.А. Регулятивная функция хозяйственного договора как элемента нового хозяйственного механизма / В.А. Ойгензихт // Экономико-правовые проблемы перестройки хозяйственного механизма.— Москва : АН СССР, Институт государства и права.— 1989.— С. 91–94. – ISBN отсутствует.

663. Олейник, Е.В. Смарт-контракт: понятие и перспективы развития в России / Е. В. Олейник // Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система : материалы VI Международного научного конгресса, Москва ; под научной редакцией А.В. Шарковой, О.Н. Васильевой, Б. Оторовой. – Москва :

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. – С. 309–313. - ISBN отсутствует.

664. Орлов, Г.Н. Особенности опционных договорных конструкций и правоприменительная практика / Г.Н. Орлов // Российский судья. – 2018. – № 8. – С. 12–17. – ISSN отсутствует.

665. Оршанский, И.Г. Роль казенного интереса в русском праве / И.Г. Оршанский // Судебный Журнал, 1875. – Книга I. – С. 1– 52. – ISBN отсутствует.

666. Павлодский, Е.А. Правовое регулирование опционов / Е.А. Павлодский // Цивилист. – 2006. – № 3. – С. 12–15. – ISSN отсутствует.

667. Панов, Н.И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки / Н.И. Панов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 4 (267). – С. 18–29. – ISSN отсутствует.

668. Панов, Н.И. Проблемы методологи формирования категориально-понятийного аппарата юридической науки / Н.И. Панов // Проблемы законности. – 2014. – № 126. – С. 3–13. – ISSN отсутствует.

669. Пиголкин, А.С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования / А.С. Пиголкин // Ученые записки / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства, 1971. – Выпуск 24. – С. 18–34. – ISBN отсутствует.

670. Подузова, Е.Б. Рамочный договор (договор с открытыми условиями): первые итоги реформы гражданского права / Е.Б. Подузова // Lex russica. – 2017. – № 6 (127). – С. 116–128. – ISSN ISSN 1729-5920.

671. Подузова, Е.Б. Рамочный договор в современном гражданском праве / Е.Б. Подузова // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 3 (28). – С. 299–304. – ISSN отсутствует.

672. Подузова, Е.Б. Новые договорные конструкции в свете законопроекта о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ / Е.Б. Подузова // Закон. – 2014. – № 8. – С. 119–124. – ISSN 0869-4400.

673. Покровская, О.С. Рамочный договор и его роль в защите законных интересов и прав участников срочных сделок / О.С. Покровская // Финансы и кредит. – 2009. – № 6 (342). – С. 50– 60. – ISSN отсутствует.

674. Пушилина, Е.Э. Проблема регулирования смарт-контрактов нормами гражданского права РФ / Е.Э. Пушилина // Процветание науки. – 2022. – № 4 (10). – С. 47–56. – ISSN отсутствует.

675. Раевич, С.И. К вопросу об эквивалентности: Проблема эквивалентности в практике обобществленного сектора / С.И. Раевич // Советское государство и революция права. –1930. – № 4 (Апрель). – С. 79–83. – ISSN отсутствует.

676. Райников, А.С. Проблемы применения рамочных договоров (договоров с открытыми условиями) / А.С. Райников // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3 (82). – С. 37–46. – ISSN отсутствует.

677. Ралько, В.В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве / В.В. Ралько // Нотариус. – 2016. – № 5. – С. 38– 44. – ISSN отсутствует.

678. Романенко, Н.С. Характеристика эквивалентности в российском гражданском праве / Н.С. Романенко // Право и политика. – 2007. – № 11. – С. 47-49 – ISSN отсутствует.

679. Романец, Ю.В. Гражданско-правовой принцип эквивалентности как выражение принципа справедливости / Ю.В. Романец // Законодательство. – 2012. – № 5. – С. 11–22. – ISSN 2658-4301.

680. Ромашов, Р.А Статья: Обзор межвузовской научно-практической конференции «Правовые аспекты свободы личности», Санкт-Петербург,

26 января 2009 г. / А.В. Ромашов // История государства и права. – 2009. – № 7. – С. 56-60 – ISSN отсутствует.

681. Рутман Л.М. Правовое регулирование локальных хозяйственных отношений / Л.М. Рутман // Советское государство и право. –1984. – № 8 (август). – С. 51–56. – ISSN отсутствует.

682. Рыженков, А.Я. Принцип защиты экономически слабой стороны в предпринимательских правоотношениях / А.Я. Рыженков. // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 13–16. ISSN 2070-2140.

683. Садиков, О.Н. Гражданско-правовое регулирование государственной промышленности в Венгерской Народной Республике / О.Н. Садиков // Советское государство и право. – 1954. – № 5. – С. 115–120. – ISSN отсутствует.

684. Салтыков, К.Г. Семантизация термина в юридическом тексте / К.Г. Салтыков // Современное право. – 2015. – № 11. – С. 5–10. – ISSN отсутствует.

685. Свиридова, Н.В. Гражданско-правовой и трудовой договоры: вопросы правовой квалификации и переквалификации / Н.В. Свиридова, А.И. Гончаров // Социальное и пенсионное право. – 2008. – № 3. – С 80-83. – ISSN отсутствует.

686. Севеева, К.В. Правовая природа опционных соглашений в корпоративном праве / К.В. Севеева // Хозяйство и право. – 2023. – № 4. – С. 23–41. – ISSN 0134-2398.

687. Сейнароев, Б.М. Соотношение публичного договора с договором присоединения / Б.М. Сейнароев // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1999. – №10. – С. 108–112. – ISSN отсутствует.

688. Селивановский, А. Рамочные факторинговые договоры / А. Селивановский // Хозяйство и право. – 2009. – № 8 (391). – С. 15–19. - ISSN 0134-2398.

689. Семякин, М.Н. Опционные договорные конструкции в системе правового обеспечения предпринимательской деятельности: юридическая природа / М.Н. Семякин // Юрист. – 2022. – № 10. – С. 23–32 –ISSN 2500-0349.

690. Серебровский, В.И. Обзор иностранных журналов по вопросам гражданского права / В.И. Серебровский // Ученые записки. 1939. – Выпуск I. – С. 148–160. – ISSN отсутствует.

691. Серкина, А.В. Смарт-контракт: юридическая природа и сфера его применения / А.В. Серкина, О.В. Борисова // Студенческие научные исследования : сборник статей XII Международной научно-практической конференции. В 2 частях – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 98–101. - ISBN отсутствует.

692. Симолин, А.А. Значение изучения отдельных элементов юридических институтов (Речь на докторском диспуте в Казанском Университете 23 октября 1916 года) / А.А. Симолин // Право. Еженедельная юридическая газета. –1916. – № 50 (18 декабря). – С. 2749–2757. – ISSN отсутствует.

693. Ситдикова, Л.Б. Гражданско-правовая характеристика публичности и присоединения в договоре возмездного оказания информационных услуг / Л.Б. Ситдикова // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 1 (7). – С. 87–96. – ISSN отсутствует.

694. Соломин, С.К. К вопросу о недопустимых средствах защиты прав по договору лизинга транспортного средства / С.К. Соломин // Хозяйство и право. – 2023. – № 1. – С. 3–13. – ISSN 0134-2398.

695. Соломин, С.К. Реализация принципа свободы договора в контексте заключения смешанного договора / С.К. Соломин // Право и экономика. – 2011. – № 10. – С. 41–44. – ISSN 0869-7671.

696. Соломин, С.К. Некоторые аспекты учения о переводе долга: соглашение между первоначальным должником и новым должником /

С.К. Соломин, Н.Г. Соломина // Право и экономика. – 2018. – № 10. – С. 53– 63. - ISSN 0869-7671.

697. Сорокина, Ю.В. Юридическая конструкция как результат правовой интерпретации / Ю.В. Сорокина, Н.В. Малиновская // Юридическая техника. – 2013. – № 7–2. – С. 721–726. – ISSN отсутствует.

698. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву : сборник статей ; ответственный Редактор О. С. Иоффе. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1957. – С. 21–64. – ISBN отсутствует.

699. Таль, Л.С. Очередные вопросы в области гражданского права (Литературное обозрение): Новая категория договоров / Л.С. Таль // Вестник Гражданского права. –1914. – № 1 (Январь). – С. 134–145. – ISSN 1992-2043.

700. Тарасов, Н.Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) / Н.Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2000. – № 3 (27). – С. 25–36. – ISSN отсутствует.

701. Татаренко, В.И. Понятие и система типовых (специальных) договорных конструкций в гражданском праве / В.И. Татаренко // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 4 (43). – С. 136–140. – ISSN отсутствует.

702. Тиунов, О.Н. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права / О.И. Тиунов, Б.Г. Манов // Журнал российского права. – 2008. – № 6. – ISSN 1605-6590.

703. Тихомиров, Ю.А. Юридические противоречия и «нормы - посредники» / Ю.А. Тихомиров // Право и экономика. – 1999. – №5. – ISSN 0869-7671.

704. Тощенко, Ж.Т. О понятийном аппарате социологии / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 3–16. – ISSN отсутствует.

705. Федоров, Д.В. Take or Pay: в поисках каузы / Д.В. Федоров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 5–33. – ISSN 2500-2643.

706. Филиппова, С.Ю. Право и Бизнес : сборник / С.Ю. Филиппова // Юрист. - 2012. – С. 474–482. – ISBN отсутствует.

707. Филиппова, С.Ю. Об основаниях выделения «новых» договоров: опыт инструментального подхода к построению законодательства о договорах / С.Ю. Филиппова // Законодательство. – 2012. – № 6. – С. 40–45. – ISSN 2658- 4301.

708. Филиппова, С.Ю. Концепция науки гражданского права как объекта цивилистического исследования / С.Ю. Филиппова // Образование и право. – 2017. – № 4. – С. 158–163. – ISSN 2076-1503.

709. Фоминова, Е.М. Гражданско-правовая характеристика смарт-контрактов / Е.М. Фоминова, А.Е. Коптенков // Энигма. – 2021. – № 31. – С. 41–44. – ISSN отсутствует.

710. Фролов, А. Обязательства опционного типа в российском гражданском праве / А. Фролов // Хозяйство и право. – 2016. – № 12 (479). – С. 83–89. – ISSN 0134-2398.

711. Хижняк, С.П. Семантические свойства юридического термина / С.П. Хижняк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 104– 112. – ISSN 2072-3024.

712. Цатурян, Е.А. Государственный контракт как специальная договорная конструкция / Е.А. Цатурян // Законодательство. – 2013. – № 11. – С. 13. – ISSN 2658-4301.

713. Цокур, Е.Ф. Договор с исполнением по требованию (абонентский договор): Отдельные аспекты гражданско-правового регулирования / Е.Ф. Цокур, Г.С. Швырев // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 3 (66). – С. 149–154. - ISSN 2223-1560.

714. Червонюк, В.И. Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Выпуск шестой. Элементарные частицы («вещество») права. Юридические средства и юридические механизмы в структурной организации права (в двух частях). Часть вторая: Юридический инструментарий действия права: правовые средства / В.И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 5. – С. 26–32. – ISSN 2073-0454.

715. Чупрунова, Л.М. Некоторые договорные формы в практике внешнеторговых объединений / Л.М. Чупрунова // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей : труды кафедры международного частного и гражданского права / Московский государственный институт международных отношений. – 1979. – С. 99–108. – ISBN отсутствует.

716. Чернобель, Я.А. Опционные конструкции в Гражданском кодексе РФ / Я.А. Чернобель // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2016. – № 1. – С. 110–121. – ISSN 2686- 7915.

717. Чернышов, П.Ю. Сферы применения опционных договоров (опционов) в праве России и зарубежных стран / П.Ю. Чернышов, Ю.В. Холоденко // Хозяйство и право. – 2022. – № 7. – С. 77 – 83. – ISSN 0134-2398.

718. Чурилов, А.Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта / А.Ю. Чурилов // Юрист. – 2020. – № 7. - С. 25–30. – ISSN 2500- 0349.

719. Шейндлин, Б.В. О характере служебной роли советского социалистического права / Б.В. Шейндлин // Вопросы советского государства и права –1955. – С. 46–69. - ISBN отсутствует.

720. Шкундин, З.И. Общее учение о договорах / З.И. Шкундин, М.С. Липецкер // Арбитраж. – Юридическое издательство НКЮ СССР. - 1938. – № 23 (5 декабря). – 32 с. – ISSN отсутствует.

721. Шпинев, Ю.С. Публичный договор и договор присоединения: сходства, различия, проблемы / Ю.С. Шпинев // Colloquium-Joural. – 2020. – № 3–9 (55). – С. 23–26. – ISSN отсутствует.

722. Юренкова, О.С. Некоторые проблемы применения специальной договорной конструкции предварительного договора / О.С. Юренкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 1. – С. 73–78. – ISSN отсутствует.

723. Юренкова, О.С. Понятие и признаки специальных договорных конструкций / О.С. Юренкова // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 2 (110). – С. 77–79. – ISSN отсутствует.

Электронные ресурсы

724. Библиотека типовых контрактов, типовых условий контракта / Единая информационная система в сфере закупок : официальный сайт. – Москва. – Текст: электронный. – URL: https://zakupki.gov.ru/epz/btk/search/results.html (дата обращения: 28.12.2023).

725. Большой академический словарь : официальный сайт. – Москва. – Текст: электронный. - URL: https://dic.academic.ru/dic.№sf/e№c3p/162406 (дата обращения: 28.12.2023).

726. Большой энциклопедический словарь / главный редактор А.М. Прохоров. – Москва. - - URL: https://dic.academic.ru/dic.№sf/e№c3p/162406 (дата обращения: 28.12.2023).

727. Единый электронный каталог РГБ / Российская государственная библиотека : официальный сайт. – Москва. – Текст: электронный. – URL: https://search.rsl.ru/ru/search#vc=12.00.00&q=title%3A (дата обращения: 28.12.2023).

728. Единая информационная система в сфере закупок : официальный сайт. – Текст: электронный. – URL: https://ya.ru/search/?text=zakupki.gov.ru&lr=213&clid=2175661&src=suggest_B (дата обращения: 28.12.2023).

729. Толковый словарь Даля онлайн : официальный сайт. – Москва. – Текст: электронный. – URL: https://slovardalja.№et/word.php?wordid=13727 (дата обращения: 28.12.2023).

730. Толковый словарь Ожегова онлайн : официальный сайт. – Москва. – Текст: электронный. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=11749 (дата обращения: 28.12.2023).